

ISSN: 2542-212X

Кавказология

Caucasology

I

2018

Кавказология

Caucasology

№ 1 / 2018

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-1

<i>Свидетельство о регистрации</i>	Эл № ФС77-59844 от 17 ноября 2014
ISSN	2542-212X
<i>Периодичность</i>	4 раза в год
<i>Учредитель/Издатель</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
Е-mail редакции	caucasology.kbsu@gmail.com
URL-адрес издания	http://www.kbsu.ru/nauchnye- izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, директор Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, директор Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, ректор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, президент Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афаковна, ректор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, директор Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллери Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Director, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, Director, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Rector, Russian State University for the Humanities (RGGU), Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, President, Kabardinj-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Rector, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Director, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор

Боров Аслан Хажисмелович

Редакционная коллегия

Башиева С.К. (заместитель главного редактора),
Мусукаева А.Х. (заместитель главного редактора),
Аликаев Р.С. (заместитель главного редактора),
Азикова Ю.М. (ответственный секретарь),
Баразбиев М.И., Бозиева Н.Б., Борова А.Р.,
Геляева А.И., Гукепшочков М.Х., Дзамихов К.Ф.,
Кажаров А.Г., Камбачочков А.М., Каранашев А.Х.,
Карданов М.Л., Кетенчиев М.Б., Кимов Р.С.,
Кочесоков Р.Х., Кузьминов П.А., Кучукова З.А.,
Мамсиров Х.Б., Марченко Ю.В., Муратова Е.Г.,
Сабанчиев Х.-М.А., Тамазов М.С., Текуева М.А.,
Тенов Т.З., Тимижев Х.Т., Тхагапсоев Х.Г., Шидов А.Х.

Editor-in-Chief

Borov Aslan Hazhismelovich

Editorial board

Bashieva S.K. (Deputy Editor-in-Chief),
Musukaeva A.Kh. (Deputy Editor-in-Chief),
Alikaev R.S. (Deputy Editor-in-Chief),
Azikova Yu.M. (Executive Secretary),
Barazbiev M.I., Bozieva N.B., Borova A.R., Gelyaeva A.I.,
Gukepshokov M.Kh., Dzamikhov K.F., Kazharov A.G.,
Kambachokov A.M., Karanashev A.Kh., Kardanov M.L.,
Ketenchiev M.B., Kimov R.S., Kochesokov R.Kh.,
Kuzminov P.A., Kuchukova Z.A., Mamsirov Kh.B.,
Marchenko Yu.V., Muratova E.G., Sabanchiev H.-M.A.,
Tamazov M.S., Tekueva M.A., Tenov T.Z.,
Timizhev Kh.T., Thagapsoev Kh.G., Shidov A.X.

СОДЕРЖАНИЕ***ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ*****Тхагапсоев Х.Г.**

Когда политикой правит культура: К особенностям постсоветской трансформации бытия кавказских этносов **12-36**

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА**Трапш Н.А., Шафранова О.И.**

Проблемы исторической интерпретации ранних эпических форм в дореволюционной и советской историографической традиции **37-65**

Чегарнова В.Н.

Актуальные проблемы изучения истории государственной службы на Северном Кавказе **66-79**

Кузьминов П.А.

Реформа сословно-поземельных отношений у народов Северного Кавказа в XIX веке: от «горского общества» к обществу крестьянскому **80-113**

Геграев Х.К.

Факторы этнической адаптации и воспроизводства населения в горных условиях: Балкария конца XVIII – начала XX века **114-130**

Булатов Б.Б., Османов А.И., Сефербеков Р.И.

Трансформация хозяйства, быта и культуры народов Дагестана в советский и постсоветский периоды **131-156**

ЯЗЫКИ, ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА**Кажарова И.А.**

Абдул Пшеноков в воспоминаниях М.Ш. Нуримановой **157-178**

Хежева Л.Х., Карданова З.М.

Эволюция современной кабардино-черкесской поэзии: основные мотивы, поэтика **179-190**

КАВКАЗ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ**Дегоев В.В.**

Кавказская «обочина» мировой политики XX века

191-207**Узнародов И.М.**

Политика Европейского союза на Южном Кавказе в контексте отношений с Россией

208-222***ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА*****Хамдохова Ж.М.**

Ресурсообеспеченность как фактор социальной стратификации: на материалах по Кабардино-Балкарской Республике

223-244***ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ*****Боров А.Х.**

Устойчивое развитие и демократия: концептуальный анализ

245-270

Наши авторы**271-272**

CONTENTS***GENERAL PROBLEMS*****Tkhagapsoev Kh.G.**

When Politics is Ruled by Culture: on the Peculiarities of the Post-Soviet Transformation of the Caucasian Ethnic Communities' Modes of Being **12-36**

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY OF THE CAUCASUS**Trapsh N.A., Shafranova O.I.**

Problems of Historical Interpretation of Early Epic Forms in Pre-Revolutionary and Soviet Historiography **37-65**

Chegarova V.N.

The Topical Issues in the Study of the History of Public Service in the North Caucasus **66-79**

Kuz'minov P.A.

19th Century Reform of Estates and Land Relations of the Peoples of the North Caucasus: from "Mountain" to Peasant Society **80-113**

Gegraev H.K.

Factors of Ethnic Adaptation and Reproduction of the Population in Highland Environment: Balkaria at the end of the 18th – early 20th Centuries **114-130**

Bulatov B.B., Osmanov A.I., Seferbekov R.I.

Transformation of Economy, Everyday Life and Culture of the Peoples of Dagestan in the Soviet and Post-Soviet Periods **131-156**

LANGUAGES, FOLKLORE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS**Kazharova I.A.**

Abdul Pshenokov in M.Sh. Nurimanova's Memories **157-178**

Khezheva L.Kh., Kardanova Z.M.

Evolution of the Modern Kabardin-Circassian Poetry: Main Motives, Poetics **179-190**

THE CAUCASUS IN INTERNATIONAL AFFAIRS**Degoev V.V.**The Caucasus «Roadside» of the 20th Century World Politics**191-207****Uznarodov I.M.**

The European Union's Policy in the South Caucasus in Context of Relations with Russia

208-222***PROBLEMS OF CONTEMPORARY SOCIETY*****Khamdokhova Zh.M.**

Availability of Resources as the Basis of Social Stratification: by the Case of Kabardin-Balkar Republic

223-244***POLITICAL INSTITUTIONS AND PROCESSES*****Borov A.H.**

Sustainable Development and Democracy: Conceptual Analysis

245-270

Our authors**271-272**

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК 93/94(470.6)

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-1-12-36

**КОГДА ПОЛИТИКОЙ ПРАВИТ КУЛЬТУРА: К ОСОБЕННОСТЯМ
ПОСТСОВЕТСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БЫТИЯ КАВКАЗСКИХ
ЭТНОСОВ****Х.Г. ТХАГАПСОВ**

*ФГБОУ ВО Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.*

E-mail: gapsara@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей постсоветской трансформации социально-культурного и политического бытия в кавказских республиках. Подчеркивается, что эти особенности не поддаются объяснению на основе теории демократического транзита. Показано, что постсоветские процессы в кавказском регионе детерминированы не только логикой и содержанием российских либеральных реформ, но и обширным набором специфических факторов этнокультурного порядка, в ряду которых особое место занимают историческая память, традиционные формы и механизмы самоорганизации и социокультурной коммуникации кавказских этносов. Выделены основные этапы постсоветской трансформации на Северном Кавказе, охарактеризованы их содержания. Утверждается, что в кавказских республиках на различных этапах постсоветской трансформации менялся и тип востребованного политического лидера. Выявлен и описан такой необычный феномен постсоветских процессов как «власть отвергнутых лидеров». Особое внимание уделено роли гендерного фактора в процессах постсоветской трансформации на Кавказе. Утверждается, что эти трансформационные процессы в кавказском регионе сопровождались «гендерной инверсией» и распространением мужского алкоголизма. Анализируются особенности современной культурной и политической жизни в кавказских этнических республиках и тенденции их развития.

Ключевые слова: политика; культура; кавказские этносы; социальная трансформация; факторы детерминации трансформационных процессов; гендерное бытие; этатизм.

**WHEN POLITICS IS RULED BY CULTURE: ON THE PECULIARITIES OF
THE POST-SOVIET TRANSFORMATION OF THE CAUCASIAN ETHNIC
COMMUNITIES' MODES OF BEING****Kh.G. TKHAGAPSOEV**

*FSBEI HE Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov.
360004, Nalchik, Chernyshevsky street, 173*

E-mail: gapsara@rambler.ru

Abstract. The article presents the analysis of the peculiarities of the post-Soviet transformation of socio-cultural and political life in the Caucasian republics. It is emphasized that these features cannot be explained on the basis of the theory of democratic transition. It is shown that the post-

Soviet processes in the Caucasus region are determined not only by the logic and content of Russian liberal reforms, but also by a wide range of specific factors of the ethnocultural realm, among which a special place is occupied by historical memory, traditional forms and mechanisms of self-organization and socio-cultural communication of the Caucasian ethnic groups. The main stages of the post-Soviet transformation in the North Caucasus are defined and their contents are characterized. It is alleged that in the Caucasian republics, at the various stages of the post-Soviet transformation, the type of political leader in demand has also changed. An unusual phenomenon of the post-Soviet processes was identified and described as «the power of rejected leaders». Particular attention is paid to the role of the gender factor in the processes of post-Soviet transformation in the Caucasus. It is alleged that these transformational processes in the Caucasus region were accompanied by «gender inversion» and the spread of male alcoholism. The features of contemporary cultural and political life in the Caucasian ethnic republics and the trends of their development are analyzed.

Key words: politics; culture; Caucasian ethnoses; social transformation; determining factors of the transformation; gender being; gender revolution; etatism.

1. К постановке вопроса

Отечественная социально-гуманитарная наука вплоть до 2000-х годов пыталась сложные и противоречивые постсоветские социально-политические и культурно-исторические процессы интерпретировать на основе западных представлений – как «демократический транзит» [Карл, Шмиттер 2004]. Но уже к 1996 г. (в «пору позднего Ельцина») стало очевидно, что невозможно выразить происходящее в России и на постсоветском пространстве на основе этой концепции- ведь демократический транзит предполагает, прежде всего, рациональную деятельность по формированию институтов и процедур демократии, демократической политической культуры и консолидации общества на ее основе, а реально происходящее на просторах бывшего СССР имело мало общего с подобным «транзитом» [Tkhaqarsoev 2006]. Не помогло и введение в дискурсивный оборот приверженцами теории транзита различных дополнительных (ad-hoc) гипотез и моделей как «дефектная демократия», «типы транзита», «типы траектории транзита», которые были призваны хоть как-то спасти ее (теории) репутацию [Красин 2003]. Особенно своеобразными (если не парадоксальными) оказались постсоветские процессы в социальном пространстве и исторических судьбах кавказских этносов. Дело в том, что кавказский мир в российских дискурсах всегда подавался и ныне подается не иначе как некий, не затронутый модернизацией (архаичный) край, обитаемый множеством едва ли не взаимно враждебных этносов [Боров, Кочесоков 2011; Боров, Муратова 2011]. Однако, если встать на подобную позицию, невозможно понять, а тем более – объяснить, почему в сложную и опасную пору распада СССР в условиях слабой ельцинской власти (в 90-х годах), когда несметное количество оружия бесконтрольно обращалось на всем постсоветском пространстве (особенно в кавказском регионе) Кавказ не стал ареной «войны всех этносов против всех этносов». Напротив, все здесь ограничилось в основном обострением давних непростых отношений армян и азербайджанцев и кратковременным осетино-ингушским конфликтом, если не считать «бунт» чеченских националистов (случившийся скорее из-за просчетов

ельцинской власти). Как такое стало возможно? Ответ (если угодно – разгадка) кроется, на наш взгляд, прежде всего в ментальных и культурных особенностях кавказского мира, которые в общем известны сами по себе, но почему-то с должной системностью не соотносятся с политической историей и политическим бытием этносов Кавказа, в том числе – с постсоветскими процессами.

Между тем, Пьер Бурдьё, который ввел в социологию политики и власти смысловой мир культуры и формы его организации (символический капитал, символическое насилие, габитус), подчеркивал, что попытки критически осмыслить свою культуру неизбежно приводят к политике, указывая на взаимную связь и взаимную детерминацию культуры, политики и власти [Бурдьё 1993].

Мы и отталкиваемся от этой мысли Бурдьё в поисках корреляций между социально-культурными и ментальными особенностями кавказских этносов (кавказского социума), с одной стороны, и особенностями постсоветских культурно-исторических и политических процессов на Кавказе – с другой. Разумеется, здесь необходимо учитывать, по возможности, и многочисленные внешние факторы, и контекстные обстоятельства, под влиянием которых разворачивались постсоветские трансформационные процессы. В частности, речь идет о глобализации мира, геополитической ситуации в 90-х годах, а также о бытующих в этом регионе формах и механизмах межэтнической и внутриэтнической коммуникации, поскольку, когда речь идет о Кавказе, акты публичной социально-культурной коммуникации порой значат гораздо больше, чем формальные политические институты и правовые механизмы, оказывая влияние на все происходящее в жизни социума [Тхагапсоев 2008: 91-99].

Круг факторов детерминации постсоветской трансформации на Кавказе далеко не исчерпывается изложенным – следует еще учесть хотя бы:

- характер расселения этносов на Кавказе;
- религиозно-конфессиональную ситуацию в кавказском регионе;
- отношение (а точнее – оценочные позиции) кавказских этносов к роли советской системы и советской эпохи в их культурно-историческом развитии.

И, наконец, особое место в жизни и поведенческих стратегиях этносов занимает такой непростой феномен, как историческая память, с чего мы и начнем анализ постсоветских процессов в регионе и их детерминаций.

2. Факторы детерминации постсоветских трансформаций бытия кавказских этносов

Топосы исторической памяти. Историческую память мы понимаем в том достаточно укорененном ныне варианте, который восходит к идеям и представлениям П. Нора [Нора 1999; Нора 2005]. Это набор передаваемых из поколения в поколение исторических преданий и мифов, т.е. субъективно преломленных нарративов о прошлом, особенно – негативного плана (жестокие войны, угнетение и несправедливости в отношении народа). Главное в данном случае заключается в том, что историческая память является формой

коллективной (социальной) памяти, которая проявляется спонтанно в повседневности, в культурных образах и стереотипах, поведенческих стратегиях, политических предпочтениях и акциях, выступая, таким образом, не только как элемент культуры, но и ресурс социальной активности.

Историческая память кавказских этносов – это сложный феномен, включающий в себя множество аспектов и компонентов (топосов) – от нартского эпоса (общего практически для всех народов Северного Кавказа) до постсоветских трансформационных процессов, несомненно, заслуживающий отдельного исследования. Однако, как показали события 90-х, в памяти кавказских этносов наиболее болезненны два топоса – «сталинская депортация народов» и «столетняя кавказская война» (18-19 вв.).

Депортация кавказских народов в 1940-х годах – их принудительное расселение в непривычных, мало пригодных для жизни территориях советской Средней Азии, и ее трагические последствия известны широко, поскольку они составляют часть жизненного опыта ныне живущих старших поколений и поскольку их осуждение стало элементом идейно-политического разрыва с советской системой на рубеже 1980-1990-х гг. На излете советской эпохи остро встал вопрос реабилитации народов, репрессированных сталинским режимом.

В отличие от этого, Кавказская война – более давнее историческое событие – не являлась элементом живой памяти. Она относилась к числу «табуированных тем» советской историографии, детали подробности которой не подлежали публичному анализу и гласной оценке, но она также не вошла в круг центральных тем идейно-политической повестки, на которой строилась легитимация современной российской государственности.

Оставив в стороне многочисленные спорные вопросы истории Кавказской войны (о причинах ее развязывания, о масштабах разрушений и бедствий, причиненных ею, особенно адыго-абхазским этносам – черкесам, адыгейцам, кабардинцам, шапсугам, абазинцам, абхазам, которые в наибольшей мере пострадали в ходе этой войны), остановимся лишь на одном аспекте – на ее демографических последствиях.

По оценкам, которые разделялись и властями царской России, численность населения адыгских этносов в начале 19 в. составляла до 1,7 млн. чел. [История... 2007]. Однако уже в начале 20 века численность адыгов на Северном Кавказе не превышала 300-400 тыс., т. е. она сократилась в ходе кавказской войны 4-5 раз (в том числе и за счет массовой депортации в Османскую империю). В столь трагичных масштабах Кавказская война сказались на демографии адыгских этносов. Естественно, что это нашло отражение и закрепление в их исторической памяти как «демографическая и геополитическая катастрофа», вызвав к жизни, к ответственности политиков и исторической науки болезненный «черкесский вопрос» [Боров 2016].

Нюансы кавказской демографии. Главный нюанс в данном случае кроется, пожалуй, в том, что на российском Кавказе в советское время сложилось диффузно-анклавное расселение аборигенных этносов и «пришлых» русских или русскоговорящих. При этом, если диффузное (перемешанное) расселение, характерное для городов, как правило обеспечивало «взаимную

адаптацию» этносов и их культур, то моноэтнические анклавные (преимущественно в сельских районах, горной местности), как показали постсоветские процессы, легко превращаются (превращались) в «центры» и «детонаторы» межэтнического конфликта по любому негативному поводу, возникающему в жизни социальной общности (бытовые коллизии, уголовное преступление, ошибки власти и управления).

В анализе политической ситуации в кавказском регионе следует учитывать также нюансы взаимоотношений кавказских народов с русским населением. Дело в том, что в обыденном сознании кавказца советская система так или иначе ассоциировалась с русским человеком («русский человек – носитель и миссионер советского порядка»), порождая и подогревая антирусские настроения в контексте той тотальной негативной переоценки прошлого, что доминировала в обществе в 90-х годах. Это обрело особенно острый характер в Чечне. Антирусской направленностью, прежде всего, отличался начальный этап «чеченских событий» 90-х годов – с вытекающими из этого последствиями. Так, если на закате советской системы (в конце 80 – начале 90-х годов 20 в.) в населении Чечено-Ингушской республики около 50% (более 500 тыс.) составляло русское население, то по данным статистики 2015 г. их меньше 1%. Форсированный исход русского населения из Чечни сам по себе характеризует остроту межэтнических противоречий и конфликтов, имевших здесь место (впрочем, заметное снижение доли русского населения за последние 20 лет характерно в той или иной мере и для всех прочих кавказских республик).

Кавказская демографическая ситуация имеет еще две особенности. Первая заключается в том, что в ходе распада СССР кавказские этносы оказались в ситуации «разделенных народов» – народов, проживающих в разных (а нередко – во враждующих) государствах. Характерный пример – осетины, часть которых (Южная Осетия) оказалась в новом постсоветском суверенном государстве Грузия. Этот пример известен широко в силу Грузино-Осетинского конфликта и его международного резонанса. Менее известны другие факты, в частности: адыгские этносы (адыгейцы, абазины, кабардинцы, черкесы) имеют продолжение родственной линии в Абхазии, дагестанские этносы – в Азербайджане, чеченский этнос – в Панкисском ущелье Грузии.

Таким образом, фактор «разделенных народов» в кавказском регионе носит «тотальный характер», выступая как один из источников политических противоречий и конфликтов в этом регионе и как один из детерминативов политического поведения этносов, населения региона [Узнародов 2017].

Религиозно-конфессиональная ситуация в регионе. Кавказский регион характеризуется не только этническим, языковым и культурным многообразием, но и многообразием верований. Хотя в целом здесь доминирует ислам, это доминирование скорее условное. Дело в том, что русское население, позиционирующее себя как православное, в кавказском регионе составляет около 30%. К тому же большая часть осетин исповедует православие, как и часть адыгских этносов (кабардинцев). Православия придерживаются также абхазы, грузины. Но главное заключается в том, что ислам на Северном Кавказе

представлен в двух, конфликтующих друг с другом течениях – умеренным суннизмом и радикалистским салафизмом. При этом, если адыгейцы, балкарцы, кабардинцы, карачаевцы, черкесы придерживаются суннизма «традиционного», т.е. несколько «адаптированного» к их собственной этно-социальной и этнокультурной традиции, то в Чечне и Дагестане определенное влияние приобрел салафизм, по сути смыкающийся с «политическим исламом» – с ваххабизмом [Бережной и др. 2002]. Таким образом, течения ислама в этом регионе конфликтуют между собой, в то время как отношения суннитского ислама с православием выстраивались еще с конца XVII века, исторически укоренились и носят в общем толерантный характер. Это обстоятельство, так или иначе, влияет на происходящее в регионе.

Особенности истории «движения» кавказских этносов в российском цивилизационном русле. Случилось так, что кавказские этносы, веками адаптировавшиеся к российской цивилизации и интегрировавшиеся в Россию на основе механизмов имперских (колониально-имперских) отношений, в начале 20 века (в 1917 г.) волею истории оказались в ситуации «негативной свободы». В этом смысле советский этап российской истории был эпохой новой интеграции (ре-интеграции) кавказских этносов в новое (советско-российское) социально-политическое и культурное пространство. Формы и механизмы этой ре-интеграции принципиально отличались от политической практики царской России. Это – тоталитарная идеология и командная экономика, с одной стороны, строительство культуры «национальной по форме и социалистической по содержанию» – с другой.

Есть еще одна особенность «советской истории этносов» – произвольное обращение советской власти с границами их исторически сложившихся территорий обитания, которые постоянно перекраивались вплоть до 1960-х годов. В 90-х именно это обстоятельство аукнулось множеством мелких и крупных взаимных территориальных притязаний друг к другу едва ли ни всех кавказских этносов, что затронуло не только кавказские республики, но также Ставропольский и Краснодарский края (один из наиболее известных – осетино-ингушский конфликт). Но как бы ко всему этому ни относиться, развитие кавказских этносов в русле российской цивилизации был в общем позитивным, прогрессивным.

Дело в том, что советская система, которая делала ставку не на мобильность труда, а на его директивную организацию, «доставляла» каждому этническому сообществу по месту его обитания главные элементы индустриального общества – образование, науку, промышленные технологии, медицину, институты «социалистической культуры». В итоге этносы так и оставались на своих исторических территориях, «диффузно» включая «пришлых» (русских, русскоязычных), несших «по воле партии» эту самую индустриальную культуру «отсталым народам».

Определенное исключение в этом плане составляли разве что «отдаленные» горные поселения (аулы), менее вовлеченные в индустриализацию в силу объективных причин (природно-экологических, инфраструктурных), так и остававшиеся моноэтническими анклавами вплоть до

90-х годов. В итоге за годы советской власти, при всех ее недостатках и пороках, кавказские этносы добились серьезного прогресса в плане общего культурно-технологического развития. Неудивительно в этом контексте, что в сознании большинства кавказских этносов присутствует позитивная оценка советского периода своей истории, а в связи с этим – и приятие «русского фактора» [Карамурзов и др. 2013].

Разумеется, значимость каждого из перечисленных факторов в сознании и бытии этноса существенно разнится от республики к республике, что особенно наглядно проявилось в ходе постсоветских трансформационных процессов. Так, фактор Кавказской войны оказался наиболее значимым в Адыгее и Кабардино-Балкарской республике, проблема сталинской депортации – в Карачаево-Черкесии, Чечне и Ингушетии. «Проблема исторических обид на Россию» стала едва ли ни главным детонатором чеченского бунта, повлекшего де-факто выход Чечни из состава СССР и России. Но главное в том, что при кажущейся разрозненности указанных факторов они, как свидетельствует анализ, оказывали (оказали) системное влияние на постсоветские процессы в кавказском регионе.

Существует еще один фактор социального бытия и культуры, который играет исключительно важную (порой – решающую) роль во всем происходящем здесь, это – особенности социокультурной коммуникации кавказских этносов.

3. Социокультурная коммуникация в бытии кавказских этносов

Речь идет о наиболее характерной особенности кавказского этносоциального бытия – о формах и механизмах, а главное – о роли публичной коммуникации в культуре и повседневности, а в итоге – в истории кавказских этносов. Здесь уместно заметить, что Кавказ при всем, хорошо известном этническом, языковом и религиозном многообразии обладает широко признанной культурной общностью и неким «субцивилизационным единством», которая выражена, прежде всего, в формах и нормах коммуникации [Абдулатипов 1995; Тхагапсоев 1999]. Это не удивительно если учитывать, что именно в общении (в процессах интеракции и коммуникации) создается реальная совместность людей (устойчивая общность, экзистенциальная связь между людьми), обеспечивающая самосохранение и само-воспроизводство социума, а также решение им жизненных проблем, поскольку в процессах коммуникации складываются механизмы поддержания общности и совместности людей, алгоритмы их взаимодействия, которые обеспечивают интеграцию индивидов в социальную тотальность, в общество.

Чем примечательна кавказская форма (кавказский тип) социально-культурной коммуникации, что ее делает столь значимой в бытии кавказцев?

Дело в том, что кавказская коммуникация, которая веками строилась и функционировала в условиях отсутствия письменности, так или иначе выполняет весь круг функций по организации социума и управлению им – от коллективной оценки любой значимой ситуации (события) до выработки и

воплощения в жизнь планов и сценариев действия по данному поводу. Это достигается за счет активного использования системы ритуалов (церемоний), схематизирующих действия по данному поводу (событию), замыкая их на коллективные усилия и ролевые функции членов социума. В итоге – социокультурная коммуникация, выстраиваясь как оперативная мобилизация культурного опыта социума коллективными усилиями, сводит к минимуму неопределенность и возможные ошибки в ситуациях действия по тому или иному значимому жизненному поводу. Иначе говоря, коммуникация строится в форме тотально режиссируемого коллективного «действия по поводу» (встречи гостя, свадьбы, похорон, примирения с бывшим противником и т.д.) при ведущей роли старшего, а точнее – «института старшего», который, имеет и гендерные особенности [Тхагапсоев 2000].

Доминирующая роль старшего (института старшего) в культурной коммуникации характерна для многих (почти для всех) традиционных культур. Однако в кавказских этнических культурах институт старшего имеет свои особенности. Они выражаются, прежде всего, в том, что старший в ситуациях (актах) публичной коммуникации пользуется широкими распорядительными полномочиями (властью). Таким образом «институт старшего» в системе коммуникации выступает как действенный центр и механизм социальной самоорганизации, а также как форма «прямого выражения и отправления власти демоса», что позволяют кавказским этносам оперативно организоваться в ответ на любой вызов жизни.

Следует учитывать и то обстоятельство, что роль института старшего выходит далеко за пределы режиссера и оперативного руководителя публичной коммуникации – он фактически структурирует этнический социум, придавая ему «секторальную конфигурацию» (систему горизонтально связанных общностей – семей, родов, фамилий, тейпов, тухумов) со всеми вытекающими отсюда последствиями. Дело в том, что горизонтально-секторальные структурные образования (сообщества родных, двоюродных, троюродных братьев и сестер, племянников и внуков, имеющих общих предков), именуемых по разному в различных этносах – «род», «тейп», «тухум» – активно (материально, морально, психологически, а в общем – постоянно и фактически) поддерживают каждого своего члена, защищая его в трудных ситуациях и жизненных невзгодах, окружая его «комфортом патернализма». В итоге, жизнь члена кавказских социумов фактически протекает одновременно в двух социальных пространствах:

-в общероссийском (макро-пространстве) – с его политической и идеологической культурой, институтами формального права и власти, механизмами консолидации, мобилизации и отчуждения;

-в этническом микро-социальном (семейном, клановом, тейповом) пространстве, где ему (члену этнического общества, социума) гарантированы поддержка, забота, защита («жизненное прибежище»).

Таким образом повседневное реальное бытие кавказца находится в тисках противоречий макро- и микро-масштабных пространств своего обитания.

О роли и значимости «секторальности социального бытия», основанной на родственных связях свидетельствует и тот факт, что с 90-х годов в республиках Северного Кавказа (особенно активно в Кабардино-Балкарии) родовые объединения регистрируются как неформальные институты (структуры) – юридические лица [Тхагапсоев 2002].

Как свидетельствуют факты, подчеркнем еще раз, именно сложное и противоречивое переплетение очерченных факторов так или иначе диктовало и диктуют все происходящее в повседневности, культуре и социально-политическом бытии кавказских этносов с 90-х годов до наших дней, ставя в центр аналитического поля, прежде всего, проблему периодизации постсоветских процессов в регионе (с учетом сути, содержания периода).

4. К периодизации постсоветской трансформации этнического бытия

Постсоветские трансформационные процессы в различных кавказских республиках развивались по-разному (как по темпам, так по содержанию и направленности); к тому же некоторые этапы накладывались друг на друга, что, понятно, затрудняет их календарную фиксацию. Имеет смысл в целях периодизации трансформационных процессов использовать понятие «фаза», как более многозначное чем «этап». Оно акцентирует не столько хронологическую последовательность изменений, сколько «состояние» общества в каждый данный момент или период развития. Эти состояния практически никогда не характеризуются только одним качественным свойством. На наш взгляд, просматривается пять «фазовых состояний» общества, сосуществовавших и сменявших друг друга в ходе развития постсоветских процессов на Кавказе: «фаза культурного бунта» этносов (1985-1991 гг.), «фаза политизации этнической активности сверху» (1991-1993 гг.), «фаза политизации этнической активности снизу» (1991-1999 гг.), «фаза власти отвергнутых лидеров» (1992-2010 гг.) и «фаза политической стабилизации» (путинский период – с 2000 г.), которые различаются по доминантным идеям и целям, по механизмам развертывания и конкретному содержанию (по результатам). Именно культурой, ее жизненно важными запросами и были обусловлены первые всплески этнической активности против советской системы.

Фаза культурного бунта. На этой фазе (конец 1980 – начало 1990-х годов) в этнических республиках Северного Кавказа не выдвигались политические требования – здесь преобладали идеи и мотивы культурного, а точнее – национально-культурного возрождения. Идея «национального возрождения» стала запоздалой реакцией на форсирование процессов строительства наднациональной и без- национальной «советской культуры» и «советского народа», что привело, прежде всего, к резкому снижению роли национальных языков в сферах образования и культуры. Соответственно, в фазе «культурного бунта» у этносов не было политических программ и антисоветских установок – устремления расковавшейся групповой энергии этносоциума ограничивались размытыми идеями «демократия», «свобода», что

предполагало и свободное обращение национальных (этнических) языков и таким образом – «возвращения к своим культурно-историческим корням».

Соответственно, главными механизмами этнической мобилизации в рамках этой фазы стали традиционные в прошлом формы самоуправления кавказских этносов («меджлис», «шура», «хаса», «тере»), которые в общем схожи (и в «плюсах», и в «минусах») с собраниями мужского населения городов античной Греции или с Новгородским Вечем. Эти формы были куда демократичнее советской бюрократической системы, чем и притягивали людей. Естественно, что во главе этнической активности оказались лидеры гуманитарной интеллигенции (сведущие в тонкостях культуры и ее истории). В этом плане характерно, что все первые президенты кавказских республик Левон Тер-Петросян (Армения), Звиад Гамсахурдия (Грузия), Иса Гамбар и Абульфаз Эльчибей (Азербайджан) имели филологическое образование, занимались литературной деятельностью – «служили культуре». Схожая ситуация имела место и в этнических республиках Северного Кавказа – и здесь лидерами «культурного бунта» становились, прежде всего, деятели гуманитарной сферы: писатели, историки, журналисты, артисты, вузовские преподаватели.

Однако в силу разных причин (к которым мы еще вернемся) культурным героям 90-х удалось прийти к власти и стать политическими лидерами далеко не во всех республиках Кавказа. В этом не последнюю роль сыграл такой контекстный фактор развертывания этнической активности как борьба между Горбачевым и Ельциным за власть на закате советской системы.

Первым шагом в этом плане стала попытка Горбачева расширить полномочия автономных республик, полагая таким образом заполучить их поддержку в борьбе за укрепление своей власти. Однако пока Горбачев медлил со свойственной ему нерешительностью, Ельцин развернул активную работу с этническими движениями и их лидерами на местах (включая и их финансирование). В итоге скромные, спонтанно возникающие, открытые для всех и каждого клубно-дискуссионные структуры, академично звавшие «к возрождению культуры этноса» под кураторством политологов ельцинской команды стали превращаться в агрессивные общественно-политические организации, которые переводили постсоветские процессы в принципиально новую, политизированную фазу – управления сверху движением этносов.

Но что, важнее всего в данном случае – фаза «культурного бунта» имел в общем культурно-гуманистическую направленность, широкую поддержку населения и принесла позитивные результаты «культурно-возрожденческого» плана. В частности – национальные языки «вернулись» в сферу образования, школьного и дошкольного, прежде всего; история и культура этносов также стала предметами образования.

Политизация этнической активности «сверху». Этот процесс, как уже отмечено, стимулировала борьба Горбачева и Ельцина за доминирование во власти. При этом, если позиция Горбачева носила размытый характер – «повысить статус автономных республик», обещания Ельцина читались конкретно и однозначно «каждому этносу – собственное государство». Именно идея «своего государства» и стала переломным этапом в идеологии

постсоветской этнической активности и спусковым механизмом ее «политизации снизу» – этнические элиты и активисты взялись за воплощение ельцинской идеи так рьяно, что порой ситуация доходила до абсурда. Так, этнические активисты весьма скромной по территории и численности населения (400 тыс.) Карачаево-Черкесской автономной области (КЧАО) в 1990 г. решают создать в пределах ее границ пять «суверенных государств»: Карачаевскую республику, Республику Черкесия, Абазинскую республику, Баталпашинскую казачью республику и Зеленчукско-Урупскую казачью республику [Смирнова 1993]. Таким образом, этническая активность, изначально заявившая о себе как «культурный бунт» обретает (обрела) политическую форму – форму идеологии и практики этнического этатизма, а на смену философии «культурного возрождения» приходит идеология этнического суверенитета и практика этнического этатизма. В итоге постсоветская трансформация переходит в новую фазу – фазу управляемой сверху политизации этнического фактора, в рамках которой «политическими друзьями», но идеологическими конкурентами оказываются бывшие чиновники советской системы и новоявленные этнические активисты.

Политизация этнической активности «снизу». Как показал последующий ход событий, вариативность результатов этнополитической активности снизу (в том числе типаж и фигура политического лидера этноса) в разных кавказских республиках оказалась достаточно широкой – все зависело от соотношения указанных выше факторов в той или иной этнической республике («глобально» – от культурного фактора). Так, политический суверенитет Северо-Осетинской республики, православное население которой исторически, на протяжении длительного времени было интегрировано в российскую культуру и не имело «исторических обид» на Россию и советскую систему, был выстроен в самом «мягком варианте» – с ориентацией на демократию и формирование постсоветской политической элиты на основе культурной и научно-технической интеллигенции. Это выразилось, прежде всего, в фигуре первого постсоветского лидера Осетии-филолога, профессора и ректора местного университета А. Галазова.

Совсем иначе складывались обстоятельства в других республиках. Особенно сложной оказалась ситуация в Чечено-Ингушской республике – здесь ослабление жесткой советской системы как бы высвободило энергию давно накапливавшихся социальных недовольств и обид за «былые жестокости» Кавказской войны, за «сталинскую депортацию». «Вышел наружу» и давно зревший конфликт между городской, преимущественно русской культурой Грозного (здесь до 90-х преобладало русское население, занятое в высоко оплачиваемых сферах добычи и переработки нефти, машиностроения) и традиционной горской культурой чеченцев. К этому добавился и фактор проникновения в Чечню салафизма – радикалистского течения ислама. Все это дополнительно усугублялось анклавным характером расселения в Чечне – русские (численностью до 500 тыс.) проживали преимущественно в Грозном и в плодородных районах Чечни, примыкающих к Ставропольскому краю, в то время как чеченцы (тоже общей численностью примерно в 500 тыс.) обитали

главным образом в горных районах, скудных ресурсами. В этом плане социально-экономическая картина здесь в чем-то напоминала ситуацию пресловутого «конфликта богатого Севера и бедного Юга» – популярного в политологии ситуационного образа.

В условиях стечения перечисленных факторов «чеченская революция» ожидаемым образом обрела антирусский, антироссийский и антисоветский характер, что нашло отражение и закрепление в жестком моноэтническом этатизме (Ингушетия была отделена от Чечни), а также в типе личности и в авторитарной власти генерала Дж. Дудаева.

Таким образом, возникшие в 90-х уклады политической жизни и политического лидерства в Северной Осетии, с одной стороны и в Чечне – с другой, выразили полярные модусы постсоветской трансформации, между которыми укладывается целый спектр вариантов социально-политического развития, организации власти и лидерства в этих республиках. Однако здесь напрашивается еще одно уточнение – суть власти и тип лидера, сложившиеся в кавказских республиках (в большинстве из них) оказались во многом схожи и они могут быть определены как «власть отвергнутых лидеров».

5. Власть «отвергнутых лидеров» как феномен постсоветских трансформаций

Этот феномен особенно ярко проявился в Кабардино-Балкарии, ситуация в которой в 90-х годах характеризовалась следующими обстоятельствами:

-преимущественно диффузным расселением на ее территории кабардинцев (43%), русских (32%), балкарцев (12%) и еще около 12% представителей различных национальностей СССР, т.е. ни одна этническая группа здесь не имела абсолютного перевеса (доминирования);

-присутствием в республике двух религиозных конфессий – православия и ислама в форме умеренного суннизма, которые не только не конфликтуют друг с другом, но имеют опыт длительного толерантного сосуществования;

-активным проявлением фактора исторической памяти в двух формах: 1) балкарцы добивались признания незаконности сталинской депортации и ее квалификации как политического преступления, а в связи с этим – политической реабилитации депортированных и компенсации материально-финансового плана; 2) кабардинцы добивались осуждения постсоветскими федеральными властями России жестокостей Кавказской войны, возвращения на родину (в Россию, на Северный Кавказ) адыгов диаспоры;

-явным и скрытым соперничеством между собой элит двух «титulyных» этнических групп – кабардинской и балкарской за максимизацию власти и ресурсов в своих руках;

-нежеланием элиты русского и русскоязычного населения (около 45%) допустить доминирование какой-либо из «титulyных» этнических групп и следованием ее линии «невмешательства в отношения балкарцев и кабардинцев».

И, наконец, практически все этнические группы в республике склонны, были, с теми или иными оговорками, положительно оценивать советский период своей истории в плане общего культурно-цивилизационного развития, в то время, как к ходу и результатам либералистских реформ 90-х относились скорее критично.

Именно действие этих разно-сущностных и разнонаправленных факторов в конечном итоге привело к парадоксальному феномену – устойчивой «власти отвергнутого лидера», в данном случае – к возвращению во власть бывшего первого секретаря обкома Кабардино-Балкарии В. Кокова, который на волне демократического подъема начала 90-х принужден был покинуть свой пост. Нечто подобное случилось и в других этнореспубликах. Как такое стало возможно?

Дело в том, что после устранения власти КПСС в этнических республиках на первый план политической активности стали выходить не демократы (коих было немного), а националистические лидеры и активисты, политика которых сводилась главным образом к раздуванию любых межэтнических противоречий и борьбе за власть с перспективой создания «своего», т.е. этнического государства. Так, в КБР балкарские активисты требовали учреждения Балкарской республики, против чего выступала кабардинская элита. При этом русскоязычная элита сохраняла нейтралитет, что в итоге создавало «патовую ситуацию», парализующую экономическую и политическую жизнь республики. Нечто подобное происходило и в других республиках, поскольку в центр политической жизни в многоэтничного Кавказа вышел конфликтный во всех отношениях вопрос о суверенизации каждого этноса, о создании каждым этносом отдельного государства.

Эта «тупиковая ситуация» в республиках могла быть преодолена, будь ельцинские реформы успешны и результативны, чего так и не случилось. В конечном итоге выход из этой тупиковой ситуации стал вовсе не результатом успешных реформ или мудрости новых постсоветских политических элит, а скорее следствием иррациональной практики этнических активистов, в частности – властей «дудаевской Чечни», отмеченной террором и массовым преследованием русского населения.

В этой ситуации укорененные в ментальности кавказских этносов веками привычка к содружеству этносов (народов) и вера в «единство и общность во имя грядущего блага» сделали свое дело – этническое движение стало терять популярность. Отход населения от этнических движений стал особенно заметен в ходе первых постсоветских выборов в 1992 г. – победу на этих выборах в КБР одержал бывший первый секретарь обкома КПСС В. Коков. Так отвергнутый лидер «эпохи КПСС и СССР» вновь, уже в постсоветской России, оказался у власти в КБР. По схожему сценарию происходило становление «власти отвергнутых» и в других республиках региона.

Так, Владимир Хубиев, партийно-советская карьера которого началась еще в 1961 г., стал в 1990 г. первым постсоветским главой этой республики и оставался на этой должности до 1999г (до начала «эпохи Путина»).

Аслан Джаримов, партийно-советская деятельность которого началась в 1970 г. и который встретил распад СССР в должности первого секретаря Адыгейского обкома КПСС, без особого труда стал и первым постсоветским главой – президентом этой республики и оставался в этой роли до 2002 г.

Магомедали Магомедов, вступивший на путь партийно-советского карьерного восхождения еще в 1970 г., первым возглавил государственную власть постсоветского Дагестана и оставался на своем посту до 2006 г.

Валерий Коков, о котором уже шла речь, начал свою карьеру в 1964, встретил закат советской системы в должности первого секретаря обкома КПСС; был что называется «скандально изгнан из власти» общими усилиями демократов и этнических активистов, но затем стал президентом КБР и оставался на этом посту до 2005 г.

Нечто подобное происходило и в других республиках РФ (бывший первый секретарь Татарского обкома М. Шаймиев стал президентом этой республики и оставался на этом посту до 2010 г.), а также в республиках Закавказья. В частности – на смену революционным лидерам, отвергавшим советскую власть, добивавшимся выхода из СССР и «национального возрождения» своих республик вскоре пришли «фигуры отвергнутой власти», бывшие партработники (Г. Алиев в Азербайджане, Э. Шеварднадзе в Грузии, Р. Кочарян и С. Саргсян в Армении).

За сходством описанных трансформаций «типа власти и политического лидерства» в этнических республиках, на наш взгляд, стоят обстоятельства, без учета которых трудно понять, как стала возможна подобная метаморфоза.

Поясним, чем идет речь. Советская система и ее кадры в 90-х годах были настолько дискредитированы в массовом сознании, что «бывшие» не пользовались популярностью. Приход «бывших» в новую власть не был (и не мог быть) обусловлен и тем, что у них вдруг чудесным образом обнаружились качества, востребованные в новых условиях – демократизм, креативность, рыночная компетентность и т.д. Так что возвращение «отвергнутых» во власть едва ли может быть объяснено фактором харизматичности – всенародной любовью и массовой поддержкой никто из перечисленных «бывших», как указывают факты, не пользовался, а в отношении В. Кокова и В. Хубиева, постоянно шла борьба за их отстранение от власти. В этом контексте остается заключить, что ресурс влияния и власти «бывших» крылся скорее в их ключевой особенности как носителей и выразителей управленческой культуры поздней советской эпохи, а именно – в консервативности ментального склада и принципов действия. И в самом деле «бывшие» убежденно выступали против курса гайдаровских рыночных реформ и столь же убежденно следовали догмам интернационализма, сторонясь этнических активистов, поскольку видели в них опасных разрушителей «единства советского народа».

В этом контексте возвращение «бывших» в новую власть не было их победой, а был скорее результатом «негативного» политического выбора населения республик. Точнее сказать – результатом «двойного негативного выбора»: негативного выбора по отношению к власти этнических активистов (внушавших страх своим экстремизмом) и негативного выбора по отношению к

неудачным реформам Ельцина. Ведь эти реформы вели буквально «на глазах» к разрушению экономики, деградации производства, к массовому обнищанию населения, к безвластью на местах и к появлению в обществе большого количества таких рисков и угроз, коих не было прежде – бандитизма, вооруженных межнациональных конфликтов, гиперинфляции, не говоря уже об абсурдно высоком расслоении населения по уровню доходов. Какое отношение могло быть к подобным реформам и стоящей за ней властью? Понятно – негативное.

С другой стороны, власть оценивают (принято оценивать) по ее эффективности. Однако власть и лидерство «отвергнутых» складывались так и действовала таким образом, что к ней трудно применить общепринятые критерии эффективности (рост экономики, качества жизни, уровня демократии, роли гражданского общества и т.д.). Власть «бывших» фактически выполняла особую функцию – она манифестировала позицию большинства населения на заре 90-х по отношению к историческому (советскому) «прошлому», к реформенному курсу Ельцина («к настоящему»), а также «к должному», «желательному будущему» в новой России. Отсюда и результаты, разнившиеся от республики к республике

Так, в Чеченской республике позиция доминирующей этнической группы населения (чеченцев – в связи с оттоком русского населения) выразилась в «памяти отмщения за былые обиды», что властью и политикой Дудаева было обернуто в вооруженную борьбу с российской армией и российским государством. В других республиках ситуация не дошла до таких крайностей – речь, как правило, шла о неприятии рыночного фундаментализма, ведущего к атомизации социума и дегуманизации культуры, а также к этнизации власти, чреватой неравенством, экстремизмом и насилием.

Так что «власть отвергнутых» скорее выполняла компенсаторно-психологические функции – «демпфирование» шоковых реформ, сохранение «социального мира» и общности в социуме на основе популистских тактик и патерналистских лозунгов. Здесь не приходится говорить о рациональном проекте преодоления советского модуса жизни и выходе на новый курс развития. Каких-либо успехов в плане технико-технологического, экономического, социально-культурного и инфраструктурного развития, а тем более – развития политической демократии и гражданского общества за властью «бывших» не замечено.

Но «бывшие» преуспели в другом – в укреплении личной власти. Это происходило в каждой республике по одной и той же схеме – создавалась конституция «суверенной республики», наделявшая ее президента (главу) такими полномочиями, при которых он становился фактически несменяемым, а его власть – не контролируемой «сверху» и не достигаемой «снизу». При этом «бывшие» не без успеха прикрывались популизмом, в том числе активно эксплуатируя и «ноющие боли исторической памяти» этносов – Кавказской войны и «сталинской депортации народов».

В заключение данного сюжета еще раз подчеркнем, что особенности политического лидерства в Осетии и Чечне в рассматриваемый период не

укладывается в модус «власть отвергнутых лидеров», с которым столкнулся В. Путин, придя к власти в 2000 г.

6. «Путинский этап» постсоветских процессов

Курс Путина, который, как известно, вызывает разноречивые оценки (как в самой России, так и за ее пределами), здесь будет затрагиваться лишь в одном аспекте – в контексте постсоветских процессов на Кавказе. В этом ракурсе примечательны два обстоятельства: «вторая чеченская война» и политика восстановления «единства конституционного пространства» РФ.

Вторая чеченская война, в отличие от первой, велась по «гибридной» технологии и тактике – на основе сочетания военной силы с политикой диалога с чеченским населением. При этом учитывались и особенности кавказской социальной самоорганизации – секторальность общества и роль «института старшего» в каждом секторе. Подобная тактика, как и следовало ожидать, привела к расколу в чеченской элите и переходу на сторону РФ ряда тейпов, в первую очередь – Кадыровых и Ямадаевых, что в конечном итоге позволило вернуть Чечню в русло мирного развития в составе РФ. Так что в урегулировании «чеченской ситуации» далеко не последнюю роль сыграли особенности кавказской социокультурной коммуникации. Дело в том, что данный тип коммуникации, хотя и обеспечивает сплоченность «своего сектора» (рода, тейпа) и ее мобилизацию в ситуациях «вызова», одновременно дробит этнический социум на сектора горизонтальных связей (род, тейп, тухум), допуская (практикуя) при этом в меж-секторальной коммуникации лишь механизм (принцип) «консенсуса». Этот феномен имеет глубокие экзистенциальные основания и являет собой фундаментальную социальную ценность – он в кавказском культурно историческом пространстве веками предотвращал доминирование какой-либо этнической (примордиальной) группировки над другой (другими), обеспечивая таким образом мирное сосуществование этносов, что подтверждается самой историей региона – здесь неизвестны факты порабощения одних этносов другими. В этом контексте уже сам факт «выхода из унии» и перехода на сторону Федеральных властей РФ двух влиятельных чеченских тейпов означал не какое-то ситуативное перераспределение сил «за и против» России, а де-легитимацию самой «унии бунта против России». Именно так в данном случае сработали особенности культур кавказских этносов.

Параллельно с процессами «замирения Чечни» в стране разворачивалась и стратегия «восстановления единства конституционного пространства» России – приведение конституций и законов этнических республик в соответствие с Конституцией и базовыми законами РФ (рассмотрение коих не входит в цели нашего анализа).

И, наконец, есть такой аспект у постсоветских процессов, который, может рассматриваться, пожалуй, как наиболее объективный критерий оценки глубины изменений в социальном бытии этносов, вызванных этими процессами. Речь идет о гендерных отношениях.

7. Гендерный фактор в постсоветских трансформационных процессах на Кавказе

Едва ли надо доказывать, что положение женщины в социуме (обществе), а если шире – гендерная культура, будучи одной из базовых характеристик социальной общности (этноса, в данном случае), детерминирована всеми прочими социокультурными характеристиками этой общности – уровнем социально-экономического и культурного развития, развитием прав и личной свободы. В этом смысле постсоветские трансформации, конечно же, должны оцениваться и через призму гендерных процессов в новой России.

Традиционная («до революционная», «до советская») культура любого кавказского этноса явно патриархатна в гендерном измерении, а патриархальная форма семейного уклада является едва ли не базовой основой кавказского социально-культурного бытия. Данный тип семейного уклада сохранялся и на всем протяжении советской эпохи. В этом контексте неудивительно, что в дискурсах российской этнологии и гендерологии кавказские этносы и сегодня (в постсоветской России) подаются как консервативные, не проницаемые для новации и прогресса, герметично замкнутые на свои «архаичные культуры», обрекающие женщину «на вторые роли в социуме» и бесправие, на абсолютную зависимость от мужчины [Сиражудинова 2012].

Однако постсоветские трансформационные процессы «опрокинули» подобные представления о «кавказской гендерной культуре». В экстремальных условиях 90-х годов, когда рушились привычные формы экономики (индустриальное промышленное и аграрное производство, прежде всего), «мужчины-кормильцы» массово теряли работу, а в хлебосольные кавказские семьи реально «постучались» нищета и голод, в этнокультурном пространстве Кавказа случилось нечто из ряда выходящее – на позиции кормильца стала выходить женщина, случилась «гендерная революция».

Дело в том, что в создавшихся в 90-х годах условиях доминирующей формой экономической деятельности в стране стал так называемый «челночный» бизнес. При этом «челночный бизнес» предстояло развернуть в условиях практически полного отсутствия в стране рыночной инфраструктуры (коммерческих банков, маркетинга, консалтинга, логистических услуг). К тому же, частный бизнес в России в ту пору был «неведомой тропой», полной неизвестности, рисков и опасностей. Как добыть «стартовые деньги», приобретать товар за границей, обеспечивать собственную безопасность и безопасность своих товарно-денежных операций? Подобным вопросам не было счета. Оказалось, что эти вопросы (от фрахтовки чартерных авиарейсов в Турцию до обеспечения сносной безопасности бизнеса) можно решать с опорой на «кавказскую солидарность» женщин, на женское коллективное взаимодействие. Как это стало возможно?

Здесь впору вновь обратиться к особенностям кавказской культуры, к их гендерным измерениям. Их, по меньшей мере, пять:

-секторальная структура этнического сообщества (что уже отмечалось);

-«векторная направленность брака»;

-гендерная зависимость отношений типа «конкуренция – солидарность» в этносоциальном пространстве;

-значимый и весьма действенный характер «института старшего» в социальном бытии этносов, в механизмах его регуляции и наличие таких особых социальных диспозиций как «старший мужчина» (семьи, рода, тейпа) и «старшая женщина», что обеспечивало женщине значительную возможность принимать авторитетные решения, порой «выходящие» за рамки традиционалистских представлений;

-и, наконец, жестко экзогамная культура – запрет брачных отношений между кровными родственниками, что называется «вплоть до седьмого колена», что изначально ориентирует сознание подрастающих поколений на «эмпативное» отношение к «иному, другому роду», к «чужим родам».

Мы уже рассматривали роль и значимость секторальной структуры этнического социума в бытии кавказских этносов, поэтому сосредоточимся на других особенностях кавказской культуры и начнем с «векторной направленности брака».

Дело в том, что в культуре рассматриваемых этносов легитимируется и поддерживается «только и только» одна форма (модель) брака и образования новой семьи, а именно – в форме «выхода женщины замуж» в буквальном смысле, что непременно предполагает уход женщины из своего рода и семьи, переход в семью и род мужа. При этом ситуации, когда мужчина, заключая брак, переходит в семью (в род) жены, случаются крайне редко и подобный брак в этносоциуме воспринимается как маргинальный, не заслуживающий уважения. Характерно и то, что подобный брак считается «минусом» именно для репутации мужчины, мужа (он и становится объектом иронии социума), что совсем не касается жены, ее репутации.

Итак нормы культуры таковы, что женщина из кавказского этноса заключая брак покидает свою семью и переселяется в семью мужа, в его секторальное этносоциальное пространство (семью, род, клан, тейп). Но при этом, что принципиально важно, за ней сохраняется и принадлежность к роду, откуда она выходит и таким образом ей по-прежнему будет гарантирована поддержка и забота членов рода, откуда она вышла. В итоге получается так, что каждая замужняя женщина одновременно принадлежит двум секторальным структурам, двум фамильно-родовым образованиям. Таким образом, фактически главным носителем и строителем связей между кланово-родовыми секторами этнического социума является женщина.

И еще – у «векторного брака» есть не только социальные, но также психологические и символические измерения. Дело в том, что «домашним хозяйством» в бытии кавказских этносов руководит старшая в семье женщина, каковой в молодых семьях является мать мужа (свекровь). Соответственно, прочность и благополучие молодой семьи фактически зависит от атмосферы отношений «старшей женщины семьи» (матери мужа) и невестки, пришедшей из «другого» рода.

Разумеется, кавказские этносы, как и все население планеты, подвержены историческим тенденциям развития семьи – «от большой, родовой» к «малой – Он, Она и дети». Однако одним из неукоснительных норм культуры этих этносов так и остается принцип «младший сын и его семья живут в родительском доме», хотя этот дом может быть перестроен, выстроен вновь и даже перенесен в другое место – главное в том, что младший сын (один из сыновей) обязан «смотреть за родителями», пока они живы. Естественно в этой культурной ситуации одним из ключевых элементов воспитания девочек является формирование в них психологической готовности перейти в другой клан, «подстроиться» там под «старшую женщину», поддерживая атмосферу мира, согласия.

Об этом заботится и символический арсенал культуры этноса («ресурс власти общественного мнения») – едва ли ни добрая половина всех пословиц и поговорок кавказских этносов посвящена именно взаимоотношениям невестки и свекрови. При этом в них (пословицах) всячески возносятся толерантность невестки и сурово осуждается ее непочтительность и невыдержанность, как, впрочем, и любая несправедливость со стороны свекрови. В свою очередь, позиция «моя невестка стала мне дочерью» обеспечивает свекрови всеобщее почитание.

К специфическим особенностям бытия кавказских этносов относится, как уже подчеркивалось, значимость и практическая действенность «института старшего». Особенно специфичен институт «старшая женщина» – над ней в рамках данного микросоциума (семьи, фамилии, рода) практически нет мужской власти. Именно от воли старшей женщины в прошлом зависело решение ключевого для жизни социума вопроса – вопроса о прекращении вражды и конфликтов между родами, что и поныне сохраняется как символический ресурс культуры.

И, наконец, об особенностях отношений «солидарность-конкуренция» в сообществах мужчин и в сообществах женщин.

Ситуация здесь такова, что во взаимных отношениях мужчин (внутри мужского сообщества, мужского коллектива) явно доминирует конкуренция вплоть до ее самых острых форм – форм «агона» [Бгажноков 2011], в то время как между женщинами, как уже подчеркивалось, доминирует солидарность.

Здесь мы подошли к главному – культура, как известно, являет собой прежде всего всеохватный механизм адаптации человека к условиям существования (природно-экологическим, социальным, политическим, экономическим). В этом смысле резкие изменения условий бытия любой социальной общности являются «вызовом» для этой общности, требующим «ответа», т.е. активных действий со ее стороны – перестроения форм, институций и механизмов социального бытия, включая и гендерное бытие, в частности – перераспределения социальных ролей и функций между мужчиной и женщиной. Так и случилось в 90 годы, произошла «гендерная революция» – на позиции кормильца в кавказской семье с опорой на «челночный бизнес» стала выходить женщина. При этом «стартовым капиталом» становились

скромные деньги от продажи своих драгоценностей и украшений, накопленных в небогатую советскую пору.

Массовый выход кавказской женщины на роль «добытчика и кормильца», сопровождался и серьезными издержками – резким ростом алкоголизма среди мужчин, чего доселе не было в среде кавказцев. В связи с этим неудивительно, что «кавказская гендерная инверсия» этнологами и этносоциологами на местах отображается далеко не в радужных красках.

Но самое главное в данном случае заключается в том, что ход российской социальной истории в 90-х годах положил конец мифу российской этнологии (да и всей гуманитарной науки) о непроницаемости кавказских культур для инноваций и прогресса, об их неспособности реагировать на вызовы времени, содержательно отвечать на эти вызовы.

Между тем, история кавказских этносов сложилась так, что на протяжении 20 века они дважды оказывались в сложной ситуации «исторического вызова», т.е. радикальных изменений условий собственного существования. Речь идет о революции 1917 года и «шоковых» либеральных реформах 1990-х. Кажется парадоксальным, что «кавказская гендерная революция» не случилась в советское время. Ведь идеология и стратегия советской системы ставили на первый план именно социальный конструктивизм – формирование «нового человека, свободного от пережитков прошлого», т.е. от паттернов этнических культур и их гендерных моделей, которые и трактовались как «пережитки прошлого» и «признаки отсталости». Однако при сколько-нибудь внимательном анализе фактов все становится на свои места: это скорее в пропагандистской риторике советские реформы в этнических регионах представляли как «революционные». На самом деле ставка на политику «национальной автономии», с одной стороны, и на колхозную экономику – с другой, привели к сохранению на долгие годы в этнических регионах общинно-патриархальных (колхозных) форм бытия. Достаточно интенсивные процессы урбанизации не привели к «отрыву» сколь-нибудь значительной доли населения от своей деревенской, «аульной» этносоциальной почвы. Во-первых, по уровню урбанизации народы Северного Кавказа к концу советской эпохи существенно отставали от среднероссийских показателей. Во-вторых, рост городского населения в республиках региона не сопровождался сокращением сельского – в абсолютном выражении оно продолжало расти. В-третьих, здесь «город» не был дистанцирован от «села» ни в пространственном ни в социальном плане – и горожане и сельчане охватывались едиными социальными сетями прочных родственно-соседских связей [Боров 2010]. Но самое главное в том, что советская система в социальном измерении носила, как и кавказские культуры, патерналистский характер, не оставляла человека наедине «с вызовами», обеспечивая каждому поддержку и «равенство всех в бедности».

Иное дело – реформы 90-х: они стали шоком и критическим вызовом для кавказских этносов, поскольку в создавшихся условиях общего обнищания утрачивали действенность и традиционные, архаично-патерналистские механизмы «коллективного выживания», что в конечном итоге вызвало к жизни

«гендерную революцию» («инверсию»). Эта революция имеет массу различных последствий, которые проявляются в культуре и повседневной жизни в самых разнообразных формах и масштабах – и по сей день. Речь идет, прежде всего, о моде, динамизме женщин, а также поведенческих моделях и стратегиях женского населения.

Разумеется, «женский прорыв» в малый (челночный) бизнес уже ушел в историю – в регионе ныне сложился «мужской бизнес», в том числе крупный. Однако укрупняется и «женский бизнес» – во всех этнических республиках сложились «цивилизованные» формы заметного (среднего и крупного) успешного бизнеса, возглавляемого кавказскими женщинами. К тому же, едва ли ни большая часть малого бизнеса в таких сферах как питание, торговля, парикмахерское дело, медицинские услуги в кавказских республиках находится в руках бизнес-леди новой генерации.

Как уже подчеркивалось, «гендерная инверсия» в кавказском этнокультурном мире, случившаяся в общем контексте постсоветских трансформации России имеет массу самых различных последствий, которые в нарастающей мере проявляются в культуре и повседневной жизни в самых разных формах. Столь же решительно женщины врываются и в «очень мужские» сферы деятельности – мужчина «постсоветскими горянками» все чаще «отстраняется» даже от таких форм деятельности, о которых в советское время и помышлять было невозможно, в частности, от службы в правоохранительных органах. Подполковники милиции, лейтенанты ГИБДД, капитаны следственных органов ныне в северокавказских этнических республиках совсем не редкость, а о таможенных, налоговых и надзорных органах и говорить нечего.

Остается добавить, что на постсоветском Кавказе появились женщины-писатели, творящие в философии и эстетике посмодернизма, т.е. «деконструкции» устоев любой традиции – гендерных стереотипов не в последнюю очередь. В этом плане особенно ярко выделяются Алиса Ганиева и Мадина Тлостанова, творчество которых является также и талантливой иллюстрацией к сложностям и противоречиям кавказского этно-культурного мира, развивающегося по пути преодоления «постсоветского шока» и поиска своего места в культурных реальностях современного, сложного и крайне противоречивого глобального мира [Ганиева 2015; Хараева 2015; Дамиан 2006]. Эти поиски осуществляются ими не только в художественном творчестве, но и в интеллектуальном пространстве и в специально-научной сфере [Я повсюду иностранка... 2015; Тлостанова 2009].

Все это вместе взятое свидетельствует о том, что патриархатная гендерная модель в общем контексте постсоветских трансформаций явно перестает быть одним из базовых маркеров кавказской этнической культуры.

Однако ситуация в плане темпов, направлений и результатов постсоветской трансформации в различных этнических республиках далеко неодинакова. В частности, в Чечне, Ингушетии и Дагестане преобладает тенденция к ре-исламизации культуры, дрейфу этнического сознания «к своим истокам», т.е. к архетипам и габитусам патриархатной ментальности, так что

здесь и сегодня сталкиваются разнонаправленные тенденции постсоветского развития, а гендерное равноправие так и остается под вопросом.

Вместо заключения

Мы уже апеллировали к идее Бурдые о том, что попытки критически осмыслить культуру приводят к политике. Наш анализ постсоветских процессов в кавказском этно-социальном пространстве, как представляется, дает основание и для иного прочтения этой идеи – критический анализ политических процессов приводит к особенностям культуры, которые явно недооценивались, что напрямую относится к культуре кавказских этносов. И, конечно же, одолевает желание в заключение «бросить взгляд» на перспективу культурно-ментального мира, особенности которого на протяжении многих веков обеспечивали сосуществование десятков этносов на относительно небольшой и «беспокойной» территории Кавказа – извечного «моста» и «преграды» между Востоком и Западом, где частенько складывались историко-культурные и геополитические ситуации, угрожающие самому существованию этого культурного мира. Уже советская система нанесла удар по одному из его стержневых элементов, «институту старшего» – ведь эта система не допускала какого-либо проявления неформальной власти. Современная российская «управляемая демократия» и ее «вертикаль власти» действуют в том же направлении. К тому же, постсоветские процессы, как уже подчеркивалось, практически разрушили еще одно базовое основание кавказского культурно-ментального мира – патриархатную гендерную модель. Свою лепту в разрушение кавказского культурного мира вносят и процессы глобализации, которые только и набирают обороты, несмотря на сопротивление разнородных сил (левого движения, консерваторов правого толка, этнических лидеров и др.), нивелируя всякие культурные различия и унифицируя все культуры к модусу «массовой культуры». В этом контексте, трудно избавиться от вопроса: «Не стала ли постсоветская трансформация последним выходом кавказского культурно-ментального мира на историческую арену в роли решающего детерминатора политической практики большого сообщества этносов?»

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абдулатипов 1995 – *Абдулатипов Р.Г.* Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. – 1995. – № 1. – С. 3-17.

Бгажноков 2011 – *Бгажноков Б.Х.* Этнография адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 2011. – 509 с.

Бережной и др. 2002 – *Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В.* Ислам в современных республиках Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2002. – 168 с.

Боров 2010 – *Боров А.Х.* Проблемы социально-культурной модернизации Северного Кавказа: советский опыт // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – № 2. – С. 175-183.

Боров 2016 – *Боров А.Х.* «Черкесский вопрос»: опыт нормативного политического анализа // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2016. – № 2 (70). – С. 139-146.

Боров, Кочесоков 2011 – *Боров А.Х., Кочесоков Р.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе-противоречия интеграции и синтеза // *Философские науки.* – 2011. – № 1. – С. 43-61.

Боров, Муратова 2011 – *Боров А.Х., Муратова Е.Г.* Северный Кавказ в современном общественном дискурсе // *Общественные науки и современность.* – 2011. – № 4. – С. 157-166.

Бурдые 1993 – *Бурдые П.* Социология политики. – М.: Socio- Logos, 1993. – 336 с.

Ганиева 2015 – *Ганиева А.* Жених и невеста. – М.: Издательство АСТ, 2015. – 288 с.

Дамиан 2006 – *Дамиан Д.* В вашем мире – я прохожий. – М.: URSS, 2006 (М.: ЛЕНАНД). – 239 с.

История... 2007 – *История* многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. – Нальчик: «Издательство М. и В. Котляровых», 2007. – 720 с.

Карамурзов и др. 2013 – *Карамурзов Б.С., Савинцев А.П., Баразбиев М.И.* Русский фактор в развитии Кабардино-Балкарского государственного университета // *Научная мысль Кавказа.* – 2013. – № 4. – С. 18-24.

Карл, Шмиттер 2004 – *Карл Т.Л., Шмиттер Ф.* Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // *Полис.* – 2004. – № 4. – С. 6-28.

Красин 2003 – *Красин Ю.А.* Политическое самоопределение России: проблемы выбора // *Полис.* – 2003. – № 1. – С. 124-134.

Нора 1999 – *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // *Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М.* Франция – память. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 328 с. С. 17-50.

Нора 2005 – *Нора П.* Всемирное торжество памяти. Опубликовано в журн.: *Неприкосновенный запас.* 2005 2-3(40-41) // Интернет-проект «Журнальный зал». URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 13.02.2018).

Сиражудинова 2012 – *Сиражудинова С.В.* Гражданское общество, традиционализм и ислам на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону: «АзовПечать», 2012. – 200 с.

Смирнова 1993 – *Смирнова Я.С.* Карачаево-Черкесия: этнополитическая и этнокультурная ситуация // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии.* – М.: ИЭА РАН, 1993. – № 48. – 32 с.

Тлостанова 2009 – *Тлостанова М.В.* Деколониальные гендерные эпистемологии. – М.: ООО «ИПЦ „Маска“», 2009. – 386 с.

Тхагапсоев 1999 – *Тхагапсоев Х.Г.* О кавказской культурной общности // *Вестник Российской академии наук.* – 1999. – Т.69. – № 2. – С. 135-140.

Тхагапсоев 2000 – *Тхагапсоев Х.Г.* К коммуникативным особенностям бесписьменных культур // *Научная мысль Кавказа.* – 2000. – № 2. – С. 48-56.

Тхагапсоев 2002 – *Тхагапсоев Х.Г.* Этноэтатизм как инобытие российского федерализма // *Научная мысль Кавказа.* – 2002. – № 3. – С. 25-34.

Тхагапсоев 2008 – *Тхагапсоев Х.Г.* Кавказская культура: особенности генезиса и тенденции развития. – СПб.: «Астерион», 2008. – 222 с.

Узнародов 2017 – *Узнародов Д.И.* Лезгинский ирредентизм как геополитической фактор на Северном Кавказе // *Кавказология.* – 2017. – № 2. – С. 110-118. URL: http://www.kbsu.ru/wp-content/uploads/2016/12/Uznarodov_Kavkazologiya_2017_2.pdf (дата обращения: 19.01.2018)

Хараева 2015 – *Хараева Л.А.* Гендерное и человеческое в романе Дины Дамиан «В вашем мире я прохожий» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования.* – 2015. – № 4. – С. 90-99.

Я повсюду иностранка... 2015 – «*Я повсюду иностранка*». Писательница Алиса Ганиева размышляет об истинных и ложных традициях Дагестана. 07.04.2015 // *Российская газета: сайт.* URL: <https://rg.ru/2015/04/08/ganieva.html> (дата обращения: 14.02.2018).

Tkhagapsoev 2006 – *Tkhagapsoev H.G. On the Way to Mirage: Russian Metamorphoses of Liberalism and Problem of Their Interpretation // South Atlantic Quarterly. – 2006. – Vol. 105. – No 3. – P. 500-526.*

REFERENCES

ABDULATIPOV R.G. *Kavkazskaya tsivilizatsiya: samobytnost' i tselostnost'* [Caucasian civilization: distinctiveness and integrity]. IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 1995. – No 1. – P. 3-17.* (In Russian)

BEREZHNOI S.E., DOBAEV I.P., KRAINYUCHENKO P.V. *Islam v sovremennykh respublikakh Severnogo Kavkaza* [Islam in the modern republics of the North Caucasus]. – Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo SKNTs VSh, 2002. – 168 p. (In Russian)

BGAZHNOKOV B.Kh. *Etnografiya adygov* [Ethnography of Adyghe]. – Nal'chik: El'brus, 2011. – 509 p. (In Russian)

BOROV A.Kh. «*Cherkesskii vopros*»: *opyt normativnogo politicheskogo analiza* [“Circassian question”: an essay in normative political analysis]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. – 2016. – No 2 (70). – P. 139-146.* (In Russian)

BOROV A.Kh. *Problemy sotsial'no-kul'turnoi modernizatsii Severnogo Kavkaza: sovetskii opyt* [Problems of socio-cultural modernization of the North Caucasus: soviet experience]. IN: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. – 2010. – No 2. – P. 175-183.* (In Russian)

BOROV A.Kh., KOCHESOKOV R.Kh. *Severnyi Kavkaz v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse-protivorechiya integratsii i sinteza* [North Caucasus in Russian civilizational process – contradictions of integration and synthesis]. IN: *Filosofskie nauki. – 2011. – No 1. – P. 43-61.* (In Russian)

BOROV A.Kh., MURATOVA E.G. *Severnyi Kavkaz v sovremennom obshchestvennom diskurse* [North Caucasus in modern public discourse]. IN: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'. – 2011. – No 4. – P. 157-166.* (In Russian)

BOURDIEU P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics]. – M.: Socio- Logos, 1993. – 336 p. (In Russian)

DAMIAN D. *V vashem mire – ya prokhozhi* [I am a passer-by in your world]. – M.: URSS, 2006 (M.: LENAND). – 239 p. (In Russian)

GANIEVA A. *Zhenikh i nevesta* [Bride and groom]. – M.: Izdatel'stvo AST, 2015. – 288 p. (In Russian)

Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva. K 450-letiyu soyuza i edineniya narodov Kabardino-Balkarii s Rossiei [History of the centuries-old fraternity. To the 450th anniversary of alliance and unity of the peoples of Kabardin-Balkaria with Russia] / Ed. by B.Kh. Bgazhnokov. – Nal'chik: «Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh», 2007. – 720 p. (In Russian)

KARAMURZOV B.S., SAVINTSEV A.P., BARAZBIEV M.I. *Russkii faktor v razviti*
Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta [Russian factor in the development of Kabardin-Balkar state university]. IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2013. – No 4. – P. 18-24.* (In Russian)

KARL T.L., SCHMITTER Ph. *Demokratizatsiya: kontsepty, postulaty, gipotezy (razmyshleniya po povodu primenimosti tranzitologicheskoi paradigmy pri izuchenii postkommunisticheskikh transformatsii)* [Concepts, Assumptions and Hypotheses about Democratization (Reflections on Applicability of the Transitological Paradigm for the Study of Post-Communist Transformations)]. IN: *Polis. – 2004. – No 4. – P. 6-28.* (In Russian)

KHARAEVA L.A. *Gendernoe i chelovecheskoe v romane Diny Damian «V vashem mire ya prokhozhi»* [Gender and human in the novel “I am a passer-by in your world” by Dina Damian]. IN: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya. – 2015. – No 4. – P. 90-99.* (In Russian)

KRASIN Yu.A. *Politicheskoe samoopredelenie Rossii: problemy vybora* [Russia's Political Self-Determination: Problems of Option]. IN: *Polis. – 2003. – No 1. – P. 124-134.* (In Russian)

NORA P. *Mezhdu pamyat'yu i istoriei. Problematika mest pamyati* []. IN: Nora P., Ozuf M., Pyuimezh Zh., Vinok M. *Frantsiya – pamyat'* [Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire]. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. – 328 p. P. 17-50. (In Russian)

NORA P. *Vsemirmoe torzhestvo pamyati. Opublikovano v zhurn.: Neprikosnovennyi zapas. 2005 2-3(40-41)* [The Reasons for the Current Upsurge in Memory]. IN: Internet-proekt «Zhurnal'nyi zal». URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (date of access: 13.02.2018). (In Russian)

SIRAZHUDINOVA S.V. *Grazhdanskoe obshchestvo, traditsionalizm i islam na Severnom Kavkaze* [Civil society, traditionalism and Islam in the North Caucasus]. – Rostov-na-Donu: «AzovPechat'», 2012. – 200 p. (In Russian)

SMIRNOVA Ya.S. *Karachaevo-Cherkesiya: etnopoliticheskaya i etnokul'turnaya situatsiya* [Karachai-Circassia: ethno-political and ethno-cultural situation]. IN: *Issledovaniya po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* [Studies in applied and urgent ethnology]. – M.: IEA RAN, 1993. – No 48. – 32 p. (In Russian)

TKHAGAPSOEV H.G. On the Way to Mirage: Russian Metamorphoses of Liberalism and Problem of Their Interpretation. IN: *South Atlantic Quarterly*. – 2006. – Vol. 105. – No 3. – P. 500-526.

TKHAGAPSOEV Kh.G. *Etnoetatizm kak inobytie rossiiskogo federalizma* [Ethno-etatism as another form Russian federalism's existence]. IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. – 2002. – No 3. – P. 25-34. (In Russian)

TKHAGAPSOEV Kh.G. *K kommunikativnym osobennostyam bespis'mennykh kul'tur* []. IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. – 2000. – No 2. – P. 48-56. (In Russian)

TKHAGAPSOEV Kh.G. *Kavkazskaya kul'tura: osobennosti genezisa i tendentsii razvitiya* [Caucasian culture: features of genesis and lines of development]. – SPb.: «Asterion», 2008. – 222 p. (In Russian)

TKHAGAPSOEV Kh.G. *O kavkazskoi kul'turnoi obshchnosti* [On Caucasian cultural community]. IN: *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. – 1999. – Vol. 69. – No 2. – P. 135-140. (In Russian)

TLOSTANOVA M.V. *Dekolonial'nye gendernye epistemologii* [De-colonial gender epistemologies]. – M.: OOO «IPTs „Maska“», 2009. – 386 p. (In Russian)

UZNARODOV D.I. *Lezginskii irredentizm kak geopoliticheskoi faktor na Severnom Kavkaze* [Lezgin irredentism as a geopolitical factor in the North Caucasus]. IN: *Kavkazologiya*. – 2017. – No 2. – P. 110-118. URL: http://www.kbsu.ru/wp-content/uploads/2016/12/Uznarodov_Kavkazologiya_2017_2.pdf (date of access: 19.01.2018) (In Russian)

«Ya povsyudu inostranka». *Pisatel'nitsa Alisa Ganieva razmyshlyaet ob istinnykh i lozhnykh traditsiyakh Dagestana* [“Elsewhere I am a foreigner”. Writer Alisa Ganieva meditates on genuine and false traditions of Dagestan]. 07.04.2015. IN: *Rossiiskaya gazeta: sait*. URL: <https://rg.ru/2015/04/08/ganieva.html> (date of access: 14.02.2018). (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА

УДК 308

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-1-37-65

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ
РАННИХ ЭПИЧЕСКИХ ФОРМ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ****Н.А. ТРАПШ**

*Государственный архив Ростовской области
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Ворошиловский, 28
E-mail: tirpizn@sfedu.ru*

О.И. ШАФРАНОВА

*Северо-Кавказский федеральный университет
355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина 1/Е, корпус 20
E-mail: shafranova@yandex.ru*

Аннотация. Представленная статья посвящена комплексной оценке исследовательской практики, связанной с исторической интерпретацией ранних эпических форм и осуществлявшейся в дореволюционный и советский период. Авторы интерпретируют различные модели, сформировавшиеся применительно к системному анализу внутреннего историзма общекавказского нартского эпоса, карело-финской «Калевалы» и якутских олонхо. Основные размышления развиваются вокруг традиционной исследовательской проблемы, связанной с принципиальной возможностью качественного использования исторических фактов, реконструированных из фольклорных источников.

Ключевые слова: эпос; источник; историзм; интерпретация; концепция; сюжет; образ.

**PROBLEMS OF HISTORICAL INTERPRETATION OF EARLY EPIC
FORMS IN PRE-REVOLUTIONARY AND SOVIET HISTORIOGRAPHY****N.A. TRAPSH**

*State Archives of the Rostov Region
344006, Rostov-on-Don, Voroshilovsky av., 28
E-mail: tirpizn@sfedu.ru*

O.I. SHAFRANOVA

*North-Caucasian Federal University
355009, Stavropol, Pushkin st., 1 / E, 20
E-mail: shafranova@yandex.ru*

Abstract. The article attempts to perform a comprehensive assessment of research practices related to the historical interpretation of early epic forms as carried out in the pre-revolutionary and Soviet historiography. The authors present comparative analysis of various interpretative models formed with reference to the systemic representation of internal historicism inherent to the Caucasian Nart epic, the Karelian-Finnish «Kalevala» and the Yakut olonkho. The main reflections develop around the traditional research problem associated with the fundamental possibility to use fruitfully historical facts reconstructed from folklore sources.

Key words: epic; source; historicism; interpretation; concept; plot; image.

Особым этапом источниковедческого исследования ранних эпических памятников является историческая интерпретация определенных фрагментов их содержания, характеризующих различные аспекты социально-экономического, политического и культурного развития древних этнических общностей, в среде которых сформировались соответствующие произведения героического эпоса. Как представляется, информационную основу большинства сюжетов архаического эпоса составляют смутные воспоминания его создателей о реальных фактах и событиях предшествующей истории своего народа, зафиксированные коллективным сознанием в гиперболизированных и идеализированных формах. В контексте данного положения задача современного исследователя заключается в том, чтобы восстановить целостное историческое содержание рассматриваемого эпического памятника посредством возможно более четкого определения и последующего устранения мифологических наслоений, модернизирующих дополнений, являющихся продуктом последующего развития общества, и негативных результатов художественной обработки фольклорного текста, в совокупности искажающих его первоначальное значение. Соответствующее критическое изучение различных архаических сказаний должно осуществляться на основе сравнительного анализа позитивной информации, извлекаемой из форм устного народного творчества с данными археологических, лингвистических и этнографических источников. Однако прежде чем приступить к исследованию определенных эпических памятников, необходимо рассмотреть некоторые принципиальные теоретические проблемы, касающиеся особого характера и методов их исторической интерпретации. Наиболее сложным и дискуссионным представляется вопрос об уровне историзма ранних форм эпоса, содержание которого заключается в определении степени реального отражения в них конкретных фактов и событий предшествующей истории человеческого общества.

Представители дореволюционной исторической школы полагали, что различные памятники эпического жанра являются своеобразным летописными сводами, сложившимися в определенной социальной среде и зафиксированными в коллективной памяти их создателей [Сидорова 1956; Сперанский 1917]. В частности, В.Ф. Миллер рассматривал русские былины новгородского цикла в качестве «живых фрагментов социально-политического развития великой северной республики, реальные герои которой стали главными персонажами эпоса» [Миллер 1892: 43]. Современные представители

исторического направления в отечественной фольклористике развили и дополнили основные выводы своих научных предшественников, утверждая, что героические сказания киевского периода представляют собой «альтернативный вариант повествования об известных событиях русской истории X-XIII веков, противоположный в большинстве оценок и заключений предвзятому мнению феодального летописца» [Рыбаков 1963: 32]. Более того, отдельные исследователи пытались использовать выявленные в ходе изучения былевого эпоса закономерности, связанные с интерпретацией содержания соответствующих фольклорных памятников, в анализе архаических форм устной словесности. В частности, Б.А. Рыбаков рассматривал определенные фрагменты общекавказских сказаний о нартах в качестве источника интересной информации о ранней этнической истории славянских племен и начальном периоде развития древнерусской государственности, продолжая ошибочную историографическую традицию, намеченную еще в прошлом столетии в работах Ш.Б. Ногмова, М.П. Погодина и П.Г. Буткова [Лавров 1962]. Указанные исследователи доказывали посредством лингвистических манипуляций, что содержание отдельных сюжетов нартского эпоса несет конкретные сведения об антах и утургурах, легендарных вождях Боже и Мезамире, князьях киевского времени Святославе Игоревиче, Мстиславе Владимировиче и Олеге Святославиче [Ногмов 1958; Погодин 1850; Бутков 1850]. Другой вариант исторической интерпретации общекавказских героических сказаний предложил В.И. Абаев. Он полагал, что некоторые из них характеризуют различные аспекты социально-экономических и политических отношений сарматских племен и Боспорского царства [Абаев 1958]. Аналогичные приемы и методы исследования рун «Калевалы» применял финский фольклорист и этнограф А. Ильмониэми, выдвинувший спорный тезис об отражении в их содержании отдельных фрагментов взаимоотношений населения Карельского перешейка и Новгородской республики в XI-XIII веках [Евсеев 1957]. Сходные теоретические принципы составляют основу своеобразной интерпретации якутских героических сказаний олонхо, предложенной известным ученым Г.У. Эргисом. По его мнению некоторые их сюжеты характеризуют реальные события XIII столетия, связанные с монгольскими завоеваниями и «персонифицированные в образе жестокого и беспощадного Чингис-хана» [Эргис 1974: 15]. Таким образом, указанные авторы полагают, что большинство эпических персонажей имеют конкретные прототипы, а содержащиеся в фольклорном тексте описания фактов и событий прошлого почти полностью соответствуют действительности.

В контексте изучения проблемы историзма эпоса противоположную точку зрения высказал В.Я. Пропп, полагавший, что произведения героического жанра устной словесности «характеризуют лишь определенную эпоху с комплексом её неповторимых, специфических черт, а не реальные процессы социально-экономического и политического развития общества с их известными действующими лицами» [Пропп 1962: 37]. Но указанный автор иногда исключал применение сформулированного им же теоретического принципа из собственной исследовательской практики. В частности, при

характеристике отдельных произведений московского цикла русского былевого эпоса, В.Я. Пропп фактически отождествлял конкретные исторические события и соответствующие сюжеты рассматриваемых героических сказаний [Пропп 1958]. Но для исследования архаических форм устного народного творчества теория стадияльной структуры эпического историзма сохраняет значительную научную ценность при условии осуществления определенной корректировки её гносеологического содержания. Она отчасти проведена в работах Н.А. Мещерского, Л.И. Емельянова, Г.С. Липец и Ф. М. Селиванова [Мещерский 1984; Емельянов 1984; Липец 1969; Селиванов 1984]. По мнению указанных авторов, механическое применение теоретических методов, приемлемых для источникововедческого изучения классических и переходных видов героического эпоса, к анализу ранних произведений устной словесности приводит «к искажению смысла содержащейся в них исторической информации, состав которой характеризуется единством и неразрывной связью социально-экономических, политических и культурных фрагментов прошлого» [Емельянов 1984: 78]. Данная точка зрения соответствует теоретическим принципам известного исследователя русских былин Л.Н. Майкова, который еще в позапрошлом столетии рассматривал отражение истории этноса в созданном им эпическом памятнике в качестве «широкой панорамы, где слились воедино бытовые и общественные элементы» [Майков 1863: 40]. Более умеренную и компромиссную позицию занимал Д.С. Лихачев, исходивший из того, что «эпос стоит выше отдельных реалий исторического быта и выражает общие представления народа о конкретном периоде его жизни и деятельности» [Лихачев 1973: 67].

Но как представляется, рассмотренные точки зрения относительно проблемы эпического историзма не учитывают в полной мере специфику отражения отдаленной действительности в содержании различных памятников этого жанра устного народного творчества. В архаических формах эпоса отсутствуют характеристики исторических личностей и описание реальных событий прошлого, но они содержат ценную информацию об определенном периоде социально-экономического, политического и культурного развития отдельных этнических общностей, в среде которых создавались произведения героической устной словесности. Однако в содержании некоторых фрагментов эпических памятников достаточно четко зафиксированы конкретные факты и важные подробности, относящиеся к различным областям жизни творивших их социумов. Это позволяет говорить об ошибочности трактовки особенностей эмпирической основы фольклорного творчества, сформулированной в трудах В.Я. Проппа и его последователей. Таким образом, в архаических формах эпоса «закодирована» информация, характеризует определенную историческую эпоху в целом, а также отдельные процессы, явления и даже единичные факты, относящиеся к ней.

Другой важной проблемой, связанной с интерпретацией содержания ранних эпических памятников, является изучение и применение различных методов их текстологического исследования. Центральным вопросом современной экзегетики следует признать определение понятия «фольклорный

текст», причем в современной историографии имеется несколько вариантов его решения. В частности, Д.С. Лихачев рассматривал указанный феномен в качестве «языкового выражения замысла его создателя», а С.Н. Азбелев видел в нем «совокупность элементов звуковой или письменной речи, оформляющую результат работы сознания» [Лихачев 1962: 12; Азбелев 1966: 81]. Но наиболее точное, соответствующее специфической природе исследуемого эмпирического материала определение данного понятия предложил Б.Н. Путилов, по мнению которого «фольклорный текст представляет собой словесное произведение народного творчества, зафиксированное и закрепленное в записи с помощью любого из известных технических средств» [Путилов 1976: 56].

Собственно текстологическое исследование начинается с выявления так называемого архетипа, который С.Н. Азбелев рассматривал в качестве «наиболее раннего варианта конкретного эпического памятника, выделяемого посредством сравнительного анализа всех доступных для изучения исторических версий этих героических сказаний» [Азбелев 1966: 83]. Специфику исследуемого эмпирического материала определяет то обстоятельство, что данный фрагмент эпоса может являться одновременно и пратекстом, к которому генетически восходят все существующие и даже утраченные в процессе развития фольклорной традиции разновидности данного произведения устной словесности. Следующим этапом текстологического изучения архаических памятников эпического жанра представляется реконструкция связей между вариантами определенного цикла героических сказаний, которая осуществляется посредством воссоздания системы хронологических и смысловых протографов. В упрощенном толковании задачи современного исследователя состоят в определении конкретного оригинала для каждого данного текста произведения устной словесности и построении определенной генетической иерархии, восходящей в завершенном виде непосредственно к архетипу. Необходимо также рассмотреть систему объединения различных вариантов в рамках определенных изводов и редакций, которые представляют собой своеобразные группы эпических версий, сформировавшиеся в результате исторической трансформации общего протографа. По мнению Д.С. Лихачева, принципиальные различия между различными комплексами героических сказаний заключается в том, что «степень осознанности изменений фольклорного текста, проводимых конкретным автором или творческим коллективом, не всегда была одинаково высокой» [Лихачев 1962: 126]. С.Н. Азбелев высказал другую точку зрения, согласно которой «появление очередного извода отражает естественный процесс увеличения общего числа эпических сюжетов, а формирование новой редакции свидетельствует об осуществлении качественной трансформации их внутреннего содержания» [Азбелев 1966: 86]. Но, как представляется, сформированные этими исследователями теоретические принципы в совокупности характеризуют различные аспекты этой единой проблемы создавая целостную картину своеобразного генезиса «крупных фольклорных общностей» [Петросян 1982: 44]. Последним этапом текстологического изучения архаических памятников эпического жанра следует признать

непосредственный анализ конкретных версий тех или иных произведений устной словесности, заключающийся в определении неизменных фрагментов и специфических особенностей их реального содержания. По мнению Б.Н. Путилова, «современная экзегетика фольклора должна основываться на безоговорочном признании той очевидной истины, что каждая запись фиксирует лишь момент в жизни эпоса и представляет собой один из бесконечного множества его возможных и существующих вариантов» [Путилов 1975: 31]. Данное утверждение известный отечественный фольклорист рассматривает в качестве общего текстологического закона для изучения различных эпических памятников, справедливо указывая при этом на необходимость «комплексного исследования отдельных разновидностей героических произведений устной словесности» [Путилов 1975: 38]. Таким образом, конечной целью критического анализа фольклорного текста является типологическая реконструкция генетической системы изменений его формы и содержания, которая позволяет достаточно точно определить первоначальную историческую основу соответствующих сказаний и описать многоуровневую структуру формирования конкретных вариантов и версий архаического эпоса.

Важнейшей проблемой источниковедческого изучения ранних эпических памятников представляется также определение роли и значения сравнительного метода в комплексном исследовании произведений героического жанра устной словесности. По мнению известного нартоведа В.И. Абаева, «главной причиной относительного застоя в поступательном развитии методики научного анализа архаических форм эпоса является негативное или пренебрежительное отношение большинства отечественных и зарубежных фольклористов к вопросам сравнения отдельных вариантов и версий соответствующих сказаний» [Абаев 1957: 20]. В предшествующей и современной историографии имеют место противоположные точки зрения относительно гносеологической природы сравнительно-исторического метода и его конкретного значения для исследования ранних эпических памятников, что определяется существенным различием в понимании особенностей генезиса и реального функционирования фольклорной традиции среди представителей некоторых научных школ и направлений. В частности, сторонники теории заимствования рассматривали сравнение в качестве основного методологического принципа, используемого для определения конкретных маршрутов и способов миграции отдельных идей, сюжетов и образов героического эпоса [Кокьяра 1960]. Представители же русской исторической школы и их последователи видели в нем один из главных методов ретроспективного изучения различных произведений устной словесности, итоговой целью которого являлась фундаментальная реконструкция их первоначальной основы посредством своеобразного «освобождения» их реального содержания от позднейших искажений [Аникин 1963; Калоев 1963]. Оригинальную теоретическую схему предложил один из создателей структурного направления в отечественной фольклористике Б.Н. Путилов, по мнению которого в качестве важнейшего объекта сравнительного анализа должны рассматриваться особые эпические формулы, «сохранившиеся в

неизменном виде от времени создания конкретного памятника народного творчества» [Путилов 1963: 36]. Как представляется, указанные точки зрения на роль и значение сравнительного анализа различных произведений героической устной словесности и отдельных фрагментов их содержания, в совокупности составляют стройную систему исследовательских операций, результатом которых является определение типичных и специфических элементов информационного наполнения соответствующих сказаний. Таким образом, в контексте анализа предлагаемой проблематики сравнительно-исторический метод должен применяться для выявления общих и особенных черт генезиса и развития архаических памятников эпического жанра, а также конкретных причин, вызвавших их появление в рамках универсальной фольклорной традиции.

Механизм сравнения произведений героического жанра устной словесности имеет сложную, многоуровневую структуру, содержание отдельных фрагментов которой определяется спецификой исследуемого эмпирического материала. Первым этапом соответствующего изучения архаических сказаний следует признать сравнительный анализ независимых эпических памятников, основу которого составляет выявление некоторых общих закономерностей и тенденций социально-экономического, политического и культурного развития этнических групп, создавших конкретные фольклорные тексты, а также характеристика определенных особенностей их реальной жизнедеятельности. В частности, указанные исторические источники достоверно описывают общность процессов перехода от господства материнского рода к патриархату у карельских племен и кочевников Восточной Сибири – якутов, но одновременно изображают серьезное технологическое различие в формах производства и обработки металлов у аборигенных народов Северного Кавказа и жителей юго-восточных районов современной Финляндии.

Вторым этапом сравнительного исследования архаических памятников эпического жанра является типологическая характеристика неизменных фрагментов и специфических особенностей локальных, региональных и национальных вариантов отдельных произведений героического эпоса, формирование которых непосредственно связано с конкретными периодами этнической истории их создателей. Результаты комплексного изучения ранних видов эпоса свидетельствуют, например, что осетинские сказания о нартах в значительной степени отличаются от абхазских и адыгейских аналогов; карельская версия «Калевалы» и соответствующие финские руны по-разному освещают некоторые аспекты социально-экономического, политического и духовного развития народов северо-восточного региона Европы; сюжеты олонхо, сложившиеся в южных районах современной Якутии, отражают реальные исторические факты местного масштаба, описания которых, естественно отсутствуют в содержании других территориальных разновидностей данного фольклорного источника. Однако, среди отечественных исследователей распространено скептическое отношение к проблеме изучения различных вариантов архаических памятников эпического

жанра. Оно основывается на ошибочном представлении об исключительно негативном характере содержательных изменений, происходящих в процессе формирования национальных версий отдельных произведений устной словесности. По мнению В.П. Аникина, «классификация героических сказаний по географическому признаку не затрагивает существенные свойства эпоса, так как его местные редакции составлены на основе искаженных фрагментов первоначального содержания фольклорного текста» [Аникин 1953: 19; Аникин 1984: 15]. Но, как представляется, более обоснованную точку зрения в контексте изучения данной проблематики высказывали известные отечественные исследователи П.Н. Рыбников, А.Ф. Гильфердинг и В.Ф. Миллер, которые рассматривали применение сравнительно-исторического метода на уровне анализа отдельных вариантов ранних эпических памятников в качестве универсального средства для определения степени достоверности содержащейся в них информации [Азадовский 1958].

Современный последователь указанной теории Ю.А. Новиков выдвинул интересный тезис о том, что сравнение различных версий единого произведения героического жанра устной словесности способствует выявлению недостоверных текстов эпоса, которые, как правило, содержат вымышленные сведения об уникальных фактах и событиях [Новиков 1984]. По мнению данного исследователя, «специфика региональных традиций прежде всего проявляется в их сюжетном составе, который изменяется в зависимости от местных условий» [Новиков 1984: 68]. В частности, на территории Бзыбского района современной Абхазии преобладают нартские сказания из цикла Сасрыквы, отражающие период матриархата, а в Самурзаканской области в большей степени распространены другие эпические версии, объединенные вокруг образов Цвицва и Сатаней-Гуаши, характеризующие эпоху господства патриархальной семьи [Агрба 1971]. В качестве второго уровня региональных различий Ю.А. Новиков рассматривал местные особенности стилистической и содержательной обработки конкретного сюжета, к числу которых он относил последовательность изложения отдельных эпизодов и мотивов, а также определенные нюансы в типологической характеристике некоторых персонажей [Новиков 1984]. В частности, в содержании карельской версии «Калевалы» Вяйнямейнен сначала очищает громадный участок леса под пашню и лишь затем начинает посевные работы, а в аналогичных по форме и действующим лицам финских сказаниях имеются только конкретные описания его земледельческого труда, без упоминания событий, предвещающих появление данной отрасли первобытного хозяйства [Калевала... 1989; Мелетинский 1963]. К третьему уровню локальных различий эпических текстов относятся так называемые «подробности изложения», основу которых составляют местные топонимы и гидронимы, постоянные эпитеты, клишированные формулы использованные для последовательного описания повторяющихся действий [Новиков 1984]. В частности, сюжеты нартского эпоса адыгов, перенесенные мухаджирами на территорию Турции и других государств Ближнего и Среднего Востока, существенно отличаются от соответствующих сказаний, сохранившихся на землях их исторической родины

спецификой лингвистической обработки отдельных фрагментов их содержания, заключающейся в значительном изменении собственных имен героев, искажении звучания географических терминов и привнесении некоторых структурных элементов, заимствованных из конкретной схемы развития повествования в большинстве арабских сказок [Алиева 1969].

Третьим этапом сравнительного анализа архаических памятников эпического жанра является содержательное хронологическое исследование иерархического состава различных вариантов единого фольклорного источника. Теоретическую основу для проведения сопоставительного изучения структурных элементов отдельной версии заложили представители мифологического направления в современной фольклористике. Она предполагает разделение любых произведений героического жанра устной словесности на две составные части: древнейшее ядро эпоса и огромный массив последующих наслоений. По мнению известного шведского неомифолога Г. Виландера, в эпическом памятнике необходимо выделять так называемую базовую субструктуру имеющую мифологический характер, и глобальную суперструктуру, интегрирующую хронологические и стадийные изменения соответствующего фольклорного текста [Кокьяра 1960: 415]. Однако, анализ конкретного эмпирического материала показывает, что данная точка зрения относительно иерархического состава архаических форм эпоса не совсем адекватно отражает специфику их генезиса и реального функционирования, так как первоначальное ядро героических сказаний характеризует определенную героическую эпоху, относящуюся лишь к несколько более раннему периоду развития человеческого общества, нежели последующие текстологические дополнения. Присутствие же мифологических элементов в содержании рассматриваемых произведений является неизбежным следствием своеобразного процесса их формирования, который осуществлялся в условиях всеобъемлющего идеологического синкретизма, свойственного обществу мировоззрению первобытного коллектива и индивидуальному сознанию его рядовых представителей. Главная задача современного исследователя заключается в четком определении подобной информации и последующем её устранении из сферы исторического анализа эпического текста на этапе внешней критики данного источника, которая непосредственно связана с позитивным решением проблемы генезиса соответствующих архаических памятников фольклорного творчества. В контексте предлагаемых замечаний неизбежна определенная переоценка некоторых положений теории Г. Виландера, состоящая в кардинальном изменении первоначального значения отдельных элементов созданного им понятийного аппарата. Как представляется, термином «базовая субструктура» следует обозначать древнейшее историческое ядро архаического памятника эпического жанра, основу которого могут составлять не только полные и завершённые циклы героических сказаний, но и исходные фрагменты конкретных сюжетных линий, связывающих воедино большую часть последующих дополнений фольклорного архетипа. Указанные хронологические стадийные изменения первоначального текста произведений устной словесности в значительной мере

объединяет введенное Г. Виландером понятие «глобальной суперструктуры», реальное содержание которого полностью соответствует теоретическому определению шведского исследователя.

В зависимости от характера и продолжительности процессов генезиса и реального функционирования изучаемых архаических памятников эпического жанра возможны два варианта проведения сравнительно-исторического анализа на уровне иерархического состава конкретных версий героических сказаний. Реализация первого из них предполагает исследование отдельных периодов эволюционного развития определенной этнической общности основой которого является комплексная интерпретация достоверных фрагментов содержания рассматриваемого произведения устной словесности. В частности, адыгейский вариант нартского эпоса полностью сложился в среде древнейшего аборигенного населения Западного Кавказа, причем роль внешних влияний в процессе его формирования не представляется значительной. Во втором же случае применения сравнительно-исторического метода к исследованию «базовой субструктуры» и «глобальной суперструктуры» архаических памятников эпического жанра объектом многоуровневого анализа становится деятельность различных этнических групп, принимавших непосредственное участие в создании и сохранении конкретной версии изучаемого фольклорного источника. В частности, первоначальное ядро осетинских нартских сказаний сформировалась в среде носителей кобанской археологической культуры, но последующее развитие эпоса тесно связано с творческой активностью ираноязычных сармато-аланских племен, которые ассимилировали аборигенное население Центрального Кавказа и дополнили местный фольклор собственными сюжетами и образами. Более того, указанный вариант общекавказского архаического эпоса испытал еще и серьезное монгольское влияние, хронологически совпадающей с периодом завершающей циклизации отдельных сказаний. Таким образом, выявление общего и особенного на уровне иерархической структуры эпической версии позволяет рассмотреть специфические черты эволюционного развития конкретных этнических общностей, участвовавших в процессе её формирования; определить роль внешних влияний в генезисе и бытовании данного фольклорного источника; выяснить некоторые фрагменты исторической трансформации базовой субструктуры тех или иных произведений героического жанра устной словесности, завершающейся генетическим объединением циклов сказаний и окончательным замыканием их сюжетных линий. В целом, исследование основных аспектов применения сравнительного метода в источниковедении ранних форм эпоса свидетельствует о целесообразности использования указанного способа познания действительности в рамках масштабного анализа отдельных видов народного творчества.

Последним этапом разработки теоретических проблем, связанных с осуществлением исторической интерпретации определенных фрагментов содержания архаических памятников эпического жанра, является практическая реализация выработанных исследовательских принципов. В процессе конкретного анализа информации, содержащейся в избранных произведениях

героического жанра устной словесности, необходимо рассмотреть некоторые частные приемы источниковедческой обработки фольклорного текста, а также осуществить специфическую реконструкцию традиционной модели общественного развития первобытного коллектива, отраженной в общекавказских нартских сказаниях, карело-финской «Калевале» и якутских олонхо. В ходе практического исследования исторического содержания архаических памятников эпического жанра необходимо осуществить критический анализ и последующее распределение имеющегося эмпирического материала для дополнения археологической характеристики четырех главных областей функционирования любого социума: экономической, социальной, регулятивной (политической) и духовной.

Основной отраслью хозяйственной деятельности древнейшего аборигенного населения Северного и Западного Кавказа по данным нартского эпоса являлась развитое скотоводство. Подавляющее большинство героев соответствующих сказаний занимается разведением овец, коров и лошадей [Приключения... 1962; Нарты 1957]. И это подтверждается результатами археологических исследований В.И. Козенковой, Е.И. Крупнова, Е.Г. Пчелиной и Л.П. Семенова по мнению которых отдельные домашние животные становились даже объектами своеобразных религиозных представлений [Козенкова, Ложкин 1981; Крупнов 1951; Семенов 1957b; Пчелина 1945]. Скотоводство имело эйлажный или отгонный характер, в эпических текстах содержится информация о многочисленных сезонных миграциях «воинственных пастухов с громадными стадами» [Альбов 1893: 326]. По-видимому, преобладание данной отрасли хозяйственной деятельности в значительной степени соответствовало специфическому образу жизни нартского общества, для которого грабительские «походы за славой» были одним из средств обеспечения достойного существования. Согласно сведениям большинства сказаний земледелие имело подчиненное значение, а главными его продуктами являлись просо и ячмень, семена которых были обнаружены отечественными археологами на территории древних поселений, относящихся к периоду расцвета кобанской культуры [Абаев 1939; Абхазские сказания... 1961; Алексеева 1960; Биджиев 1980; Бжания 1966]. Особой сферой хозяйственной деятельности было виноградарство и тесно связанное с ним производство хмельных напитков, которые в немалых количествах употреблялись в ходе шумных нартских пиров. По сведениям героических сказаний серьезная роль в развитии первобытной экономики у аборигенных народов Северного и Западного Кавказа принадлежала индивидуальной и коллективной охоте, причём сцены погони за оленем отразились даже в орнаментации колхидских и кобанских бронзовых топоров [Абхазские сказки... 1994; Осетинские народные... 1978; Воронов, Гунба 1978; Семенов 1946; Козенкова, Найденко 1980]. В эпических текстах имеются упоминания о пчеловодстве но оно не являлось основным занятием для представителей нартского общества.

Огромную роль в развитии первобытной экономики играет выплавка и обработка различных металлов, которая выступает в качестве основы раннего

ремесленного производства. Для общекавказских нартских сказаний также характерен «металлургический апофеоз, отразившийся в создании собирательных образов великих кузнецов Айнар-Ижьи, Тлепша и Курдалагона» [Осетинские тексты... 1868; Салакая 1976]. Археологические исследования свидетельствуют о том, что Северный Кавказ в древности являлся одним из центров производства металла, наивысший уровень которого относится к кобанской эпохе [Крупнов 1958; Козенкова 1989; Семенов 1957а]. Следовательно, данные археологии прекрасно дополняются ценной информацией содержащейся в большинстве национальных и региональных версий нартского эпоса. Среди других видов раннего ремесленного производства, упоминающихся в отдельных эпических сюжетах, следует выделить прядение и ткачество, которые являлись специфическим женским занятием [Липкин 1958; Аншба 1982; Инал-Ипа 1965].

Социальная организация нартского общества, отображенная в героических сказаниях, имеет сложный характер, так как она объединяет противоречивые элементы матриархата, патриархата и так называемой «военной демократии». Как представляется, отдельные версии рассматриваемого архаического памятника эпического жанра описывают различные этапы догосударственного развития соответствующих социумов, что непосредственно связано с особенностями их генезиса и последующего бытования. В частности, в абхазском варианте нартских сказаний упоминается единственная семья, которой управляет легендарная Сатаней-Гуаша или Сатана – мать героев эпоса [Абхазские сказки... 1959; Инал-Ипа 1949]. В осетинской же версии Нартиады исследуемое общество разделено на три главных рода – Алагата, Ахсартакката и Бората, представитель которых находится в состоянии перманентной вражды [Абаев 1935; Далгат 1988]. В содержании данного варианта сказаний о нартах имеются четкие указания на наличие социальной стратификации и дифференциации, вызванной имущественным расслоением внутри единого коллектива прежних родственников [Осетинские нартские... 1948; Кузнецов 1980; Туганов 1946]. Подобная ситуация привела к острым конфликтам между представителями враждующих родов, описание которых составляют содержание значительного числа сюжетов осетинского нартского эпоса. В других версиях общекавказских героических сказаний – карачаево-балкарской, адыгейской и кабардинской – изображается переходная эпоха от патриархата к «военной демократии», характеризующаяся усилением социального неравенства при формальном сохранении большинства институтов прежней родовой организации [Алиева 1969; Холаев 1974]. Содержание же специфического нарт-орстхойского эпоса вайнахов свидетельствует о господстве классических патриархальных отношений среди его создателей, так как род является главным элементом общественной структуры при отсутствии видимых признаков его разложения [Поэзия народов... 1954; Далгат 1972; Мальсагов 1970]. Изучение социальных отношений по сведениям архаических памятников эпического жанра имеет интересный источниковедческий аспект сущность которого заключается в необходимости детального анализа параллельной исторической эволюции отдельных образов соответствующих

произведений устной словесности. Данная трансформация внутреннего содержания описаний персонажей эпоса прекрасно характеризует процесс перехода от господства материнского рода к преобладанию патриархальной семьи, который сопровождается «превращением слабого пастуха в гордого витязя, а всевластной хозяйки большого дома – в жалкую служанку мужа» [Салакая 1969]. Указанная теория была сформулирована в исследованиях З.В. Абаевой и Ш.Х. Салакая, рассматривавших эпическую эволюцию образов Сатаны и Нарджхеу [Абаева 1963; Абаева 1969]. Таким образом, общекавказские сказания о нартах описывают длительный процесс перехода от господства материнского рода к эпохе «военной демократии», протекавший в среде их создателей в период генезиса указанных произведений устной словесности.

Политические отношения в архаическом обществе еще не выделились в отдельную сферу, что определяется отсутствием публичной власти, реально управляющей подчиненными индивидами. Общекавказские сказания о нартах описывают своеобразную систему родовой демократии, в рамках которой главную роль играет народное собрание, объединяющее взрослое мужское население [Миллер 1881; Ванети 1935; Далгат 1975]. В период организации военных экспедиций власть переходила к выборному вождю, который управлял не только собственной дружиной, но и большинством общественных групп. Известный исследователь Ж. Дюмезиль отмечал тот факт, «нарты проводят время в далеких походах, называемых балцами и продолжающихся целый год, во время которых они живут охотой и грабежом» [Дюмезиль 1990: 56]. Но, как представляется, масштабное отражение военных действий в содержании различных сюжетов общекавказского героического эпоса свидетельствует о наличии постоянной внешней угрозы, которая требовала создания соответствующей общественной организации, подготовленной к постоянным кровопролитным конфликтам. Исследователь нарт-орстхойских сказаний вайнахов А.О. Мальсагов полагал, что они «являются художественным описанием борьбы местных аборигенов против мощных нашествий северных кочевников» [Мальсагов 1970: 114]. В целом политическая организация изучаемого общества была основана на принципах родовой демократии, имевшей военизированный характер вследствие специфических условий ее функционирования.

Духовная культура аборигенного населения Северного и Западного Кавказа, согласно сведениям нартского эпоса, была неразрывно связана с первоначальными религиозными представлениями её создателей. В исследуемый период господствующими формами общественного сознания являлись ранние формы первобытной религии – анимизм, фетишизм, тотемизм и магия, но уже наметилась тенденция к оформлению политеизма, отразившаяся в содержании общекавказских героических сказаний [Героический эпос... 1975; Габараев 1969; Кабисов 1972]. В пантеоне местных богов особые места занимали владыка зверей Афсати, покровитель воинов Уастырджи и небесный кузнец Курдалагон, что полностью соответствует специфическому образу жизни нартского общества [Джанашвили 1894;

Мелетинский 1957; Кабисов 1972]. В контексте анализа данной проблематики представляется интересным сопоставление процедуры кремации погибших эпических героев и похоронного обряда, использовавшегося представителями кобанской археологической культуры. Результаты исследований В. И. Козенковой свидетельствуют о том, что описанные в эпосе и реконструированные археологически варианты погребальной церемонии практически идентичны, а, следовательно, необходимо признать достоверность изображения конкретных исторических фактов в содержании данного архаического памятника эпического жанра [Абаев 1939; Дюмезиль 1976; Козенкова 1982]. Таким образом, менталитет создателей нартского эпоса определялся их религиозными представлениями, сформировавшимися на основе непосредственного восприятия окружающей действительности.

В содержании карело-финской «Калевалы» отсутствуют конкретные указания на приоритетный характер отдельных отраслей первобытного хозяйства, что свидетельствует об одинаковом значении земледелия, скотоводства, охоты и рыболовства для общего характера экономической жизни северо-восточного региона Европы в догосударственный период. В ранних вариантах сказаний в роли основного занятия местного населения выступает рыбная ловля, которая осуществляется двумя способами – сетевым и загонным [Карельские... 1950; Гурина 1961; Панкрушев 1964]. В первом случае рыбаки на лодках ставят сети или забрасывают невод в отдалении от берега, а во втором они устраивают своеобразную подводную ограду в одном из многочисленных заливов Онежского озера, а затем при помощи факелов в ночное время приманивают рыбу и перекрывают ей обратный путь. В данной ситуации особое значение приобретало строительство челнов и баркасов, причем последние использовались и при охоте на тюленей, которая осуществлялась в ходе экспедиций на Белое море. Лодки в зависимости от размеров изготавливались также двумя способами: выжигались из цельного ствола дерева и собирались из звериных шкур, натягиваемых на остов из можжевельника [Калевала... 1949; Евсеев 1957; Брюсов 1940]. Наскальные рисунки Залавруги и Бесова Носа свидетельствуют о том, что созданные однодревки могли вмещать значительное число гребцов и, вероятно, были весьма устойчивы на воде [Равдоникас 1936; Савватеев 1967; Формозов 1966].

Охота упоминается в «Калевале» гораздо реже, чем рыболовство, а главными её объектами являются олени, лоси, медведи и даже лебеди [Калевала... 1970; Евсеев 1957; Мелетинский 1963]. Отдельным видом деятельности охотников были далекие экспедиции по рекам Выг и Кемь на Белое море для промысла тюленей, в ходе которых нередко происходили вооруженные столкновения с представителями местных племен. Указанные конфликты, а также фрагменты коллективной загонной охоты на оленей и лосей, нашли прямое отражение не только в рунах «Калевалы», но и петроглифах Новой Залавруги и Бесовых Следков [Брюсов 1938; Гурина 1967; Савватеев 1968]. Земледелие, по сведениям карело-финского героического эпоса носило подсечно-огневой характер и не отличалось высокой производительностью труда, что определялось использованием примитивных

орудий производства и низкой плодородностью каменистой почвы [Карельские... 1950]. В рунах упоминается только стойловое содержание скота, причем лошади и быки использовались главным образом в качестве тягловой силы при обработке земли [Карельские... 1950]. Указания на реальное существование скотоводства и земледелия отражают конкретные исторические факты, относящиеся к последнему периоду формирования «Калевалы», в течение которого каменные орудия производства постепенно вытесняются железными. Апофеоз местной металлургии выразился в создании титанического образа кузнеца Ильмаринена, который «научил людей добывать, выплавлять и обрабатывать железную руду» [Карельские... 1950: 28-36; Евсеев 1957: 72]. Согласно содержанию героических сказаний поиск болотного железа осуществлялся посредством изучения следов диких животных оставленных ими на поверхности торфяников, что полностью соответствует реальной действительности. Интересным представляется и то обстоятельство, что легендарный Ильмаринен занимается не только специфическим кузнечным ремеслом, но и охотой, рыболовством и отчасти земледелием. По-видимому, подобная полифункциональность его образа отражает низкий уровень разделения труда, который определял отсутствие самостоятельного значения ранних форм местной металлургии.

В содержании карело-финских сказаний о героях просматриваются различные периоды социальной эволюции указанных этнических общностей в догосударственный период, но особенно четко они описывают характерные черты матриархата. По мнению Е.Г. Кагарова и В.М. Жирмунского, данному этапу общественного развития первобытного коллектива соответствуют указания на матриликальный характер расселения героев «Калевалы», упоминания о родстве Вяйнямейнена и Лемминкяйнена исключительно по материнской линии, а также сохранившиеся элементы партеногенеза [Кагаров 1935; Жирмунский 1962]. Реальным отражением матриархата в рунах является образ Лоухи, которая единолично возглавляет «враждебный создателям эпоса» род Похьолы [Калевала... 1989].

Однако, большой материнский род Пейяве постепенно превращается в патриархальную семью, о чем свидетельствует в отдельных вариантах сказаний образа грозного хозяина, обладающего огромной властью [Калевала... 1989; Калевала... 1970]. Процесс перехода к патриархату отражен в рунах о кровной мести и похищении девушек, которые лишаются права свободного вступления в брак [Калевала... 1949; Карельские... 1950]. В поздних вариантах сказаний даже род Похьолы превращается в большую патриархальную семью, внутри которой намечается социальное расслоение, связанное с появлением образа домашнего раба – пастуха Куллерво [Калевала... 1989; Евсеев 1957: 133-144]. Таким образом, руны «Калевалы» достоверно описывают эпоху господства материнского рода и длительный переходный период, завершившийся окончательной победой патриархата.

В содержании карело-финских героических сказаний отсутствуют сведения о конкретных политических институтах, но имеется косвенная информация о конфликтах создателей эпоса и их соседей. В частности, в рунах

«Калевалы» о военных походах Лемминкяйнена, по-видимому, отражены реальные воспоминания о борьбе предков карелов и финнов с племенами каргопольской и беломорской культуры, а в более поздний период – с северными кочевниками саамами [Калевала... 1949; Брюсов 1952; Фосс 1952]. Данное предположение отчасти подтверждается сведениями археологии, а также результатами анализа наскальной живописи Залавруги и озера Ерпин-Пудас [Савватеев 1987; Савватеев 1969]. Как представляется, носители карельской археологической культуры подвергались мощному давлению с севера и востока, фрагменты сопротивления которому сохранились в содержании местного архаического эпоса.

В основе духовной культуры создателей «Калевалы» лежали различные формы первобытной религии – тотемизм, анимизм и шаманизм, хотя в её рунах также описывается процесс постепенного перехода к политеизму, выразившейся в появлении лесного божества Тапио и «Владыки морей Ахто» [Калевала... 1989; Равдоникас 1937; Евсеев 1957]. Финский исследователь В. Сальминен подробно охарактеризовал погребальные обряды, конкретные сведения о которых имеются в содержании отдельных сказаний [Евсеев 1957; Жирмунский 1950; Никифоров 1934]. В частности, обычай захоронения покойника в деревянном срубе, подземное погребение в скорченном положении и процедура кремации умершего в лодке соответствует описаниям отечественных археологов, занимавшихся изучением материальных памятников карельской культуры [Карельские... 1950; Гурина 1951; Панкрушев 1964]. В целом, мировоззрение создателей карело-финского эпоса было, по-видимому, непосредственно связано с их религиозными представлениями, в особенности с культом предков и зоологическим тотемизмом.

Согласно содержанию олонхо основной отраслью хозяйственной деятельности якутов являлось кочевое скотоводство, которое дополнялось охотой и рыболовством, имевшими второстепенное значение [Якутский фольклор... 1936; Пухов 1962]. В отдельных героических сказаниях упоминаются многочисленные предметы скотоводческого быта, а также охотничье и боевое оружие – луки, стрелы, мечи, ножи и топоры [Якутские сказки... 1967; Эргис 1974]. Результаты археологических экспедиций частично подтверждают сведения, содержащиеся в олонхо, а в некоторых случаях общая историческая картина дополняется достоверными свидетельствами позднейших письменных источников [Борисов 1961; Окладников 1959; Окладников 1946]. Особое место в содержании якутских героических сказаний занимают описания способов обработки металлов (бронзы и железа), которые отчетливо отразились в сюжетах о легендарных кузнецах «Кытай-Бахсы» [Якутский фольклор... 1936]. Однако, наряду с железными и бронзовыми ножами, мечами, топорами и наконечниками копий, в олонхо упоминаются костяные и даже каменные орудия труда, которые были широко распространены в рыболовстве [Эргис 1974]. Таким образом, в якутских героических сказаниях нашли отражения традиционные занятия их создателей, характерные для первобытной эпохи в истории Восточной Сибири.

По мнению известного исследователя И.В. Пухова, «олонхо охватывают период разложения родового строя и дают обширный материал для определения истинных отношений между его творцами» [Пухов 1962: 25]. Основу социальной структуры якутов, изображенной в архаических сказаниях, составляла большая патриархальная семья, внутри которой особым статусом обладали, с одной стороны, так называемые родоначальники племени, а с другой – домашние рабы [Емельянов 1980]. В содержании якутского героического эпоса отразился и начальный этап имущественной дифференциации, хотя собственность в большинстве случаев формально остается коллективной [Якутский фольклор... 1936; Емельянов 1980]. Упоминаются в олонхо и факторы социального расслоения, так как герои и их ближайшие родственники выступают в роли своеобразной родовой аристократии [Пухов 1962]. Как представляется, якутские героические сказания описывают переходный период от традиционного общества к появлению ранних форм государственности, отразившейся в процессе постепенного разложения классических патриархальных отношений.

В содержании олонхо отсутствует упоминание об определенных политических институтах, зато подробно описываются внутриплеменные столкновения и вооруженные конфликты с тунгусами. По мнению Н.В. Емельянова, «борьба между соседними народами имела перманентный характер, который определялся постоянными экономическими причинами» [Емельянов 1980: 82]. Действительно, предметом ожесточенных споров между якутами и тунгусскими племенами являлись удобные пастбища и охотничьи угодья, наличие которых определяло перспективы развития традиционной экономики в условиях экстенсивного хозяйствования. Реальный характер указанных фактов подтверждается данными археологии, а также сведениями позднейших письменных источников, указывающими на сохранение рассмотренной конфликтной ситуации вплоть до середины XVIII столетия [Окладников 1947; Архипов 1985]. Справедливости ради следует отметить то обстоятельство, что в содержании олонхо описываются и мирные контакты между якутами и тунгусами, в ходе которых формировались первоначальные обменные отношения [Якутские сказки... 1967]. Однако различные этнические столкновения являлись главным фактором развития исследуемого региона в период создания соответствующих героических сказаний, что подтверждается сведениями дополняющих источников.

Основу духовной культуры творцов олонхо составляла господствующая форма первобытной религии – шаманизм, отдельные элементы которого упоминаются в содержании большинства локальных и региональных версий якутского архаического эпоса [Якутский фольклор... 1936]. Но процесс перехода к политеизму отразился в эволюции героических сказаний. Это выразилось в постепенном оформлении пантеона, исчезновении из указанных произведений устной словесности мотивов оборотничества, обожествления родоначальников племени и даже конкретных исторических личностей, среди которых, безусловно, выделяется фигура Чингис-хана [Эргис 1974]. В целом, общественное и индивидуальное мировоззрение создателей якутского

героического эпоса отличалось известным синкретизмом, свойственным первобытному сознанию, представлявшему собой совокупность практических, религиозных, мифологических и исторических представлений.

Таким образом, ключевой задачей интерпретации содержания отдельных фрагментов архаических памятников эпического жанра является определение реальных фактов и событий, составивших основу генезиса соответствующих сюжетов и образов. Реализация указанного теоретического принципа осуществляется посредством комплексного применения типологического, генетического, текстологического и сравнительно-исторического методов, характеризующих различные аспекты исследуемой проблематики. Даже предварительные результаты обзорного рассмотрения исторического содержания общекавказских сказаний о нартах, карело-финской «Калевалы» и якутских олонхо, полученные в рамках предлагаемой работы, свидетельствуют о необходимости дальнейшего источниковедческого анализа архаических памятников эпического жанра.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абаев 1939 – *Абаев В.И.* Из осетинского эпоса. Десять нартских сказаний. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – 134 с.

Абаев 1935 – *Абаев В.И.* О собственных именах нартского эпоса // Язык и мышление. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – Том 5. – 77 с.

Абаев 1957 – *Абаев В.И.* Проблемы нартского эпоса // Нартский эпос. Материалы совещания 19-20 октября 1956 г. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1957. – С. 10-23.

Абаев 1958 – *Абаев В.И.* Сармато-Боспорские отношения в отражении нартских сказаний // Советская археология. – 1958. – Т. 28. – С. 54-62.

Абаева 1963 – *Абаева З.В.* К образу Сатаны нартского эпоса // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. – 1963. – Т. 12. – С. 74-86.

Абаева 1969 – *Абаева З.В.* Сатана – Сатаней-Гуаша (Эпический образ и художественный контекст) // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. – М.: Наука, 1969. – С. 112-127.

Абхазские сказания... 1961 – *Абхазские сказания.* – Сухуми: Абгосиздат, 1961. – 136 с.

Абхазские сказки... 1994 – *Абхазские сказки и легенды.* – М.: «ДИ-ДИК», 1994. – 368 с.

Абхазские сказки... 1959 – *Абхазские сказки.* – Сухуми: Абгиз, 1959. – 352 с.

Агрба 1971 – *Агрба В.Б.* Абхазская поэзия и устное народное творчество. – Тбилиси: Издательство «Мецниереба», – 1971. – 159 с.

Азадовский 1958 – *Азадовский М.К.* История русской фольклористики: в 2 т. Т. 1. – М.: Учпедгиз, 1958. – 478 с.

Азбелев 1966 – *Азбелев С.Н.* Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу // Принципы текстологического изучения фольклора. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 260-302.

Алексеева 1960 – *Алексеева Е.П.* Находки эпохи поздней бронзы в Карачаево-Черкесской автономной области // Советская археология. – 1960. – № 3. – С. 236-240.

Алиева 1969 – *Алиева А.И.* Адыгский нартский эпос. – М.; Нальчик: Эльбрус, 1969. – 168 с.

Альбов 1893 – *Альбов Н.М.* Этнографические наблюдения в Абхазии // Живая старина. Выпуск 3. – СПб., 1893. – С. 297-329.

- Аникин 1984 – *Аникин В.П.* Былины: метод выяснения исторической хронологии вариантов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 288 с.
- Аникин 1963 – *Аникин В.П.* Историко-фольклорная концепция А.В. Маркова // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Выпуск 2. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – С. 156-175.
- Аникин 1953 – *Аникин В.П.* О специфических особенностях народного творчества // Советская этнография. – 1953. – № 4. – С. 80-88.
- Аншба 1982 – *Аншба А.А.* Абхазский фольклор и действительность. – Тбилиси: Издательство «Мецниереба», 1982. – 280 с.
- Архипов 1985 – *Архипов Н.Д.* Ленская историко-археологическая экспедиция и создание А.П. Окладниковым древней истории Якутии (1940-1949) // Советская археология. – 1985. – № 1. – С. 291-297.
- Бжания 1966 – *Бжания В.В.* Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии // Советская археология. – 1966. – № 1. – С. 113-127.
- Биджиев 1980 – *Биджиев Х.Х., Козенкова В.И.* Предметы кобанской культуры из села Тереза (Карачаево-Черкесия) // Советская археология. – 1980. – № 3. – С. 125-138.
- Борисов 1961 – *Борисов В.Г.* Меч и копьё из Якутии // Советская археология. – 1961. – № 2. – С. 239-241.
- Брюсов 1938 – *Брюсов А.Я.* Карельские петроглифы // Вестник древней истории. – 1938. – № 1. – С. 45-61.
- Брюсов 1940 – *Брюсов А.Я.* История древней Карелии. – М.: Государственный исторический музей, 1940. – 320 с.
- Брюсов 1952 – *Брюсов А.Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. – 261 с.
- Бутков 1850 – *Бутков П.Г.* Вести черкеса о князьях русских Святославе и Мстиславе // Северная пчела. – 1850. – № 99. – С. 32-44.
- Ванети 1935 – *Ванети З.К.* Общество нартов. (Опыт социально-исторического анализа нартских сказаний) // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. – 1935. – Т. 2. – С. 134-152.
- Воронов, Гунба 1978 – *Воронов Ю.Н., Гунба М.М.* Новые памятники колхидской культуры в Абхазии // Советская археология. – 1978. – № 2. – С. 257-265.
- Габараев 1969 – *Габараев Д.Н.* К вопросу о народном мировоззрении в нартском эпосе // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. – М.: Наука, 1969. – С. 69-102.
- Героический эпос... 1975 – *Героический эпос народов СССР.* В 2 т. Т. 1. (Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 13). – М.: Художественная литература, 1975. – 560 с.
- Гурина 1961 – *Гурина Н.Н.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии СССР. № 87. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. – 588 с.
- Гурина 1967 – *Гурина Н.Н.* Мир глазами древнего художника Карелии. – Л.: Наука, 1967. – 40 с.
- Гурина 1951 – *Гурина Н.Н.* Поселение эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера // Материалы и исследования по археологии СССР. № 20. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – С. 33-49.
- Далгат 1972 – *Далгат У.Б.* Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты. – М.: Наука, 1972. – 466 с.
- Далгат 1975 – *Далгат У.Б.* Типовые черты нартского эпоса // Типология народного эпоса. – М.: Наука, 1975. – С. 213-234.
- Далгат 1988 – *Далгат У.Б.* Эпический историзм в развитии // Фольклор. Проблемы историзма. – М.: Наука, 1988. – С. 72-102.

- Джанашвили 1894 – *Джанашвили Н.Д.* Абхазия и абхазцы (Этнографический очерк) // Записки Кавказского отделения императорского русского географического общества. Кн. 16. – Тифлис, 1894. – С. 146-159.
- Дюмезиль 1976 – *Дюмезиль Ж.* Осетинский язык и мифология. – М.: Наука, 1976. – 276 с.
- Дюмезиль 1990 – *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. – М.: Наука, 1990. – 231 с.
- Евсеев 1957 – *Евсеев В.Я.* Исторические основы карело-финского эпоса: в 2 т. Т. 1. – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957. – 336 с.
- Емельянов 1984 – *Емельянов Л.И.* Былина и факт // Русская литература. – 1984. – № 3. – С. 145-152.
- Емельянов 1980 – *Емельянов Н.В.* Сюжеты якутских олонхо. – М.: Наука, 1980. – 375 с.
- Жирмунский 1950 – *Жирмунский В.М.* «Калевала» и финская буржуазная фольклористика // Труды юбилейной научной сессии, посвященной столетию исследования «Калевалы». – Петрозаводск: [Б.и.], 1950. – С. 43-51.
- Жирмунский 1962 – *Жирмунский В.М.* Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. – М.; Л.: Гослитиздат, 1962. – 435 с.
- Инал-Ипа 1965 – *Инал-Ипа Ш.Д.* Абхазы. – Сухуми: «Алашара», 1965. – 694 с.
- Инал-Ипа 1949 – *Инал-Ипа Ш.Д.* К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии // Труды Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Выпуск 23. – Сухуми: [Б.и.], 1949. – С. 95-118.
- Кабисов 1972 – *Кабисов Р.С.* К вопросу о мировоззренческих мотивах в осетинском нартском эпосе. – Цхинвали: Ирыстон, 1972. – 140 с.
- Кагаров 1935 – *Кагаров Е.Г.* «Калевала» как устный эпос родового строя // Историк-марксист. – 1935. – № 4. – С. 46-55.
- Калевала... 1970 – *Калевала.* Избранные руны карело-финского народного эпоса в композиции О.В. Куусинена. – Петрозаводск: Карелия, 1970. – 351 с.
- Калевала... 1949 – *Калевала.* Карело-финский эпос. – М.: Художественная литература, 1949. – 380 с.
- Калевала... 1989 – *Калевала.* – Петрозаводск: Карелия, 1989. – 495 с.
- Калоев 1963 – *Калоев Б.А.* В.Ф. Миллер – кавказовед. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1963. – 203 с.
- Карельские... 1950 – *Карельские* эпические песни. – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. – 526 с.
- Козенкова 1989 – *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант (Археология СССР. Свод археол. источников. Под общ. ред. Б. А. Рыбакова; В2-6). – М.: Наука, 1989. – 194 с.
- Козенкова 1982 – *Козенкова В.И.* Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // Советская археология. – 1982. – № 3. – С. 14-35.
- Козенкова, Ложкин 1981 – *Козенкова В.И., Ложкин М.Н.* Находки из погребений позднекобанской культуры в верховьях Кубани // Советская археология. – 1981. – № 4. – С. 196-206.
- Козенкова, Найдено 1980 – *Козенкова В.И., Найдено А.В.* Кобанский могильник близ станции Исправной (Ставропольский край) // Советская археология. – 1980. – № 1. – С. 195-211.
- Кокьяра 1960 – *Кокьяра Д.* История фольклористики в Европе. – М.: Иностранная литература, 1960. – 691 с.
- Крупнов 1951 – *Крупнов Е.И.* Материалы по истории Северной Осетии докобанского периода // Материалы и исследования по археологии СССР. № 23. – М., 1951. – С. 17-74.
- Крупнов 1958 – *Крупнов Е.И.* О связях Юга России и Кавказа со странами Древнего Востока // Вестник истории материальной культуры. – 1958. – № 1. – С. 65-81.

- Кузнецов 1980 – *Кузнецов В.А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетин. – Орджоникидзе: Ир, 1980. – 136 с.
- Лавров 1962 – *Лавров Л.И.* Об интерпретации Ш.Б. Ногмовым кабардинского эпоса // Советская этнография. – 1962. – № 2. – С. 136-141.
- Липец 1969 – *Липец Р.С.* Эпос и Древняя Русь. – М.: Наука, 1969. – 302 с.
- Липкин 1958 – *Липкин С.И.* Из абхазских нартских сказаний // Дружба народов. – 1958. – № 3. – С. 78-86.
- Лихачев 1973 – *Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы X-XVIII вв. Эпохи и стили. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1973. – 254 с.
- Лихачев 1962 – *Лихачев Д.С.* Текстология. На материале русской литературы X-XVII вв. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1962. – 500 с.
- Майков 1863 – *Майков Л.Н.* О былинах Владимиров цикла. – СПб.: Тип. деп. внеш. торг., 1863. – 142 с.
- Мальсагов 1970 – *Мальсагов А.О.* Нарт-орстхойский эпос вайнахов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1970. – 178 с.
- Мелетинский 1957 – *Мелетинский Е.М.* Место нартских сказаний в истории эпоса // Нартский эпос. Материалы совещания 19-20 октября 1956 г. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1957. – С. 75-81.
- Мелетинский 1963 – *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. – М.: Восточная литература, 1963. – 462 с.
- Мещерский 1984 – *Мещерский Н.А.* Об отражении в русском героическом эпосе исторического прошлого из жизни народа // Русская литература. – 1984. – № 2. – С. 116-123.
- Миллер 1881 – *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч. 1-3. Часть 1. Осетинские тексты. – М.: Имп. Моск. ун-т, 1881. – 166 с.
- Миллер 1892 – *Миллер В.Ф.* Экскурсы в область русского народного эпоса. – М.: [Б.и.], 1892. – 232 с.
- Нарты 1957 – *Нарты.* Кабардинский эпос. 2-е изд. – М.: Детгиз, 1957. – 384 с.
- Никифоров 1934 – *Никифоров А.И.* Финская школа перед кризисом // Советская этнография. – 1934. – № 4. – С. 141-144.
- Новиков 1984 – *Новиков Ю.А.* Проблемы варианта и региональных традиций в изучении русских былин // Русская литература. – 1984. – № 4. – С. 85-99.
- Ногмов 1958 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1958. – 239 с.
- Окладников 1959 – *Окладников А.П.* Бронзовый меч из Якутии // Советская археология. – 1959. – № 3. – С. 133-136.
- Окладников 1946 – *Окладников А.П.* Из области древней культуры якутов // Советская этнография. – 1946. – № 3. – С. 113-122.
- Окладников 1947 – *Окладников А.П.* Социальный строй предков якутов // Советская этнография. – 1947. – № 2. – С. 95-121.
- Осетинские нартские... 1948 – *Осетинские нартские сказания.* – Дзауджикау: Государственное издательство Северо-Осетинской АССР, 1948. – 504 с.
- Осетинские народные... 1978 – *Осетинские народные сказки.* – Цхинвали: Ирыстон, 1978. – 271 с.
- Осетинские тексты... 1868 – *Осетинские тексты* // Записки императорской академии наук. Том 14. Приложение к запискам императорской академии наук. – СПб.: Императорская академия наук, 1868. – 104 с.
- Панкрушев 1964 – *Панкрушев Г.А.* Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. – М.; Л.: Наука, 1964. – 149 с.
- Петросян 1982 – *Петросян А.А.* История народа и его эпос. – М.: Наука, 1982. – 216 с.
- Погодин 1850 – *Погодин Н.П.* Предисловие к статье «Предания адыгейцев не бесполезны для историков России» // Московитянин. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 8. – М., 1850. – С. 78-91.

- Поэзия народов... 1954 – *Поэзия народов Дагестана*. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1954. – 717 с.
- Приключения... 1962 – *Приключения нарта Сасрыквы и его девяносто девяти братьев*. Абхазский народный эпос. – М.: Гослитиздат, 1962. – 287 с.
- Пропп 1962 – *Пропп В.Я.* Об историзме русского эпоса (ответ академику Б.А. Рыбакову) // *Русская литература*. – 1962. – № 2. – С. 87-91.
- Пропп 1958 – *Пропп В.Я.* Русский героический эпос. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 603 с.
- Путилов 1976 – *Путилов Б.Н.* Текстология фольклора // *Вопросы литературы*. – 1976. – № 6. – С. 210-204.
- Путилов 1975 – *Путилов Б.Н.* Типология фольклорного историзма // *Типология народного эпоса*. – М.: Наука, 1975. – С. 164-181.
- Путилов 1963 – *Путилов Б.Н.* У истоков эпоса // *Вопросы литературы*. – 1963. – № 10. – С. 195-198.
- Пухов 1962 – *Пухов И.В.* Якутский героический эпос олонхо: Основные образы. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. – 256 с.
- Пчелина 1945 – *Пчелина Е.Г.* Нартовский эпос в памятниках северо-осетинских могильников // *Эрмитаж. Государственные сообщения*. Т. 3. – Л., 1945. – С. 78-96.
- Равдоникас 1936 – *Равдоникас В.И.* К изучению наскальных изображений Онежского озера и Белого моря // *Советская археология*. – 1936. – № 1. – С. 9-50.
- Равдоникас 1937 – *Равдоникас В.И.* Следы тотемистических представлений в образах наскальных изображений // *Советская археология*. – 1937. – № 3. – С. 3-33.
- Рыбаков 1963 – *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. – М.: Издательство АН СССР, 1963. – 361 с.
- Савватеев 1987 – *Савватеев Ю.А.* Новые петроглифы на озере Ерпин-Пудас // *Советская археология*. – 1987. – № 1. – С. 103-119.
- Савватеев 1967 – *Савватеев Ю.А.* О новых петроглифах Карелии // *Советская археология*. – 1967. – № 2. – С. 3-22.
- Савватеев 1969 – *Савватеев Ю.А.* Петроглифы Карелии и наскальное искусство лесной полосы Евразии // *Советская этнография*. – 1969. – № 1. – С. 87-101.
- Савватеев 1968 – *Савватеев Ю.А.* Петроглифы Новой Залавруги // *Советская археология*. – 1968. – № 1. – С. 134-158.
- Салакая 1976 – *Салакая Ш.Х.* Абхазский нартский эпос. – Тбилиси: Мецниереба, – 1976. – 235 с.
- Салакая 1969 – *Салакая Ш.Х.* К вопросу о эволюции эпического образа // *Сказания о нартах – эпос народов Кавказа*. – М.: Наука, 1969. – С. 396-408.
- Селиванов 1984 – *Селиванов Ф.М.* К вопросу об изучении историзма русского эпоса // *Русская литература*. – 1984. – № 1. – С. 120-132.
- Семенов 1946 – *Семенов Л.П.* Археологические разыскания в Северной Осетии // *Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института*. Вып. 9. – Дзауджикау, 1946. – С. 45-57.
- Семенов 1957а – *Семенов Л.П.* К вопросу о происхождении осетинского нартского эпоса // *Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории*. – 1957. – Т. 19. – С. 63 – 74.
- Семенов 1957б – *Семенов Л.П.* Нартский эпос и памятники материальной культуры // *Нартский эпос. Материалы совещания 19-20 октября 1956 г.* – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1957. – С. 137-148.
- Сидорова 1956 – *Сидорова Ю.Н.* Буржуазные школы в русской фольклористике и борьба с ними. // *Русское народное поэтическое творчество*. 2-е изд. Пособие для вузов / Под ред. П.Г. Богатырева. – М.: Учпедгиз, 1956. – С. 128-141.

Сперанский 1917 – *Сперанский М.Н.* Русская устная словесность: Введение в историю устной русской словесности: Устная поэзия повествовательного характера: Пособие к лекциям на Высш. женск. курсах в Москве. – М.: [Б. и.], 1917. – 474 с.

Туганов 1946 – *Туганов М.С.* Новое в нартовском эпосе // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. – 1946. – Вып. 1 (5). – С. 170-186.

Формозов 1966 – *Формозов А.А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. – М.: Наука, 1966. – 127 с.

Фосс 1952 – *Фосс М.Е.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии СССР. № 29. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. – 280 с.

Холаев 1974 – *Холаев А.З.* Карачаево-балкарский нартский эпос. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 143 с.

Эргис 1974 – *Эргис Г.У.* Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 404 с.

Якутские сказки... 1967 – *Якутские сказки*: в 2-х т. Т. 2. / Подгот. Г.У. Эргис. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1967. – 284 с.

Якутский фольклор... 1936 – *Якутский фольклор*. – М.; Л.: Советский писатель, 1936. – 319 с.

REFERENCES

ABAEV V.I. *Iz osetinskogo eposa. Desyat' nartovskikh skazanii* [Out of ossets' epic. Ten Nart legends]. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1939. – 134 p. (In Russian)

ABAEV V.I. *O sobstvennykh imenakh nartovskogo eposa* [On given names in Nart epic]. IN: *Yazyk i myshlenie* [Language and thought]. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1935. – Том 5. – 77 p. (In Russian)

ABAEV V.I. *Problemy nartskogo eposa* [Problems of Nart epic]. IN: *Nartskii epos. Materialy soveshchaniya 19-20 oktyabrya 1956 g.* [Nart epic. Proceedings of session held in October 19-20, 1956]. – Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. – P. 10-23. (In Russian)

ABAEV V.I. *Sarmato-Bosporskie otnosheniya v otrazhenii nartovskikh skazanii* [Sarmat-Bospor relations as mirrored in Nart legends]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1958. – Vol. 28. – P. 54-62. (In Russian)

ABAEVA Z.V. *K obrazu Satany nartskogo eposa* [On Nart epic's character of Satana]. IN: *Izvestiya Yugo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. – 1963. – Vol. 12. – P. 74-86. (In Russian)

ABAEVA Z.V. *Satana – Satanei-Guasha (Epicheskii obraz i khudozhestvennyi kontekst)* [Satana – Satanei-Guasha (Epic character and artistic context)]. IN: *Skazaniya o nartakh – epos narodov Kavkaza* [Legends about Narts – the epic of the peoples of Caucasus]. – М.: Nauka, 1969. – P. 112-127. (In Russian)

Abkhazskie skazaniya [Abkhaz legends]. – Sukhumi: Abgosizdat, 1961. – 136 p. (In Russian)

Abkhazskie skazki i legendy [Abkhaz tales and legends]. – М.: «ДИ-ДИК», 1994. – 368 p. (In Russian)

Abkhazskie skazki [Abkhaz tales]. – Sukhumi: Abgiz, 1959. – 352 p. (In Russian)

AGRBA V.B. *Abkhazskaya poeziya i ustnoe narodnoe tvorchestvo* [Abkhaz poetry and folklore]. – Tbilisi: Izdatel'stvo «Metsniereba», – 1971. – 159 p. (In Russian)

AL'BOV N.M. *Etnograficheskie nablyudeniya v Abkhazii* [Ethnographic observations in Abkhazia]. IN: *Zhivaya starina*. Iss. 3. – SPb., 1893. – P. 297-329. (In Russian)

ALEKSEEVA E.P. *Nakhodki epokhi pozdnei bronzy v Karachaеvo-Cherkesskoi avtonomnoi oblasti* [Finds from the late bronze epoch in Karachay-Circassia' autonomous region]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1960. – No. 3. – P. 236-240. (In Russian)

ALIEVA A.I. *Adygskaa nartskii epos* [Adyghe Nart epic]. – М.; Nal'chik: El'brus, 1969. – 168 p. (In Russian)

ANIKIN V.P. *Byliny: metod vyyasneniya istoricheskoi khronologii variantov* [Bylins: the method of determining historical chronology of variants]. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. – 288 p. (In Russian)

ANIKIN V.P. *Istoriko-fol'klornaya kontsepsiya A.V. Markova* [A.V. Markov's conception of the history of folklore]. IN: *Ocherki istorii russkoi etnografii, fol'kloristiki i antropologii. Vypusk 2* [Essays in the history of Russian ethnography, folklore studies and anthropology. Iss. 2]. – M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. – P. 156-175. (In Russian)

ANIKIN V.P. *O spetsificheskikh osobennostyakh narodnogo tvorchestva* [On specific features of folk art]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1953. – No. 4. – P. 80-88. (In Russian)

ANSHBA A.A. *Abkhazskii fol'klor i deistvitel'nost'* [Abkhaz folklore and reality]. – Tbilisi: Izdatel'stvo «Metsniereba», 1982. – 280 p. (In Russian)

ARKHIPOV N.D. *Lenskaya istoriko-arkheologicheskaya ekspeditsiya i sozдание A.P. Okladnikovym drevnei istorii Yakutii (1940-1949)* [Lena historical-archaeological expedition and creation by A.P. Okladnikov of the ancient history of Yakutia (1940-1949)]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1985. – No. 1. – P. 291-297. (In Russian)

AZADOVSKII M.K. *Istoriya russkoi fol'kloristiki: in 2 vol. Vol. 1.* [History of folklore studies in Russia]. – M.: Uchpedgiz, 1958. – 478 p. (In Russian)

AZBELEV S.N. *Osnovnye ponyatiya tekstologii v primenenii k fol'klornomu materialu* [The basic concepts of textual criticism as applied to folklore materials]. IN: *Printsipy tekstologicheskogo izucheniya fol'klora* [Principles of critical textual study of folklore]. – M.; L.: Nauka, 1966. – P. 260-302. (In Russian)

BIDZHIEV Kh.Kh., KOZENKOVA V.I. *Predmety kobanskoi kul'tury iz sela Tereza (Karachaevo-Cherkesiya)* [Things of Koban culture from Tereza village (Karachay-Circassia)]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1980. – No. 3. – P. 125-138. (In Russian)

BORISOV V.G. *Mech i kop'e iz Yakutii* [The sword and the spear from Yakutia]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1961. – No. 2. – P. 239-241. (In Russian)

BRYUSOV A.Ya. *Istoriya drevnei Karelii* [History of ancient Karelia]. – M.: Gosudarstvennyi istoricheskii muzei, 1940. – 320 p. (In Russian)

BRYUSOV A.Ya. *Karel'skie petroglify* [Karelian petroglyphs]. IN: *Vestnik drevnei istorii*. – 1938. – No. 1. – P. 45-61. (In Russian)

BRYUSOV A.Ya. *Ocherki po istorii plemen Evropeiskoi chasti SSSR v neoliticheskuyu epokhu* [Essays in the history of the tribes of European part of the USSR in Neolithic epoch]. – M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1952. – 261 p. (In Russian)

BUTKOV P.G. *Vesti cherkesa o knyaz'yakh russkikh Svyatoslave i Mstislave* [Reports of the circassian on Russian princes Svyatoslav and Mstislav]. IN: *Severnaya pchela*. – 1850. – No. 99. – P. 32-44. (In Russian)

BZHANIYA V.V. *Macharskoe poselenie epokhi eneolita i bronzy v Abkhazii* [Machar settlement of the Eneolithic and Bronze epoch in Abkhazia]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1966. – No. 1. – P. 113-127. (In Russian)

DALGAT U.B. *Epicheskii istorizm v razvitii* [Epic historicism in development]. IN: *Fol'klor. Problemy istorizma* [Folklore. Problems of historicism]. – M.: Nauka, 1988. – P. 72-102. (In Russian)

DALGAT U.B. *Geroicheskie eposy chechentsv i ingushei. Issledovanie i teksty* [Heroic epos of Chechens and Ingushs. Research and texts]. – M.: Nauka, 1972. – 466 p. (In Russian)

DALGAT U.B. *Tipovye cherty nartskogo eposa* [Typical features of Nart epic]. IN: *Tipologiya narodnogo eposa* [Typology of folk epic]. – M.: Nauka, 1975. – P. 213-234. (In Russian)

DYUMEZIL' Zh. *Osetinskii yazyk i mifologiya* [Ossetic language and mythology]. – M.: Nauka, 1976. – 276 p. (In Russian)

DYUMEZIL' Zh. *Skify i narty* [Scythes and Narts]. – M.: Nauka, 1990. – 231 p. (In Russian)

DZHANASHVILI N.D. *Abkhaziya i abkhaztsy (Etnograficheskii ocherk)* [Abkhazia and Abkhazes]. IN: *Zapiski Kavkazskogo otdeleniya imperatorskogo russkogo geograficheskogo*

- obshchestva* [Proceedings of Caucasian department of Imperial Russian geographic society]. Kn. 16. – Tiflis, 1894. – P. 146-159. (In Russian)
- EMEL'YANOV L.I. *Bylina i fakt* [Bylina and fact]. IN: *Russkaya literatura*. – 1984. – No. 3. – P. 145-152. (In Russian)
- EMEL'YANOV N.V. *Syuzhety yakutskikh olonkho* [Plots of Yakut olonkho]. – M.: Nauka, 1980. – 375 p. (In Russian)
- ERGIS G.U. *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* [Essays on Yakut Folklore]. – M.: Nauka, 1974. – 404 p. (In Russian)
- EVSEEV V.Ya. *Istoricheskie osnovy karelo-finskogo eposa: in 2 vol. Vol. 1.* [Historic foundations of Karel-Finnish epic]. – M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. – 336 p. (In Russian)
- FORMOZOV A.A. *Pamyatniki pervobytnogo iskusstva na territorii SSSR* [Monuments of primitive art in the territory of the USSR]. – M.: Nauka, 1966. – 127 p. (In Russian)
- FOSS M.E. *Drevneishaya istoriya Severa Evropeiskoi chasti SSSR* [Ancient history of the North of the European part of the USSR]. IN: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and studies on the archaeology of the USSR]. No. 29. – M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1952. – 280 p. (In Russian)
- GABARAEV D.N. *K voprosu o narodnom mirovozzrenii v nartskom epose* [On the question of folk world vision in Nart epic]. IN: *Skazaniya o nartakh – epos narodov Kavkaza* [Legends about Narts – the epic of the peoples of the North Caucasus]. – M.: Nauka, 1969. – P. 69-102. (In Russian)
- Geroicheskiy epos narodov SSSR.* In 2 vol. Vol. 1. (Biblioteka vseмирnoi literatury. Seriya pervaya. Tom 13) [Heroic epos of the peoples of the USSR]. – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975. – 560 p. (In Russian)
- GURINA N.N. *Drevnyaya istoriya Severo-Zapada Evropeiskoi chasti SSSR* [Ancient history of the North-West of the European part of the USSR]. IN: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and the studies on the archaeology of the USSR]. No. 87. – M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. – 588 p. (In Russian)
- GURINA N.N. *Mir glazami drevnego khudozhnika Karelii* [The world through the eyes of ancient artist of Karelia]. – L.: Nauka, 1967. – 40 p. (In Russian)
- GURINA N.N. *Poselenie epokhi neolita i rannego metalla na severnom poberezh'e Onegskogo ozera* [Settlement of the epoch of Neolith and Early metal on the northern coast of Onega lake]. IN: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and the studies on the archaeology of the USSR]. No. 20. – M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951. – P. 33-49. (In Russian)
- INAL-IPA Sh.D. *Abkhazy* [Abkhazes]. – Sukhumi: «Alashara», 1965. – 694 p. (In Russian)
- INAL-IPA Sh.D. *K voprosu o matriarkhal'no-rodovom stroe v Abkhazii* [On the question of matriarchal-clannish society in Abkhazia]. IN: *Trudy Abkhazskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii. Vypusk 23.* [Transactions of The Abkhaz institute for the study of language, literature and history. Issue 23]. – Sukhumi: [B.i.], 1949. – P. 95-118. (In Russian)
- KABISOV R.S. *K voprosu o mirovozzrencheskikh motivakh v osetinskom nartskom epose* [On the question of the world view motives in Ossetic Nart epic]. – Tskhinvali: Iryston, 1972. – 140 p. (In Russian)
- KAGAROV E.G. «Kalevala» kak ustnyi epos rodovogo stroya [“Kalevala” as an oral epic of the clannish society]. IN: *Istorič-marksist.* – 1935. – No. 4. – P. 46-55. (In Russian)
- Kalevala [Kalevala]. – Petrozavodsk: Kareliya, 1989. – 495 p. (In Russian)
- Kalevala. *Izbrannye runy karelo-finskogo narodnogo eposa v kompozitsii O.V. Kuusinena* [Kalevala. Selected runes of the Karel-Finnish folk epic composed by O.V. Kuusinen]. – Petrozavodsk: Kareliya, 1970. – 351 p. (In Russian)
- Kalevala. *Karelo-finskii epos* [Kalevala. Karel-Finnish epic]. – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1949. – 380 p. (In Russian)

- KALOEV B.A. *V.F. Miller – kavkazoved* [Miller – caucasologist]. – Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. – 203 p. (In Russian)
- Karel'skie epicheskie pesni* [Karel epic songs]. – M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. – 526 p. (In Russian)
- KHOLAEV A.Z. *Karachaevo-balkarskii nartskii epos* [Karachay-Balkar Nart epic]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – 143 p. (In Russian)
- KOK'YARA D. *Istoriya fol'kloristiki v Evrope* [History of folklore studies in Europe]. – M.: Inostrannaya literatura, 1960. – 691 p. (In Russian)
- KOZENKOVA V.I. *Kobanskaya kul'tura. Zapadnyi variant (Arkheologiya SSSR. Svod arkheol. istochnikov. Pod obshch. red. B. A. Rybakova; V2-6)* [Koban culture. Western variant (Archaeology of the USSR. Corpus of archaeological sources. Under the general editorship of V.A. Rybakov)]. – M.: Nauka, 1989. – 194 p. (In Russian)
- KOZENKOVA V.I. *Obryad krematsii v kobanskoi kul'ture Kavkaza* [The rite of cremation in Koban culture of the Caucasus]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1982. – No. 3. – P. 14-35. (In Russian)
- KOZENKOVA V.I., LOZHKIN M.N. *Nakhodki iz pogrebenii pozdnekobanskoi kul'tury v verkhov'yakh Kubani* [Finds from the late Koban culture burial in the headwaters of the Kuban]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1981. – No. 4. – P. 196-206. (In Russian)
- KOZENKOVA V.I., NAIDENKO A.V. *Kobanskii mogil'nik bliz stanitsy Ispravnoi (Stavropol'skii krai)* [Koban burial ground near stanitsa Ispravnaya (Stavropol region)]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1980. – No. 1. – P. 195-211. (In Russian)
- KRUPNOV E.I. *Materialy po istorii Severnoi Osetii dokobanskogo perioda* [Materials for the history of the North Ossetia of pre-Koban period]. IN: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and the studies on the archaeology of the USSR]. No. 23. – M., 1951. – P. 17-74. (In Russian)
- KRUPNOV E.I. *O svyazyakh Yuga Rossii i Kavkaza so stranami Drevnego Vostoka* [On the connections of Russia's South and the Caucasus with the countries of the ancient East]. IN: *Vestnik istorii material'noi kul'tury* [Herald of the history of the material culture]. – 1958. – No. 1. – P. 65-81. (In Russian)
- KUZNETSOV V.A. *Nartskii epos i nekotorye voprosy istorii osetin* [Nart epic and some issues of the history of ossets]. – Ordzhonikidze: Ir, 1980. – 136 p. (In Russian)
- LAVROV L.I. *Ob interpretatsii Sh.B. Nogmovym kabardinskogo eposa* [On Sh.B. Nogmov's interpretation of kabardin epic]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1962. – No. 2. – P. 136-141. (In Russian)
- LIKHACHEV D.S. *Razvitie russkoi literatury X-XVIII vv. Epokhi i stili* [The development of Russian literature of 10-18 centuries]. – L.: Nauka. Leningr. otdelenie, 1973. – 254 p. (In Russian)
- LIKHACHEV D.S. *Tekstologiya. Na materiale russkoi literatury X-XVII vv.* [Textology. By the materials of Russian literature of 10-17 centuries]. – M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1962. – 500 p. (In Russian)
- LIPETS R.S. *Epos i Drevnyaya Rus'* [Epic and Ancient Russia]. – M.: Nauka, 1969. – 302 p. (In Russian)
- LIPKIN S.I. *Iz abkhazskikh nartskikh skazanii* [From the Abkhaz Nart legends]. IN: *Druzhba narodov*. – 1958. – No. 3. – P. 78-86. (In Russian)
- MAIKOV L.N. *O bylinakh Vladimirova tsikla* [On the bylinas of Vladimir's series]. – SPb.: Tip. dep. vnesh. torg., 1863. – 142 p. (In Russian)
- MAL'SAGOV A.O. *Nart-orstkhoiskii epos vainakhov* [Nart-orstkhoi epic of vainakhs]. – Groznyi: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970. – 178 p. (In Russian)
- MELETINSKII E.M. *Mesto nartskikh skazanii v istorii eposa* [The place of Nart legends in the history of epic]. IN: *Nartskii epos. Materialy soveshchaniya 19-20 oktyabrya 1956 g.* [Nart epic. Proceedings of session held in October 19-20, 1956]. – Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. – P. 75-81. (In Russian)

MELETINSKII E.M. *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa. Rannie formy i arkhaiskie pamyatniki* [Origins of heroic epic. Early forms and archaic monuments]. – M.: Vostochnaya literatura, 1963. – 462 p. (In Russian)

MESHCHERSKII N.A. *Ob otrazhenii v russkom geroicheskome epose istoricheskogo proshlogo iz zhizni naroda* [On reflection of the historic past of people's life in Russian heroic epic]. IN: *Russkaya literatura*. – 1984. – No. 2. – P. 116-123. (In Russian)

MILLER V.F. *Ekskursy v oblast' russkogo narodnogo eposa* [Excursions into the realm of Russian folk epic]. – M.: [B.i.], 1892. – 232 p. (In Russian)

MILLER V.F. *Osetinskie etyudy. Ch. 1-3. Chast' 1. Osetinskie teksty* [Ossetic studies. Ch. 1-3. Chapter 1. Ossetic texts]. – M.: Imp. Mosk. un-t, 1881. – 166 p. (In Russian)

Narty. Kabardinskii epos. 2-e izd. [Narts. Kabardin epic]. – M.: Detgiz, 1957. – 384 p. (In Russian)

NIKIFOROV A.I. *Finskaya shkola pered krizisom* [Finnish school in face of crisis]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1934. – No. 4. – P. 141-144. (In Russian)

NOGMOV Sh.B. *Istoriya adygeiskogo naroda, sostavlenaya po predaniyam kabardintsev* [History of Adyghe people, composed by the legends of kabardins]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1958. – 239 p. (In Russian)

NOVIKOV Yu.A. *Problemy varianta i regional'nykh traditsii v izuchenii russkikh bylin* [Problem of versions and regional traditions in the study of Russian bylins]. IN: *Russkaya literatura*. – 1984. – No. 4. – P. 85-99. (In Russian)

OKLADNIKOV A.P. *Bronzovyi mech iz Yakutii* [Bronze sword from Yakutia]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1959. – No. 3. – P. 133-136. (In Russian)

OKLADNIKOV A.P. *Iz oblasti drevnei kul'tury yakutov* [Out of the realm of ancient yakuts' culture]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1946. – No. 3. – P. 113-122. (In Russian)

OKLADNIKOV A.P. *Sotsial'nyi stroi predkov yakutov* [Social organization of Yakuts' ancestors]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1947. – No. 2. – P. 95-121. (In Russian)

Osetinskie narodnye skazki [Ossetic folk tales]. – Tskhinvali: Iryston, 1978. – 271 p. (In Russian)

Osetinskie nartskie skazaniya [Ossetic Nart legends]. – Dzaudzhikau: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Severo-Osetinskoi ASSR, 1948. – 504 p. (In Russian)

Osetinskie teksty [Ossetic texts]. IN: *Zapiski imperatorskoi akademii nauk. Tom 14. Prilozhenie k zapiskam imperatorskoi akademii nauk* [Proceedings of imperial academy of sciences. Vol. 14. Appendix to the Proceedings of imperial academy of sciences]. – SPb.: Imperatorskaya akademiya nauk, 1868. – 104 p. (In Russian)

PANKRUSHEV G.A. *Plemena Karelii v epokhu neolita i rannego metala* [Tribes of Karelia in the epoch of Neolith and Earle Metal]. – M.; L.: Nauka, 1964. – 149 p. (In Russian)

PCHELINA E.G. *Nartovskii epos v pamyatnikakh severo-osetinskikh mogil'nikov* [Nart epic in the monuments of North-Ossetian burial grounds]. IN: *Ermitazh. Gosudarstvennye soobshcheniya. T. 3.* [Hermitage. State reports. Vol. 3]. – L., 1945. – P. 78-96. (In Russian)

PETROSYAN A.A. *Istoriya naroda i ego epos* [History of the people and its epic]. – M.: Nauka, 1982. – 216 p. (In Russian)

Poeziya narodov Dagestana [Poetry of the peoples of Dagestan]. – Makhachkala: Dagknigoizdat, 1954. – 717 p. (In Russian)

POGODIN N.P. *Predislovie k stat'e «Predaniya adygeitsev ne bespolezny dlya istorikov Rossii»* [Preface to the article “Legends of adygheyan are not of no use for historians of Russia”]. IN: *Moskovityanin*. Ch. 1. Kn. 2. Otd. 8. – M., 1850. – P. 78-91. (In Russian)

Priklyucheniya narta Sasrykvy i ego devyanosto devyati brat'ev. Abkhazskii narodnyi epos [Adventures of nart Sasrukva and his ninety nine brothers. Abkhaz folk epic]. – M.: Goslitizdat, 1962. – 287 p. (In Russian)

PROPP V.Ya. *Ob istorizme russkogo eposa (otvet akademiku B.A. Rybakovu)* [On historicism of Russian epic (reply to academician B/A. Rybakov)]. IN: *Russkaya literatura*. – 1962. – No. 2. – P. 87-91. (In Russian)

- PROPP V.Ya. *Russkii geroicheskii epos* [Russian heroic epos]. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1958. – 603 p. (In Russian)
- PUKHOV I.V. *Yakutskii geroicheskii epos olonkho: Osnovnye obrazy* [Yakut heroic epos olonkho. The main characters]. – M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962. – 256 p. (In Russian)
- PUTILOV B.N. *Tekstologiya fol'klora* [Textology of folklore]. IN: *Voprosy literatury*. – 1976. – No. 6. – P. 210-204. (In Russian)
- PUTILOV B.N. *Tipologiya fol'klornogo istorizma* [Typology of folklore' historicism]. IN: *Tipologiya narodnogo eposa* [Typology of folk epic]. – M.: Nauka, 1975. – P. 164-181. (In Russian)
- PUTILOV B.N. *U istokov eposa* [At the origins of epic]. IN: *Voprosy literatury*. – 1963. – No. 10. – P. 195-198. (In Russian)
- RAVDONIKAS V.I. *K izucheniyu naskal'nykh izobrazhenii Onezhskogo ozera i Belogo moray* [To the study of cave images of the Onega lake and the White Sea]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1936. – No. 1. – P. 9-50. (In Russian)
- RAVDONIKAS V.I. *Sledy totemisticheskikh predstavlenii v obrazakh naskal'nykh izobrazhenii* [The vestiges of totemic ideas in the figures of cave images]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1937. – No. 3. – P. 3-33. (In Russian)
- RYBAKOV B.A. *Drevnyaya Rus'. Skazaniya, byliny, letopisi* [Ancient Rus'. Legends, bylinas, chronicles]. – M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963. – 361 p. (In Russian)
- SALAKAYA Sh.Kh. *Abkhazskii nartskii epos* [Abkhaz Nart epic]. – Tbilisi: Metsniereba, – 1976. – 235 p. (In Russian)
- SALAKAYA Sh.Kh. *K voprosu o evolyutsii epicheskogo obraza* [On the question of the evolution of epic character]. IN: *Skazaniya o nartakh – epos narodov Kavkaza* [Legends about Narts – the epic of the peoples of the Caucasus]. – M.: Nauka, 1969. – P. 396–408. (In Russian)
- SAVVATEEV Yu.A. *Novye petroglify na ozere Erpin-Pudas* [New petroglyphs on the Erpin-Pudas lake]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1987. – No. 1. – P. 103–119. (In Russian)
- SAVVATEEV Yu.A. *O novykh petroglifakh Karelii* [On new petroglyphs of Karelia]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1967. – No. 2. – P. 3-22. (In Russian)
- SAVVATEEV Yu.A. *Petroglify Karelii i naskal'noe iskusstvo lesnoi polosy Evrazii* [Petroglyphs of Karelia and the cave art of forest belt of Eurasia]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1969. – No. 1. – P. 87-101. (In Russian)
- SAVVATEEV Yu.A. *Petroglify Novoi Zalavrugi* [Petroglyphs of Novaya Zalavruga]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1968. – No. 1. – P. 134–158. (In Russian)
- SELIVANOV F.M. *K voprosu ob izuchenii istorizma russkogo eposa* [To the question of study of Russian epic's historicism]. IN: *Russkaya literatura*. – 1984. – No. 1. – P. 120-132. (In Russian)
- SEMENOV L.P. *Arkheologicheskie razyskaniya v Severnoi Osetii* [Archaeological investigations in North Ossetia]. IN: *Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. Iss. 9. – Dzaudzhikau, 1946. – P. 45-57. (In Russian)
- SEMENOV L.P. *K voprosu o proiskhozhdenii osetinskogo nartskogo eposa* [To the question of origins of Ossetic Nart epic]. IN: *Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii*. – 1957. – Vol. 19. – P. 63-74. (In Russian)
- SEMENOV L.P. *Nartskii epos i pamyatniki material'noi kul'tury* [Nart epic and the monuments of material culture]. IN: *Nartskii epos. Materialy soveshchaniya 19-20 oktyabrya 1956 g.* [Nart epic. Proceedings of session held in October 19-20, 1956]. – Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. – P. 137-148. (In Russian)
- SIDOROVA Yu.N. *Burzhuaznye shkoly v russkoi fol'kloristike i bor'ba s nimi* [Bourgeois schools in the Russian folklore studies and the struggle with them]. IN: *Russkoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo. 2-e izd. Posobie dlya vuzov* [Russian folk poetry. 2nd edition. Textbook for higher education instituttions] / Ed. by P.G. Bogatyreva. – M.: Uchpedgiz, 1956. – P. 128-141. (In Russian)

SPERANSKII M.N. *Russkaya ustnaya slovesnost': Vvedenie v istoriyu ustnoi russkoi slovesnosti: Ustnaya poeziya povestvovatel'nogo kharaktera: Posobie k lektsiyam na Vyssh. zhensk. kursakh v Moskve* [Russian oral literature: Introduction to the history of oral Russian literature: Training Manual to the lectures at the Higher women courses in Voscow]. – M.: [B. i.], 1917. – 474 p. (In Russian)

TUGANOV M.S. *Novoe v nartovskom epose* [Novelties in Nart epic]. IN: *Izvestiya Yugo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. – 1946. – Iss. 1 (5). – P. 170-186. (In Russian)

VANETI Z.K. *Obshchestvo nartov. (Opyt sotsial'no-istoricheskogo analiza nartskikh skazanii)* [Narts' society (Essay in socio-historical analysis of Nart legends)]. IN: *Izvestiya Yugo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. – 1935. – V. 2. – P. 134-152. (In Russian)

VORONOV Yu.N., GUNBA M.M. *Novye pamyatniki kolkhidskoi kul'tury v Abkhazii* [New monuments of Kolkhid' culture in Abkhazia]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1978. – No. 2. – P. 257-265. (In Russian)

Yakutskie skazki: v 2-kh t. T. 2. [Yakut tales: In 2 vols. Vol. 2.] / Ed. by G.U. Ergis. – Yakutsk: Yakut. kn. izd-vo, 1967. – 284 p. (In Russian)

Yakutskii fol'klor [Yakut folklore]. – M.; L.: Sovetskii pisatel', 1936. – 319 p. (In Russian)

ZHIRMUNSKII V.M. «Kalevala» i finskaya burzhuaznaya fol'kloristika [“Kalevala” and Finnish bourgeois folklore studies]. IN: *Trudy yubileinoi nauchnoi sessii, posvyashchennoi stoletiyu issledovaniya «Kalevaly»* [Transactions of scientific session, dedicated to the 100 anniversary of the studies of “Kalevala”]. – Petrozavodsk: [B.i.], 1950. – P. 43-51. (In Russian)

ZHIRMUNSKII V.M. *Narodnyi geroicheskii epos. Sravnitel'no-istoricheskie ocherki* [Folk heroic epos. Comparative-historical essays]. – M.; L.: Goslitizdat, 1962. – 435 p. (In Russian)

УДК 947 (470.6)

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-1-66-79

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В.Н. ЧЕГАРНОВА

*Северо-Кавказский институт-филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
(Северо-Кавказский институт-филиал РАНХиГС)
357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, ул. Дунаевского, 5
E-mail: werakmv@yandex.ru*

Аннотация. Несмотря на значительный рост в постсоветский период интереса к изучению истории становления российской государственной службы она и сегодня остается одной из самых сложных и слабо разработанных, в том числе, в региональном аспекте. Целью настоящей статьи является определение актуальных направлений исследования истории института государственной службы на Северном Кавказе. К числу наиболее значимых аспектов поставленной проблемы относятся такие вопросы, как: источниковая база изучения института государственной службы на Северном Кавказе, периодизации истории его развития, выявление специфических черт и характеристик, присущи каждому этапу. Практическая значимость проведенного анализа в том, что его результаты могут помочь начинающим исследователям в выборе тематики и направлений собственных научных работ.

Ключевые слова: институт государственной службы; Северный Кавказ; периодизация; направления исследования; кадровая политика.

THE TOPICAL ISSUES IN THE STUDY OF THE HISTORY OF PUBLIC SERVICE IN THE NORTH CAUCASUS

V.N. CHEGARNOVA

*The North Caucasus institute-branch of the Russian academy of national economy and public administration at the President of the Russian Federation
(The North Caucasus institute-branch of RANEPА)
357500, Stavropol territory, Pyatigorsk, Dunaevsky's street, 5
E-mail: werakmv@yandex.ru*

Abstract. Notwithstanding the substantial growth of the interest to the study of the history of the public service in Russia it remains nowadays one of the most complex and least elaborated issues, particularly in its regional aspect. The aim of this article is to define some topical fields of research in the history of public service institution in the North Caucasus. To the most meaningful aspects of the problem belong such a questions as the source base of researches in the history of public service institution in the North Caucasus, the periodization of its history, the peculiar features and characteristics of each stage of its development. Significance of the analysis performed in the article lies in that it may help the entering the field researchers to choose the subject and the directions of their own studies.

Key words: public service institution; North Caucasus; periodization; directions of a research; personnel policy.

Государственная служба носит многоаспектный характер и может быть рассмотрена с политической, организационной, экономической, нормативной, кадровой, социальной, исторической и других точек зрения. Несмотря на значительный рост в постсоветский период [Губернии... 2003; Лысенко 2001; Мионов 2003; Шепелев 2001] интереса к изучению истории становления российской государственной службы, проблема эволюции русской бюрократии и сегодня остается одной из самых сложных и слабо разработанных [Каменский 2001; Матвеев 2012; Медушевский... 1993; Твердохлеб, Шевырин 1995]. Исследование региональных институтов государственной службы, также активно развивающееся сегодня [Дамешек 2013; Иванов 1994; Малкова 2011, Сивкова 2007], с одной стороны, призвано выявить факты соответствия региональных процессов общероссийским, с другой – должно подчеркнуть специфику отдельных территорий Российской Империи, воссоздать историческую картину принятия политических решений, направленных на оптимизацию происходящих процессов интеграции окраинных территорий в общеимперскую бюрократическую систему.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы обозначить основные направления исследований становления и развития института государственной службы на Северном Кавказе в ходе поэтапной интеграции региона в административно-политическую систему Российской империи. Институт государственной службы на Северном Кавказе в этот период формировался в рамках Кавказского наместничества (1785-1796), Кавказской губернии, а затем области (1802-1847), Ставропольской губернии (с 1847 г.), в военно-административном аппарате командующих на Кавказе и второго наместничества (с 1844 г.).

Традиционно Кавказ занимал особое место в геополитических планах России. Как отмечают исследователи «восточного вопроса» [Восточный вопрос... 1978; Жигарев 1896; Покровский 1929; Соловьев 1882; The Great powers... 1971; LeDonne 1994; LeDonne 1996] во внешней политике Российской империи, с конца XVIII века российское правительство решительно отходит от стратегии создания на Кавказе «буферных государств» под своим протекторатом, и делает упор на включение южных территорий в состав Российской Империи. Этот процесс постепенно оформляется мирными договорами с Турцией и Ираном, и власти приходится искать наиболее эффективные способы сначала формирования управленческих институтов и бюрократической системы на новых территориях, а затем их интеграции в общероссийскую систему. Степень интенсивности этих процессов определялась целым рядом факторов:

во-первых, местом Кавказа в восточной политике монархов этого времени, так, например, для Екатерины II и Александра I – это приоритетное

направление, для Павла I – во многом второстепенный вопрос, а для Николая I и Александра II альтернативы не существовало – Кавказ должен был стать полноценной российской губернией [Зеленев, Зеленева 2005; Зеленева 2011];

во-вторых, накалом военной обстановки на Кавказе;

в-третьих, степенью допустимого давления на северокавказские народы в продвижении здесь российской системы управления.

На развитие бюрократической системы Кавказа оказывала влияние и смена общеимперского подхода к управлению губерниями: при Екатерине II – это автоматическое распространение на новые земли действия «Учреждения для управления губерниями (1775 г.)», а при Александре I – понимание того, что управление окраинными регионами должно учитывать их специфику [Охонько 2009].

Исследование исторических аспектов формирования института государственной службы Кавказа, с одной стороны, можно считать одним из направлений в изучении развития российского государственного управления в регионе, с другой, это самостоятельная проблематика, требующая научного осмысления и анализа политики правительства в области формирования и функционирования бюрократии, и соответственно, нормативно-правовой базы ее деятельности; состава и численности бюрократического аппарата на Кавказе; материального положения и методов мотивации к эффективной деятельности. Как отмечают современные исследователи, и тому и другому аспекту в современных кавказоведческих работах уделено недостаточно внимания [Боров, Муратова 2013; Кесаева 2013; Кузьминов 2006; Малахова, Кузьминов 2014; Матвеев 2012], что подчеркивает научную актуальность исследований по данной проблематике.

В работах дореволюционных и современных авторов вопросы генезиса института государственной службы на Кавказе отдельно не рассматривались и составляют лишь эпизоды при освещении процесса развития российских административных учреждений в регионе. В этой связи изучение истории института государственной службы на Северном Кавказе может быть основано в первую очередь на широком привлечении нормативно-правовых актов, принадлежащих определенным периодам развития государственной службы и изучении переписки представителей кавказской администрации с высшими органами управления империей.

Среди документальных источников в первую очередь исследователя заинтересуют юридические акты, представленные в «Полном собрании законов Российской империи» (Собрание 1, 2); «Своде учреждений государственных и губернских» [Свод учреждений... 1842]; «Своде законов Российской Империи» [Свод законов... 1857]. Пристальное внимание к актовым источникам связано с тем, что именно нормативно-правовые акты позволяют проследить процесс фиксации наиболее существенных тенденций и характеристик, присущих конкретной сфере государственной службы Кавказа в определенный период ее развития.

Юридические акты, регламентирующие различные аспекты развития института государственной службы Кавказа можно разделить на две группы:

1) акты общего действия, охватывающие всю совокупность отношений определенного вида на данной территории; 2) акты ограниченного действия. К числу первых относятся: Указ «Об определении на службу чиновников по гражданской части в Кавказской области, Грузии, Закавказских провинциях, Сибири и Олонецкой губернии» 1832 года [Об определении... 1833: 179-181], «Положение о преимуществах службы в губерниях и областях Сибирских, в Грузии и областях Кавказской и Закавказских» 1835 года [Положение о преимуществах... 1836: 639-641], «О преимуществах в продолжении службы за Кавказом» 1840 года [О преимуществах... 1841: 267-268], «Высочайше утвержденное Положение о преимуществах службы в отдаленных и малонаселенных краях Империи» 1842 года [Высочайше утвержденное... 1843: 438-443]. Таким образом, в полной мере может быть исследована эволюция законодательного регулирования института государственной службы Кавказа первой половины XIX века в целом.

Ко второй группе можно отнести следующие документы: «О невзымании денег за награждение чинами черкесов, лизгинцев и других горцев» [О невзымании... 1830], «О выдаче прогонов, определяющимся на службу в Кавказскую губернию» [О выдаче прогонов... 1830], «О сроках службы канцелярских чиновников, определяющихся в Кавказскую область с чином коллежского ассесора» [О сроках службы... 1830], «О вычете отпусков свыше 28 дней из действительной выслуги у чиновников, определяющихся на службу в Кавказскую область» [О вычете отпусков... 1833], «Порядок пожалования служащим и служившим на Кавказе военным и гражданским чинам в награду находящихся там казенных пустопорожных земель» [Порядок пожалования... 1862], «Пользование чиновников гражданского ведомства в военных госпиталях и военных чиновников в больницах гражданского ведомства» [Пользование... 1866]. Несмотря на крайне ограниченную сферу действия указанных юридических актов, они акцентируют внимание на важных деталях, свидетельствуют о пристальном внимании царской администрации к возникающим проблемам, вносят ясность, придают конкретику, наглядно иллюстрируют всю сложность становления института государственной службы в регионе в первой половине XIX века.

Политика царской власти по утверждению российской государственности в регионе отличалась значительной гибкостью, планомерностью, последовательностью и с одной стороны развивалась в русле общеимперских тенденций, с другой – была вынуждена подстраиваться под конкретную историческую ситуацию и специфические кавказские реалии. Анализ целого комплекса факторов, среди которых исторические события, происходящие на Кавказе, приоритетные задачи, которые ставились императорами России перед каждым руководителем кавказской администрации, основные методы решения кадровых вопросов, нашедшие отражение в нормативно-правовых актах Российской империи и документах кавказской администрации, позволяют говорить об отдельных, специфических периодах развития института государственной службы Кавказа, при этом изучение каждого из них может представлять интерес для современной исторической науки.

В первом периоде (1785-1827 гг.) происходит зарождение института государственной службы и оформление его региональных особенностей. Нижняя хронологическая граница периода обусловлена образованием Кавказского наместничества и принятием первых штатов. 80-е годы XVIII века становятся первым шагом в формировании на южной окраине Российской империи российской административной и бюрократической системы. Формально процесс зарождения государственной службы на Кавказе проходит в русле общеимперских тенденций эпохи Екатерины II: на территории Кавказской губернии предпринимается попытка создания всех предусмотренных «Учреждением для управления губерний 1775 г.» органов управления, штат которых полностью комплектуется служащими, выделяются средства, сопоставимые с финансированием других российских губерний.

Кадровая политика Екатерины II на Кавказе аналогична общеимперской: императрица лично подбирает кандидатуру первого генерал-губернатора – П.С. Потемкина, который являлся значительной военной и политической фигурой эпохи. Солидный послужной список имеют и все правители наместничества конца XVIII века – руководители Наместнического правления, а по сути, главы исполнительной власти в регионе. Но доля высокообразованного, элитного чиновничества в регионе была мизерной, причем в основной своей массе это были выходцы из внутренних губерний, а не коренные жители. Существенным отличием кавказского чиновничества от российского, как показали проведенные расчёты, является доминирование в губернских учреждениях служащих второго, а в городских – третьего разряда. Это говорит о малой доле дворянства среди населения новой губернии, что косвенно подтверждается и поздним созданием в ней дворянской опеки (1789 г.).

В эпоху правления Павла I Кавказ в целом и кавказская бюрократическая система, в частности, не являлись объектом пристального внимания со стороны власти. Этот непродолжительный этап в истории института государственной службы на Кавказе, характеризующийся потерей Кавказским наместничеством своего статуса (включено в состав Астраханской области), резким сокращением финансирования, отсутствием четкого названия должностей и разграничения полномочий между высшим чиновничеством края. На этом этапе руководители региона не были значимыми историческими фигурами, видными деятелями своего времени, отсюда и замедление темпа эволюции бюрократического аппарата – закономерное следствие снижения интереса властей к освоению Кавказа.

С 1802 года политика России на Кавказе на ближайшее столетие вновь станет для власти одной из приоритетных. Первая треть XIX века в истории института государственной службы становится этапом, на котором политика Екатерины II, прерванная правлением Павла I, будет продолжена Александром I и следующими императорами. Это время, когда на высшие должности в регионе вновь назначаются крупные фигуры, наделенные беспрецедентными полномочиями, среди которых П.Д. Цицианов, А.П. Ермолов. В сфере развития института государственной службы перед ними стоят серьезные задачи: во-первых, поиск оптимальной модели штатов Грузии и Кавказской области, с

учетом не только общих правил для региональных администраций, но и специфики именно Кавказа и Закавказья. В этой связи интересен опыт Крыма, который был с успехом применен в Грузии, когда опорой для российской бюрократической системы стали выходцы из грузинского дворянского сословия. При формировании штатов дискуссии в правящих кругах вызывали вопросы количества военных и гражданских чинов, поиск необходимого и достаточного количества выходцев из русского и местного населения, обоснования сумм финансирования и возможности их выделения, что находит значительное отражение в переписке кавказской администрации с центральной властью.

Второй задачей становится подготовка нормативно-правовой базы институционализации бюрократической системы. В данном случае речь идет о значительном отступлении от общеимперских норм, обоснованном необходимостью здесь и сейчас решать остро стоящую проблему кадрового голода. Решение указанной задачи становится возможным за счет создания эффективного механизма взаимодействия между кавказской администрацией и центральной властью, благодаря которому главноуправляющие, имея значительные полномочия, могли в кратчайшие сроки рассчитывать на нормативно-правовое закрепление вносимых ими предложений по неотложным мерам, льготам и поощрениям, призванным привлечь чиновничество в регион. В данном процессе значительную роль играл опыт административного освоения Сибири и нормативно-правовое регулирование государственной службы входивших в ее состав территорий. Приоритет в этот период отдается материальным и сословно-статусным методам стимулирования служащих Кавказа и Закавказья, которые «работают» в сложившихся в регионе исторических условиях первой трети XIX века.

Таким образом, первый период развития института государственной службы Кавказа – это период поиска методов и механизмов создания эффективно функционирующей бюрократической системы. Во многом, благодаря анализу последствий большинства принимаемых решений, становится возможен переход от политики «разовых» льгот, «единичных» мер, «разрозненных» нормативно-правовых актов, удовлетворяющих только насущные потребности, к системной, последовательной политике развития бюрократической системы, основанной на комплексном подходе и целостных, работающих на перспективу, нормативно-правовых актах.

Второй период (1827-1856 гг.) – это период развития регионального института государственной службы и его специфических характеристик в соответствии с меняющимися задачами политики царизма на Кавказе. Историческим фоном указанного периода служит ожесточенное военное противостояние и четкое понимание Николаем I, что Кавказ – это неотъемлемая часть Российской империи и его интеграция должна идти не только военными, но и административными методами. В это связи роль преданного своему делу, профессионального чиновничества в регионе значительна и создание профессионального стабильного бюрократического аппарата становится приоритетным в политике кавказской администрации.

Нижняя хронологическая граница периода определена по дате принятия первого системного документа «Учреждение для управления Кавказской области», в рамках которого отдельная глава – «Особые преимущества чиновников, служащих в Кавказской области» – впервые официально закрепила переход от политики «привлечения» к политике «удержания» кадров и стала примером первого комплексного нормативно-правового акта, объединившего в себе все предлагаемые правительством меры в логической последовательности. Анализ указанного нормативно-правового акта в сравнении с последующими комплексными документами аналогичной направленности (1832, 1835, 1842 гг.) показывает процесс эволюции методов стимулирования длительной и эффективной службы местного чиновничества и подтверждает не только переход от «привлечения» к «удержанию», но и смену сословно-статусного стимулирования служебно-организационной и моральной мотивацией.

Хронологически указанные изменения связаны с перестройкой управления регионом в целом, с поворотом в общеимперского отношения к сравнительно доступному получению дворянства выходцами из недворянских сословий, происшедшему в правление Николая I. Однако на Кавказе, «льготные» условия приобретения дворянства просуществует значительно дольше, чем в других частях империи, что в очередной раз подчеркивает специфику развития местного бюрократического аппарата. Проблема кадрового голода также обретает новые очертания: с одной стороны, привлекая чиновников на южную окраину необходимо изначально мотивировать их на длительную службу, с другой, ни в коей мере нельзя потерять тот слой чиновничества, которой уже адаптировался к особенностям Кавказа. Значительная его часть, потеряв в результате реформ 1830-1840-х гг. сословно-статусные привилегии, гарантированные законодательством первой трети XIX века, была готова покинуть службу. Решение проблемы кавказская администрация видела в развитии системы социальной поддержки и морального поощрения служащих. Ключевым в данном случае являлось: во-первых понимание чиновничеством долгосрочных служебных перспектив, во-вторых гарантии благополучия семей чиновников (медицинское обслуживание, возможности образования детей), в-третьих обеспечение старости (льготные пенсии).

Созданная система социального обеспечения была призвана с одной стороны компенсировать колоссальный разрыв между высшим и низшим чиновничеством и обеспечить каждому служащему достойный уровень жизни, соответствующий статусу государственного служащего, с другой – выступать элементом мотивационного механизма на всех ступенях служебной лестницы. Еще одним методом мотивации кавказского чиновничества становятся служебные награды. Недооценивать роль служебной награды как моральной, так и материальной, нельзя ни в XIX веке, ни на современном этапе развития института государственной службы. Каждый чиновник, достойно исполняющий служебные обязанности с одной стороны желает, а с другой заслуживает быть отмеченным. Роль поощрения как метода стимулирования к

эффективной службе значительно возрастает в проблемных, сложных условиях несения службы, которые имели место быть на Кавказе в первой половине XIX века. Царизм искал особые подходы к награждению русского чиновничества, представителей местных народов, состоящих на службе, стремясь учитывать их нравы и предпочтения. Важным элементом механизма поощрения на Кавказе становится практика раздачи казенных земель за особые заслуги. Эта мера кроме поощрения имела и другую цель – обеспечить оседлость чиновничества на кавказской земле, создав тем самым новую социальную прослойку, опору власти в кавказском обществе. Наиболее ярко специфика и роль наград может быть представлена на примере конкретных историй В.И. Золотницкого, М.П. Щербины, А.А. Харитонова и других, чьи имена вошли в историю Кавказа как пример достойного служения на поприще государственной гражданской службы.

Таким образом этот период развития института государственной службы в целом можно охарактеризовать как период расцвета политики предоставления «особых преимуществ кавказскому и закавказскому чиновничеству», что во многом было обусловлено первостепенной задачей – создать в регионе профессиональный и стабильный бюрократический аппарат. По мере снижения накала в Кавказской войне, роль преимуществ, предоставляемых кавказскому чиновничеству, снижается. Начинает прослеживаться тенденция к отказу от льготного подхода. Это позволяет определить верхнюю хронологическую границу второго периода – 1856 г. Она обозначена нами условно, на основе докладной записки А.А. Харитонова, в которой впервые озвучена позиция кавказской администрации о необходимости постепенного сокращения числа льгот и преимуществ кавказского чиновничества и интеграции регионального института государственной службы в общеимперскую систему.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что значительный пласт источниковедческих, историографических и конкретно-исторических проблем, так или иначе связанных с процессом становления, развития и интеграции института государственной службы на Кавказе, остается сегодня малоизученным. Исследования в этой области имеют широкие перспективы и могут представлять интерес для современных молодых исследователей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Боров, Муратова 2013 – *Боров А.Х., Муратова Е.Г.* Общество и власть на Северном Кавказе в XIX – начале XX в.: предметное поле и концептуальные основы исследований в отечественном кавказоведении [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. URL: www.science-education.ru/110-9989 (дата обращения: 16.12.2017).

Восточный вопрос... 1978 – *Восточный вопрос* во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. – М.: Наука, 1978. – 435 с.

Высочайше утвержденное... 1843 – *Высочайше утвержденное* Положение о преимуществах чиновников, служащих за Кавказом» 1840 года, «Высочайше утвержденное Положение о преимуществах службы в отдаленных и малонаселенных краях Империи // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Второе собрание (1825-1881). Т. 17.

Отделение 1. №. 15731. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1843. – 916 с.

Губернии... 2003 – *Губернии Российской империи. История и руководители. 1708-1917* / Под общ. ред. Б.В. Грызлова, гл. ред. Н.Ф. Самохвалов. – М.: Объединенная редакция МВД России, 2003. – 535 с.

Дамешек 2013 – *Дамешек И.Л.* Чиновничество как «высший класс» сибирского общества: численность, уровень образования, материальное положение, влияние на общественную жизнь // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История».* – 2013. – №1 (4). – С. 41-55.

Жигарев 1896 – *Жигарев С.* Русская политика в Восточном вопросе. – М.: Университетская типография, 1896. – 550 с.

Зеленев, Зеленева 2005 – *Зеленев Е.И., Зеленева И.В.* Восточный вопрос во внешней политике Николая I: геополитический аспект // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика.* – 2005. – № 2. – С. 63-77.

Зеленева 2011 – *Зеленева И.В.* Внешняя политика России на Кавказе в XIX веке: геополитический и геостратегический аспекты // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* – 2011. – № 3. – С. 73-79.

Иванов 1994 – *Иванов В.А.* Губернское чиновничество 50-60-х годов XIX века в России: по материалам Московской и Калужской губерний): Историко-источниковедческие очерки. – Калуга: Калуж. гос. пед. ин-т, 1994. – 232 с.

Каменский 2001 – *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). – М.: РГГУ, 2001. – 575 с.

Кесаева 2013 – *Кесаева Р.Э.* Проблемы развития кавказоведения в Северо-Кавказском регионе // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки.* – 2013. – № 1. – С. 36-41.

Кузьминов 2006 – *Кузьминов П.А.* Кавказоведение на грани веков // *Кавказоведение: опыт исследований. Материалы Международной научной конференции. 13-14 октября 2005.* – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2006. – С. 5-34.

Лысенко 2001 – *Лысенко Л.М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX в.). – М.: МПГУ, 2001. – 358 с.

Малахова, Кузьминов 2014 – *Малахова Г.Н., Кузьминов П.А.* О качестве научной литературы по кавказской тематике (по материал всероссийского конкурса «Лучшая научная книга», 2013) // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.* – 2014. – № 1. – С. 42-46.

Малкова 2011 – *Малкова Г.Н.* Условия службы российских чиновников в местных государственных учреждениях в конце XVIII – середине XIX в. (По материала Казанской губернии) // *Экономическая история.* – 2011. – № 3. – С. 6-11.

Матвеев 2012 – *Матвеев О.В.* Политика России на Северо-Западном Кавказе 1830-1864 гг. в научной деятельности современных отечественных исследовательских центров и высших учебных заведений // *Исторические науки. Теория и практика общественного развития.* – 2012. – № 12. – С. 301-310.

Медушевский 1993 – *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. – М.: Текст, 1993. – 320 с.

Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.): в. 2-х т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. – 548 с.; Т. 2. – 583 с.

О выдаче прогонов... 1830 – *О выдаче прогонов*, определяющимся на службу в Кавказскую губернию // *ПСЗ. Собрание Первое. Т. 33. 1815-1816 гг. № 25926.* – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1167 с.

О вычете отпусков... 1833 – *О вычете отпусков* свыше 28 дней из действительной выслуги у чиновников, определяющихся на службу в Кавказскую область // *ПСЗ. Собрание Второе. Т. 7. 1832 г. № 5537.* – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1833. – 1414 с.

О невзымании... 1830 – *О невзымании* денег за награждение чинами черкесов, лизгинцев и других горцев // ПСЗ. Собрание Первое. Т. 32. 1812-1815 гг. № 25567. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1135 с.

О преимуществах... 1841 – *О преимуществах* в продолжении службы за Кавказом // ПСЗ. Собрание Второе. Т. 15. Отделение 1. 1840 г. № 13371. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1841. – 892 с.

О сроках службы... 1830 – *О сроках службы* канцелярских чиновников, определяющихся в Кавказскую область с чином коллежского ассесора // ПСЗ. Собрание Второе. Т. 3. 1828 г. № 2508. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1648 с.

Об определении... 1833 – *Об определении* на службу чиновников по гражданской части в Кавказской области, Грузии, Закавказских провинциях, Сибири и Олонекской губернии // ПСЗ. Собрание Второе. Т.7. 1832 г. № 5267. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1833. – 1414 с.

Охонько 2009 – *Охонько Я.Н.* Северный Кавказ в составе Российской Империи: начальный этап правовой интеграции // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 15 (153). – Вып. 19. Право. – С. 116-122.

Покровский 1929 – *Покровский М.Н.* Восточный вопрос // Большая Советская энциклопедия. – М.: «Советская энциклопедия», 1929. Т. XIII. – 806 стлб. С. 309, 321-322

Положение о преимуществах... 1836 – *Положение о преимуществах* службы в губерниях и областях Сибирских, в Грузии и областях Кавказской и Закавказских // ПСЗ. Собрание Второе. Т. 10. Отделение 1. 1835 г. №. 8164. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836. – 917 с.

Пользование... 1866 – *Пользование* чиновников гражданского ведомства в военных госпиталях и военных чиновников в больницах гражданского ведомства // ПСЗ. Собрание Второе. Т. 38. Отделение 1. 1863 г. № 40006. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1866. – 942 с.

Порядок пожалования... 1862 – *Порядок пожалования* служащим и служившим на Кавказе военным и гражданским чинам в награду находящихся там казенных пустопорожных земель // ПСЗ. Собрание Второе. Т. 35. Отделение 1. 1860 г. № 35529. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1862. – 962 с.

Свод законов... 1857 – *Свод законов* Российской Империи: в 15 т. Т. 3. Уставы о службе гражданской. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – 1416 с.

Свод учреждений... 1842 – *Свод учреждений* государственных и губернских. Часть третья. Уставы о службе гражданской. – СПб.: Типография Второго Отделения С.Е.И.В. Канцелярии, 1842. – 512 с.

Сивкова 2007 – *Сивкова А.В.* Законодательное регулирование государственной службы в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX века // Исторический ежегодник. 2007. С. 45-57. URL: http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/IE2007/007_Sivkova.pdf (дата обращения: 07.11.2017).

Соловьев 1882 – *Соловьев С.М.* Восточный вопрос // Соловьев С.М. Сочинения Сергея Михайловича Соловьева. – СПб.: Типография брат. Пантелеевых, 1882. – 538 с.

Твердохлеб, Шевырин 1995 – *Твердохлеб А.А., Шевырин В.М.* Государственные служащие в России 1722-1995: динамика социального статуса. Исторический очерк // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5. История. Реферативный журнал. – 1995. – № 2. – С. 90-142.

Шепелев 2001 – *Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. – СПб.: Искусство-СПБ, 2001. – 477 с.

LeDonne 1996 – *LeDonne J.P.* Russian Empire and the World, 1700-1917. – New York: Oxford University Press, 1996. – 416 p.

LeDonne 1994 – *LeDonne J.P.* The Geopolitical context of Russian foreign policy: 1700-1917 // *Acta Slavica Iaponica*. – 1994. – Vol. 12. – P. 1-23. URL: <https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/8063/1/KJ00000034024.pdf> (date of access: 24.12.2017).

The Great powers... 1971 – *The Great powers and the Near East. 1774-1923* / Ed. by M.S. Anderson. New York: St. Martin's Press, 1971; London: Edward Arnold, 1970. 182 p.

REFERENCES

BOROV A.Kh., MURATOVA E.G. *Obshchestvo i vlast' na Severnom Kavkaze v XIX – nachale XX v.: predmetnoe pole i kontseptual'nye osnovy issledovaniy v otechestvennom kavkazovedenii* [Society and power systems in the North Caucasus in 19th – early 20th century: subject field and conceptual framework of the studies in Russian Caucasian studies]. IN: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2013. No. 4. URL: www.science-education.ru/110-9989 (date of access: 16.12.2017). (In Russian)

DAMESHEK I.L. *Chinovnichestvo kak «vysshii klass» sibirskogo obshchestva: chislennost', uroven' obrazovaniya, material'noe polozhenie, vliyaniye na obshchestvennyuyu zhizn'* [The Officials as the «Upper Class» of the Siberian Society: Their Number, Educational Attainment, Financial Condition, Influence on the Society]. IN: *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»*. – 2013. – No. 1 (4). – P. 41-55. (In Russian)

Gubernii Rossiiskoi imperii. Istoriya i rukovoditeli. 1708-1917 [Provinces of Russian empire: history and governors] / Pod obshch. red. B.V. Gryzlova, gl. red. N.F. Samokhvalov. – M.: Ob"edinennaya redaktsiya MVD Rossii, 2003. – 535 p. (In Russian)

IVANOV V.A. *Gubernskoe chinovnichestvo 50-60-kh godov XIX veka v Rossii: (po materialam Moskovskoi i Kaluzhskoi gubernii): Istoriko-istochnikovovedcheskie ocherki* [Provincial bureaucracy of 1850s and 1860s in Russia (by the materials of Moscow and Kaluga provinces): Essays in history and source study]. – Kaluga: Kaluzh. gos. ped. in-t, 1994. – 232 p. (In Russian)

KAMENSKII A.B. *Ot Petra I do Pavla I: Reformy v Rossii XVIII veka (opyt tselostnogo analiza)* [From Peter I to Paul I: Reforms in Russia of 18th century (essay in holistic analysis)]. – M.: RGGU, 2001. – 575 p. (In Russian)

KESAEVA R.E. *Problemy razvitiya kavkazovedeniya v Severo-Kavkazskom regione* [Problems of development of Caucasian studies in the North-Caucasian region]. IN: *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova. Obshchestvennye nauki*. – 2013. – No. 1. – P. 36-41. (In Russian)

KUZ'MINOV P.A. *Kavkazovedenie na grani vekov* [Caucasian studies at the turn of centuries]. IN: *Kavkazovedenie: opyt issledovaniy. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 13-14 oktyabrya 2005* [Caucasian studies: practice of research. Proceedings of International conference, October 13-14, 2005]. – Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im. V. Gassieva, 2006. – P. 5–34. (In Russian)

LEDONNE J.P. *Russian Empire and the World, 1700-1917*. – New York: Oxford University Press, 1996. – 416 p.

LEDONNE J.P. The Geopolitical context of Russian foreign policy: 1700-1917. IN: *Acta Slavica Iaponica*. – 1994. – Vol. 12. – P. 1-23. URL: <https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/8063/1/KJ00000034024.pdf> (date of access: 24.12.2017).

LYSENKO L.M. *Gubernatory i general-gubernatory Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Governors and viceroys of Russian empire (18th – early 20th century)]. – M.: MPGU, 2001. – 358 p. (In Russian)

MALAKHOVA G.N., KUZ'MINOV P.A. *O kachestve nauchnoi literatury po kavkazskoi tematike (po material vserossiiskogo konkursa «Luchshaya nauchnaya kniga», 2013)* [On the quality of the scientific literature on Caucasian subjects (based on the all-Russian contest «Best

Scientific Book», 2013)]. IN: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki.* – 2014. – No. 1. – P. 42-46. (In Russian)

MALKOVA G.N. *Usloviya sluzhby rossiiskikh chinovnikov v mestnykh gosudarstvennykh uchrezhdeniyakh v kontse XVIII – seredine XIX v. (Po materiala Kazanskoi gubernii)* [The conditions of official service in the local state institutions in the end of 18th – the middle of 19th century]. IN: *Ekonomicheskaya istoriya.* – 2011. – No. 3. – P. 6-11. (In Russian)

MATVEEV O.V. *Politika Rossii na Severo-Zapadnom Kavkaze 1830-1864 gg. v nauchnoi deyatel'nosti sovremennykh otechestvennykh issledovatel'skikh tsentrov i vysshikh uchebnykh zavedenii* [Policy of Russia in the Northwestern Caucasus in 1830-1864 in researches of the contemporary research centers and higher educational institutions of Russia]. IN: *Istoricheskie nauki. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya.* – 2012. – No. 12. – P. 301-310. (In Russian)

MEDUSHEVSKII A.N. *Utverzhenie absolyutizma v Rossii. Sravnitel'noe istoricheskoe issledovanie* [Establishment of absolutism in Russia. Comparative historical investigation]. – M.: Tekst, 1993. – 320 p. (In Russian)

MIRONOV B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii (XVIII – nachalo XX v.): v. 2-kh t.* [Social history of Russia (18th – early 20th century): In 2 vols.]. – SPb.: Dmitrii Bulanin, 2003. T. 1. – 548 p.; T. 2. – 583 p. (In Russian)

O nezvymanii deneg za nagrazhdenie chinami cherkosov, lizgintsev i drugikh gortsev [On no money recovery for assigning with ranks of circassians, lezgins and other mountaineers]. IN: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZ)* [Complete collection of the laws of Russian empire]. *Sobranie Pervoe. T. 32. 1812-1815 gg. No. 25567.* – SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. – 1135 p. (In Russian)

O preimushchestvakh v prodolzhenii sluzhby za Kavkazom [On privileges for continuous service in Trans Caucasus]. IN: *PSZ. Sobranie Vtoroe. T. 15. Otdelenie 1. 1840 g. No. 13371.* – SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1841. – 892 p. (In Russian)

O srokakh sluzhby kantselyarskikh chinovnikov, opredelyayushchikhsya v Kavkazskuyu oblast' s chinom kollezhskogo assesora [On the terms of service of chancellery officers appointed to Caucasus region with the rank of assessor in collegium]. IN: *PSZ. Sobranie Vtoroe. T. 3. 1828 g. No. 2508.* – SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. – 1648 p. (In Russian)

O vychete otpuskov svyshe 28 dnei iz deistvitel'noi vyslugi u chinovnikov, opredelyayushchikhsya na sluzhbu v Kavkazskuyu oblast' [On exemption of the vacations exceeding 28 days in duration out of the length of actual service of the officers assigned to the service in the Caucasian region]. IN: *PSZ. Sobranie Vtoroe. T. 7. 1832 g. No. 5537.* – SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1833. – 1414 p. (In Russian)

O vydache progonov, opredelyayushchimsya na sluzhbu v Kavkazskuyu guberniyu [On handing out of the travel costs to those assigned to the service in Caucasian province]. IN: *PSZ. Sobranie Pervoe. T. 33. 1815-1816 gg. No. 25926.* – SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. – 1167 p. (In Russian)

Ob opredelenii na sluzhbu chinovnikov po grazhdanskoi chasti v Kavkazskoi oblasti, Gruzii, Zakavkazskikh provintsiyakh, Sibiri i Olonetskoii gubernii [On assigning to the service of civil department officers in Caucasian region, Georgia, Trans Caucasus provinces, Siberia and Olonets province]. IN: *PSZ. Sobranie Vtoroe. T.7. 1832 g. No. 5267.* – SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1833. – 1414 p. (In Russian)

OKHON'KO Ya.N. *Severnii Kavkaz v sostave Rossiiskoi Imperii: nachal'nyi etap pravovoi integratsii* [North Caucasus in Russian Empire: early stage of jurisdictional integration]. IN: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2009. – No. 15 (153). – Vyp. 19. Pravo. – P. 116-122. (In Russian)

POKROVSKII M.N. *Vostochnyi vopros* [Eastern question]. IN: *Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya* [Grand soviet encyclopedia]. – M.: «Sovetskaya entsiklopediya», 1929. T. XIII. – 806 stlb. P. 309, 321-322. (In Russian)

Polozhenie o preimushchestvakh sluzhby v guberniyakh i oblastyakh Sibirskikh, v Gruzii i oblastyakh Kavkazskoi i Zakavkazskikh [Standing order, concerning the advantages of service in Siberian provinces and regions, in Georgia and Caucasian and Transcaucasian regions]. IN: PSZ. Sobranie Vtoroe. T. 10. Otdelenie 1. 1835 g. No. 8164. – SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1836. – 917 p. (In Russian)

Pol'zovanie chinovnikov grazhdanskogo vedomstva v voennykh gospitalyakh i voennykh chinovnikov v bol'nitsakh grazhdanskogo vedomstva [The treatment of the civil department officers in military hospitals and the military officers in hospitals of civil department]. IN: PSZ. Sobranie Vtoroe. T. 38. Otdelenie 1. 1863 g. No. 40006. – SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1866. – 942 p. (In Russian)

Poryadok pozhalovaniya sluzhashchim i sluzhivshim na Kavkaze voennym i grazhdanskim chinam v nagradu nakhodyashchikhsya tam kazennykh pustoporozhnikh zemel' [Standing order of rewarding the military and civil officers presently or previously in service in the Caucasus by unoccupied lands in state ownership]. IN: PSZ. Sobranie Vtoroe. T. 35. Otdelenie 1. 1860 g. No. 35529. – SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1862. – 962 p. (In Russian)

SHEPELEV L.E. *Chinovnyi mir Rossii: XVIII – nachalo XX v.* [The world of Russia's officialdom: 18th – early 20th century]. – SPb.: Iskustvo-SPB, 2001. – 477 p. (In Russian)

SIVKOVA A.V. *Zakonodatel'noe regulirovanie gosudarstvennoi sluzhby v Sibiri v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Legal regulation of public service in Siberia at the end of 18th – first half of 19th century]. IN: Istoricheskii ezhegodnik. 2007. P. 45-57. URL: http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/IE2007/007_Sivkova.pdf (date of access: 07.11.2017). (In Russian)

SOLOV'EV S.M. *Vostochnyi vopros* [Eastern question]. IN: Solov'ev S.M. *Sochineniya Sergeya Mikhailovicha Solov'eva* [Solov'ev S.M. The Works of Sergey Mikhailovich Solov'ev]. – SPb.: Tipografiya brat. Panteleevykh, 1882. – 538 p. (In Russian)

Svod uchrezhdenii gosudarstvennykh i gubernskikh. Chast' tret'ya. Ustavy o sluzhbe grazhdanskoi [Compilation of state's and provinces' statutes. Third part. Statute of civil service]. – SPb.: Tipografiya Vtorogo Otdeleniya S.E.I.V. Kantselyarii, 1842. – 512 p. (In Russian)

Svod zakonov Rossiiskoi Imperii: v 15 t. T. 3. Ustavy o sluzhbe grazhdanskoi [Compilation of the laws of Russian empire: In 15 vols. Vol. 3. Statute of civil service]. – SPb.: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1857. – 1416 p. (In Russian)

The Great powers and the Near East. 1774-1923 / Ed. by M.S. Anderson. New York: St. Martin's Press, 1971; London: Edward Arnold, 1970. 182 p.

TVERDOKHLEB A.A., SHEVYRIN V.M. *Gosudarstvennye sluzhashchie v Rossii 1722-1995: dinamika sotsial'nogo statusa. Istoricheskii ocherk* [Public service officials in Russia 1722-1995: dynamics of social status. Outline of history]. IN: Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5. Istoriya. Referativnyi zhurnal. – 1995. – No. 2. – P. 90-142. (In Russian)

Vostochnyi vopros vo vneshnei politike Rossii. Konets XVIII –nachalo XX v. [Eastern question in Russia's foreign policy. The end of 18th –early 20th century] – M.: Nauka, 1978. – 435 p. (In Russian)

Vysochaishe utverzhdennoe Polozhenie o preimushchestvakh chinovnikov, sluzhashchikh za Kavkazom» 1840 goda, «Vysochaishe utverzhdennoe Polozhenie o preimushchestvakh sluzhby v otdalennykh i malonaselennykh krayakh Imperii [“Supremely approved Statute on the privileges of officers serving in Trans Caucasus” of the year 1840, “Supremely approved Statute on the privileges of service in remote and sparsely populated territories of the Empire”]. IN: PSZ. Vtoroe sobranie (1825-1881). T. 17. Otdelenie 1. No. 15731. – SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1843. – 916 p. (In Russian)

ZELENEV E.I., ZELENEVA I.V. *Vostochnyi vopros vo vneshnei politike Nikolaya I: geopoliticheskii aspekt* [Eastern question in the foreign policy of Nicolay I: geopolitical aspect].

IN: Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika. – 2005. – No. 2. – P. 63-77. (In Russian)

ZELENEVA I.V. *Vneshnyaya politika Rossii na Kavkaze v XIX veke: geopoliticheskii i geostrategicheskii aspekty* [Russia's foreign policy in the Caucasus in 19th century: geopolitical and geostrategic aspects]. IN: Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura. – 2011. – No. 3. – P. 73-79. (In Russian)

ZHIGAREV S. *Russkaya politika v Vostochnom voprose* [Russian politics in Eastern question]. – M.: Universitetskaya tipografiya, 1896. – 550 p. (In Russian)

УДК 94(479)

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-1-80-113

РЕФОРМА СОСЛОВНО-ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XIX ВЕКЕ: ОТ «ГОРСКОГО ОБЩЕСТВА» К ОБЩЕСТВУ КРЕСТЬЯНСКОМУ

П.А. КУЗЬМИНОВ

*ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: petrakis_hist@bk.ru*

Аннотация. Со времени проведения первых мероприятий по реформированию социальных отношений у народов Северного Кавказа прошло более ста пятидесяти лет. Особых мероприятий, посвященных эпохе великих реформ – крупнейшему событию новой истории России и народов ее населяющих, научным сообществом кавказоведов не проведено. А значит, мы очередной раз «забываем» свое прошлое, вместо того, чтобы его изучать, делать выводы, учитывать накопленный исторический опыт. Между тем реализация крестьянской реформы, давшей свободу более шестидесяти тысячам человек на Северном Кавказе, требует тщательного анализа. В ее подготовке участвовали все звенья кавказской администрации, были собраны сведения об истории возникновения и развития феодальных отношений в регионе, предложены различные проекты, которые тщательно обсуждались всеми заинтересованными сторонами. Как и в центральных районах России, процесс освобождения здесь имел минусы, но их, по нашему мнению, было здесь меньше.

Ключевые слова: Северный Кавказ; горское общество; 1860-е годы; реформы; судебно-административная система; освобождение зависимых сословий; крестьянство.

19th CENTURY REFORM OF ESTATES AND LAND RELATIONS OF THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS: FROM “MOUNTAIN” TO PEASANT SOCIETY

P.A. KUZ'MINOV

*FSBEI HE «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov»
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: petrakis_hist@bk.ru*

Abstract. More than one hundred and fifty years have passed since the first measures to reform social relations among the peoples of the North Caucasus. But no meaningful occasion, dedicated to the epoch of great reforms – the greatest event in the modern history of Russia and the peoples inhabiting her – was arranged by Caucasian scholars' community. It means once more we are forgetting our own past instead of studying it, taking into account accumulated historical experience and drawing lessons from it. Meanwhile the implementation of peasant reform, which lent liberty to more than sixty thousand men and women in the North Caucasus deserves thoroughgoing analysis. All levels and sections of Caucasian administration were involved in its preparation, information on the history of genesis and development of feudal relations in the region were accumulated. There

were proposed different projects, which were discussed in details by all interested parties. Just like in the central regions of the Russia the process of liberation in the North Caucasus was marked by some minuses but here they were fewer.

Key words: North Caucasus; mountain society; 1860s; reforms; judiciary and administrative system; liberation of dependent estates; peasantry.

Проблемы социального партнерства, социального равенства или социальных конфликтов и эксплуатации человека человеком, всегда остро стояли в обществе. Их развитие или, наоборот, искоренение, формировали своеобразную систему координат, которая определяла рамки жизненного пространства для жителей социума. Уничтожение любых форм эксплуатации человека человеком, в условиях цивилизованного общества, всегда оценивалось как гуманная и благородная задача, поэтому не случайно данной проблеме посвящено множество статей, очерков, монографических исследований.

Характерно это и для народов Кавказа, где к середине XIX века сохранились не только зависимые феодальные отношения, но и разнообразные формы рабства. Их ликвидация открывала дорогу модернизации и просвещения горских обществ. Сохранение вело к стагнации традиционных сословных отношений.

За годы изучения реформ сменились поколения публицистов, краеведов и ученых, которые искали и находили возможность исследовать реформы с особенных методологических позиций, отражающих концептуальное видение темы. К сожалению, авторы, освещавшие преобразования 60-х гг. XIX в., обошли вниманием проблему: а каково собственно историческое содержание понятия «реформа»? Когда обсуждение не выходит за рамки бытового обихода, то и вопрос этот вроде бы риторический: все всё понимают. Но когда начинается научное исследование, привязка к факту, закону, контексту времени, то ясность исчезает. Каков критерий отнесения события или явления к реформе? Соответствие чаяниям общества? Или реформы – это все, что не есть революция? Реформы – это любое, даже мизерное социальное изменение или изменение, затрагивающее нечто принципиальное? Но тогда что есть «принципиальное»? Каков временной объем реформы? Если она произошла вследствие некоего властного решения, но на протяжении полста, а то и ста лет, – это реформа, характеризующая политику власти, или это собственный ход жизни, составляющий фон и основу исторического движения общества? А чем, собственно, одномоментная и резкая, особенно опирающаяся на какие-либо кнутабойные мероприятия реформа отлична от революции? Тем, что осуществляется «сверху», а не «снизу»? [Власть и реформы... 1998: 17].

Еще более сложен вопрос с оценкой реформ, проводившихся в этно-социальном пространстве Северного Кавказа. Они, по утверждению советских ученых, не были итогом экономического и политического развития народов региона, а были навязаны царским правительством. Но навязаны были реформы и российским дворянам, и крестьянам. Разве они желали того, что им предложило правительство? Достаточно вспомнить реакцию «нотаблей» первого и второго созывов на проект крестьянской реформы в 1859 г. [Литвак 1991: 109-

127] или мощное движение крестьян в 1861-1863 гг. [Зайончковский 1968: 152-182] против предложенных правительством условий освобождения. Так что же было на самом деле? Реформы или колониальное ограбление отсталых окраин? Крайне необходимые для развития горского социума преобразования социально-экономических и административно-правовых отношений или консервация патриархально-родовых связей?

Реформы в жизни горского общества

Процесс военного и политического покорения «мятежного Кавказа» не решал проблему социокультурного единения. Нужны были иные «нити», «скрепы» (В.О. Ключевский) которые прочно соединили бы конгломерат народов Кавказа в единый общественно-политический организм России. Главным в процессе объединения этих обществ была проблема преодоления цивилизационных расхождений и дисбалансов между российским и горским социумами и социально-культурного синтеза [Боров 2007: 7], остро стоявшая как перед российской администрацией, так и перед горской элитой. Сближение и устранение мнимых и явных противоречий, возможно, было только на основе знания, открытости, доброжелательности как необходимой стратегии взаимоотношений народов региона. В определенной степени это ощущали, и по мере возможностей выполняли, отдельные звенья администрации и часть горской элиты, связавшей свое будущее с Россией.

Наиболее важным феноменом общественных трансформаций, на наш взгляд, является «Ее величество – Реформа», как наглядное воплощение подвижек и пертурбаций в социуме. Амплитуда преобразований и изменений, их количественные и качественные характеристики, глубина, сила, эффективность – везде и всегда различны, но, как движение – форма существования материи, так реформы – одна из важнейших форм бытия социума. Без постоянных изменений и преобразований различных сторон жизни общества, при сохранении основ его экономического и государственного строя, невозможно его развитие, да и сама жизнь.

Реформы по своей сути диалектичны. Они стремятся придать движение частному, сохранив целое в покое, но это, в свою очередь, приводит к возникновению внутри целого противоречий, которые необходимо устранить, для чего проводятся новые преобразования. Их совокупность приводит к положительной (и тогда мы говорим о социальном прогрессе) или отрицательной динамике социальных изменений (социальный регресс), то есть переходе социальных систем, общностей, институтов из данного состояния в другое. Взаимодействуя друг с другом, изменения детерминируют последующую динамику: одни трансформации вызывают другие, их накопление ведет сначала к незаметным, а затем более существенным подвижкам внутри общества. В конечном счете, на основе этих изменений осуществляется процесс социального развития. Чем выше уровень социально-экономических отношений в обществе, тем быстрее идет процесс развития, чем

ниже уровень, тем он медленнее и труднее, что мы и наблюдаем во второй половине XIX в. на Кавказе.

Историографические подходы изучения реформ

Проблема «белого рабства» была одной из самых острых в истории России XIX века. Этот вопрос тревожил общество, способствовал зарождению революционного движения, увеличивал число противников самодержавия, обострял кризисные тенденции в государстве. Наиболее ярко стремление к эмансипации проявилось в сотнях крестьянских восстаний, в движении декабристов, в появлении революционно-демократических идей в обществе. Острота крепостнических противоречий в государстве заставила правительство сделать ряд шагов для минимизации социальных конфликтов.

За прошедшие годы после отмены крепостного права на Северном Кавказе накоплен немалый опыт изучения проблемы. Написаны сотни статей, опубликованы монографии, защищены диссертации, анализирующие различные стороны реформы, но концептуальная палитра в изучении причин социально-экономических преобразований в регионе крайне бедна. В дореволюционном кавказоведении [Кузьминов 2009b] исходили из тезиса об исключительной роли самодержавия, которое по своему усмотрению и желанию решает судьбы народов. Только благодаря волеизъявлению Александра II, по их мнению, была дарована свобода зависимым сословиям на Кавказе [Кузьминов 1989: 153-164]. Наиболее четко эту позицию обосновал анонимный автор, современник реформы: «После умиротворения горцев, давши им время материально оправиться и подготовиться к восприятию первых начал цивилизации, правительство приступило к коренным преобразованиям, из которых первое место принадлежит, бесспорно, уничтожению крепостного права» [С...в Е. 1868: 15]. Работы по истории реформы давали отличную возможность восславить царя-освободителя и все деяния кавказской администрации, а также сформировать благожелательное общественное мнение о мирном преобразовании края.

Советская историография, опираясь на работы В.И. Ленина [Ленин 1973а; Ленин 1973б; Ленин 1973с], напротив, подчеркивала грабительский, крепостнический характер реформы на Северном Кавказе, а причины ее проведения крылись в колониальной политике царизма и экономических потребностях России [Гоникишвили 1981; Джимов 1986; Жакомихов 1963; Комиссаров 1947; Кумыков 1959; Кумыков 1965; Мужев 1950; Мужев 1951].

Как нам представляется, оба подхода рефлекторны, просты и не отражают всей сложности заявленной проблемы. При обсуждении вопроса о необходимости ликвидации рабских и зависимых отношений у горских народов перед кавказской администрацией во всю силу встали и политические, и экономические, и социальные, и административные отношения, которые формировались в регионе на протяжении предыдущих десятилетий, и напрямую или опосредованно влияли на характер принимаемых решений.

Для решения крестьянского вопроса в России в 30-50-е годы XIX века было создано девять Секретных комитетов, но ни один из них не довел обсуждение проблемы до логического конца, поскольку отмена крепостного права, т.е. радикальное решение проблемы, было вне компетенции этих комитетов.

В это же время Северный Кавказ был расколот Кавказской войной. Северо-Западный и Северо-Восточный Кавказ в конце 30-х – начале 50-х гг. XIX в. были фактически вне военно-административного влияния России. Создание имамата Шамиля, в котором было уничтожено рабство, отменен ряд феодальных повинностей владельцам, ликвидировано сословие высшей феодальной знати (шамхалов, уцмиев, ханов, князей), усилило борьбу зависимых крестьян за свое освобождение в неконтролируемых Шамилем районах (Осетии, Кабарде, Балкарии, Ставропольской губернии и др.). Для нейтрализации идей социального равенства, распространяемые сторонниками имама, кавказская администрация, с одной стороны, пыталась военными средствами уничтожить источник негативного влияния на русских и горских крестьян, а с другой, искала мирные средства для решения проблем в горской среде.

Административно-судебные рамки и рычаги проведения реформы

Объектом нашего исследования являются социальные преобразования, проведенные в 50–60-х годах XIX в. у народов Северного Кавказа. Сумма этих преобразований завершила своеобразный глубокий переворот в области социальных отношений, предопределила изменения в области быта, ментальности, традиций, создав новое «поле» для жизнедеятельности народов. Качественный рывок в эволюции социальных отношений (от рабских или полурабских, от феодально-зависимых или полузависимых к свободным гражданским отношениям, дающим простор развитию товарно-денежных отношений), совершенный под патронажем коронной администрации (Б.Н. Миронов) создавал лучшие условия для развития материальной и духовной культуры, по сравнению с дореформенной эпохой. Вместе с тем активное вмешательство администрации во все традиционные сферы жизни горцев не могло остаться без последствий. Местная аристократия, теряя остатки политических, социальных и экономических привилегий выступила против девальвации их роли в жизни горского социума, но военно-политическое превосходство было на стороне генералов-правителей кавказского наместничества, что и решило исход противостояния. Кавказская администрация никогда не была либеральным центром в условиях противостояния с горцами, да и быть им не могла по определению. Но после завершения Кавказской войны необходимо было ярче обозначить цивилизующую роль России, что и было продемонстрировано в ходе социально-экономических преобразований.

Траектории сближения российского и горского обществ, помимо формирования системы социокультурного взаимовлияния, усилили кризис

горского социума в первой половине XIX в. (В.Х. Кажаров). Чиновники военно-окружных управлений, всё активнее вмешиваясь в сферу социальных прав горской знати, вытесняли её из традиционных «ниш». В этих условиях поддержка горской элиты кавказской администрацией, которая стояла на повестке дня в XVIII – первой половине XIX в., была просто невозможна. Необходимо было также расширить социальную опору среди горцев и не допустить рецидивов военного противостояния, для чего предполагалось «уравнять» все население региона в правах и обязанностях по отношению к правительству в соответствии с нормами права России.

Приступая к переустройству края, наместник Кавказа А.И. Барятинский признавал, что в этом деле «предстоит труд огромный и головоломный». Сложность задачи заключалась в том, что нельзя было навязывать горцам несвойственные им понятия и условия жизни. Важно было привлечь к управлению горцами элиту местных народов, которая стала бы социальной опорой администрации в регионе и работала под присмотром российских офицеров, хорошо «изучивших нравы, обычаи и языки горских народов» [Эсадзе 1907: 168].

Нерешенность кадровой проблемы неоднократно подчеркивал А.И. Барятинский, который акцентировал внимание военного министра России именно на этом вопросе: «Где найти достаточное число людей, которые могли бы стать во главе отдельных управлений и самостоятельно вести свод народных учреждений?» [Акты... 1904: 644]. Поэтому офицерам, привлеченным к административной работе и ставшим военными чиновниками, устанавливались льготы, дополнительно выплачивалось жалование за выслугу лет, присваивались вне очереди воинские звания. Одновременно произошло количественное увеличение штата всего аппарата управления на Кавказе.

Для проведения институциональных преобразований, нужен был профессионально подготовленный, гибкий, адекватно реагирующий на «вызовы», идущие от горских обществ, аппарат управления. Такие административные органы стали формироваться еще в годы военного противостояния с имаматом Шамиля. В процессе создания системы управления на Северном Кавказе предполагалось, что она: во-первых, должна была преодолеть судебную-административную раздробленность и создать единую централизованную организацию края, наладив постоянные связи кавказской периферии с центром империи; во-вторых, постепенно ослабит и ликвидирует власть владельческой верхушки; в-третьих, ослабит влияние шариата и проведет модернизацию адатного права, с целью подготовить постепенный переход горских народов к единому российскому судопроизводству законодательству [Блиева 2001; Блиева 2005; Бобровников 2001; Малахова 2001; Казначеев 2005; Калмыков 2007 и др.].

Первой подверглась изменению система приставского управления, просуществовавшая в Кабарде около 90 лет, а в других регионах свыше тридцати лет [Бейтуганов 1993; Калмыков 1995]. На Левом крыле Кавказской армии приставства были упразднены положением от 2 декабря 1857 г. и вместо

них созданы 4 округа: Кабардинский, Осетинский, Кумыкский и Чеченский [История российского... 2004: 189].

Основные конструкторы новой административной системы, получившей название «Военно-народное управление» были утверждены 1 апреля 1858 г. «Положением о кавказской армии». Они состояли в следующем: 1. Народный суд и народная милиция, формируемые из местных жителей, возглавлялись представителями военной администрации. 2. Народное право (адат) бралось под опеку государства, однако ограничивалось право «кровной мести»; право «всеобщего применения оружия»: запрещался трехдневный грабёж имущества убийцы и захват имущества родных и односельчан неисправимого должника в обеспечении долга; не допускалось применение в народных судах «решений по шариату и адату, которые противоречат общему духу наших законов». 3. Создавались благоприятные условия для естественного процесса развития государственности у горских народов Северного Кавказа; меры по восстановлению в правах представителей высших сословных горцев, которые должны были стать опорой для администрации; предполагалось создание милицейской стражи из горцев. 4. Разрабатывались эффективные экономические меры, направленные на повышение благосостояния горцев, включавшие развитие торговли и промышленности, разрешение земельного вопроса, разработку системы поощрительных мер для горцев, находившихся на службе у российского правительства. 5. Создавались условия, направленные на развитие и поддержку национальной культуры горцев, вовлечение их в сферу культурного влияния России [Бобровников 2001: 98-99; История российского... 2004: 187-188].

В 1860 г. Кавказская линия, как военно-административное подразделение Кавказского наместничества была ликвидирована, а все пространство Северного Кавказа было поделено на Терскую и Кубанскую области, а также Ставропольскую губернию. Области, в свою очередь, были разделены на округа. Терская область объединяла 8 округов: Кабардинский, Осетинский, Ингушский, Кумыкский, Чеченский, Аргунский, Ичкеринский, Нагорный [Полное собрание... 1863: 497-502]. Устанавливалось раздельное управление для гражданского, казачьего и горского населения. Это было, по сути, началом практического осуществления перестройки военно-колониационного режима населения Северного Кавказа на гражданский лад. Округа делились на участки или наибства, а те, в свою очередь, на аулы.

По «Положению об управлении Дагестанской областью» от 5 апреля 1860 г., Дагестан состоял из 4-х военных отделов: 1) Северный Дагестан, 2) Южный Дагестан, 3) Средний Дагестан, 4) Верхний Дагестан, а также наибства Сулакского и двух гражданских управлений: Дербентское градоначальство и управление портовым городом Петровском. В составе военных отделов были образованы округа во главе с начальниками из русских офицеров, а те делились на более мелкие административные единицы – наибства. Феодалные ханства и владения также были включены вместе с округами в состав военных отделов. Это свидетельствует о том, что «Положение» не решило вопрос о создании однотипной системы административного деления и управления в Дагестане.

Оно по-прежнему делилось на военное, ханское и гражданское [История... 1968: 120]. Но к 1867 г. все ханства и феодальные владения Дагестана были ликвидированы. Дагестанская область теперь состояла из девяти округов, в которых сложилась гомогенная система управления.

В состав Кубанской области вошли территории Черноморского казачьего войска, Старой линии (северо-восточная часть края от устья р. Лабы до границы со Ставропольской губернией) и Правобережье Кубани, заселенное горцами, где создавалась, по мере продвижения российской армии в горы, система военно-народных округов. Сначала их было три: Верхнекубанский, Бжедухский, Абадзехский, а с 1866 г. – пять: Псекупский, Лабинский, Урупский, Зеленчукский и Эльборусский [История... 2004: 107], в рамках которых и шел процесс подготовки крестьянской реформы. «Положение» об окружных управлениях и штаты по ним были утверждены наместником Кавказа 20 января 1866 г.

Таким образом, на Северном Кавказе в 60-х годах XIX в. сложилась своеобразная система управления, которая объединяла гражданское управление для жителей городов (Екатеринодар, Владикавказ, Моздок, Кизляр и др.) и Ставропольской губернии, военное для казачества (Терское и Кубанское казачье войско) и военно-народное – для горцев. Вся полнота власти в последних находилась в руках российских офицеров, которые занимали должности от начальников областей до начальников участков и наибств.

Становление новой системы управления в крае многократно усилило контакты горцев с русским населением городов и предгорий, что привело к столкновению осознанных частных интересов между различными социальными группами и вызвало сложности в делопроизводстве. Различие форм управления в областях оказывало негативное влияние на аппарат власти и тормозило развитие товарно-денежных отношений в регионе.

Осмысленная необходимость дальнейшего реформирования системы управления потребовала активных действий. Подготовленный проект о новом административно-территориальном устройстве областей Северного Кавказа был утвержден 30 декабря 1869 г. Александром II. Новое «Положение о Кубанской и Терской областях» ликвидировало особые учреждения для гражданского, казачьего и горского населения и подчинило все население без этнических различий в единые административно-территориальные единицы, хотя и «с необходимым по местным условиям изъятием для горцев» [Малахова 2001: 212]. «Изъятия», причем значительные, были сделаны для казачьего населения. Поэтому, по мнению О.А. Леусян, в Кубанской области сложилось «не гражданское, а военно-казачье административное устройство» [История... 2004: 107]. В Терской области административная, военная и судебная власть в округах по-прежнему принадлежала начальникам округов. Начальник области подчинялся наместнику Кавказа и осуществлял военные и гражданские функции управления. Как командующий войсками Терской области он пользовался правами командира корпуса. По гражданскому управлению ему были даны права генерал-губернатора. Управление народами Центрального

Кавказа он осуществлял через начальников военных округов [Малахова 2001: 210].

Тем не менее, этнический принцип, положенный в основу управления народами Северного Кавказа привел к тому, что «в регионе впервые возникли административные границы, легитимные для российской государственности. До этого существовали лишь этнические границы, установленные скорее по праву сильного, нежели освященные традицией или имеющие сколь-нибудь существенное формально-правовое закрепление. Новые этнические границы также появились по праву сильного, но теперь они сопровождались тем административным, государственным оформлением, которое послужило зачатком нынешней этнополитической конструкции региона» [Цуциев, Дзугаев 1997: 9].

Новая система управления создавала условия инкорпорирования традиционных общественных институтов горцев, прежде всего на аульном уровне, в административно-правовую систему Российского государства. В «Положении о сельских (аульных) обществах в горском населении Терской области», утвержденное наместником Кавказа 30 сентября 1870 г. «четко прослеживается стремление приблизить местное управление в горских обществах к мирскому управлению центральной России» [Битова 2000: 173].

Воссозданы были, правда, не у всех народов, такие важные законодательные органы власти на местах, как сельские сходы и Съезд доверенных сельских обществ [Калмыков 2007: 118], решавшие простые хозяйственные, но такие важные для сельского населения вопросы: распределение земли, выборы местной администрации, организация судебной и общественной жизни.

Оценивая военно-народное управление, как новую форму социокультурного диалога имперского Центра и горской Периферии, можно отметить вместе с Л.Л. Хоперской, что «шел постоянный поиск адекватных форм управления Кавказом, который нашел свое отражение во введении военно-народного управления, учитывающего стратегические интересы России в регионе и традиции самоуправления кавказских народов. Введение системы двойного российско-кавказского управления учитывало менталитет кавказского населения, большинство которого воспитывалось в традициях полиюридизма» [Хоперская 1997: 42].

С конца XVIII века важнейшим направлением административной политики России на Кавказе являлось постепенное проникновение в горское судопроизводство и внесение в него российских начал. Активное противодействие горцев этому процессу в 1794-1822 гг., вынудило коронное правительство полнее учитывать особенности общественного строя, нормы обычного права и традиции населения.

При создании системы военно-народного управления, предусматривающей реформирование судоустройства и судопроизводства у горских народов, использован был опыт, накопленный «Временным судом» в Кабарде (1822-1858), «Народными судами» Осетии (1847-1858) и Чечне (1852-1858) [Акты... 1904: 645], где члены судебных органов избирались из местного

населения, а председателями являлись начальники военно-народных управлений [Калмыков 1995: 15].

По форме суд был создан по российскому образцу, но юридической основой судопроизводства оставались нормы обычного права. По шариату разрешались дела, связанные с оскорблением религиозных чувств и деятельностью мусульманского духовенства, а также разводы мужа и жены, споры между родителями и детьми и т.д. Поддержка адата администрацией округов и области должна была ослабить роль мусульманского духовенства в общественной жизни горцев и облегчить переход к российскому судопроизводству.

По примеру российского законодательства все судебные дела разграничили на гражданские и уголовные. Гражданские иски и незначительные уголовные дела (воровство, драка, «умыкание» женщин и др.) оставались в ведении окружных судов. В соответствии с «Положением о порядке управления Терской областью» от 29 мая 1862 г., более важные уголовные дела были изъяты из ведомства народных судов. К ним были отнесены: измена; возмущение против правительства и постановленных от него властей; личное неповиновение начальству и тяжкое оскорбление его; разбой; похищение казенного имущества; убийство и поранение с увечьем. Если последний вид преступления не был совершен по политическим мотивам, то его рассмотрение оставалось в юрисдикции окружного суда. Во всех остальных случаях виновные, как правило, подвергались наказанию в административном порядке. В соответствии с количеством участков в округе, учреждались участковые народные суды, во главе которых стояли участковые начальники. Члены участкового суда избирались сроком на один год на участковом собрании выборщиками, избранными в селениях и аульных обществах. Решение участкового собрания об избрании состава суда утверждалось начальником округа. Наряду с введенными правительством судебными учреждениями, у народов Северного Кавказа сохранились медиаторские (посреднические) суды, решения которых считались окончательными и обжалованию не подлежали [Акты... 1904: 1197].

Апелляционной инстанцией окружных судов в Терской области был «Главный народный суд», размещенный в г. Владикавказе. Депутаты суда назначались начальником области из представителей горской элиты. По мнению Г.Н. Малаховой, термин «народный», в приложении к горскому суду, означал отличный от общероссийского, использующий обычное право горцев (адат) и мусульманское право (шариат), а также присутствие в суде представителей горских народов в качестве депутатов [Малахова 2001: 239].

Вторым этапом судебных преобразований было утверждение 30 декабря 1869 г. «Временных правил горских словесных судов». В соответствии с этим постановлением судебные уставы от 20 ноября 1864 г. были распространены на русское население Терской и Кубанской областей, но горцев они не касались. «Правила» предусматривали сохранение народных судов, учрежденных в 1858–1862 гг., с небольшими изменениями. В округах был введен окружной словесный суд под председательством начальника округа или его помощника с

тем же составом и полномочиями, что и прежний. Начальники Терской и Кубанской областей утверждали составы этих судов и все их решения по уголовным и гражданским делам. Кроме того, в Кабарде и Балкарии, Осетии и плоскостной Чечне, равнинной части Кумыкии, в Кубанской области были учреждены аульные суды, а в горной Чечне – Аргунском и Веденском округах, а также в горной части Грозненского и Хасавюртовского округов вводились участковые суды. Те и другие руководствовались одними и теми же установлениями, рассматривали одинаковый круг вопросов – в их ведение были переданы уголовные дела по маловажным преступлениям, совершенным в пределах территории сельского общества [История... 1988: 281].

На основании «Временных правил» в Терской области с 1 января 1871 г. были учреждены семь горских словесных судов. Многочисленные нарекания и жалобы на качество судебного разбирательства в этих судах привели к тому, что осетины и кабардинцы высказались за введение у них русских судебных институтов вместо горских словесных судов [Отчет... 1873: 63]. Кабардинским уполномоченным в просьбе было отказано, а для осетин сделано исключение и 28 октября 1871 г. был создан мировой отдел Владикавказского окружного суда вместо упраздненного словесного суда [Материалы... 1912: 163].

Введение нового судопроизводства было важным шагом в оформлении новой социально-экономической и административно-судебной системы жизнедеятельности горского социума. Таким образом, в процессе преобразований складывается иная, более европоцентристская система «координат», «втягивающая» горские народы в лоно новых социокультурных ценностей.

Причины аграрных и социальных преобразований у горских народов

Манифест от 19 февраля 1861 г. не распространялся на народы Северного Кавказа. Однако зависимые горцы, узнав об освобождении русских крепостных, сочли, что указ царя касается и их правового статуса. Горские крестьяне, побывав в русских селах, дома рассказывали новости об освобождении крестьян от зависимости в соседних деревнях. Это волновало горское крестьянство, и они требовали применения к ним российских законов. Логика правительства для них была непонятна. Если все местное и высшее начальство на Кавказе освобождает своих холопов в России и рядом на Ставрополье, то почему они остаются в зависимости? Об остроте ситуации свидетельствует факт, что во время пребывания на Кавказе в 1861 г. Александру II было подано 405 жалоб от зависимых крестьян.

Развитие разносторонних связей между русским населением Предкавказья и горскими этническими общностями, привлечение горцев на военную и административную службу, обсуждение злободневных вопросов жизни горцев в многочисленных комитетах и комиссиях, создаваемых властями, строительство школ и обучение в них – все это ставило перед Кавказской администрацией более сложные задачи, чем «умиротворение» горцев, под которым понималось военное покорение Кавказа. Необходимо

было создать такую систему «координат», которая бы исключила саму возможность решать возникающие проблемы с помощью оружия. Военные репрессии, уничтожение аулов, страх – безусловно, не могли стать базисом новых отношений. Нужна была долговременная продуманная политика, позволяющая жителям гор чувствовать себя «своими» в рамках новой социально-политической системы.

Этот осознанный вектор развития определялся комплексом объективных и субъективных причин: во-первых, геополитическим фактором, который требовал включения Северного Кавказа в общероссийскую государственную систему управления, тем самым «похоронив» надежды правительств Турции, Персии, Франции, Англии на гипотетическую возможность отторжения в будущем этого региона. Но на пути решения этой задачи стояла административно-политическая и социальная власть местной феодальной элиты. Посягнуть на неё во время Кавказской войны было опасно, но как только обозначился перевес военных сил в пользу России, администрация стала последовательно наступать на права феодалов, поскольку ликвидация рабства и зависимых отношений подрывала саму основу, «фундамент» власти горских владельцев и тем самым решала главную политическую задачу коронного правительства – свободу «рук» в регионе.

Во-вторых, необходимость укрепления позиций России в крае требовала колоссальных расходов на содержание армии, казачьих войск, горской милиции, администрации, «экстраординарные расходы», различные местные нужды. Об этом постоянно напоминал Александр II в своих письмах наместнику Кавказа князю А.И. Барятинскому [Письма... 2006; 2007]. Министерство финансов ежегодно требовало от военного министра сократить расходы на Кавказе, но сделать это было невозможно, напротив, расходы по наместничеству из года в год увеличивались. Между тем, министр финансов подчеркивал, что «по своему географическому положению и климатическим условиям Кавказский край принадлежит к числу богатейших областей нашего отечества». После долголетней Кавказской войны, стоившей для государства огромных издержек, «должна быть основана новая эра финансовых оборотов здешнего края, столь изобилующего источниками богатства» [Цит. по: Берозов 1986: 144]. Первым шагом на этом пути было введение подушной или подворной подати с местного населения, которая гарантированно пополняла бы казну деньгами. Но это, в свою очередь, можно было сделать, только уничтожив административную, поземельную и сословную зависимость горцев от феодалов.

В-третьих, в 1860 г. на Северном Кавказе были созданы новые административные единицы: Терская и Кубанская области, в которых, наряду с военными, появляются гражданские органы управления. Это требовало пересмотра устоявшихся методов управления и решения местных вопросов на основе гражданского законодательства.

В-четвертых, отмена крепостного права в Ставропольской губернии (1861 г.) не могла остаться незамеченной соседними народами. К тому же русские дворяне, казачья старшина и офицеры из горцев, служившие на Кавказе и

владевшие «холопами из среды местных народов», в соответствии с решением наместника Кавказа вел. кн. Михаила Николаевича, вынуждены были в 1864 г. отпустить их на волю. Слухи об этом настолько обострили ситуацию, что, по заключению ставропольского губернатора генерала А.А. Волоцкого, «они могли поднять магометанские народы и мирных горцев, ободрить племена непокорных и выйти из под контроля» [РГВИА Ф. 1. Д. 21283. Л. 15]. Обострение обстановки в крае отмечают Главнокомандующий Кавказской армии князь А.И. Барятинский [Акты... 1904: 1070] и командующий войсками Кубанской области граф Н.И. Евдокимов. Особенно характерно признание последнего, заявившего, что «...народ, оставленный так долго в ожидании разрешения его жизненных вопросов, слыша одни только обещания, теряет надежду на возможность окончания этого дела и всё более и более развивает в себе недоверие к благонамеренности действий нашего правительства. Вот причина, почему я признаю необходимым разрешение сословного вопроса туземцев сделать безотлагательно, силою власти» [Акты... 1904: 1245]. Развивая эту мысль, наместник Кавказа писал Александру II: «Дух времени произвёл своё действие и случаи столкновения горских холопов с владельцами и взаимные жалобы их становятся все чаще и чаще, делая отношения между ними все более натянутыми» [РГВИА. Ф.400. Оп. 258/908. Д. 45. Л. 5].

В-пятых, сотни горских феодалов, поступив на службу в армию, казачьи войска, местную милицию, постепенно втягивались в систему российского дворянского «истеблишмента» с его социоэкономическими традициями и ценностями, и отчетливо ощущали необходимость юридического закрепления собственности и родовых земель, которыми они владели по нормам адата. Поэтому горская элита все настойчивее требовала у кавказской администрации закрепить их земли по законам России, т.е. узаконить их частную собственность. Поддерживая надежды князей и дворян на благоприятное решение аграрного вопроса, российский аппарат управления вместе с тем считал, что проблему необходимо решать комплексно – наделять землей надо было не только просителей, но и других феодалов, с одновременным освобождением их зависимых крестьян.

В-шестых, постоянные просьбы-требования горской элиты о выдаче юридических актов на российское дворянское достоинство, открывающее им дорогу к военной карьере, государственной службе, устройству детей на учебу в российские вузы – показывают их готовность к преобразованиям и осознанное желание повысить свой социальный статус.

В-седьмых, существование норм обычного права горцев, детально регламентирующих освобождение зависимых крестьян и «холопов» и переход их в разряд вольноотпущенников-азат, дает основание утверждать о наличии в горской среде «социального лифта», позволяющего изменить правовой статус [Леонтович 2002].

В-восьмых, постоянно действующий обычай отпускания «холопов» на волю после смерти владельца «на помин души», создавал нравственно-правовой императив на основе норм шариата, который оказывал определенное воздействие на позицию владельцев холопов и зависимых крестьян.

В-девятых, наличие в российском законодательстве закона «о ясырях» (1835 г.), который запрещал употребление термина «ясырь», означающее раб или невольник, как несвойственное для России, требовал решения этого вопроса и в горских обществах [Полное собрание... 1836: ст. 8138].

В-десятых, освобождение рабов, принадлежавших наибам после разгрома Шамиля в 1859 г. русскими властями, стало прецедентом, который остался в памяти зависимого населения.

В-одиннадцатых, необходимо учитывать процессы взаимовлияния российского и северокавказского социумов. Многогранная деятельность администрации по обеспечению мирной жизни, организованной, естественно, на основе российского права, ежедневная потребность горцев в обеспечении условий для традиционной жизни вели к формированию медленного, сложного, противоречивого процесса нивелирования особенностей горских народов с одновременным сближением и адаптацией к новым «государственно-административным реалиям Российской империи» [Битова 2000: 170]. Менялись, приспособляясь к конкретным жизненным условиям, не только местные этнические общности, эволюционировала и сложившаяся здесь военно-административная система, пытающаяся, в лице своих наиболее талантливых представителей, организовать приемлемые формы сосуществования различных социосистем. Шёл процесс взаимопознания и взаимовлияния народов, ослаблявший вражду и недоверие, способствовавший стабилизации обстановки и влиявший на принятие решения о необходимости глубоких преобразований на Кавказе.

Таким образом, совокупность отмеченных фактов предопределила предпосылки проведения структурных преобразований у народов Северного Кавказа.

Роль сословно-поземельные комиссии в подготовке и проведении реформы

Рефлексия на многочисленные просьбы горцев заставила администрацию приложить серьезные усилия для решения самых злободневных вопросов: земельного и сословного. С этой целью были открыты многочисленные комитеты и комиссии в 40–50-е годы XIX в. под руководством П.П. Нестерова, Г.В. Новицкого, М.С. Ильинского, Э.С. Алехина, Г.Р. Эристова, барона И.А. Вревского, А.П. Грамотина, М.А. Кундухова, В.В. Орбелиани и др., которые предлагали различные паллиативные меры, но в силу ограниченных полномочий, им предоставленных, оказались не в состоянии выполнить поставленные перед ними задачи [Кузьминов 2005b].

Работа этих комиссий в Центральном Предкавказье началась после 27 ноября 1844 г., когда Николай I подписал Высочайший указ Правительствующему Сенату о назначении на Кавказ нового командира Отдельного Кавказского корпуса с правами Наместника графа М.С. Воронцова. Личное знакомство с обстановкой в крае показали остроту проблем, для решения которых он прибыл на Кавказ. «Не скрою от Вас, Всемилостивейший Государь, – писал он Николаю I, – что ближайшее знакомство с делами всё

более и более удостоверяет меня в многосложности занятий и трудности управления краем» [Акты... 1885: 833]. Как раз в это время успехи Шамиля достигли кульминации. Весь горный Дагестан, Чечня, Северо-Западный Кавказ были объяты огнём национально-освободительного движения. Лишь Центральный Кавказ (Ингушетия, Осетия, Балкария, Кабарда) и прилегающие равнины Предкавказья контролировались Российской администрацией. Но и этот небольшой регион в горах Кавказа был неспокоен.

Во время инспекционной поездки по Кавказу Наместнику было подано множество прошений, в которых население различных горских обществ просили, умоляли, требовали решения жизненно важных вопросов: сословного и земельного. Жалобы и прошения продолжали поступать в канцелярию Наместника и после возвращения его в Тифлис [Народы... 2005: 47-127]. Тагаурские старшины и дигорские бадеята – высшие сословия Осетии – в прошении от 27 апреля 1845 г. ходатайствовали утвердить личные права над крестьянами, а «на земли, занимаемые теперь, выдать акты с правом владения ими вечно и потомственно» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 233. Оп. 1. Д. 3. Л. 15-18].

Одновременно были поданы М.С. Воронцову прошения и от зависимых сословий. Крестьяне-фарсаглаги, адамихаты, кавдасарды настаивали на том, чтобы им были отведены на общинном праве пользования достаточное количество земли и утвердили «оную за ними письменным актом», а так же рассмотрели их права и признали бы «законом их независимое от старшин положение» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 233. Оп. 1. Д. 3. Л. 62]. Сословие кавдасардов* в Тагаурии просило «когда будет общее разделение земли, то приказать уделить и нашему кавдасардскому обществу такой же отдельный участок земли по усмотрению числа дворов и тем дать нашему обществу твёрдую оборону к независимому жительству» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 233. Оп. 1. Д. 3. Л. 11].

Для сбора данных о численности населения и проведения топографических работ, для выяснения точного количества земли во Владикавказском военном округе из Тифлиса в сентябре 1850 г. прибыл поручик Ф.В. Герасимов с 12 топографами. На основании собранного материала к весне 1853 г. было подготовлено два проекта размежевания земель. Князь М.С. Воронцов утвердил вариант, который предполагал наделение алдарских дворов по 225 десятин, а фарсаглагских и кавдасардских – по 36 десятин на двор.

Земля фарсаглагам наделялась поаульно, с последующим разделением на кварталы и дворы без права продажи, залога, дарения, обмена. Алдарам же, как классу высшему по происхождению и по весу своему в народе, земля давалась по фамильно, по 225 дес. на двор, «частное же разделение этой земли предоставлялось им самим» с правом полного владения за исключением права продать свою землю без разрешения местного начальства. «Полезно также

---

* Эта категория крестьян произошла от неравных браков осетинских феодалов с «номытус», именными женами из низших сословий. Дети-кавдасарды до смерти отца считались собственностью семьи, но после смерти отца-владельца они получали свободу.

поставить правилом, – указывал М.С. Воронцов, дублируя административные решения А.П. Ермолова, – что в случае побега к непокорным... виновный лишается своей поземельной собственности, которая обращается в пользу казны» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 233. Оп. 1. Д. 3. Л. 17]. Алдары обязывались нести кордонную повинность для охраны границ отводимой им земли.

В западной части Осетии был реализован проект генерала Эристова, который призван был размежевать земли равнинной Дигории и вывести из под власти бадилят-владельцев зависимых крестьян. Из 39479 дес. земли, 28915 дес. отмежевывалось с выдачей актов на право потомственного владения баделятам, а 9564 дес. – народу. Эти земли на праве аульного пользования передавались крестьянам-адамихатам, «отведя особые участки для христиан и особые – для мусульман, с поселением их отдельными новыми аулами. Христианам, коих всех вместе 654 д.м.п. с теми, что в ауле Дур-Дур 5000 дес., магометанам, которых всех вместе 109 семейств – 4564 дес.» [История... 1992: 6; Гаврилов 1869: 31]*. В конце 1851 г. результаты размежевания земель в Дигории были утверждены Наместником Кавказа, а в 1852 г. – Николаем I. В 1853 г. всем владельцам были выданы документы на право потомственного владения этими землями.

На карте плоскостной Осетии появилось ещё два поселения: на левом берегу р. Урсдон в самом центре равнинной Дигории Вольно-Христиановское с 263 дворами и на левом берегу р. Чикола Вольно-Магометановское с 109 дворами. Раздельное поселение владельцев и крестьян означало их частичное освобождение. Этими событиями фактически открывается новая страница в истории осетинского народа – начало социального освобождения дигорских крестьян от феодального гнета.

В ноябре 1857 г. во Владикавказе был учреждён «Комитет для разбора личных и поземельных прав туземцев Левого фланга Кавказской линии». Председателем его Наместник А.И. Барятинский назначил бывшего начальника Центра Кавказской линии, а «ныне состоящего при главнокомандующем» генерал-лейтенанта А.П. Грамотина. Новый комитет должен был решить окончательно сословно-поземельный вопрос не только в Осетии, но и в Кабарде, Чечне, Ингушетии, Кумыкии.

На расширении географии деятельности комитета настаивал начальник Левого крыла Кавказской линии генерал Н.И. Евдокимов. «Хотя в отношении личных и поземельных прав более всего запутанности встречается в Осетинском округе, – писал он, – тем не менее, и другие окружные начальники обращаются ко мне непрерывно с жалобами, что ссоры и споры туземцев за поземельную собственность постоянно увеличиваются и разбор этих споров при полной невозможности окончательно их решить, поглощает всю деятельность окружных начальников» [Берозов 1978: 69].

---

* П.А. Гаврилов указывает другие данные: жителям Вольно-Христианского аула отведено 4870 дес., Вольно-Магометанского аула – 3760 дес. и в частную собственность 6-ти фамилиям дигорских баделят до 5125 дес.

Задачами комитета были: рассмотреть и окончательно решить поземельные споры в Осетии; наделить жителей землями и выдать документы на владение участками; окончательно отделить христиан от магометан и поселить их отдельными аулами. Окончательный срок реализации этого плана Евдокимов определил в два года, а затем комитет должен был заняться решением вопросов в других округах. Но комитет работал крайне медленно и неорганизованно, поэтому в октябре 1858 г. Н.И. Евдокимов обвинил Грамотина в «своевольстве, беспечности и нерадивости» и просил А.И. Барятинского «упразднить нынешний комитет и создать новый, значительно укрепив его штатами» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 291. Оп. 1. Д. 8. Л. 6].

В ноябре 1858 г. комитет Грамотина был упразднён. Вместо него были созданы комитеты в каждом из 4 округов. И если в трёх округах состав комитетов был подобран быстро, то во Владикавказском округе появились сложности. Только в 1859 г. начальник штаба Кавказской армии Д.А. Милютин сообщал Евдокимову, что Владикавказский округ преобразуется в Военно-Осетинский, начальником округа назначается полковник Мусса Кундухов, который рекомендовался и председателем комитета. Назначение осетина окружным начальником Осетии было само по себе беспрецедентным явлением в управлении горцами. Сын одного из богатых и влиятельных тагаурских феодалов, М. Кундухов заслужил это исключительное доверие высшего кавказского командования своей преданной службой, но в качестве председателя комитета он был неподходящей кандидатурой. Дело в том, что в 30–40-е годы XIX в. он прославился как один из самых жестоких феодалов Осетии. Наместнику Кавказа дважды подавались жалобы от крестьян на незаконные действия М. Кундухова [ЦГА РСО-Алания. Ф. 233. Оп. 1. Д. 4. Л. 78] и предоставление этому человеку решать сословно-земельный вопрос означало резкий перевес работы комитета в пользу знати. Эти опасения быстро подтвердились. Членам комитета была навязана точка зрения его председателя, который предложил большую часть земли на плоскости передать тагаурским феодалам в потомственную собственность. Реализация этих идей создала бы совершенно новую ситуацию в крае, поэтому проект Кундухова был отклонён Наместником Кавказа.

Взятие в плен Шамиля и прекращение военных действий на северо-восточном Кавказе изменило военно-политическую ситуацию в регионе и, соответственно, взгляды кавказских властей на сословно-земельный вопрос. Администрация заявила, что комитеты Нестерова, Вревского и Кундухова «ошибочно придавали крайне преувеличенное значение алдарскому сословию», поэтому меняются задачи, стоящие перед комитетами в округах. М. Кундухов, уже в чине генерал-майора, вынужден был летом 1860 г. подать рапорт об отставке.

Новым председателем осетинского комитета начальник области генерал-лейтенант Д.И. Святополк-Мирский назначил майора К.И. Красницкого, начальника канцелярии по управлению горцами Терской области. Офицер с открыто либеральными взглядами на проблемы Осетии [Васильева 1975: 22] в 1859 г. подготовил интересный проект по освобождению зависимых крестьян,

решению земельного вопроса и развитию хозяйственной деятельности в крае [ЦГА РСО-Алания. Ф. 291. Оп. 1. Д. 25. Л. 1-30], который, к сожалению, оказался не востребован администрацией.

В конце 1862 г. новым Наместником Кавказа стал младший брат Александра II Великий князь Михаил Николаевич Романов. Получил новую должность и Святополк-Мирский – он стал губернатором Кутаисской губернии. Новым начальником Терской области был назначен М.Т. Лорис-Меликов, а Осетинского округа – полковник А.Ф. Эглау.

19 ноября 1861 г. в Кабардинском округе был открыт «Комитет по разбору личных и поземельных прав горцев» под председательством начальника округа князя В.В. Орбелиани. На первом заседании комитет выработал программу действий, которая была утверждена в следующем виде:

1. Предметом действия комитета является разбор личных и земельных прав населения.

2. Основанием к разбору личных прав служили:

а) грамоты Екатерины II и императора Александра I;

б) статьи российских законов, относящиеся к кавказским горцам;

в) прокламации И.В. Гудовича, А.П. Тормасова, Н.Ф. Ртищева, А.П. Ермолова и другие письменные документы кавказского начальства, касающиеся сословных прав горцев;

г) кабардинские адаты, представленные секретарем Кабардинского временного суда капитаном Я. Шардановым в 1825 г. генералу А.П. Ермолову;

д) список князей и дворян, составленный в 1828 г. полковником И.В. Ушаковым;

е) показания депутатов, основанные на народных преданиях;

ж) протоколы Кабардинского временного суда;

з) другие исторические сведения.

В примечании к последнему параграфу указывалось, что все эти источники должны быть тщательно проверены, подвергнуты критическому разбору и лишь затем из них «извлечены точный смысл и сила оных для принятия за основание», что владение холопами не дает в Кабарде права на принадлежность к высшему сословию, ибо многие вольноотпущенники и зависимые крестьяне сами владеют холопами [Ногмов 1958: 195].

3. Комитет должен был объявить населению Кабардинского округа о необходимости каждому князю и дворянину представить в комитет в трёхмесячный срок посемейные списки, приложенные к прошениям, с доказательствами о происхождении, а также списки холопов, находящихся в их зависимости.

4. Комитет обязан разбирать сначала вопросы о правах князей, а потом дворян по степеням и холопов.

5. По окончании разбора личных прав комитет должен был произвести перепись населения Большой Кабарды (Малая Кабарда входила в Осетинский округ) с определением количества дворов и указанием сословной принадлежности каждого [Кумыков 1959: 113-114].

То есть, программа комитета, и последующая его деятельность фактически носили научный характер, не случайно впоследствии они «стали документальной базой исторических работ» [Тютюнина 1989: 115].

Свою работу комитет начал с обследования архива Кабардинского временного суда [Материалы... 1956]*, с тем, чтобы извлечь из него исторические источники. Однако в архиве суда не оказалось всех документов, необходимых для определения сословных прав кабардинцев. Поэтому комитет просил начальника Терской области о доставлении ему материалов из Московского архива Министерства иностранных дел. Но высшая кавказская администрация уведомила начальника Терской области, что нет никакой надобности, вдаваться в глубокую древность. Достаточно «принимать в соображение только одни акты и документы, существующие со времени принятия кабардинцами окончательного подданства России, а никак не ранее этой эпохи» [Кумыков 1959: 114]. Правда не очень понятно, что имела администрация ввиду, говоря «о принятии кабардинцами окончательного подданства России»: 1557, 1774, или же 1822 год.

Комитет проделал большую работу по сбору материалов, касающихся сословного строя Кабарды и Балкарии. Из 35 заседаний 29 были посвящены разбору сословных прав, 6 – земельного устройства. Было разобрано 2923 заявления, в том числе князей (пши) – 26, тлекотлеш – 43, деженуго – 30, беслан-урков – 33, уорк-шаутлугусов – 703, пшекеу – 36, азат – 2052. Как видим, объем заявлений увеличивается с понижением сословного статуса просителя, что типично было для всех народов Северного Кавказа. Но вскоре был закрыт и этот комитет.

В июне 1863 г. начальник Терской области Д.И. Святополк-Мирский подал рапорт Главнокомандующему Кавказской армией с ходатайством об упразднении комитетов в округах и об учреждении новой, одной общей для всей Терской области. Председателем Терской сословно-поземельной комиссии был назначен чиновник для особых поручений при наместнике Кавказа, коллежский советник, кабардинец Д.С. Кодзоков [ЦГА РСО-Алания. Ф. 256. Оп. 1. Д. 5. Л. 23, 24.; Голубева 1976; Кумыков 1962; Кумыков 1985; Кузьминов 2006].

На эту комиссию и легла вся тяжесть решения сословного и земельного вопросов в области. Интересно, что после обсуждения вопросов, комиссия должна была представлять коллективное мнение всех членов, облакая свои постановления в форму журналов. В процессе обсуждения должны были участвовать все члены, но старшие имели право голоса по всем делам, а младшие только по тем, которые были возложены на их личное расследование. Работа комиссии строилась не только на коллегиальных началах, но и на принципах гласности, открытости, поскольку в прямую обязанность комиссии

---

* Как справедливо отметил Б.А. Гарданов, эти материалы Временного суда дают возможность изучать не только конкретные вопросы истории народов Кавказа, но и дают документы для рассмотрения ряда общих социологических, этнографических и историко-юридических проблем.

входило «сделать известным в народе, через публикации, об обязанностях и целях комиссии» [Гайбов 1905: 14].

Сбор необходимых сведений комиссия вела только от доверенных депутатов конкретного горского общества или народа, причем депутат был «законным» только в том случае, если при его выборах участвовали представители всех сословий. Для ускорения работы во всех округах области были созданы подкомиссии, работавшие под руководством членов комиссии, в которых активно работали окружные и участковые начальники.

Большое внимание работе комиссии уделял новый начальник области М.Т. Лорис-Меликов [Даниелян 1997; Ибрагимова 1998; Мамонов 2001; Кузьминов 2005а; Кузьминов 2009а], который направлял ее работу. Определяя стратегию работы комиссии М.Т. Лорис-Меликов подчеркивал, что она должна быть «составлена из членов, практически и теоретически специально просвещенных ... и сведущих в правоведении, истории, географии и статистике... в политической экономии и в деле сельского хозяйства» [РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 21. Л. 1]. По поводу мотивации назначения Кодзокова на должность руководителя комиссии известный кавказовед Г.А. Кокиев писал: «Справедливость требует сказать, что правительство в выборе председателя сословной комиссии не ошиблось. Из целого ряда документов – докладов, отчетов и докладных записок, представленных Кодзоковым в различные административные инстанции, видно, что Кодзоков был широко образованным для своего времени человеком (в 30-е годы XIX в. закончил словесное отделение философского факультета Московского университета. – П.К.), а самое главное, – он был глубоким знатоком быта горских народов Северного Кавказа» [Кокиев 1940: 8-9]. Аналогичные сословно-поземельные комиссии были позднее созданы в Дагестанской и Кубанской областях.

Завершив освобождение зависимых сословий и размежевание земель в плоскостной части Терской области 31 декабря 1869 г. комиссия Кодзокова была преобразована во временную «Комиссию для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей» с подчинением её главному управлению Наместника Кавказа. С небольшими перерывами комиссия просуществовала до 1908 г., когда после дебатов в III Государственной Думе прекратила свою деятельность [ЦГА РСО-Алания. Ф. 262. Оп. 1. Д. 75. Л. 1].

Реализуя идеи о необходимости преобразований, правительство Александра II провело серьезную перестановку кадров в высшем эшелоне кавказской администрации. В 1862 г. ушел в отставку наместник Кавказа фельдмаршал А.И. Барятинский. Конфликт между начальником Терской и Кубанской областей, «покорителем» Кавказа Н.И. Евдокимовым и его помощником князем Д.И. Святополк-Мирским был разрешен Александром II в пользу последнего, назначенного начальником Терской области. В управление Кавказским наместничеством на место старых боевых генералов, искавших по отношению к горцам «в одной только силе опору», пришли более умеренные чиновники, которые «хотели достичь цели правительства (т.е. «замирение» и установление гражданской системы управления на Кавказе. – П.К.) другими, сообразными с духом времени и христианской цивилизации, методами» [ОРФ

СОИГСИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 9]. Новый наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич, начальник Главного штаба Кавказской армии генерал А.П. Карцов, начальник Горского управления Кавказского наместничества полковник Д.С. Старосельский, начальник Терской области генерал М.Т. Лорис-Меликов с 1863 года, начальник Кубанской области генерал Ф.Н. Сумароков-Эльстон, начальник Дагестанской области генерал Л.И. Меликов и другие стали «проводниками» политики реформ на Северном Кавказе.

Совокупность этих факторов позволяет понять не только решительность правительства в проведении социальных преобразований, но и достаточно мягкие, по сравнению с центральными районами России, условия освобождения крестьян.

Освобождение зависимых сословий

30 марта 1861 г. начальник Дагестанской области генерал-лейтенант Л.И. Меликов подал докладную записку наместнику Кавказа о необходимости ограничения рабства и крепостного права в Дагестане, поскольку они «не соответствуют ни духу времени, ни достоинству нашего правительства» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1793. Л. 8]. Уже через неделю начальник Главного штаба Кавказской армии Г.И. Филипсон сообщил Меликову, что его предложение нашло понимание у наместника Кавказа, но с оговоркой, «проектируемые Вами меры ввести во вверенной Вам области, в виде опыта, собственным Вашим распоряжением» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1793. Л. 3], т.е. под ответственность автора идеи. В этот же день копия записки Меликова была послана в Терскую и Кубанскую области, как «информация к размышлению», обсуждению и поиску приемлемых форм «в деле ограничения и последующей ликвидации рабских и зависимых отношений у горцев Северного Кавказа» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1793. Л. 1].

16 апреля 1861 г. командующий войсками в Терской и Кубанской областях граф Н.И. Евдокимов отрапортовал, что его помощнику генерал-майору П.И. Кемпферту предписано «теперь же приступить к постепенному ограничению крепостного права и рабства между горцами Терской области, на основании начатых в докладной записке Меликова и утвержденных главнокомандующим» [ЦИА Г. Ф. 545. Оп. 1. Д. 25. Л. 9]. Но поскольку не были еще определены принципы освобождения, да и отсутствовало само законодательство, то вопрос «завис» в кабинетах чиновников.

Осложнение социальных противоречий в регионе вызвало массу обращений зависимых к администрации области. Желая остановить поток прошений, в 1862 г. наместник потребовал от начальника Терской области «объявить всенародно, чтобы холопы, находящиеся во владении здешних владельцев, не смели более беспокоить начальство о несбыточном освобождении их» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 268. Л. 2]. В срочном порядке был подготовлен текст обращения, который был размножен и разослан по аулам области. «От здешних владельцев, – говорилось в воззвании

начальника области, – часто поступают ко мне жалобы, что принадлежавшие холопы и другие подвластные лица оказывают им неповиновение и без всякого основания ищут свободу, увлекаясь примером русских крестьян, которым дарована свобода от помещичьей зависимости.... Объявляю всем здешним холопам и другим подвластным людям, что на них вовсе не распространяется свобода, дарованная русским помещичьим крестьянам» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 268. Л. 5]. Однако документ не внес успокоения. Поток аналогичных сообщений и из других областей дал основание наместнику во всеподданнейшем отчете за 1863 г. констатировать, что случаи столкновений горских холопов с их владельцами и администрацией стали повсеместными [ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 408, 719, 806, 835. Ф. 24. Оп. 1. Д. 290 и др.].

В округах Терской области стали освобождать зависимых христианского происхождения [ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 670, 686; ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 1240 и др.], в свое время захваченных отрядами Шамиля и проданных кабардинским, балкарским и осетинским владельцам. Безвозмездно освобождались лица, владельцы которых «находятся в бегах», т.е. ушли за Кубань [ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 853, 1723 и др.]. Местная администрация решала в пользу зависимых крестьян большинство исков «об отыскании свободы» [ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1122, 1124, 1693, 1723, 1752 и др.]. В условиях приближающейся социальной реформы, кавказские власти, не затрагивая существа взаимоотношений владельцев с зависимыми крестьянами, делали все возможное для ограничения крепостного права в спорных или конфликтных вопросах.

Начавшийся процесс выселения северо-западных адыгов в Турцию, обусловил увеличение продажи унаутов-рабов в соседние регионы. Владельцы стремились продать своих ясырей, поскольку власти запретили свободный вывоз невольников в Турцию. Администрация Терской области, узнав, что малокабардинцы купили значительную партию рабов из-за Кубани (80 чел.), потребовала их немедленно освободить [ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 695. Л. 18-22].

1864 год стал первым серьезным шагом в решении крестьянского вопроса у горцев Северного Кавказа. От обсуждения возможных вариантов ограничения зависимых отношений, чиновники перешли к делу [ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 24, 25, 26; ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1793 и др.]*. Кавказское Горское управление потребовало от начальников Дагестанской, Кубанской и Терской областей собрать и представить полную информацию о всех видах зависимого населения у горцев и порядок изменения их социального статуса по нормам обычного права [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 1251. Л. 8].

В 1865 г. была запрещена продажа горских холопов в другие области. Кавказская администрация стала поощрять безвыкупное освобождение холопов. Типичная для мусульман практика освобождения крестьян за «спасение души», под давлением местной администрации, приняла широкий размах. Вместе с тем, паллиативная тактика решения крестьянского вопроса,

---

* См. предложение ген. Л.И. Меликова и полемику ген. Н.И. Евдокимова и М. Сухарева.

проводимая высшей кавказской администрацией, исчерпала себя к 1866 г. Потребности развивающегося российского государства пришли в противоречие с традиционным горским укладом. Нужны были энергичные действия для завершения эмансипации зависимых сословий.

Летом 1866 г. в Тифлисе был создан Особый комитет по освобождению зависимых сословий у горских народов, председателем которого наместник назначил своего помощника генерал-адъютанта А.П. Карцова [ГАКК. Ф.774. Оп. 1. Д. 653. Л. 1]. На первом заседании 4 июня комитет выработал общие принципы по освобождению крестьян. Комитет признал, что в трех областях количество зависимых сословий разное, причем наиболее многочисленны они в Кабарде, Осетии, у адыгских этнических общностей Северо-Западного Кавказа. Здесь существовало три формы зависимости: административная, поземельная и личная. Административная и поземельная зависимость ликвидировалась в ходе земельной реформы и объединения аулов. Личную форму зависимых отношений необходимо было уничтожить.

8 августа 1866 г. ряд депутатов от Кабарды и пяти горских обществ (Балкария) представили начальнику Терской области М.Т. Лорис-Меликову в Кисловодске докладную записку, в которой заявили: «Нам объявлено, что правительство намерено приступить к освобождению на Кавказе зависимых сословий. Как ни труден, должен казаться нам такой неизбежный переворот в нашем быту, уповаем, что он совершится ... с возможно меньшими для нас невыгодами». Для адаптации к новым реалиям и подписания договоров с освобождаемыми крестьянами по «взаимному соглашению», они просили 1-2 года. Соглашались уменьшить норму выкупа за личность до 200 руб. При этом, если в течение заявленного срока соглашение не состоится «по вине владельца, то он теряет право на всякое вознаграждение. Если же будет доказано упрямство или нежелание в совершении соглашения на выкуп холопа, то таковой выслан будет из родины, с причислением в государственные крестьяне одной из губерний внутри России» [Кокиев 2005: 662-664]. Последнее условие было формой давления на крестьян. Был пущен слух: «Соглашайся, а то окажешься в Сибири». Эта тактика дала блестящие результаты. Практически 100% договоров между владельцами и зависимыми в Кабарде были заключены на основе добровольных соглашений.

Представленный проект вызвал серьезные возражения члена Особого комитета по освобождению зависимых сословий у горских народов полковника М.Н. Черкесова. В докладных записках от 22 сентября и 15 ноября он поднял вопрос о смягчении условий освобождения крестьян, предложив снизить выкуп за здорового крестьянина до 120 руб., оставить все имущество холопам, выделить льготные кредиты, которые позволили бы крестьянам безболезненно совершить выкупную сделку. К сожалению, эти демократичные предложения были не были приняты высшей администрацией.

8 сентября М.Т. Лорис-Меликов доложил А.П. Карцову, что подготовительные работы по освобождению холопов завершены. Они «должны привести к наименее сложной и крайне удобной развязке холопского дела в Кабарде. Достигается личная свобода для рабов, а переходным состоянием

удовлетворяются, хотя отчасти, интересы владельцев» [ЦГА РСО-Алания. Ф.12. Оп. 6. Д. 1242. Л. 44 об.].

Размер выкупной суммы для трудоспособного крестьянина (от 15 до 45 лет) устанавливался от 180 до 200 рублей. Несовершеннолетние (до 15 лет) освобождались с уплатой предельного выкупа – 150 рублей (из расчета по 10 руб. за каждый год возраста), а в Осетии – бесплатно. При освобождении владелец, в соответствии с нормами адата, получал половину или даже две трети крестьянского имущества (по соглашению, утвержденного посредническим судом. – П.К.); сакля и домашняя утварь оставались за крестьянами. Если крестьяне не могли сразу выкупить себя, то они оставались временнообязанными в течение 6 лет. За это время крестьянин должен был отработать свой выкуп в хозяйстве бывшего владельца или на стороне. Годовой труд временнообязанных крестьян оценивался: мужчин – от 35 до 70 рублей, а женщин – от 25 до 40 руб. в год [Кокиев 2005: 667-671]. Оговаривался порядок освобождения и безобрядных холопов, фактически рабов, абсолютное большинство которых оставались в доме владельцев еще 6, а иногда 8 лет.

Для успешного проведения реформы в жизнь были созданы мировые посреднические суды. Об их функциях начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов писал, что они создаются «для содействия обеих сторон к соглашению и разъяснению при составлении самих условий освобождения» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 192. Л. 2]. Мировые посреднические суды, как и в Центральной России, являлись самым низшим, но в то же время важнейшим звеном административной системы, специально созданным для проведения крестьянской реформы. В состав этого органа входили начальники участков или наибы, по одному депутату от окружного народного суда и по два депутата от заинтересованных сословий.

Активное участие в подготовке и проведении реформы принимала окружная и областная администрация. Созданный механизм освобождения крестьян работал слаженно и продуктивно. Материалы о существовавших в участках и округах зависимых сословиях, видах, формах и степени зависимости крестьян от владельцев, данные о сословиях, подлежащих освобождению, проекты освобождения от сословий – все это собиралось местной администрацией, анализировалось в сословно-поземельных комиссиях и передавалось начальнику области. Последний обобщал весь материал и со своими замечаниями и заключением передавал в Особый комитет генерала А.П. Карцова. Были разработаны формы акта об освобождении холопов за выкуп. Получившим свободу крестьянам выдавалось свидетельство единого образца. В журналы мировых посреднических комиссий заносились все условия, на которых владелец освобождал подвластных. В них отмечалось все наличное имущество, которое имел освобождаемый крестьянин или холоп, стоимость его, какая часть имущества передавалась владельцу в счет оплаты. Четко оговаривалось время, когда крестьянин должен был внести остаток долга или же отработать его в хозяйстве собственника.

Понимая, что освобождение зависимых подрывает основы хозяйства владельцев, да и сам освобожденный остается без средств к существованию,

администрация Кавказа оказала помощь, как первым, так и вторым. Так в рапорте начальника Кумыкского округа от 30 сентября 1867 г. говорится, что 12 тыс. руб. выданы кумыкским владельцам за бесплатное освобождение малолетних холопов, а «8 тыс. руб. предназначены на помощь освобожденным крестьянским семьям». В Кабардинском округе за бесплатное освобождение 771 крестьянина 174 владельца получили 40 тыс. руб. Одновременно, каждой освобождаемой семье, не имеющей средств, выдавалось 10–25 руб. на обзаведение хозяйства. Аналогичная картина отмечается в Осетинском округе, где выделялось по 30 руб., а в Чечне и Ингушетии – по 25 руб. Всего на крестьянскую реформу правительство выделило 152 тыс. руб. [Кузьминов 2000: 126].

По собранным данным в Ставропольской губернии было освобождено около 17 тыс. чел., в Терской области – 23976 чел.; в Кубанской области – 16561 у горцев [Джимов 1986: 105], у казаков и офицеров-горцев 3291; в Дагестане – 4830 рабов и 2 тыс. чагар получили свободу в 1866-1868 гг. и около 60 тыс. райят – в 1913 г.

Таким образом, общая численность освобожденных крестьян на Северном Кавказе в 1858–1869 гг. составляет свыше 67649 чел., а вместе с райятами в 1913 г. – свыше 127 тыс. чел.

Реформы у народов Северного Кавказа были задуманы и проведены правительством России как серия последовательных действий, формирующих новые формы социальных отношений в регионе. Метаморфоза этих мероприятий была в том, что, завоевав, колонизировав, подчинив горцев, правительство взяло на себя социально-политическую инициативу реформ и провело их, опираясь на военную силу. Но качество преобразований, амплитуда их действий, динамика процесса, запас «прочности», заложенный в них, был, по нашему мнению, в целом выше, чем в целом по России. Так, временнообязанные отношения в «центре» были отменены только с 1 января 1883 г. т.е. через 20 лет [Миронов 2000: 391] после начала проведения крестьянской реформы, а на Северном Кавказе все формы зависимых отношений были ликвидированы уже через 6–8 лет, за исключением категории «райят» в Дагестане, получивших свободу в 1913 г. В России за полученную землю при рыночной цене 15–17 руб. [Вешняков 1858: 76; Сведения... 1859: 83] крестьяне должны были платить по 27 руб. [Шаховский 1911: 116] за десятину, что значительно превышало рыночную цену, здесь же часть зависимых крестьян была освобождена безвозмездно (в соответствии с традициями горцев «на помин души»). За стариков (свыше 55 лет) и детей (до 15 лет) выкупную сумму за личность зависимого заплатило правительство, некоторые, под давлением администрации, заплатили меньше, чем предусмотрено обычаями, и лишь часть заплатила в соответствии с нормами права. То есть, в целом, условия освобождения здесь были мягче, чем в центральной России. Причем, на этот процесс не повлияла победа России в Кавказской войне. Несмотря на «развязанные руки», администрация края внимательно отнеслась к проблеме ликвидации зависимых отношений и создала условия для развития новых общероссийских гражданских отношений.

Таким образом, какие бы цели не преследовало правительство в процессе проведения реформ, какие бы экономические расчеты не строило, какие бы дивиденды оно не собиралось получить от «замирения» Кавказа – десятки тысяч ясырей, невольников, зависимых горцев, казаков, русских крепостных получили реальную свободу, бесплатный земельный надел, права граждан России. Механизм социокультурного взаимодействия России и народов Северного Кавказа начал работать в полную силу. Горские общества оказались втянуты в общероссийские модернизационные процессы, способствующие развитию новых социальных, экономических и культурных отношений в крае.

Итоги

Крестьянская реформа у горцев была проведена в два этапа: сначала земельная реформа для жителей плоскостных и предгорных районов, причем земля бывшим зависимым и холопам предоставлена бесплатно, затем социальное освобождение, в основе которого лежали нормы обычного права, подкорректированные, в сторону смягчения, кавказской администрацией.

При этом, если в собственно русских губерниях дворяне добровольно отказались «от права на личность крепостных людей», но получали выкуп за землю, предоставляемую крестьянам, то на Северном Кавказе действовал обратный порядок. Освобождаемые горцы (около 64 тыс. чел) за полученную личную свободу должны были заплатить владельцам выкуп деньгами и частью имущества, тогда как землей они наделялись бесплатно от казны. Условия освобождения горцев, в целом, были мягче, чем в центре России.

Реформа в регионе последовательно меняла разнообразные по форме и содержанию социальные связи сословных групп в различных этно-социальных ареалах. В совокупности они принципиально модифицировали суть общественных отношений. Мозаика локальных этно-социальных организмов, жизнь которых регулировалась сетью местных обычно-правовых традиций и норм, сменялась однородным социальным порядком, природу которого определяло российское законодательство, превратившее рабов и зависимых крестьян Северного Кавказа, в свободное сельское население. Теперь это было крестьянское общество, организованное на тех же началах, что и крестьянство остальной России. Обеспеченный крестьянской реформой на Северном Кавказе сдвиг от социально-правового партикуляризма к универсализму, от сословного к классовому обществу был шагом в сторону социальной и экономической модернизации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Акты... 1885 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12-и т. Т. 10. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1885. – 982 с.

Акты... 1904 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12-и т. Т. 12. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. – 1558 с.

Бейтуганов 1993 – *Бейтуганов С.Н.* Кабарда и Ермолов. – Нальчик: «Эльбрус», 1993. – 302 с.

- Берозов 1978 – *Берозов Б.П.* Земельный вопрос и аграрное движение на Северном Кавказе Северном Кавказе в дореформенный период. – Орджоникидзе: СОГУ, 1978. – 79 с.
- Берозов 1986 – *Берозов Б.П.* Путь равный столетию. – Орджоникидзе: «Ир», 1986. – 315 с.
- Битова 2000 – *Битова Е.Г.* Модернизирующие реформы на Северном Кавказе и местная политическая традиция: отторжение или адаптация // RES PUBLICA. Альманах социально-политических и правовых исследований. – 2000. – Вып. 1. – С. 163-194.
- Блиева 2005 – *Блиева З.М.* Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. – Владикавказ: Сев.-Осет. гос. ун-т, 2005. – 398 с.
- Блиева 2001 – *Блиева З.М.* Становление российского бюрократического аппарата на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. – Владикавказ: Сев.-Осет. гос. ун-т, 2001. – 266 с.
- Бобровников 2001 – *Бобровников В.О.* Военно-народное управление в Дагестане и Чечне: история и современность // Россия и Кавказ сквозь два столетия. – СПб.: Журнал «Звезда», 2001. – С. 91-107.
- Боров 2007 – *Боров А.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. – Нальчик: КБГУ, 2007. – 298 с.
- Васильева 1975 – *Васильева Л.М.* Проблемы истории Осетии в русской науке XIX в. – Орджоникидзе: «Ир», 1975. – 174 с.
- Вешняков 1858 – *Вешняков В.И.* Крестьяне собственники в России. Историко-статистический очерк. – СПб.: Типография В. Безобразова и К, 1858. – 138 с.
- Власть и реформы... 1998 – *Власть и реформы* в России: Материалы круглого стола, посвященного обсуждению коллективной монографии петербургских историков // Отечественная история. – 1998. – № 2. – С. 3-36.
- Гаврилов 1869 – *Гаврилов П.А.* Устройство поземельного быта горских племён Северного Кавказа. // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1869. Репринт. – М.: МНТПО «АДИР» 1992. – Вып. 2. Отд. 7. – С. 1-78.
- Гаибов 1905 – *Гаибов Н.Д.* О поземельном устройстве горских племен Терской области. – Тифлис, 1905. – 208 с.
- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
- Голубева 1976 – *Голубева Л.Г.* Сын Кабарды и России // Дружба народов. – 1976. – № 8. – С. 234-258.
- Гоникишвили 1981 – *Гоникишвили М.Г.* Подготовка и проведение земельной реформы в Нальчикском округе // Грузино-северокавказские отношения. – Тбилиси: «Мецниероба», 1981. – С. 134-168.
- Даниелян 1997 – *Даниелян Г.Г.* Генерал граф Лорис-Меликов. Его жизнь, военная и государственная деятельность. – Ереван: Шушан, 1997. – 160 с.
- Джимов 1986 – *Джимов Б.М.* Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. – Майкоп: Адыг. Отд. Краснодар. Книж. изд., 1986. – 192 с.
- Жакомихов 1963 – *Жакомихов Т.А.* Феодалные повинности и освобождение крестьян от крепостного права в Кабарде и Балкарии в 1867 г. // Ученые записки КБГУ. Серия сельскохозяйственная. – 1963. – Вып. 18. – С. 117-198.
- Зайончковский 1968 – *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. Изд. 3-е, переработ. и доп. – М.: Просвещение, 1968. – 368 с.
- Ибрагимова 1998 – *Ибрагимова З.Х.* Терская область под управлением М.Т. Лорис-Меликова (1863-1875 гг.): автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: МАКС-Пресс, 1998. – 29 с.
- История... 1992 – *История* города Дигоры. – Владикавказ: «Ир», 1992. – 203 с.
- История... 1968 – *История* Дагестана: в 4-х т. Т. 2. – М.: Наука, 1968. – 368 с.
- История... 2004 – *История* Кубани с древнейших времен до конца XX века. – Краснодар: Перспективы образования, 2004. – 400 с.

- История... 1988 – *История* народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). / Отв. ред. акад. А.Л. Нарочницкий. – М.: Наука, 1988. – 659 с.
- История российского... 2004 – *История российского* государственного управления на Северном Кавказе в XVIII-XIX вв. / Отв. ред. В.Г. Игнатов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 608 с.
- Казначеев 2005 – *Казначеев А.В.* Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. – Пятигорск, 2005. – 513 с.
- Калмыков 2007 – *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). – Нальчик: «ЭЛЬ-ФА», 2007. – 232 с.
- Калмыков 1995 – *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. (Конец XVII – начало XX века). – Нальчик: «Эльбрус», 1995. – 125 с.
- Кокиев 2005 – *Кокиев Г.А.* Крестьянская реформа в Кабарде // *История Кабардино-Балкарии в трудах Кокиева.* – Нальчик: «ЭЛЬ-ФА», 2005. – С.609-837.
- Кокиев 1940 – *Кокиев Г.А.* Крестьянская реформа в Северной Осетии. – Орджоникидзе: Севосгиз, 1940. – 223.
- Комиссаров 1947 – *Комиссаров С.А.* Из истории освобождения зависимых сословий в Кабарде // *Ученые записки кабардинского научно-исследовательского института.* – 1947. – Т. 2. – С. 67-88.
- Кузьминов 1989 – *Кузьминов П.А.* Аграрно-крестьянская реформа на Северном Кавказе в оценках современников // *Вопросы истории и историографии Северного Кавказа.* – Нальчик: КБГУ, 1989. – С. 153-164.
- Кузьминов 2005а – *Кузьминов П.А.* М.Т. Лорис-Меликов на Кавказе // *Кавказский сборник.* – 2005. – Т. 2 (34). – С. 109-128.
- Кузьминов 2009а – *Кузьминов П.А.* М.Т. Лорис-Меликов на службе Его Величества // *Исторический вестник КБИГИ.* – 2009. – № 8. – С. 405-436.
- Кузьминов 2000 – *Кузьминов П.А.* Новые аспекты изучения «старой» крестьянской реформы у народов Северного Кавказа // *История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время.* – Пятигорск: ПГЛУ, 2000. – С. 125-127.
- Кузьминов 2006 – *Кузьминов П.А.* Он стоял у истоков модернизации народов Центрального Кавказа // *Исторический вестник КБИГИ.* – 2006. – Вып. 4. – С. 543-559.
- Кузьминов 2005б – *Кузьминов П.А.* Работа сословно-поземельных комиссий в 40-70-х годах XIX в. в Центральном Предкавказье // *Вестник Дагестанского научного центра.* – 2005. – № 22. – С. 69-76.
- Кузьминов 2009б – *Кузьминов П.А.* Эпоха реформ 50-70-х годов XIX века в дореволюционном кавказоведении. – Нальчик: КБГУ, 2009. – 236 с.
- Кумыков 1985 – *Кумыков Т.Х.* Дмитрий Кодзоков. – Нальчик: Эльбрус, 1985. – 178 с.
- Кумыков 1962 – *Кумыков Т.Х.* Жизнь и общественная деятельность Л.М. Кодзокова. – Нальчик: Каб.-Балк. книж. изд-во, 1962. – 80 с.
- Кумыков 1959 – *Кумыков Т.Х.* Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии. – Нальчик: Каб.-Балк. книжн. изд-во, 1959. – 172 с.
- Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. – Нальчик: Каб.-Балк. книжн. изд-во, 1965. – 420 с.
- Ленин 1973а – *Ленин В.И.* «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция // *Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд. 5.* – М.: Издательство политической литературы, 1973. – Т. 20. – С. 171-180.
- Ленин 1973б – *Ленин В.И.* По поводу юбилея // *Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд. 5.* – М.: Издательство политической литературы, 1973. – Т. 20. – С. 161-170.
- Ленин 1973с – *Ленин В.И.* Пятидесятилетие падения крепостного права // *Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд. 5.* – М.: Издательство политической литературы, 1973. – Т. 20. – С. 57-137.

- Леонтович 2002 – *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. – Нальчик: «ЭЛЬ-ФА», 2002. Вып. 1. – 343 с.; Вып. 2. – 317 с.
- Литвак 1991 – *Литвак Б.Г.* Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. – М.: Политиздат, 1991. – 302 с.
- Малахова 2001 – *Малахова Г.Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII-XIX вв. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2001. – 400 с.
- Мамонов 2001 – *Мамонов А.В.* Граф М.Т. Лорис-Меликов: к характеристике взглядов и государственной деятельности // Отечественная история. – 2001. – № 5. – С. 32-50.
- Материалы... 1912 – *Материалы* по обозрению горских народных судов Кавказского края. Собраны под наблюдением сенатора и о. обер-прокурора Общего собрания Кассационных департаментов Правительствующего сената Н.М. Рейнке / Сост. Агишев Н.М., Бушен В.Д. – СПб.: Сенатская типография, 1912. – 292 с.
- Материалы... 1956 – *Материалы* по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. / Собрал и подготовил к печати Б.А. Гарданов. – Нальчик: Кабардинское книжное изд-во, 1956. – 427 с.
- Миронов 2000 – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2-х т. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. Т. 1. – 548 с.
- Мужев 1950 – *Мужев И.Ф.* Крестьянская реформа в Кабарде (1867 г.): автореф. диссер. на соиск. уч. ст. к. и. н. – М., 1950. – 18 с.
- Мужев 1951 – *Мужев И.Ф.* Предпосылки крестьянской реформы в Кабарде // Ученые записки Кабардинского госпединститута. – 1951. – Вып. 3. – С. 89-114.
- Народы... 2005 – *Народы* Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века. Сборник документальных материалов: в 2-х т. Т. 1. Территория, население и особенности социально-экономических отношений у народов Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века / Сост. П.А. Кузьминов, Б.К. Мальбахов. – М.: Поматур, 2005. – 368 с.
- Ногмов 1958 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное из-во, 1958. – 239 с.
- ОРФ СОИГСИ – Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований.
- Отчет... 1873 – *Отчет* по Главному управлению наместника Кавказского за первое десятилетие. 1861-1872. – Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1873. – 397 с.
- Письма... 2006; 2007 – *Письма* императора Александр II князю А.И. Барятинскому (1857-1864 гг.) // Вопросы истории. – 2006. – № 11. – С. 131-143; – № 12. – С. 124-137.; – 2007. – № 2. – С. 116-129.
- Полное собрание... 1836 – *Полное собрание* законов Российской Империи. Собрание Второе. Том 10. Отделение 1. 1835 г. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836. – 917 с.
- Полное собрание... 1863 – *Полное собрание* законов Российской Империи. Собрание Второе. Том 36. Отделение 1. 1861 г. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. – 1059 с.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- С... в Е. 1868 – *С... в Е.* Крепостные в Кабарде и их освобождение // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1868. Репринт. – М.: МНТПО «АДИР» 1992. – Вып. 1. – Отд. 8. – С. 15-36.
- Сведения... 1859 – *Сведения* о продажных ценах на земли: Вып. 1. – Санкт-Петербург: Зем. отдел Министерства внутренних дел, 1859. – 26 с.
- Тютюнина 1989 – *Тютюнина Е.С.* К вопросу об организационных формах исторического кавказоведения во второй половине XIX в. // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа. – Нальчик: КБГУ, 1989. – С. 113-125.

- Хоперская 1997 – *Хоперская Л.Л.* Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону: СКАГС, 1997. – 143 с.
- ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики.
- ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.
- ЦИА Г – Центральный исторический архив Грузии.
- Цуциев, Дзугаев 1997 – *Цуциев А., Дзугаев Л.* Северный Кавказ 1780-1995: история и границы. – Владикавказ: Проект-Пресс, 1997. – 77 с.
- Шаховский 1911 – *Шаховский Д.И.* Выкупные платежи // Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: в 6-и т. Т. 6. – М.: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1911. – С. 87-123.
- Эсадзе 1907 – *Эсадзе С.С.* Историческая записка об управлении Кавказом: в 2-х т. Т. 2. – Тифлис: Тип. «Гуттенберг», 1907. – 246 с.

REFERENCES

- Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei: v 12-i t. T. 10* [Documents compiled by Caucasian archeographical commission: In 12 vols. Vol. 10]. – Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1885. – 982 p. (In Russian)
- Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei: v 12-i t. T. 12* [Documents compiled by Caucasian archeographical commission: In 12 vols. Vol. 12]. – Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1904. – 1558 p. (In Russian)
- BEITUGANOV S.N. *Kabarda i Ermolov* [Kabarda and Ermolov]. – Nal'chik: «El'brus», 1993. – 302 p. (In Russian)
- BEROZOV B.P. *Put' ravnyi stoletiyu* [The way equal to centuries]. – Ordzhonikidze: «Ir», 1986. – 315 p. (In Russian)
- BEROZOV B.P. *Zemel'nyi vopros i agrarnoe dvizhenie na Severnom Kavkaze v doreformennyi period* [Land question and agrarian movement in the North Caucasus in pre-reform period]. – Ordzhonikidze: SOGU, 1978. – 79 p. (In Russian)
- BITOVA E.G. *Moderniziruyushchie reformy na Severnom Kavkaze i mestnaya politicheskaya traditsiya: ottozhenie ili adaptatsiya* [Modernizing reforms in the North Caucasus and indigenous political tradition: rejection or adaptation]. IN: RES PUBLICA. *Al'manakh sotsial'no-politicheskikh i pravovykh issledovaniy* [Res Publica. Almanac of socio-political and legal studies]. – 2000. – Iss. 1. – P. 163-194. (In Russian)
- BLIEVA Z.M. *Rossiiskii byurokraticheskii apparat i narody Tsentral'nogo Kavkaza v kontse XVIII – 80-e gody XIX veka* [Russian bureaucratic apparatus and the peoples of Central Caucasus in the end of the 18th century – the eighties of the 19th century]. – Vladikavkaz: Sev.-Oset. gos. un-t, 2005. – 398 p. (In Russian)
- BLIEVA Z.M. *Stanovlenie rossiiskogo byurokraticheskogo apparata na Severnom Kavkaze v kontse XVIII – pervoi treti XIX v.* [The forming of Russian bureaucratic apparatus in the North Caucasus in the end of the 18th century – the first third of the 19th century]. – Vladikavkaz: Sev.-Oset. gos. un-t, 2001. – 266 p. (In Russian)
- BOBROVNIKOV V.O. *Voенно-narodnoe upravlenie v Dagestane i Chechne: istoriya i sovremennost'* [People by people military administration in Dagestan and Chechnya: history and present times]. IN: *Rossiya i Kavkaz skvoz' dva stoletiya* [Russia and Caucasus through two centuries]. – SPb.: Zhurnal «Zvezda», 2001. – P. 91-107. (In Russian)
- BOROV A.Kh. *Severnyi Kavkaz v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse* [North Caucasus in Russian civilizational process]. – Nal'chik: KBGU, 2007. – 298 p. (In Russian)
- DANIELYAN G.G. *General graf Loris-Melikov. Ego zhizn', voennaya i gosudarstvennaya deyatel'nost'* [General The count Loris-Melikov. His life, military and public activities]. – Erevan: Shushan, 1997. – 160 p. (In Russian)

DZHIMOV B.M. *Sotsial'no-ekonomicheskoe i politicheskoe polozhenie adygov v XIX v.* [Socio-economic and political condition of Adyghe in 19th century]. – Maikop: Adyg. Otd. Krasnodar. Knizh. izd., 1986. – 192 p. (In Russian)

ESADZE S.S. *Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom: v 2-kh t. T. 2* [Historical note on the administration of Caucasus: In two vols. Vol. 2]. – Tiflis: Tip. «Guttenberg», 1907. – 246 p. (In Russian)

GAIBOV N.D. *O pozemel'nom ustroistve gorskikh plemen Terskoi oblasti* [On settling the land problems of mountain tribes of Terek region]. – Tiflis, 1905. – 208 p. (In Russian)

GAKK – *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya* [Krasnodar Territory's State Archive]. (In Russian)

GAVRILOV P.A. *Ustroistvo pozemel'nogo byta gorskikh plemen Severnogo Kavkaza* [On putting in order of land relations among Caucasian mountaineers]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of reports on Caucasian mountaineers]. – Tiflis, 1869. Reprint. – M.: MNTPO «ADIR» 1992. – Iss. 2. Otd. 7. – P. 1-78. (In Russian)

GOLUBEVA L.G. *Syn Kabardy i Rossii* [The son of Kabarda and Russia]. IN: *Druzhba narodov.* – 1976. – No. 8. – P. 234-258. (In Russian)

GONIKISHVILI M.G. *Podgotovka i provedenie zemel'noi reformy v Nal'chikskom okruge* [Preparation and realization of land reform in Nalchik district]. IN: *Gruzino-severokavkazskie otnosheniya* [Georgia – North Caucasus relations]. – Tbilisi: «Metsnieroba», 1981. – P. 134-168. (In Russian)

IBRAGIMOVA Z.Kh. *Terskaya oblast' pod upravleniem M.T. Loris-Melikova (1863-1875 gg.): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kand. ist. nauk. MGU im. M.V. Lomonosova* [Terek region under the governorship of M.T. Loris-Melikov (1863-1875): abstract of the thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences. Lomonosov Moscow State University]. – M.: MAKSPRESS, 1998. – 29 p. (In Russian)

Istoriya Dagestana: v 4-kh t. T. 2 [History of Dagestan: In four vols. Vol. 2]. – M.: Nauka, 1968. – 368 p. (In Russian)

Istoriya goroda Digory [History of the town of Digora]. – Vladikavkaz: «Ir», 1992. – 203 p. (In Russian)

Istoriya Kubani s drevneishikh vremen do kontsa XX veka [History of Kuban from ancient times to the end of the 20th century]. – Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya, 2004. – 400 p. (In Russian)

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.) [History of the peoples of the North Caucasus (the end of 18th century - 1917)] / Ed. by akad. A.L. Narochitskii. – M.: Nauka, 1988. – 659 p. (In Russian)

Istoriya rossiiskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v XVIII-XIX vv. [History of the Russian public administration in the North Caucasus in 18-19th centuries] / Ed. by V.G. Ignatov. – Rostov-na-Donu: Feniks, 2004. – 608 p. (In Russian)

KALMYKOV Zh.A. *Integratsiya Kabardy i Balkarii v obshcherossiiskuyu sistemu upravleniya (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka)* [Integration of Kabarda and Balkaria into the Russian system of public administration (second half of 18th – early 20th century)]. – Nal'chik: «EL"-FA», 2007. – 232 p. (In Russian)

KALMYKOV Zh.A. *Ustanovlenie russkoi administratsii v Kabarde i Balkarii. (Konets XVII – nachalo XX veka)* [Establishment of Russian administration in Kabarda and Balkaria (the end of 17th – early 20th century)]. – Nal'chik: «El'brus», 1995. – 125 p. (In Russian)

KAZNACHEEV A.V. *Razvitie severokavkazskoi okrainy Rossii (1864-1904 gg.): dis. ... d-ra ist. Nauk* [Development of North Caucasian periphery of Russia (1864-1904)]. – Pyatigorsk, 2005. – 513 p. (In Russian)

KHOPERSKAYA L.L. *Sovremennye etnopoliticheskie protsessy na Severnom Kavkaze* [Modern ethno-political processes in the North Caucasus]. – Rostov-na-Donu: SKAGS, 1997. – 143 p. (In Russian)

KOKIEV G.A. *Krest'yanskaya reforma v Kabarde* [Peasant reform in Kabarda]. IN: *Istoriya Kabardino-Balkarii v trudakh Kokieva* [History of Kabardin-Balkaria in the works of Kokiev]. – Nal'chik: «EL'-FA», 2005. – P. 609-837. (In Russian)

KOKIEV G.A. *Krest'yanskaya reforma v Severnoi Osetii* [Peasant reform in North Ossetia]. – Ordzhonikidze: Sevostgiz, 1940. – 223. (In Russian)

KOMISSAROV S.A. *Iz istorii osvobozhdeniya zavisimykh soslovii v Kabarde* [From the history of liberation of dependent estates in Kabarda]. IN: *Uchenye zapiski kabardinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. – 1947. – T. 2. – P. 67-88. (In Russian)

KUMYKOV T.Kh. *Dmitrii Kodzokov* [Dmitrii Kodzokov]. – Nal'chik: El'brus, 1985. – 178 p. (In Russian)

KUMYKOV T.Kh. *Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX veke* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century]. – Nal'chik: Kab.-Balk. knizhn. izd-vo, 1965. – 420 p. (In Russian)

KUMYKOV T.Kh. *Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya i otmena krepostnogo prava v Kabarde i Balkarii* [Socio-economic relations and the abolition of serfdom in Kabarda and Balkaria]. – Nal'chik: Kab.-Balk. knizhn. izd-vo, 1959. – 172 p. (In Russian)

KUMYKOV T.Kh. *Zhizn' i obshchestvennaya deyatel'nost' L.M. Kodzokova* [Life and public activities of L.M. Kodzokov]. – Nal'chik: Kab.-Balk. knizhn. izd-vo, 1962. – 80 p. (In Russian)

KUZ'MINOV P.A. *Agrarno-krest'yanskaya reforma na Severnom Kavkaze v otsenkakh sovremennikov* [Land and peasant reform in the North Caucasus in the assessment of contemporaries]. IN: *Voprosy istorii i istoriografii Severnogo Kavkaza* [Questions of the history and historiography of the North Caucasus]. – Nal'chik: KBGU, 1989. – P. 153-164. (In Russian)

KUZ'MINOV P.A. *Epokha reform 50-70-kh godov XIX veka v dorevolyutsionnom kavkazovedenii* [Epoch of reforms of the 1850s – 1870s in pre-revolutionary Caucasian studies]. – Nal'chik: KBGU, 2009. – 236 p. (In Russian)

KUZ'MINOV P.A. *M.T. Loris-Melikov na Kavkaze* [Loris-Melikov in the Caucasus]. IN: *Kavkazskii sbornik*. – 2005. – T. 2 (34). – P. 109-128. (In Russian)

KUZ'MINOV P.A. *M.T. Loris-Melikov na sluzhbe Ego Velichestva* [Loris-Melikov in the service of His Majesty]. IN: *Istoricheskii vestnik KBIGI*. – 2009. – No. 8. – P. 405-436. (In Russian)

KUZ'MINOV P.A. *Novye aspekty izucheniya «staroi» krest'yanskoi reformy u narodov Severnogo Kavkaza* [New aspects in the study of the “old” peasant reform of the North Caucasus peoples]. IN: *Istoriya Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen po nastoyashchee vremya* [History of the North Caucasus from the ancient to the present times]. – Pyatigorsk: PGLU, 2000. – P. 125-127. (In Russian)

KUZ'MINOV P.A. *On stoyal u istokov modernizatsii narodov Tsentral'nogo Kavkaza* [He stood at the beginnings of modernization of the Central Caucasus peoples]. IN: *Istoricheskii vestnik KBIGI*. – 2006. – Iss. 4. – P. 543-559. (In Russian)

KUZ'MINOV P.A. *Rabota soslovno-pozemel'nykh komissii v 40-70-kh godakh XIX v. v Tsentral'nom Predkavkaz'e* [The works of the commissions on estates and land relations in 1840s – 1870s in the Steppe Ciscaucasia]. IN: *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra*. – 2005. – No. 22. – P. 69-76. (In Russian)

LENIN V.I. «*Krest'yanskaya reforma*» i proletarski-krest'yanskaya revolyutsiya [“Peasant reform” and proletarian-peasant revolution]. IN: *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t. Izd. 5* [Complete works: In 55 vols. 5th edition]. – M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1973. – Vol. 20. – P. 171-180. (In Russian)

LENIN V.I. *Po povodu yubileya* [On the occasion of anniversary]. IN: *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t. Izd. 5* [Complete works: In 55 vols. 5th edition]. – M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1973. – Vol. 20. – P. 161-170. (In Russian)

LENIN V.I. *Pyatidesyatiletie padeniya krepostnogo prava* [Fifty years anniversary of the fall of the serfdom]. IN: *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t. Izd. 5* [Complete works: In

55 vols. 5th edition]. – M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1973. – Vol. 20. – P. 57-137. (In Russian)

LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev* [Adats of the Caucasian mountaineers]. – Nal'chik: «EL"-FA», 2002. Iss. 1. – 343 p.; Iss. 2. – 317 p. (In Russian)

LITVAK B.G. *Perevorot 1861 goda v Rossii: pochemu ne realizovalas' reformatorskaya al'ternativa* [Revolution of the 1861 in Russia: why reformatory alternative was not embodied]. – M.: Politizdat, 1991. – 302 p. (In Russian)

MALAKHOVA G.N. *Stanovlenie i razvitie rossiiskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v kontse XVIII-XIX vv.* [The forming and development of Russian public administration in the North Caucasus in the end of 18th – 19th centuries]. – Rostov-na-Donu: Izd-vo SKAGS, 2001. – 400 p. (In Russian)

MAMONOV A.V. *Graf M.T. Loris-Melikov: k kharakteristike vzglyadov i gosudarstvennoi deyatel'nosti* [The count Loris-Melikov: to the characterization of his views and public activities]. IN: *Otechestvennaya istoriya*. – 2001. – No. 5. – P. 32-50. (In Russian)

Materialy po obozreniyu gorskikh narodnykh sudov Kavkazskogo kraja. Sobrany pod nablyudeniem senatora i. o. ober-prokurora Obshchego sobraniya Kassatsionnykh departamentov Pravitel'stvyushchego senata N.M. Reinke [Materials of the survey of the mountain peoples of Caucasian province. Compiled under the control of Senator and acting Chief attorney of the general meeting of Department of Cassation of Governing Senate N.M. Reinke] / Ed. by Agishev N.M., Bushen V.D. – SPb.: Senatskaya tipografiya, 1912. – 292 p. (In Russian)

Materialy po obychnomu pravu kabardintsev. Pervaya polovina XIX v. [Materials on the customary law of Kabardins. First half of the 19th century] / Ed. by B.A. Gardanov. – Nal'chik: Kabardinskoe knizhnoe izd-vo, 1956. – 427 p. (In Russian)

MIRONOV B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): v 2-kh t.* [Social history of Russia in imperial period (18th – early 20th century)]. – SPb.: Izd-vo «Dmitrii Bulanin», 2000. T. 1. – 548 p. (In Russian)

MUZHEV I.F. *Krest'yanskaya reforma v Kabarde (1867 g.): avtoref. disser. na soisk. uch. st. k. i. n.* [Peasant reform in Kabarda (1867): abstract of the thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences.]. – M., 1950. – 18 p. (In Russian)

MUZHEV I.F. *Predposylki krest'yanskoi reformy v Kabarde* [Backgrounds of peasant reform in Kabarda]. IN: *Uchenye zapiski Kabardinskogo gospedinstituta*. – 1951. – Iss. 3. – P. 89-114. (In Russian)

Narody Tsentral'nogo Kavkaza v 40-kh – nachale 60-kh godov XIX veka. Sbornik dokumental'nykh materialov: v 2-kh t. T. 1. Territoriya, naselenie i osobennosti sotsial'no-ekonomicheskikh otnošenii u narodov Tsentral'nogo Kavkaza v 40-kh – nachale 60-kh godov XIX veka [The peoples of the central Caucasus in 1840s – 1860s. Collection of documentary materials: In 2 vols. Vol. 1. Territory, population and features of socio-economic relations of the peoples of the Central Caucasus in the 1840s – early 1860s] / Ed. by P.A. Kuz'minov, B.K. Mal'bakhov. – M.: Pomatur, 2005. – 368 p. (In Russian)

NOGMOV Sh.B. *Istoriya adygeiskogo naroda* [History of Adyghe people]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe iz-vo, 1958. – 239 p. (In Russian)

ORF SOIGSI – *Otdel rukopisnykh fondov Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy* [Department of Manuscript Reserves of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. (In Russian)

Otchet po Glavnomu upravleniyu namestnika Kavkazskogo za pervoe desyatiletie. 1861-1872 [Report by the Head-office of the Viceroy of the Caucasus for the first decade. 1861-1872]. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1873. – 397 p. (In Russian)

Pis'ma imperatora Aleksandr II knyazyu A.I. Baryatinskomu (1857-1864 gg.) [Letters of the Emperor Alexander II to Prince A.I. Baryatinskii (1857-1864)]. IN: *Voprosy istorii*. – 2006. – No. 11. – P. 131-143; – No. 12. – P. 124-137.; – 2007. – No. 2. – P. 116-129. (In Russian)

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Vtoroe. Tom 10. Otdelenie 1. 1835 g. [Complete compilation of the laws of Russian empire. Second collection. Vol 10. Section I. 1835].

– SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1836. – 917 p. (In Russian)

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Vtoroe. Tom 36. Otdelenie I. 1861 g. [Complete compilation of the laws of Russian empire. Second collection. Vol 36. Section I. 1861].

– SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1863. – 1059 p. (In Russian)

RGIA – *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archives]. (In Russian)

RGVIA – *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archives]. (In Russian)

S... v E. *Krepostnye v Kabarde i ikh osvobozhdenie* [Serfs in Kabarda and their liberation]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of reports on Caucasian mountaineers]. – Tiflis, 1868. Reprint. – M.: MNTPO «ADIR» 1992. – Iss. 1. – Otd. 8. – P. 15-36. (In Russian)

SHAKHOVSKII D.I. *Vykupnye platezhi* [Buyouts]. IN: *Velikaya reforma: Russkoe obshchestvo i krest'yanskii vopros v proshlom i nastoyashchem: v 6-i t. T. 6* [The great reform: Russian society and peasant question in past and present: In 6 vols. Vol. 6]. – M.: Izdanie T-va I.D. Sytina, 1911. – P. 87-123. (In Russian)

Svedeniya o prodazhnykh tsenakh na zemli: Iss. 1 [Reports on selling prices of land: Iss. I]. – Sankt-Peterburg: Zem. otdel Ministerstva vnutrennikh del, 1859. – 26 p. (In Russian)

TsGA KBR – *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kabardino-Balkarskoi respubliki* [Central State Archives of Kabardin-Balkar Republic]. (In Russian)

TsGA RSO-Alaniya – *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya* [Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russian)

TsIA G – *Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Gruzii* [Central Historical Archives of Georgia]. (In Russian)

TSUTSIEV A., DZUGAEV L. *Severnyi Kavkaz 1780-1995: istoriya i granitsy* [North Caucasus 1780-1995: history and borders]. – Vladikavkaz: Proekt-Press, 1997. – 77 p. (In Russian)

TYUTYUNINA E.S. *K voprosu ob organizatsionnykh formakh istoricheskogo kavkazovedeniya vo vtoroi polovine XIX v.* [To the question of organizational forms of historical Caucasian studies in the second half of the 19th century] IN: *Voprosy istorii i istoriografii Severnogo Kavkaza* [Questions of the history and historiography of the North Caucasus]. – Nal'chik: KBGU, 1989. – P. 113-125. (In Russian)

VASIL'EVA L.M. *Problemy istorii Osetii v russkoi nauke XIX v.* [Problems of Ossetia's history in the Russian science of the 19th century]. – Ordzhonikidze: «Ir», 1975. – 174 p. (In Russian)

VESHNYAKOV V.I. *Krest'yane sobstvenniki v Rossii. Istoriko-statisticheskii ocherk* [Peasants with ownership in Russia. Historical-statistical essay]. – SPb.: Tipografiya V. Bezobrazova i K, 1858. – 138 p. (In Russian)

Vlast' i reformy v Rossii: Materialy kruglogo stola, posvyashchennogo obsuzhdeniyu kollektivnoi monografii peterburgskikh istorikov [Governance and reforms in Russia: Proceedings of the round table of discussion of Petersburg historians' collective monograph]. IN: *Otechestvennaya istoriya*. – 1998. – No. 2. – P. 3-36. (In Russian)

ZAIONCHKOVSKII P.A. *Otmena krepostnogo prava v Rossii* [Abolition of serfdom in Russia]. – M.: Prosveshchenie, 1968. – 368 p. (In Russian)

ZHAKOMIKHOV T.A. *Feodal'nye povinnosti i osvobozhdenie krest'yan ot krepostnogo prava v Kabarde i Balkarii v 1867 g.* [Feudal duties and liberation of peasants from serfdom in Kabarda and Balkaria in 1867]. IN: *Uchenye zapiski KBGU. Seriya sel'skokhozyaistvennaya*. – 1963. – Iss. 18. – P. 117-198. (In Russian)

УДК 39(470.64)

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-1-114-130

**ФАКТОРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ И ВОСПРОИЗВОДСТВА
НАСЕЛЕНИЯ В ГОРНЫХ УСЛОВИЯХ:
БАЛКАРИЯ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Х.К. ГЕГРАЕВ

*ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: gegra70@mail.ru*

Аннотация. Цель статьи – показать на конкретном историческом, этнодемографическом материале, а также опираясь на данные естественных наук, эколого-биологические и хозяйственно-культурные факторы этнической адаптации населения, на примере населения Балкарии конца XVIII - начала XX века. По мнению исследователей, одним из основных факторов, обеспечивающих относительно высокую устойчивость адаптированных к горам людей, является увеличение резервной функции организма. Благодаря ей, уроженец высокогорья, как правило, способен нести более продолжительную физическую нагрузку, требующую максимального напряжения. Феноменальная выносливость горцев к гипоксии, физическим и иным нагрузкам уже давно привлекала к себе внимание путешественников и естествоиспытателей. Такого рода свидетельства относительно балкарцев нашли отражение в работах ряда авторов XIX – начала XX в., непосредственно наблюдавших их хозяйственный и общественный быт, черты психологии, физический облик и т.д. Делается вывод, что сложившиеся в условиях высокогорной Балкарии биологический и хозяйственно-культурный адаптивные типы обеспечивали самосохранение, воспроизводство жизненных сил, а значит, и прирост народонаселения данной этнической общности.

Ключевые слова: Балкария; высокогорье; этническая адаптация; хозяйственно-культурный тип; воспроизводство этноса.

**FACTORS OF ETHNIC ADAPTATION AND REPRODUCTION OF THE
POPULATION IN HIGHLAND ENVIRONMENT: BALKARIA AT THE END
OF THE 18th – EARLY 20th CENTURIES**

H.K. GEGRAEV

*FSBEI HE «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov»
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: gegra70@mail.ru*

Abstract. The purpose of the article is to reveal the ecological and biological as well as economic and cultural factors of the ethnic adaptation to natural environment by the case of the population of Balkaria at the end of the 18th and early 20th centuries. Using the theoretical findings of the natural sciences author analyses concrete ethno-demographical data and historical evidence. According to the researchers, one of the main factors that ensure relatively high level of resistance to unfavorable conditions, which distinguish the people adapted to the mountains, is explained by heightened reserve function of the body. Thanks to it, a native of the highlands, as a rule, is able to perform

longer physical exertion, requiring maximum tension. Phenomenal endurance of the mountaineers to hypoxia, physical and other stress for a long time attracted the attention of researchers and naturalists. This kind of evidence regarding the Balkars was reflected in the works of a number of authors in XIX and early XX century, who directly observed their economic and social life, traits of psychology, physical appearance, and so on. It is concluded that the biological and economic-cultural adaptive types that developed in the conditions of the highland Balkaria provided self-preservation, the reproduction of vital forces, and hence the population growth of a given ethnic community.

Keywords: Balkaria; highlands; ethnic adaptation; economic-cultural type; reproduction of ethnos.

Современные противоречивые демографические тенденции выдвигают перед малочисленными народами, исторически привязанными к определенным природно-экологическим нишам, проблемы самосохранения и демографического воспроизводства. В частности, перед современными балкарцами стоят задачи выработки таких механизмов адаптации, которые бы предотвращали процессы депопуляции в меняющейся экологической и социокультурной среде. С этой точки зрения актуален анализ накопленного им исторического опыта этнической адаптации и демографической устойчивости.

В историко-этнографическом изучении Балкарии и балкарцев имеется глубокая традиция, связывающая в общем виде сложившийся здесь хозяйственно-культурный тип с необходимостью адаптации к природно-географическим условиям [Сабанчиев 1989; Муратова 2010а; Муратова 2010б; Муратова 2007]. Но до сих пор имеется крайне мало работ, рассматривающих проблему в историко-демографическом аспекте [Геграев 2007; Геграев, Каракетов 2014]. Цель настоящей статьи – обобщить исторический опыт этнической адаптации балкарцев к среде своего обитания с аналитическим вычленением роли эколого-биологических и хозяйственно-культурных факторов в процессах демографического воспроизводства этноса.

Проведенные нами исследования динамики численности населения высокогорных балкарских обществ в конце XVIII – начале XX века, а также рождаемости, смертности, брачности, возрастно-половой структуры [Геграев 2007], позволяют дать общую характеристику режима воспроизводства населения за данный период. На наш взгляд, этот режим формировался главным образом под влиянием двух основных факторов: эколого-биологического и хозяйственно-культурного. Когда мы говорим о влиянии первого из них, то имеем в виду, прежде всего, условия высокогорья, в которых, в рассматриваемый период, проживало абсолютное большинство балкарцев. Для высокогорья, как известно, характерны такие негативные экологические признаки, как дефицит удобных и пригодных для проживания и возделывания земельных площадей, низкие температуры и, как следствие, непродолжительный вегетационный период, пониженное атмосферное давление, недостаток кислорода (гипоксия), нарушенный геохимический баланс (недостаток йода и фтора) [Алексеева 1986: 98].

Когда же мы говорим о хозяйственно-культурном факторе, то имеем в виду, во-первых, те антропогеоценозы, которые сформировались в каждом из

ущелий высокогорной Балкарии как результат взаимодействия населявших их хозяйственных коллективов и вмещающего ландшафта. В рамках этих антропогеоценозов сложился хозяйственно-культурный тип скотоводов и земледельцев горной зоны и связанная с ним система жизнеобеспечения этноса.

Большую роль в системе различных антропогеоценозов играли такие демографические показатели, как численность всего хозяйственного коллектива, то есть число людей, принимающих участие в потреблении продуктов труда, и численность взрослого населения, непосредственно участвующего в трудовых процессах [Алексеев 1975: 20].

Роль демографического фактора в функционировании этноэкосистем выражается в том, что, с одной стороны, существует минимальный предел численности населения, обусловленный как необходимостью избежать недопустимой степени инбридинга (кровосмешения) в условиях этнической эндогамии, так и многими хозяйственными, социальными и прочими жизненно важными потребностями человеческого коллектива. С другой стороны, продуктивная емкость освоенной территории со спецификой ее хозяйственного использования задает некий условный максимум населения. Такого рода дихотомию призван разрешить, и тем самым обеспечить необходимые численные пропорции, соответствующий режим демовоспроизводства [Комарова 1991: 53].

В условиях высокогорья определенный минимальный предел численности населения диктовался не только необходимостью избежать недопустимой степени инбридинга при соблюдении этнической эндогамии, но и тем, что в этих условиях, являвшихся экстремальными по своей сути, для создания и поддержания соответствующей системы жизнеобеспечения требуется участие достаточно больших коллективов людей, которые в ее рамках могли бы не только выживать, но и воспроизводиться.

В свою очередь, для обеспечения непрерывности процесса воспроизводства этноса в экстремальных, либо близких к ним природно-географических условиях, важнейшим условием является высокая степень адаптированности к своей этнической территории, которая складывается веками, «и за это время население настолько свыкается с занимаемой им территорией, что начинает считать ее «родной» [Кушнер 1951: 6]. Эту же мысль подчеркивает А.Н. Ямсков, который считает главным критерием успешной этнокультурной адаптации к условиям природной среды «сам факт длительного существования группы населения, являющегося носителем определенного культурного комплекса на освоенной ею территории» [Ямсков 1991: 300]. Хотя, как считал Э.С. Маркарян, выживаемость общностей сама по себе «свидетельствует отнюдь не об оптимальности их культур, а лишь о соответствии этих культур определённого минимуму адаптивных требований» [Маркарян 1981: 115].

Здесь будет уместным привести слова К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «всякая историография должна исходить из этих природных основ (геологических, орографических, климатических и иных отношений) и тех их видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей,

подвергаются в ходе истории» [Маркс, Энгельс 1955: 19]. А по С.В. Колеснику, фактор природно-географической среды предполагает наличие фактора общества, которые в данный момент находятся в непосредственном взаимодействии [Калесник 1984: 202]. При этом, «окружающая среда до определенной степени предопределяет не только ресурсодобывающие технологии, но и демографию, и социальную структуру человеческих сообществ» [Тишков 1998: 10]. Л.Н. Гумилев такими сообществами, через которые осуществляется связь человечества с природной средой, считал именно этнические коллективы [Гумилев 1993b: 174]. Ландшафт, в который помещена возникшая этническая целостность, подсказывает род занятий и постепенно направляет развитие материальной, а отчасти и духовной культуры [Гумилев 1993a: 338]. Определяя этнос как явление природы, Гумилев вводит понятие этноценоза – результата оригинальной формы адаптации этноса в биоценозе ландшафта [Гумилев 1993a: 167]. Многообразие оригинальных форм адаптации этносов породило тот факт, по выражению Броделя, «самый волнующий из всех фактов», которые ему предстояло отметить в своем грандиозном труде «Материальная цивилизация, экономика и капитализм», «что человек преодолел многочисленные преграды, препятствовавшие его количественному росту, на всех территориях, какие он занимал» [Бродель 1986: 52]. Отсюда вытекает существенное значение для этнодемографических исследований этнического аспекта воздействия природных факторов, обусловленного тем обстоятельством, что, как отмечает В.И. Козлов, «каждая этническая территория географически локализована и ее природные условия отличаются от условий жизни других народов». Природная среда оказывает прямое влияние на заболеваемость и смертность через благоприятные или неблагоприятные условия, которые она создает для нормальной жизнедеятельности человека как особого биологического вида. В то же время, «в обеспечении условий для развития поддерживающих существование человека видов хозяйственной деятельности (охота, рыболовство, скотоводство, земледелие и другое)» [Козлов 1969: 195]. В.И. Козлов природной среде отводит косвенное влияние, хотя, как нам представляется, здесь оно не менее прямое, чем в случае с заболеваемостью и смертностью.

Как видно из вышеизложенного, обществоведы разных времен и направлений не склонны были недооценивать роль природно-географического фактора в становлении и воспроизводстве этносов, а, следовательно, и необходимость его учета в историко-этнологических исследованиях, особенно если это относится к традиционным обществам. Здесь мы перейдем от констатации роли фактора природно-географической среды вообще к ее более экстремальным феноменам, каковыми являются, в частности, горные ландшафты, в один из которых помещен балкарский этнос, выработавший специфические формы эколого-биологической и хозяйственно-культурной адаптации к своей жизненной среде.

Как показывает анализ проблемы адаптации человека к среде, ее наиболее важная составляющая – это приспособление к неблагоприятным природным условиям. «Именно эта форма адаптации служит главной

движущей силой, которая активизирует работу биологических и внебиологических механизмов адаптации». А потому, в экстремальных условиях, адаптационные возможности человека проявляются полнее [Максимова, Райх 1979: 80].

В социальной экологии адаптация рассматривается как биосоциальный процесс активного приспособления человека к окружающей среде, направленный на обеспечение, сохранение и продолжение нормальной жизнедеятельности в условиях данной среды, а адаптированность или адаптивность человека – это свойства или качества, приобретенные в результате указанного процесса [Максимова 1979: 53].

Поскольку адаптация – это биосоциальный процесс, то и в случае с адаптированностью, наряду с генетически детерминированной биологической, формируется и внегенетическая адаптированность, которая находит свое выражение в передающихся из поколения в поколение особенностях питания, архитектуры, одежды, некоторых чертах образа жизни людей, населяющих ту или иную территорию [Максимова 1979: 53].

В.П. Алексеев среди огромного разнообразия постоянных характеристик местности наибольшее значение придавал пищевым ресурсам, особенностям климата, геоморфологической структуре и гидрологической сети. Биологическая адаптивность к указанным характеристикам создает фон для социальной адаптивности, по мнению В.П. Алексеева, не такой важный, как собственно социальные связи и отношения, но имеющий, тем не менее, огромное значение [Алексеев 1983: 23, 75].

Осложнение биологических процессов социальным влиянием придает специфику проблеме адаптации человека [Йоганзен, Логачев 1981: 164]. Эта специфичность проявляется, в частности, в том, что развитие физиологических адаптивных свойств организма человека сочетается с искусственными способами, преобразующими среду в его интересах [Агаджанян, Торшин 1994: 122]. В ходе биосоциальной эволюции вырабатываются механизмы культурной адаптации, позволяющие людям в известной мере нейтрализовать неблагоприятное влияние среды [Комарова 1991: 49]. В нашем случае такой средой являются горы со своим набором неблагоприятных факторов, о которых было сказано выше. Горы представляют собой своеобразный ареал, где возбудителем адаптивных реакций выступает сложнейший социально-экологический комплекс условий. Социальное звено горной среды включает в себя совокупность факторов, порожденных способом производства, исторически сложившегося в данной местности, демоструктурой, культурой, бытом и психологией населения [Йоганзен, Логачев 1981: 27].

При популяционной форме высокогорной адаптации (а именно таковую мы предполагаем для населения пяти балкарских обществ, имевшего небольшую численность и компактно расселенного) ведущую роль играют как поведенческие, так и долговременные механизмы приспособления, связанные, в частности, с особенностями функционирования сердечно-сосудистой и легочной системы. Так, обнаружено, что у практически здоровых аборигенов относительно больших высот на фоне умеренного напряжения вентиляции

системы дыхания, выявляемого в покое, имеет место существенное увеличение массы циркулирующих эритроцитов и гемоглобина [Иоганзен, Логачев 1981: 11]. Данный феномен рассматривается как результат адаптации к высокогорной гипоксии, что приводит к минимизации энергетического обмена в тканях и к возрастанию работы транспортных функций – дыхания и кровообращения [Иоганзен, Логачев 1981: 23]. Вследствие этого, «на высоте практически отсутствуют тучные люди и, очевидно, отношение жира к весу тела у «горцев» понижено по сравнению с людьми, живущими на уровне моря» [Агаджанян, [Миррахимов 1970: 105]. Также одной из существенных физиологических характеристик высокогорных популяций оказывается довольно низкий уровень артериального давления и, связанный с этим, низкий процент сердечно-сосудистых заболеваний [Алексеева 1986: 104].

Как показывает накопленный к настоящему времени большой экспериментальный материал, активная адаптация к одному, казалось бы такому неблагоприятному фактору, как гипоксия, нередко повышает резистентность (сопротивляемость) организма к целому комплексу других факторов, то есть происходит перекрестная адаптация, а значит, повышается и общая устойчивость человека к физическим нагрузкам [Агаджанян, Миррахимов 1970: 102, 111]. «Как бы ни трактовать природу адаптивных черт высокогорных популяций, – подчёркивает Т.И. Алексеева, – следует признать, что эти черты необратимы» [Алексеева 1986: 109].

По мнению исследователей, одним из основных факторов, обеспечивающих относительно высокую устойчивость адаптированных к горам людей, по-видимому, является увеличение резервной функции организма. Благодаря ей, уроженец высокогорья, как правило, способен более продолжительное время нести физическую нагрузку, требующую максимального напряжения [Агаджанян, Миррахимов 1970: 105, 164]. Феноменальная выносливость горцев к гипоксии, физическим и иным нагрузкам уже давно поражала путешественников и естествоиспытателей [Агаджанян, Миррахимов 1970: 64]. Такого рода свидетельства относительно балкарцев нашли отражение в работах ряда авторов XIX – начала XX в., непосредственно наблюдавших их хозяйственный и общественный быт, черты психологии, физический облик и т.д. При этом они, как правило, соотносили названные факторы с природно-географическими условиями проживания балкарцев. Мисост Абаев, сам выросший в этих условиях, писал по этому поводу: «Климат в горах довольно суровый, лето короткое, зима длинная, и хотя очень больших морозов в долинах не бывает, но часто бушует ветер, и в период коротких дней солнце поздно встает и рано заходит. Лесов мало, а в некоторых ущельях их уже нет вовсе. Несмотря на все эти неблагоприятные условия, горцы не жаловались на бедность благодаря крайнему своему трудолюбию, скромной и здоровой жизни и привычке удовлетворяться малым. Благодаря климатическим условиям и трезвой жизни горцев болезней в горах не встречалось и народ был здоровый, только в последнее время были занесены туда лихорадка, брюшной тиф, разные характерные кожные болезни ...» [Абаев 1992: 20].

Об устойчивости горцев-балкарцев к различным болезням и их поразительной выносливости Н.П. Тульчинский писал следующее: «Само собой разумеется, что и горцы не гарантированы от простудных болезней; они также болеют лихорадкой и разными острыми воспалениями, но гораздо реже, чем культурные люди. Также горцы не избавлены от детских болезней: дифтерита, скарлатины и т.п., хотя болеют ими тоже редко; но когда эти болезни посещают горы, то дети мрут как мухи ... Эпидемических болезней, вроде холеры, горы не знают. В 1892 году, во время холеры в России и Терской области, когда кругом по соседству гор в Нальчике и Кабарде умирала масса народу, в горском населении не только не было ни одного случая смерти, но и самая болезнь отсутствовала <...> Выносливость горцев при всех невзгодах жизни поистине изумительна. К холоду они так привычны, что ходят босиком и в одних рубахах даже зимой по снегу». Это при том, что горцы, по наблюдению Тульчинского, имели «крайне скудное питание в качестве и количестве». Тем не менее, этот же автор приходит к убеждению, что «современный культурный человек, преждевременно увядающий, седеющий, теряющий зрение, зубы, волосы и обремененный всевозможными хроническими болезнями, может вполне позавидовать детям гор, которым эти плоды современного просвещения незнакомы» [Тульчинский 1903: 197-198].

Крепкому здоровью и феноменальной выносливости горцев балкарских обществ соответствовал их физический облик, который также не остался без внимания авторов того времени. Так, например, Н.А. Караулов отмечал: «Балкарцы видный, красивый и рослый народ. Телосложение плотное. Люди отличаются крепким и выносливым здоровьем. Работа на горном воздухе, охота, хождение по горам – это все закалило народ и выработало в нем значительную физическую силу». Средний рост балкарцев Н.А. Караулов определяет в 170,91 см., отдельно для мужчин – как «вышесредний, и даже высокий», а для женщин – как средний [Караулов 1908: 137].

М. Ковалевский и Вс. Миллер отмечали, что «горцы (балкарцы – Г.Х.) отличаются быстротой в движении, они высоки ростом и стройны» [Ковалевский, Миллер 1884: 549]. Н.П. Тульчинский, также подмечая хорошее телосложение балкарцев и характерный для мужчин средний рост, проводил интересную связь между особенностями походки горцев и местным ландшафтом: «ходят медленно, несколько наклоняя корпус вперед, делают длинные шаги, к чему приучили их родные горы» [Тульчинский 1903: 193]. Уже в советское время, на научной сессии, посвященной проблемам происхождения карачаевцев и балкарцев, состоявшейся в 1959 г., грузинский антрополог Г.К. Джанберидзе в своем выступлении отметил: «Карачаевцы и балкарцы по этому признаку (длина тела – Г.Х.) характеризуются довольно высоким ростом, приближаются к горным группам Кавказа и превосходят кабардинские, черкесские и абазинские группы» [О происхождении... 1960: 225].

Русские исследователи балкарского быта проводили интересную связь между особенностями горной местности и выработанной ее обитателями тональностью речи, остротой зрения и тонкостью слуха. «Выработка языка в

смысле интонации, – писал Н.П. Тульчинский, – обуславливалась горною природою: в горах при постоянном шуме и реве горных потоков нельзя говорить тихо и скоро. Кроме того, редкий из горцев в молодости не был пастухом ... поэтому при шуме речек и на далеких расстояниях на горных возвышенностях необходимо не просто разговаривать, а растягивать слова – петь и настолько громко петь, чтобы слышно было, о чем идет речь» [Тульчинский 1903: 193]. Н.А. Караулов дополняет: «Население (балкарских обществ – Г.Х.) отличается громким высоким тоном голоса, острым зрением и тонким слухом» [Караулов 1908: 137].

Возвращаясь к дошедшим до нас сведениям о состоянии физического здоровья балкарцев, можно привести также наблюдение, побывавшего в начале 90-х годов XIX в. в Чегемском ущелье М.С. Далгата: «На коше сидело трое мальчиков – пастухов с круглыми, здоровыми и полными лицами, благодаря тому, что они находятся все время на ледниках и питаются одним овечьим молоком и сыром (пребывание на ледниках и употребление козьего молока излечивает даже чахоточных)» [Далгат 1896: 41-42]. Далее Далгат приводит оригинальный народный способ лечения Нарзаном (название источника в Чегемском обществе – Г.Х.) больных ревматизмом, которых погружали в него закутанными в овчину и войлок, давая сильнее пропотеть [Далгат 1896: 43-44].

Исследователи того времени отмечали не только физическое здоровье балкарцев, но и наиболее здоровые проявления их этнической психологии: «Горцы (балкарцы – Г.Х.) в противоположность другим туземным племенам, – замечает Н.П. Тульчинский, – отличаются необыкновенно хладнокровным, спокойным и добродушным характером. По преимуществу флегматического темперамента, они всякую несправедливость по их адресу переносят удивительно добродушно, не горячатся, не сердятся и всегда далеки от какой бы то ни было мести своим недругам» [Тульчинский 1903: 194]. Как видно, здесь названы черты психологии, не обладающие стрессогенным характером. Продолжая тему отражения специфики этноландшафта в этнопсихологии народа, мы можем отметить, что высокая степень адаптированности балкарцев к природно-географической среде своего проживания или, иначе говоря, сродненность с ней, выразились не только в характерном самоназвании – таулу (горец), но и в устном народном творчестве, в частности, в пословицах и поговорках: Тау бла таулу – жан бла тёнгек – Горы и горец – душа и тело; Тау – таулуну тыпыры – Горы – очаг горца; Тауда тургъан – тау кибик, Тюзде тургъан – жау кибик – Житель гор подобен горе, житель равнины подобен маслу; Тау таулуну ач этмез – Горы горцу голода изведать не дадут; Таулу, ташха сыртын тыяндырмай, тынчаймаз – Горец не отдохнет, пока не обопрется спиной о камень; Тауда ёскен таукел болур – Выросший в горах решителен; Таулу билген – тёнгелек – Горец только и знает, что крутые склоны; Чабакъны жаны сууда, Таулуну жаны тауда – Душа (жизнь) рыбы – в воде, душа горца – в горах [Ёзден адет... 2001: 16, 145], и многие другие.

Наконец, можно назвать целый ряд мужских и женских имен, бытующих среди балкарцев, в которых содержится слово «гора» (тау): Таубатыр, Таубек,

Таубий, Таугерий, Таукан, Таулан, Таулу, Таумырза, Таусолтан, Таужан, Тауханий [Карачаево – балкарско... 1989: 799, 803] и прочие.

В начале XX века русский экономист А. Шершенко так писал об условиях проживания близкородственных балкарцам карачаевцев: «На такой высоте могут жить только горцы, из поколения в поколение выработавшие в себе соответствующие привычки и приспособившие свой организм ко всем трудностям и невзгодам горной жизни» [Невская 1972: 15]. Именно в процессе приспособления к географической среде возникают хозяйственно-культурные типы, которые «служат своего рода фильтром, через который осуществляется влияние этой среды на организм человека и в котором нейтрализуются некоторые неблагоприятные ее воздействия» [Алексеева 1977: 250].

К тому же организм человека (или популяция в целом) может испытывать, и, как правило, испытывает неблагоприятное воздействие не только природной, но также внутренней (или собственно этнической) и внешней (пытающейся навязать политическую или экономическую зависимость) социальной среды. Выработка механизмов эколого-биологической и хозяйственно-культурной адаптации особенно интенсивно должна протекать на ее ранних этапах, когда популяция (этническая общность) окончательно обретала ареал своего проживания. Здесь надо также учитывать, что ранние этапы этнической адаптации (или этнической истории) характеризовались обстановкой неопределенности и изменчивости. И, «чтобы достичь стабильности, – как пишет Э.А. Имхоф, – разрабатывались и упорно осуществлялись самые различные стратегии» [Имхоф 1990: 73], которые должны были обеспечивать, добавим уже от себя, воспроизводство ресурсов жизнеобеспечения и поддержание численности популяции (этнического коллектива). А потому, культура жизнеобеспечения, особенно в ее традиционных формах, имела глубоко этнический характер [Фирсов 1988: 103].

Функционируя в рамках определенного этноландшафта, культура жизнеобеспечения, со всеми ее элементами, несла экологическую нагрузку, образуя, в совокупности, «тот материальный комплекс, который и представляет собой комбинацию культурных адаптаций» [Алексеев 1983: 169].

Применительно к карачаево-балкарцам также можно сказать, что «как под влиянием исторически сложившейся традиции, так и в ходе поисков оптимальной адаптации к данной экологической нише этнос пошел по пути сосредоточения всех своих хозяйственных усилий на комплексном производящем хозяйстве с главным упором на скотоводство» [Текеев 1989: 60]. Об успешности адаптации балкарцев к своей природной и социальной среде исследователь их быта второй половины XIX века Н.Ф. Грабовский свидетельствовал: «Несмотря на все препятствия, которые были поставлены в жизни горцу-простолюдину и самую природой, и условиями общественной жизни, он все-таки сумел выйти победителем; если победа его не принесла особенно блестящих результатов, то по крайней мере он все-таки успел создать для своей жизни такую обстановку, от которой не отказались бы многие и более цивилизованные народы ... Горец не бедствует и не мечется из стороны в сторону, изыскивая средства к существованию; такое положение могло

создаться только благодаря практичности горца, умевшего с толком взяться даже и за те скудные средства, которые оказались у него под рукою. Самое главное – горец усвоил себе непреложное убеждение, что его кропотливый труд принесет несомненную пользу, и это, в конечном результате, оказалось совершенно верным. Он исподволь и не торопясь идет к цели – и верно достигает ее ... Насколько в самом деле трудолюбив и деятелен горец-простолюдин, можно судить по тому, что он почти в течение круглого года занят ... Зимой горец колит лучину и возит ее на плоскость; весной чинит и копает канавки на пахоте и покосе; в конце июня идет на плоскость косить и жать, так как в это время ему еще в горах нечего делать» [Грабовский 1870: 11-12]. Именно упорный труд в течение круглого года позволял балкарцам не просто выживать в суровых горных условиях, но и обеспечивать прирост своего народонаселения и, соответственно этому, расширенное воспроизводство скотоводческой продукции как главного ресурса жизнеобеспечения.

«Обширное скотоводство и овцеводство, – писал Н.П. Тульчинский, – несмотря на крайний недостаток в крае самого необходимого продукта – хлеба, достаточно обеспечивает жизнь горца ...» [Тульчинский 1903: 172]. Н.А. Караулов, как бы в подтверждение этих слов, замечал, что «нищих среди балкар нет. Бедные живут в работниках у богатых, от которых получают жилище, пищу и одежду, а хозяин оказывает им всякое покровительство и заботу» [Караулов 1908: 149]. Н.П. Тульчинский, отмечая более значительные масштабы развития скотоводства в балкарских обществах, чем «во всех туземных племенах Терской области», причины тому видел «не в наличии собственной земли, которой ... очень мало, а чужой, арендуемой у соседей – кабардинцев и за главным снеговым хребтом у сванетов. При правильном же землеустройстве можно с уверенностью сказать, что эта отрасль сельского хозяйства развилась бы далеко значительнее» [Тульчинский 1901]. Этот же автор в своей работе «Пять горских обществ Кабарды» выдвигал гипотезу об образовании земельной собственности в Балкарии, связывая данный процесс с ростом численности ее населения: «Горцам – первым поселенцам и их последующим поколениям – не было присуще понятие о собственности на земли, не подвергавшиеся обработке трудами человека. Эта собственность возникает в то время, когда стало тесно жить (курсив наш – Г.Х.) ... В то время, когда население гор было значительно, а земли последней категории (пастбища и покосы – Г.Х.) было сравнительно много, скотоводы, потравив одно место, беспрепятственно переходили на другое; но с увеличением народонаселения такие свободные переходы становились невозможными или крайне затруднительными; тогда скотоводы, осевши на одних и тех же займищах и передавая их из рода в род, превратили их как бы в родовую собственность ...» [Тульчинский 1903: 167].

В системе хозяйственно-культурного типа, кроме непосредственно хозяйственной деятельности, существенными адаптивными чертами обладает и традиционный пищевой комплекс. Вообще, как считают этноантропологи и, в частности, Т.И. Алексеева, «адаптивный тип и хозяйственно-культурный

находятся в прямой зависимости от фактора «суровости климата». То есть чем суровее климат и выше кислотность почв, тем более хозяйственно-культурный тип (ХКТ) специализируется на выработку продуктов с большим содержанием белков и жиров. С понижением суровости среды и кислотности почвы в рационе питания увеличивается удельный вес продуктов с высоким содержанием углеводов. Иными словами, ХКТ как бы обеспечивает тот рацион питания, который способствует формированию необходимых для данной территории биологических свойств организма» [Экологическая ниша... 1983: 17].

Комплексному производящему хозяйству балкарцев, основанному на отгонном скотоводстве и земледелии, соответствовал ежедневный пищевой рацион, сочетавший в себе продукты животноводства и земледелия.

Авторы изучаемого нами периода, исследовавшие балкарский быт, как правило, не обходили вниманием особенности их традиционного питания. «Пищу горцев, – писал М. Абаев, – составляли ячменный чурек, молочные продукты и мясо, а питье – домашнее пиво из ячменя, буза из овса (род русской браги), «айран» и «гыпы» (кефир) из молока» [Абаев 1992: 21]. Здесь обращает на себя внимание последовательность, возможно не случайная, в которой названы основные продукты питания балкарцев, где мясо стоит на последнем месте, после продуктов растительного и молочного происхождения.

Об этом же пишут и другие авторы. Например, Н.А. Караулов: «Балкарцы ежедневно едят хлеб, сыр, молоко и овощи, зимой мясо. Богатые люди едят мясо круглый год» [Караулов 1908: 139]. Он же говорит о частоте приема пищи: «В день бывает два главных момента еды: в полдень – обед и вечером – ужин, но кроме того едят, когда приходит желание, и едят с большим аппетитом. Бывает, что за еду принимаются до шести раз в день» [Караулов 1908: 140].

О неприхотливости балкарцев в пище и ее употреблении в умеренном количестве писал Е.З. Баранов. «Каждодневная пища горца, – отмечал он, – очень проста и состоит обыкновенно из киржина, пресных ячменных лепешек, выпеченных в горячей золе, козьего сыра и айрана, напиток из кислого молока; мясо же бывает не каждый день на обеденном столе горца» [Баранов 1894]. Н.П. Тульчинский также подтверждает, что «в количественном отношении ... горцы питаются очень мало. Главная пища их молочные продукты и лепешки из кукурузной и ячменной муки, испеченные в горячей золе. Молоко в сыром виде горцы никогда не употребляют, оно перерабатывается в сыр или айран» [Тульчинский 1903: 200]. Примечательно, что сходные особенности в питании жителей высокогорного Дагестана XIX в. отмечает современный исследователь его традиционных хозяйственно-культурных типов М.О. Османов: «Пища высокогорья также отражала исторический парадокс: при преобладании скотоводства она по преимуществу была растительной – отражая традицию хозяйственного развития, а не само хозяйство» [Османов 1996: 245]. Здесь имеется в виду то, что, как считают некоторые исследователи, бывшие жители равнин и предгорий, вынужденные, в силу различных исторических причин, переселиться в горную часть Северного Кавказа, какое-то время продолжали

делать упор на развитие земледелия, однако, его продуктивность, ограниченная недостатком удобной и плодородной земли в горах, не была достаточной для удовлетворения продовольственных потребностей растущего населения, а потому и произошел переход на более продуктивное разведение мелкого рогатого скота [История народов... 1988: 223-224].

Традиционная повседневная пища балкарцев, как это было видно из вышеприведенных ее характеристик, при всей ее умеренности, как в количественном, так и в компонентном отношении включала в себя продукты, содержащие все необходимые для человеческого организма вещества. Так, скажем, продукты, приготовленные из хлебных злаков (у балкарцев – преимущественно из ячменя), наряду с появившимся позже в горах картофелем, являлись поставщиками углеводов. Содержание последних в хлебных злаках достигает 60-70 % [Фрумкин, Саровайская 1979: 155]. Мясные продукты служат в питании человека главными источниками полноценного белка (его содержание в мясе достигает 15-20 %). И, наконец, в молоке и молочных продуктах, также являвшихся одним из важнейших компонентов балкарской традиционной пищи, содержатся в оптимальном соотношении все необходимые для синтеза тканей компоненты – кальций, фосфор, углеводы животного происхождения [Фрумкин, Саровайская 1979: 158-159]. Таким образом, в условиях суровой горной среды балкарцы имели достаточно сбалансированный пищевой комплекс, способный обеспечивать восполнение энергозатрат и воспроизводство жизненных сил горского населения.

Определенные адаптивные черты можно проследить и в таком компоненте материальной культуры горцев как традиционное жилище. Понятно, что его конструктивные особенности главным образом должны были быть направлены на сохранение тепла при достаточно низких среднегодовых температурах в горной зоне Центрального Кавказа. «Для защиты от низких наружных температур и потерь тепла, – пишут М. А. Литтл и Дж. М. Ханна, – идеальной формой для дома (в условиях высокогорья – Г.Х.) должно являться плотное строение свободной конструкции с низким отношением площади поверхности к объему. Крыша должна быть хорошо изолирована, а стены сделаны из массивных материалов для смягчения резких колебаний температур в течение всего дня, которое происходит во всех высокогорных районах» [Литтл, Ханна 1981: 285].

Исследователь населения докапиталистических формаций М.С. Авербух также обращал внимание на то, что в средневековой Европе у сельских жителей «избы были тесные и низкие, чтобы удерживалось тепло в зимнее время, ибо освещались огнем с очага, лучиной, иногда смоляными факелами» [Авербух 1967: 140].

В балкарском традиционном жилище соблюдались вышеназванные конструктивные параметры, служащие для сохранения тепла – это были действительно плотные строения с низким отношением площади поверхности к объему, с хорошо изолированной крышей и стенами, сделанными, как правило, из массивных камней и, реже, из срубов. Кроме того, совокупность жилищ,

образовывавших поселение, располагалась обычно на более освещенных склонах.

Итак, сложившиеся в условиях высокогорной Балкарии биологический и хозяйственно-культурный адаптивные типы обеспечивали самосохранение, воспроизводство жизненных сил, а значит, и прирост народонаселения данной этнической общности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абаев 1992 – *Абаев М.К.* Балкария. Исторический очерк. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 40 с.

Авербух 1967 – *Авербух М.С.* Законы народонаселения докапиталистических формаций. – М.: Наука, 1967. – 207 с.

Агаджанян, Миррахимов 1970 – *Агаджанян Н.А., Миррахимов М.М.* Горы и резистентность организма. – М.: Наука, 1970. – 183 с.

Агаджанян, Торшин 1994 – *Агаджанян Н.А., Торшин В.И.* Экология человека. Избранные лекции. – М.: КРУК, 1994. – 256 с.

Алексеев 1975 – *Алексеев В.П.* Антропогеоценозы – сущность, типология, динамика // *Природа*. – 1975. – № 7. – С. 18-23.

Алексеев 1983 – *Алексеев В.П.* Очерки экологии человека. – М.: Наука, 1983. – 191 с.

Алексеева 1977 – *Алексеева Т.И.* Географическая среда и биология человека. – М.: Мысль, 1977. – 302 с.

Алексеева 1986 – *Алексеева Т.И.* Адаптивные процессы в популяциях человека. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 215 с.

Баранов 1894 – *Баранов Е.З.* Очерки из жизни горских татар Кабарды // *Терские ведомости*. – 1894. – № 141.

Бродель 1986 – *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв.: в 3-х т. – Т. 1. – Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.: Прогресс, 1986. – 622 с.

Геграев 2007 – *Геграев Х.К.* Особенности процессов естественного воспроизводства населения Балкарии в конце XIX – начале XX века // *Перспектива-2007: Материалы Международного конгресса студентов, аспирантов и молодых ученых*. – Нальчик: КБГУ, 2007. – Т.1. – С. 20-27.

Геграев, Каракетов 2014 – *Геграев Х.К., Каракетов М.Д.* Динамика численности населения // *Карачаевцы. Балкарцы*. – М.: Наука, 2014. – С. 11-18.

Грабовский 1870 – *Грабовский Н.Ф.* Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // *Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ)*: в 3-х т. Т. 3. – Тифлис, 1870 / Репринт. – М.: МНТПО «Адир». – 1992. – С. 1-28.

Гумилев 1993а – *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. – М.: Экопрос, 1993. – 576 с.

Гумилев 1993б – *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. – М.: «Мишель и К^о», 1993. – 499 с.

Далгат 1896 – *Далгат М.С.* Поездка к Чегемским ледникам Центрального Кавказа. – Владикавказ: [Б.и.], 1896. – 46 с.

Ёзден адет... 2001 – *Ёзден адет.* Этический кодекс аланского (карачаево-балкарского) народа / Составление и перевод М.Ч. Джуртубаева. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 832 с.

Имхоф 1990 – *Имхоф А.Э.* Планирование жизни на весь срок. Последствия увеличения и определенности жизненного пути за последние 300 лет // *Советская этнография*. – 1990. – № 5. – С. 65-83.

Иоганзен, Логачев 1981 – *Иоганзен Б.Г., Логачев Е.Д.* Некоторые теоретические вопросы проблемы адаптации человека // *Адаптация человека в различных климато-*

географических и производственных условиях. Тезисы докладов III Всесоюзной конференции: в 5-и т. Т. 3. Ашхабад, 8-10 декабря 1981 г. – Новосибирск: СО АМН СССР, 1981. – С. 163-164.

История народов... 1988 – *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.* – М.: Наука, 1988. – 544 с.

Калесник 1984 – *Калесник С.В.* Проблемы физической географии: Избран. труды. – Л.: Наука, 1984. – 288 с.

Караулов 1908 – *Караулов Н.А.* Болкары на Кавказе // Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа (СМОМПК). – Тифлис: [Б.и.], 1908. – Вып. 38. – С. 132-154.

Карачаево – балкарско... 1989 – *Карачаево – балкарско – русский словарь.* – М.: Русский язык, 1989. – 832 с.

Ковалевский, Миллер 1884 – *Ковалевский М., Миллер Вс.* В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. – СПб., 1884. – Кн. 4. – С. 540-549.

Козлов 1969 – *Козлов В.И.* Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. – М.: Наука, 1969. – 407 с.

Комарова 1991 – *Комарова О.Д.* Демографические аспекты этнической экологии // Этническая экология: теория и практика. – М.: Наука, 1991. – С. 44-77.

Кушнер 1951 – *Кушнер П.И. (Кнышев).* Этнические территории и этнические границы. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 278 с.

Литтл, Ханна 1981 – *Литтл М.А., Ханна Дж. М.* Реакции высокогорных популяций на воздействие холода и других стрессорных факторов // Биология жителей высокогорья – М.: Мир, 1981. – С. 276-329. [Little M.A., Hanna J.M. Cold Responses of High Altitude Populations IN: The Biology of High Altitude People. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1978]

Максимова 1979 – *Максимова Л.В.* Адаптация и акклиматизация // Окружающая среда и здоровье человека. – М.: Наука, 1979. – С. 52-59.

Максимова, Райх 1979 – *Максимова Л.В., Райх Е.Л.* Экстремальные природные условия жизни // Окружающая среда и здоровье человека. – М.: Наука, 1979. – С. 80-112.

Маркарян 1981 – *Маркарян Э.С.* Локальные исторические особенности культуры и процессы экологической адаптации // Вестник АН СССР. – 1981. – № 1. – С. 111-117.

Маркс, Энгельс 1955 – *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе: в 50-и т. Т. 3. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – С. 7-544.

Муратова 2007 – *Муратова Е.Г.* Поземельные отношения у балкарцев во второй половине XIX – нач. XX в. // Этнографическое обозрение. – 2007. – № 3. – С. 147-156.

Муратова 2010а – *Муратова Е.Г.* Изучение истории Северного Кавказа XIX – начала XX в. // Вопросы истории. – 2010. – № 5. – С. 160-169.

Муратова 2010b – *Муратова Е.Г.* Историческая география Северного Кавказа: этапы становления и тенденции развития // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 12. – С. 90-99.

Невская 1972 – *Невская В.П.* Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставропольского книж. изд-ва, 1972. – 216 с.

О происхождении... 1960 – *О происхождении балкарцев и карачаевцев* (Материалы научной сессии 1959 г. по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов). – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. – 334 с.

Османов 1996 – *Османов М.О.* Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. – Махачкала: ДНЦ РАН, 1996. – 316 с.

Сабанчиев 1989 – *Сабанчиев Х.-М.А.* Пореформенная Балкария в отечественной историографии. – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 231 с.

Текеев 1989 – *Текеев К.М.* Карачаевцы и балкарцы. Традиционная система жизнеобеспечения. – М.: Наука, 1989. – 447 с.

Тишков 1998 – *Тишков В.А.* Единство и многообразие культур (вводная статья) // Народы и религии мира: Энциклопедия. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. – 928 с.; – С. 5-14.

Тульчинский 1901 – *Тульчинский Н.П.* К земельному вопросу нагорной полосы Терской области // Терские ведомости. – 1901. – № 42.

Тульчинский 1903 – *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. – Вып. 5. – Владикавказ, 1903. – С. 167-200.

Фирсов 1988 – *Фирсов Б.М.* Этнос и экологическая культура // Общественные науки и современность. – 1988. – № 3. – С. 103-110.

Фрумкин, Саровайская 1979 – *Фрумкин П.А., Саровайская Л.И.* Питание и здоровье человека // Окружающая среда и здоровье человека. – М.: Наука, 1979. – С. 150-170.

Экологическая ниша... 1983 – *Экологическая ниша* – Земля. Материалы «круглого стола». Выступление Т.И. Алексеевой // Знание – сила. – 1983. – № 1. – С. 16-19.

Ямсков 1991 – *Ямсков А.Н.* Традиционное скотоводство и природная среда: культурно-экологические аспекты взаимодействия // Этническая экология: теория и практика. – М.: Наука, 1991. – С. 287-304.

REFERENCES

ABAEV M.K. *Balkariya. Istoricheskii ocherk* [Balkariya. Outline of history]. – Nal'chik: El'brus, 1992. – 40 p. (In Russian)

AGADZHANYAN N.A., MIRRAKHIMOV M.M. *Gory i rezistentnost' organizma* [Mountains and resistance of the body]. – М.: Nauka, 1970. –183 p. (In Russian)

AGADZHANYAN N.A., TORSHIN V.I. *Ekologiya cheloveka. Izbrannye lektsii* [Human ecology. Selected lectures]. – М.: KRUK, 1994. – 256 p. (In Russian)

ALEKSEEV V.P. *Antropogeotsenozy – sushchnost', tipologiya, dinamika* [Antropogeocoenosis – its essence, typology and dynamics]. IN: Priroda. – 1975. – No 7. – P. 18-23. (In Russian)

ALEKSEEV V.P. *Ocherki ekologii cheloveka* [Essays in human ecology]. – М.: Nauka, 1983. – 191 p. (In Russian)

ALEKSEEVA T.I. *Adaptivnye protsessy v populyatsiyakh cheloveka* [Adaptation processes in human populations]. – М.: Izd-vo MGU, 1986. – 215 p. (In Russian)

ALEKSEEVA T.I. *Geograficheskaya sreda i biologiya cheloveka* [Geographic environment human biology]. – М.: Mysl', 1977. – 302 p. (In Russian)

AVERBUKH M.S. *Zakony narodonaseleniya dokapitalisticheskikh formatsii* [Laws of population in pre-capitalist formations]. – М.: Nauka, 1967. – 207 p. (In Russian)

BARANOV E.Z. *Ocherki iz zhizni gorskikh tatar Kabardy* [Feature stories on living of mountain Tatars of Kabarda]. IN: Terskie vedomosti. – 1894. – No 141. (In Russian)

BRODEL F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm XV-XVIII vv.: v 3-kh t. – T. I. – Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Civilization and Capitalism, 15th-18th Century. In 3 volumes, Vol. 1. The Structures of Everyday Life: The Limits of the Possible]. – М.: Progress, 1986. – 622 p. (In Russian)

DALGAT M.S. *Poezdka k Chegemskim lednikam Tsentral'nogo Kavkaza* [The voyage to the glaciers of the Central Caucasus]. – Vladikavkaz: [B.i.], 1896. – 46 p. (In Russian)

Ekologicheskaya nisha – Zemlya. Materialy «kruglogo stola». Vystuplenie T.I. Alekseevoi [Ecological niche – The Earth. Proceedings of the “round table”. T.I. Alekseeva's speech]. IN: Znanie – sila. – 1983. – No 1. – P. 16-19. (In Russian)

Ezden adet. Eticheskii kodeks alanskogo (karachaevo-balkarskogo) naroda / Sostavlenie i perevod M.Ch. Dzhurtubaeva [Ezden adet. Ethical codex of Alan (Karachai-Balkar) people / Compiled and translated by M.Ch. Dzhurtubaev]. – Nal'chik: El'brus, 2001. – 832 p. (In Russian)

FIRSOV B.M. *Etnos i ekologicheskaya kul'tura* [Ethnos and ecological culture]. IN: Obshchestvennye nauki i sovremennost'. – 1988. – No 3. – P. 103-110. (In Russian)

FRUMKIN P.A., SAROVAISKAYA L.I. *Pitanie i zdorov'e cheloveka* [Nutrition and the health of a human]. IN: *Okruzhayushchaya sreda i zdorov'e cheloveka* [Environment and the health of a human]. – M.: Nauka, 1979. – P. 150-170. (In Russian)

GEGRAEV Kh.K. *Osobennosti protsessov estestvennogo vosproizvodstva naseleniya Balkarii v kontse XIX – nachale XX veka* [Characteristics of the Balkaria's population natural reproduction in the late 19th – early 20th century]. IN: *Perspektiva-2007: Materialy Mezhdunarodnogo kongressa studentov, aspirantov i molodykh uchennykh* [Perspectives – 2007: Proceedings of the International congress of students, postgraduates and young scientists]. – Nal'chik: KBGU, 2007. – T.1. – P. 20-27. (In Russian)

GEGRAEV Kh.K., KARAKETOV M.D. *Dinamika chislennosti naseleniya* [Dynamics of population]. IN: *Karachaevtsy. Balkartsy* [Karachais, Balkars]. – M.: Nauka, 2014. – P. 11-18. (In Russian)

GRABOVSKII N.F. *Ekonomicheskoe polozhenie byvshikh zavisimykh soslovii Kabardinskogo okruga* [Economic condition of former dependent estates of Kabardin district]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh (SSKG): v 3-kh t. T. 3.* [Collection of reports on Caucasian mountaineers (CRCM: In 3 vols. Vol. 3.)]. – Tiflis, 1870 / Reprint. – M.: MNTPO «Adir». – 1992. – P. 1-28. (In Russian)

GUMILEV L.N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. – M.: «Mishel' i Ko», 1993. – 499 p. (In Russian)

GUMILEV L.N. *Ritmy Evrazii: epokhi i tsivilizatsii* [Rhythms of Eurasia: Epochs and civilizations]. – M.: Ekopros, 1993. – 576 p. (In Russian)

IMKHOF A.E. *Planirovanie zhizni na ves' srok. Posledstviya uvelicheniya i opredelennosti zhiznennogo puti za poslednie 300 let* [Planning Full-Size Life Careers. Consequences of the Increase in the Length and Certainty of Our Life Spans over the Last Three Hundred Years]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1990. – No 5. – P. 65-83. (In Russian)

IOGANZEN B.G., LOGACHEV E.D. *Nekotorye teoreticheskie voprosy problemy adaptatsii cheloveka* [Some theoretical questions of the problem of human adaptation]. IN: *Adaptatsiya cheloveka v razlichnykh klimato-geograficheskikh i proizvodstvennykh usloviyakh. Tezisy dokladov III Vsesoyuznoi konferentsii: v 5-i t. T. 3. Ashkhabad, 8-10 dekabrya 1981 g.* [Human adaptation in different climatic-geographical and industrial conditions. Abstracts of the 3d All-union conference: In 5 vols. Vol. 3.]. – Novosibirsk: SO AMN SSSR, 1981. – P. 163-164. (In Russian)

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. [History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th Century]. – M.: Nauka, 1988. – 544 p. (In Russian)

KALESNIK S.V. *Problemy fizicheskoi geografii: Izbran. Trudy* [Problems of physical geography: Selected works]. – L.: Nauka, 1984. – 288 p. (In Russian)

Karachaevo – balkarsko – russkii slovar' [Karachai-Balkar-Russian dictionary]. – M.: Russkii yazyk, 1989. – 832 p. (In Russian)

KARAULOV N.A. *Bolkary na Kavkaze* [Bolkars in the Caucasus]. IN: *Sbornik materialov po opisaniyu mestnostei i plemen Kavkaza (SMOMPK)* [Collection of materials for the description of the localities and the peoples of the Caucasus]. – Tiflis: [B.i.], 1908. – Iss. 38. – P. 132-154. (In Russian)

KOMAROVA O.D. *Demograficheskie aspekty etnicheskoi ekologii* [Demographic aspects of the ethnic ecology]. IN: *Etnicheskaya ekologiya: teoriya i praktika* [Ethnic ecology: theory and practice]. – M.: Nauka, 1991. – P. 44-77. (In Russian)

KOVALEVSKII M., MILLER Vs. *V gorskikh obshchestvakh Kabardy* [In mountain societies of Kabarda]. IN: *Vestnik Evropy*. – SPb., 1884. – Book 4. – P. 540-549. (In Russian)

KOZLOV V.I. *Dinamika chislennosti narodov. Metodologiya issledovaniya i osnovnye factory* [Dynamics of population. Methodology of study and major factors]. – M.: Nauka, 1969. – 407 p. (In Russian)

KUSHNER P.I. (KNYSHEV). *Etnicheskie territorii i etnicheskie granitsy* [Ethnic territories and ethnic boundaries]. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1951. – 278 c. (In Russian)

LITTL M.A., KHANNA Dzh. M. *Reaktsii vysokogornyykh populyatsii na vozdeistvie kholoda i drugikh stressornykh faktorov* [Cold Responses of High Altitude Populations]. IN: *Biologiya zhitelei vysokogor'ya* [The Biology of High Altitude People]. – M.: Mir, 1981. – P. 276-329. (In Russian)

MAKSIMOVA L.V. *Adaptatsiya i akklimatizatsiya* [Adaptation and acclimatization]. IN: *Okruzhayushchaya sreda i zdorov'e cheloveka* [Environment and the health of the human]. – M.: Nauka, 1979. – P. 52-59. (In Russian)

MAKSIMOVA L.V., RAIKH E.L. *Ekstremal'nye prirodnye usloviya zhizni* [Extreme natural conditions of life]. IN: *Okruzhayushchaya sreda i zdorov'e cheloveka* [Environment and the health of the human]. – M.: Nauka, 1979. – P. 80-112. (In Russian)

MARKARYAN E.S. *Lokal'nye istoricheskie osobennosti kul'tury i protsessy ekologicheskoi adaptatsii* [Local historical features of culture and the processes of ecological adaptation]. IN: *Vestnik AN SSSR*. – 1981. – No 1. – P. 111-117. (In Russian)

MARKS K., ENGEL'S F. *Nemetskaya ideologiya* [German ideology]. IN: Marks K., Engel's F. *Sochineniya. Izdanie vtoroje: v 50-i t. T. 3* [The Works. 2d edition: in 50 vols. Vol. 3.]. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955. – P. 7-544. (In Russian)

MURATOVA E.G. *Istoricheskaya geografiya Severnogo Kavkaza: etapy stanovleniya i tendentsii razvitiya* [Historical geography of the North Caucasus: stages of formation and trends of development]. IN: *Nauchnye problemy gumanitarnyykh issledovaniy*. – 2010. – No 12. – P. 90-99. (In Russian)

MURATOVA E.G. *Izuchenie istorii Severnogo Kavkaza XIX – nachala XX v.* [The study of the history of the North Caucasus in the 19th – early 20th century]. IN: *Voprosy istorii*. – 2010. – No 5. – P. 160-169. (In Russian)

MURATOVA E.G. *Pozemel'nye otnosheniya u balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nach. XX v.* [Agrarian Relations among the Balkar during the Second Half of the Nineteenth – Early Twentieth Centuries]. IN: *Etnograficheskoe obozrenie*. – 2007. – No 3. – P. 147-156. (In Russian)

NEVSKAYA V.P. *Agrarnyi vopros v Karachae i Cherkessii v epokhu imperializma* [Agrarian question in Karachai and Circassia in the epoch of imperialism]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otd. Stavropol'skogo knizh. izd-va, 1972. – 216 p. (In Russian)

O proiskhozhdenii balkartsev i karachaevtsev (Materialy nauchnoi sessii 1959 g. po probleme proiskhozhdeniya balkarskogo i karachaevskogo narodov) [On the origins of the Karachais and Balkars (Proceedings of the 1959 scientific session on the problem of the origin of the Balkar and Karachai peoples)]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. – 334 p. (In Russian)

OSMANOV M.O. *Khozyaistvenno-kul'turnye tipy (arealy) Dagestana* [Economic-cultural types (areas) of Dagestan]. – Makhachkala: DNTs RAN, 1996. – 316 p. (In Russian)

SABANCHIEV Kh.-M.A. *Poreformennaya Balkariya v otechestvennoi istoriografii* [Post-reform Balkaria in domestic historiography]. – Nal'chik: El'brus, 1989. – 231 p. (In Russian)

TEKEEV K.M. *Karachaevtsy i balkartsy. Traditsionnaya sistema zhizneobespecheniya* [Karachais and Balkars. Traditional life supporting system]. – M.: Nauka, 1989. – 447 p. (In Russian)

TISHKOV V.A. *Edinstvo i mnogoobrazie kul'tur (vvodnaya stat'ya)* [Unity and diversity of cultures (introducing article)]. IN: *Narody i religii mira: Entsiklopediya* [The peoples and religions of the world: Encyclopedia]. – M.: Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya, 1998. – 928 p.; – P. 5-14. (In Russian)

TUL'CHINSKII N.P. *K zemel'nomu voprosu nagornoj polosy Terskoi oblasti* [To the land question in the highland strip of the Terek region]. IN: *Terskie vedomosti*. – 1901. – No 42. (In Russian)

TUL'CHINSKII N.P. *Pyat' gorskikh obshchestv Kabardy* [Five mountain societies of Kabarda]. IN: *Terskii sbornik*. – Iss. 5. – Vladikavkaz, 1903. – P. 167-200. (In Russian)

YAMSKOV A.N. *Traditsionnoe skotovodstvo i prirodnaya sreda: kul'turno-ekologicheskie aspekty vzaimodeistviya* [Traditional cattle-breeding and natural environment: cultural-ecological aspects of interaction]. IN: *Etnicheskaya ekologiya: teoriya i praktika* [Ethnic ecology: theory and practice]. – M.: Nauka, 1991. – P. 287-304. (In Russian)

УДК 323.2/324

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-1-131-156

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА, БЫТА И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ
ДАГЕСТАНА В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ*****Б.Б. БУЛАТОВ**

*ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»
367000, Россия, Республика Дагестан, Махачкала, ул. Гаджиева, д. 43-а
E-mail: dekanif@mail.ru*

А.И. ОСМАНОВ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории,
археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН
367030, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75
E-mail: osmanov1935@yandex.ru*

Р.И. СЕФЕРБЕКОВ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории,
археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН
367030, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75
E-mail: ruslan.seferbekov@yandex.ru*

Аннотация. С победой Российской Октябрьской революцией 1917 г. и установлением советской власти связаны процессы трансформации и модернизации хозяйства, быта и культуры народов Дагестана. Эти изменения коснулись таких сфер жизни, как хозяйственные занятия (земледелие и скотоводство, ремесла и промыслы, отходничество, дороги и транспорт, торговля), материальная культура (поселения, жилища, одежда, пища), семейный быт (формы брака, свадебные, родильные и похоронные обряды) и общественный быт (праздники и досуг, гостеприимство, взаимопомощь). В развитии бытовой культуры дагестанцев за годы советской власти прослеживаются три этапа трансформаций. Первый этап охватывает собой XIX в. – конец 1930-х годов – время, когда весь уклад общественной жизни в основном сохранял традиционные черты. Вместе с тем, именно в эти годы начинаются коренные преобразования в бытовой культуре дагестанцев. Исторически это связано с коллективизацией крестьянских хозяйств и созданием колхозов и совхозов. Второй этап выпадает на предвоенные и послевоенные годы – период интенсивной ломки традиционного быта и внедрения инноваций. Особенно сильное влияние на эти процессы оказали прибывшие в Дагестан русские специалисты, Великая Отечественная война, научно-техническая революция, процессы урбанизации. Третий этап охватывает вторую половину 1960-х – начало 1990 годов. В эти годы складываются основные черты современной бытовой культуры народов Дагестана при значительном сохранении традиций. Именно со второй половины 1960-х годов происходят важные события, повлиявшие на все стороны жизни дагестанцев и изменившие социальный облик села. С начала 1970-х годов эти изменения приобрели лавинообразный характер. Постсоветский период составил четвертый этап

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного отделением гуманитарных и общественных наук РФФИ научного проекта № 16-01-00038.

трансформаций. Авторы пришли к выводу, что происходившие в России за последние 100 лет революционные и эволюционные процессы прямо или косвенно отразились на элементах хозяйства, быта и культуры дагестанцев, полностью или частично видоизменив их. Несмотря на интенсивное внедрение инноваций в советское и, особенно в постсоветское время, современное городское и особенно сельское население Дагестана продолжает сохранять многие компоненты своей традиционной бытовой культуры.

Ключевые слова: Российская Октябрьская революция 1917 года; народы Дагестана; советский и постсоветский периоды; быт; культура; трансформации; модернизации.

TRANSFORMATION OF ECONOMY, EVERYDAY LIFE AND CULTURE OF THE PEOPLES OF DAGESTAN IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS*

B.B. BULATOV

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Dagestan State University»
367000, Russia, Republic of Dagestan, Makhachkala, Gadzhieva St., 43-a
E-mail: dekanif@mail.ru*

A.I. OSMANOV

*Federal State Budgetary Institution of Science «Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
367030, Russia, Republic of Dagestan, Makhachkala, M. Yaragsky st., 75
E-mail: osmanov1935@yandex.ru*

R.I. SEFERBEKOV

*Federal State Budgetary Institution of Science «Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences».
367030, Russia, Republic of Dagestan, Makhachkala, M. Yaragsky st., 75
E-mail: ruslan.seferbekov@yandex.ru*

Abstract. The processes of transformation and modernization of the economy, everyday life and culture of the peoples of Dagestan are connected with the victory of the Russian October Revolution of 1917 and the establishment of Soviet power. These changes have affected such spheres of life as economic activities (agriculture and cattle breeding, handicrafts and crafts, migrant working, roads and transport, trade), material culture (settlements, dwellings, clothing, food), family life (forms of marriage, wedding, maternity and funeral ceremonies) and social life (holidays and leisure, hospitality, mutual assistance). In the development of everyday culture of Dagestanis during the years of Soviet power, three stages of transformation are being traced. The first stage covers the 19th century – the end of the 1930s. In that time the whole way of social life basically preserved traditional features. With that, it was during these years when radical changes in the everyday culture of Dagestanis began to develop. Historically, this is due to the collectivization of peasant farms and the creation of collective and state farms. The second stage falls on the pre-

---

* The publication was prepared within the framework of the scientific project No. 16-01-00038, supported by the Department of Humanities and Social Sciences of the Russian Foundation for Basic Research

war and post-war years – a period of intense breakdown of traditional life and the introduction of innovations. Russian specialists who arrived in Dagestan, the Great Patriotic War, urbanization processes and scientific and technological revolution rendered especially strong influence on these processes. The third stage covers the second half of the 1960s and the early 1990s. In these years, the main features of the modern everyday culture of the peoples of Dagestan were being formed. Alongside with it essentially traditional aspects of life and culture were preserved. It was the second half of the 1960s when important changes affecting all spheres of living of Dagestanis began to develop. Since the early 1970s, these changes have become avalanche-like. All of that resulted in large-scale renewal of the social appearance of the Dagestan' village. The post-Soviet period constituted the fourth stage of transformations. The authors came to the conclusion that the revolutionary and evolutionary processes that took place in Russia over the past 100 years directly or indirectly affected the elements of the economy, life and culture of the Dagestanis, having completely or partially modified them. Despite the intensive introduction of innovations in the Soviet and, especially in post-Soviet times, the modern urban and especially rural population of Dagestan continues to preserve many components of its traditional domestic culture.

Key words: Russian October Revolution of 1917; peoples of Dagestan; Soviet and post-Soviet periods; way of life; culture; transformations; modernizations.

Введение

Октябрьская революция 1917 г. в России и последовавшие за ней гражданская война и военная интервенция 1917-1922 годов привели к установлению в 1920 г. советской власти в Дагестане. Это событие привело к замене парадигмы государственного и общественного строя в России: на смену царскому самодержавию (абсолютная монархия) пришла советская власть [История Дагестана... 2005: 61-80].

Как указывает Ю.А. Анчабадзе, «в истории Кавказа имели место, по крайней мере, два периода модернизационных трансформаций. Присоединение края к России дало мощный толчок к всесторонним инфраструктурным изменениям материальной и духовной культуры его народов, вовлечение их в европейский вектор цивилизационного развития. Второй период модернизационных трансформаций связан с периодом советских реформ 1920-1930-х и последующих годов, изменивших социально-экономическую и духовно-идеологическую природу кавказских социумов. Многие считают, что сегодня Кавказ переживает третий этап модернизации, связанный с развивающимися в планетарном масштабе процессами глобализации, информационной открытости и транскультурных взаимодействий» [Анчабадзе 2016: 6].

В литературе делались попытки рассмотреть процессы социально-культурного развития Северного Кавказа в целом в контексте последовательных «волн» российской модернизации XIX-XX вв. и обобщить советский опыт модернизации региона [Боров 2010а; Боров 2010б]. Предлагаемая статья географически сосредоточена на Дагестане, а предметно – на трансформациях хозяйства, быта и культуры народов Дагестана в советский и постсоветский периоды их истории.

Анализ трансформаций, происшедших в быту и культуре народов Дагестана за 74 года советской власти, привел нас к определенным выводам и обобщениям. Как мы считаем, за этот период в развитии бытовой культуры дагестанцев прослеживаются три этапа трансформаций [Османов, Сефербеков 2016: 286-296].

Первый этап охватывает собой XIX в. – конец 1930-х годов – время, когда весь уклад общественной жизни в основном сохранял традиционные черты. В 20-30-х годах начинаются коренные преобразования в формах общественного производства, хозяйственных занятиях и бытовой культуре дагестанцев. Исторически это связано с индустриальным развитием Дагестана [Гусейнов 2004], решением аграрного вопроса – земельно-водной реформой, коллективизацией крестьянских хозяйств, созданием колхозов [Османов 1989: 26-33] и совхозов [Искендеров 1989: 75-78], преобразованиями в сфере образования, науки и культуры [Каймаразов 2008: 117-269].

Второй этап выпадает на предвоенные и послевоенные годы – период интенсивной ломки традиционного быта и внедрения инноваций. Особенно сильное влияние на эти процессы оказали прибывшие в Дагестан русские специалисты [Гаджиев 1989: 48-52; Гусейнов 1989: 71-74], изменение социального положение женщины [Гаджиева 1989: 146-150] и вовлечение ее в общественное производство [Абдусаламова 1989: 66-70], рост образовательного уровня сельского населения [Мирзабеков 1989: 155-160], формирование местной интеллигенции [Каймаразов 2008: 138-145], Великая Отечественная война, выстраивание новых государственно-религиозных отношений [Абдулагатов 2006: 57-97, 135-176; Власть... 2007], научно-техническая революция, урбанизация.

Третий этап охватывает вторую половину 1960-х – начало 1990 гг. В эти годы складываются основные черты современной бытовой культуры народов Дагестана при значительном сохранении традиций. Именно со второй половины 60-х годов происходят важные события, повлиявшие на все стороны жизни дагестанцев и изменившие социальный облик села [Амирханова 2000]. С начала 1970-х годов эти изменения приобрели лавинообразный характер. К числу этих событий следует отнести планомерное переселение жителей селений Дагестана с гор на равнину [Османов 2000], преобразование большинства колхозов в совхозы [Искендеров, Талибова 2007: 85-102], землетрясения 1966 и 1970 гг., усиление коммуникативных связей, рост числа сельской молодежи, обучающихся в вузах, внедрение в сельский быт городских стандартов жизни.

Все эти процессы привели к количественным и качественным изменениям в структуре сельского и городского населения Дагестана [Алиева 1989: 133-137].

Постсоветский период составил уже четвертый этап [Булатов и др. 2004: 229].

Основная цель

Основной целью данного исследования является прослеживание влияния модернизационных и трансформационных процессов, порожденных революцией 1917 года, на хозяйственные занятия, быт и культуру народов Дагестана в советское и постсоветское время, а также фиксация их результатов.

Методы

Основу статьи составили, собранные авторами начиная с 1991 и по 2016 год, полевые этнографические материалы в городах и районах Республики Дагестан, а также литературные источники. Полевые материалы собирались методом экспедиционных исследований, опроса и анкетирования, индивидуального и группового интервьюирования респондентов.

Результаты

Традиционными отраслями хозяйства дагестанцев были земледелие и скотоводство, промыслы и ремесла. Следует отметить, что хозяйственные занятия дагестанцев были обусловлены их хозяйственно-культурным типом (ареалом), который в советское время подвергся определенной трансформации. В дореволюционном Дагестане существовали три исторически сложившихся хозяйственно-культурных ареала – равнинных земледельцев-скотоводов, горных (среднегорных) земледельцев и скотоводов, высокогорных скотоводов и земледельцев [Османов 1996: 122]. Каждому из них соответствовали определенные типы земледелия (равнинное плужное, среднегорное ральное террасное, высокогорное ральное склоновое) [Османов 2008: 367] и формы скотоводства (стационарные на равнине, отгонные в среднегорье, подвижные в высокогорье) [Османов 1990b: 221-236]. В советскую эпоху складываются новые хозяйственно-культурные типы (ареалы). Это «зоны нового времени» – «равнинный ареал плужного механизированного и ирригационного земледелия и стационарного молочно-мясного скотоводства, горный (с охватом среднегорья и высокогорья) отгонных скотоводов и земледельцев (незначительного земледелия, с долинным садоводством)» [Османов 2002: 20]. В постсоветское время складываются новые хозяйственно-культурные типы (ареалы) [Сефербеков 2016b: 260-263].

Изменения, произошедшие в формах хозяйствования в советское время, были связаны с коллективизацией крестьянских хозяйств и обобществлением сельскохозяйственного производства [Булатов 1973; Искендеров 1982; История советского... 1989].

В постсоветский период, в условиях перехода к рыночной экономике в качестве первоочередных задач были названы реорганизация колхозов и совхозов, ускоренная приватизация государственной собственности, развитие предпринимательства, создание условий для привлечения в аграрный сектор иностранных инвестиций. Аграрная реформа в России предусматривала комплексное переустройство агропромышленного производства, многоукладность сельского хозяйства, многообразие форм собственности на

землю и средства производства, государственный протекционизм в регулировании развития агропромышленного комплекса, его технико-технологическое переоснащение, развитие кооперации и интеграции. Однако количественные изменения – рост числа фермерских хозяйств и создание на базе колхозов и совхозов новых форм хозяйствования не смогли нейтрализовать разрушающего воздействия диспаритета цен, рыночной стихии, самоустранения государства от выполнения объективно присущих ему функций управления [Дагестан в период... 2002: 103-122; Ибрагимов 1997; Ибрагимов 2002; Фарманов, Фарманов 2014]. В результате аграрная реформа в Дагестане и России была провалена.

Промыслы и ремесла – вид домашнего кустарного производства и существенная форма дополнительного заработка к основному. Их развитие было обусловлено рядом причин общего для Дагестана характера. Расцвет и упадок отдельных видов ремесла и промыслов (ковры Южного Дагестана и ногайские узорные войлоки; камнеобработка с. Сутбук, гончарство сс. Испик, Сулевкент, Джули, Балхар; деревообработка сел. Унцукуль; металлообработка сел. Харбук, Амузги, Кубачи; бурочное производство сел. Рахата и др.) [Гаджалова 2016: 60-62; Рамазанова 2016] в советское и постсоветское время были связаны с причинами социально-экономического и политического характера: массовым распространением фабричной продукции, изменением рыночной конъюнктуры, складыванием новых потребностей населения, оскудением сырья.

Своеобразный вид промысла – институт отходничества, довольно рано зародившийся в Дагестане [Шигабудинов 2000: 7], получает «второе дыхание» со второй половины 1960-х годов, с изменением форм общественного производства [Сефербеков, Османов 1993: 83-84] и в постсоветский период в связи с ухудшением ситуации во всех сферах экономики депрессивного трудоизбыточного региона [Эскеров 1990; Эскеров 2000; Кутаев 2005].

Большую роль в развитии хозяйства и обменных отношений дагестанцев играли дороги и транспорт [Османов 1979: 110-133; Мансурова 2015]. Особенно большой прогресс в их развитии наблюдается в советское время и после распада СССР [Мусаева 2015: 29-33].

Полунатуральный тип хозяйства, незначительное развитие товарно-денежных отношений и отсутствие купечества обусловили слабое развитие торговли у дагестанцев в прошлом [Османов 2005: 62-68]. Увеличение торговой сети [Гаджиев 1979; Галбацов 2015: 25-28] и развитие потребительской кооперации [Искендеров, Булатов 2007] наблюдается в новейшее время.

В прошлом дагестанцы имели довольно развитый земледельческий календарь, свидетельствующий об их древних земледельческих традициях [Булатова 1999]. Традиционный календарь имел хождение до образования колхозов и совхозов, когда на смену ему пришел научный агрономический календарь. В последующие годы народный календарь имел ограниченное применение, в основном – в индивидуальном крестьянском хозяйстве. Игнорирование тысячелетнего эмпирического опыта народа и применение агрономического календаря без учета местных условий привело к

неблагоприятным результатам в области сельскохозяйственного производства, поставившим на повестку дня задачу возрождения традиционного календаря и применения его в совокупности с новейшими данными науки [Сефербеков 1993а: 55-56].

Тесно связаны с традиционным аграрным календарем обряды вызывания дождя и солнца [Мусаева 1987а: 99-104; Сефербеков 1992: 42-43], которые иллюстрируют прошлую производственно-хозяйственную жизнь народа, отражают его общественный быт, мировоззрение, взгляды на явления природы [Гаджиев 1991]. Большинство этих обрядов сохранялось в советское время, а многие существуют и поныне. Вследствие процессов складывания культурного синкретизма и наложения ислама на прежние верования и ритуалы, они воспринимаются населением как мусульманские религиозные обряды. Среди причин, способствующих живучести обрядов в наши дни, следует назвать сохраняющуюся зависимость крестьянских хозяйств от капризов стихии, силу традиций и менталитет дагестанцев, влияние религии и авторитета старейших, а также освобождение общественных отношений от идеологического диктата государства [Сефербеков 2017а: 378-383].

Поселения – один из важнейших элементов материальной культуры народов Дагестана. Поселения прошли большой путь в своем развитии. Каждая эпоха налагала свой отпечаток на облик села, меняя его социальную структуру. В прошлом существовало два типа поселений: вольно-общинный и феодально-зависимый. При выборе места для поселения учитывался ряд факторов, некоторые из которых впоследствии потеряли свое значение. Преобладающей формой поселения была кучевая. Основным типом расселения было селение с хуторами и отселками. В советское время произошли значительные изменения и прежде всего в типах и форме поселений. Тип поселения определялся как «советское село» [Османов 1988: 6-22]. Форма поселения являлась комбинированной: кучевая и горизонтальная. Совершенно новым явлением стало переселение части селений с гор на равнину [Сефербеков 1993b: 82-83]. Особенность новых поселений – укрупнение селений (особенно в районных центрах и в переселенческих селах). Еще одна особенность расселения новейшего времени – процесс слияния некоторых расположенных вблизи селений (например, в Шамильском, Хивском и Табасаранском районах). В силу ряда причин многие села в советское время были заброшены или обезлюдели. Однако в последние годы создаются реальные предпосылки (газификация, прокладка дорог с твердым покрытием, подведение интернета, водопровода в каждое жилище) для их возрождения. В городах Дагестана в постсоветское время получили развитие новые, более рациональные формы территориальной организации хозяйства в виде агломераций и территорий опережающего социально-экономического развития [Сефербеков 2017с: 223-225].

Наиболее тесно связано с экологией, хозяйственными занятиями, общественным и семейным бытом жилище народов Дагестана. Все виды традиционных сооружений делились на жилые и хозяйственные. Жилищно-хозяйственный комплекс включал в себя три группы помещений: жилье, хлев и сарай для сена. Преобладающим типом жилища было двухэтажное и несколько

меньшая доля приходилась на одноэтажные и многоэтажные дома. Неповторимый облик имели мечети и каменные сараи для сена, строившиеся, как и жилища, по единому канону [Любимова, Хан-Магомедов 1956].

В годы советской власти в жилище произошли большие изменения. Жилищно-хозяйственный комплекс состоял из дома с приусадебным участком и служебных помещений: кладовой (в доме), навеса и кухни, хлева и птичника, сараев для сена и дров (во дворе). В перечне типологических компонентов жилища главными оставались традиционные строительные материалы, этажность, формы планировки. Новым в жилище были некоторые строительные материалы, сочетание коридорной планировки с верандой и прихожей, стропильная кровля и, в отдельных случаях, баня. Из других элементов традиционными оставались лоджии, отдельные конструктивные особенности, в том числе и в интерьере, хлебопекарные устройства, сохранившие почти все свои типологические разновидности, природниковые сооружения и мельницы. Новыми стали многие отделочные материалы, стекло в окнах, филенчатые двери, дощатые полы, способы отопления и освещения, жилая и кухонная мебель, бытовая техника, советская символика фасада. Наиболее восприимчивым к новшествам оказалось жилище в переселенческих селах и районных центрах. Индивидуальные жилые строения в городах также заимствовали отдельные элементы национальной архитектуры [Будина, Шмелева 1991: 17-27].

Дальнейшие изменения в жилище происходят в постсоветский период [Сефербеков 2016а: 209-212]. Со второй половины 80-х годов XX века и по настоящее время сформировался новый тип городского жилища, который в наибольшей степени концентрирует в себе инновации в сфере строительных и отделочных материалов. Они коснулись конструкции дома и его приусадебного участка и затронули такие параметры, как площадь жилых и подсобных помещений (кладовая, кухня, ванная и туалет), высота потолков, размеры проемов окон и дверей, оформление подвала, чердака и крыши, устройство двора, забора, ворот, сада и огорода, придомовой территории. В постсоветское время под влиянием процессов урбанизации и глобализации, появления на рынке многих новых видов отечественных и зарубежных строительных и отделочных материалов происходит кардинальное изменение внешнего облика и интерьера жилища. При возведении с использованием самых современных технологий, строительных и отделочных материалов одно-, полутора-, двух- или трехэтажного индивидуального жилища основное внимание уделяется комфорту и соображениям престижа. Важную роль в организации интерьера играют его планировка и освещение. Основными средствами благоустройства интерьера жилого дома являются его оборудование и оснащение бытовыми приборами, меблировка современной мебелью.

Происходящие на протяжении последних 30 лет изменения в строительных материалах, методах строительства, конструкции, планировке, интерьере, отопительной системе, освещении, погоня за комфортом, ориентация на городской образец приводят к унификации и утере большинства элементов традиционного дагестанского жилища [Сефербеков 2017b: 254-259].

Все более широкое использование населением покупной муки привело к тому, что со второй половины 1980-х гг. большинство водяных мельниц в Дагестане перестали функционировать и разрушились. В настоящее время действующие мельницы (производство муки и *урбеча*) сохранились в сс. Агвали, Кванада, Хуштада, Тинди Цумадинского района, в с. Урчух Шамильского района, в с. Гергебиль Гергебильского района, в с. Согратль Гунибского района, в сс. Доронуб и Урух-сота Чародинского района, в с. Рахата Ботлихского района, в с. Тлярота Гумбетовского района, в с. Хосрех Кулинского района, в с. Хоредж Хивского района и в с. Кина Рутульского района и др.

Наименее устойчивый и наиболее изменчивый элемент материальной культуры дагестанцев – одежда, отражающая природные и хозяйственные условия жизни народа, его культурные традиции, этические нормы и эстетические вкусы. Традиционная одежда народов Дагестана была в своей основе однотипной с одеждой других народов Кавказа, что отражает их этническое родство, исторические и культурные связи и взаимовлияния [Булатова и др. 2001; Гаджиева 1981; Гаджиханова 2010]. В советское время в одежде произошли значительные изменения, связанные с распространением фабричной продукции, складыванием новых потребностей и стандартов жизни, которые привели к исчезновению большинства видов национальной одежды. Традиционный облик в одежде сохранялся в основном у представителей старших поколений и преимущественно у женщин и лиц, занятых в животноводстве. Сохранялись особенности в одежде, подчеркивающие семейное положение женщины. Существовали ограничения этического плана в одежде девушек. Проявили устойчивость и были широко распространены традиционные вязаные изделия и изделия из овчины. Модные типы одежды были характерны для молодежи. Определенное влияние национальных видов одежды испытывал и город. Например, среди городских модниц и сейчас популярно старинное парадное платье *кьабалай* с очень широкой юбкой без разрезов с глубокими складками спереди и сзади. Его очень редко одевают на выход, а чаще всего хранят как реликвию. Такой же популярностью у городских девушек и женщин пользуются старинные головные тонкие шелковые цветные платки *шал*, *келагъай*, *гульменди*, надеваемые в основном на выход.

Как считает З.У. Махмудова, «главным источником привнесения новых элементов в одежду народов СССР был аморфный универсализм урбанистического типа (сведение к минимуму индивидуальных, в том числе и этнокультурных особенностей человека)» [Махмудова 2016: 54].

С распадом СССР и ослаблением ограничений, связанных с выездом за границу, стали регулярными поездки дагестанцев за рубеж, в том числе и с целью приобретения одежды и других предметов быта. Появились новые виды и типы одежды. Особенно в молодежной среде сформировался особый тип моды, который можно охарактеризовать как «региональная дагестанская мода». Особую категорию молодежи составляет студенчество. Одним из элементов этой специфической субкультуры является костюм студента. За исключением

некоторых нюансов (ношение отдельных элементов дагестанского национального костюма дома или на свадьбе, неприятие татуажа, нейтральное или положительное отношение к ношению *хиджаба*) он практически не отличается от одежды сверстников из других регионов России – дагестанская молодежь в основном ориентируются на модные, стильные, брендовые типы западной моды.

В связи с развернувшимся демонтажем советской атеистической идеологии и своеобразным постсоветским религиозным ренессансом нельзя не отметить влияние ислама на одежду. В последние десятилетия у значительной части женского населения Дагестана популярна женская одежда, произведенная в соответствии с нормами исламского конфессионального «дресс-кода».

В сельской местности элементы традиционного национального костюма сохранились в качестве сезонной (джурабы и овчинные шубы) и свадебной (ругуджинки Гунибского района) одежды, а также у лиц, занятых в животноводстве (чабаны и пастухи) и женщин старших возрастов ряда районов республики (губденки Карабудахкентского района, цудахаринки Левашинского района, акушинки и балхарки Акушинского района, кубачинки Дахадаевского района, андийки Ботлихского района, гидатлинки Шамильского района).

Менее изменчивы и более консервативны пищевые пристрастия дагестанцев, которые были обусловлены многими факторами и прежде всего, хозяйственно-культурным типом. Значительное место в рационе питания занимали мучные [Османов 1990а: 111-133], молочные и мясные продукты. Ряд блюд, в результате этнокультурных взаимодействий, был заимствован дагестанцами у других народов. В то же время, имелись самобытные виды пищи. Пища являлась неотъемлемым компонентом календарных, семейных и общественных обрядов [Булатова 1990: 66-81]. При ее приготовлении применялась в основном традиционная утварь. С пищей были связаны многочисленные обряды, обычаи и верования. Наиболее сильное влияние на систему питания дагестанцев в дооктябрьский период оказали азербайджанская кухня (*бозбаиш*, *долма*, *птити* и др.) [Османов, Сефербеков 2017: 310-315], а также продукты (чай, сахар, алкогольные напитки, картофель и др.) и кухонная утварь (самовары, посуда и др.) российского производства. В годы советской власти улучшилась и значительно возросла общая культура питания. В результате интенсивного проникновения новых продуктов, блюд, напитков, способов приготовления и консервирования пищи, кухонной утвари и бытовой техники появилось много заимствований. Значительное влияние на внедрение новых типов и видов пищи оказали государственная торговля и общественное питание. Однако, несмотря на многочисленные инновации, основа и общая структура питания дагестанцев осталась традиционной и преобладала не только у сельского населения, но и у переселенцев [Традиционное и новое... 1988: 98-118]. К негативным инновациям, превратившимся в советское время в устойчивые традиции, следует отнести потребление алкогольных напитков и курение. Дальнейшие изменения в культуре питания народов Дагестана происходят в постсоветский период.

Со второй половины 80-х гг. XX века и особенно в постсоветское время становятся популярными у горожан и гостей республики и широко распространяются фастфуды (бистро), гастрономы, магазины кулинарии и выпечки, киоски, столовые, кафе, кафетерии, кофейни, рестораны, пабы, молочные, пивные, коктейль и гриль-бары, пиццерии, шаверны и банкетные залы, специализирующиеся на подаче блюд быстрого приготовления и еды из дагестанской, русской, европейской и азиатской кухонь. Для привлечения клиентов многие кафе и рестораны предлагают дополнительные услуги – караоке, кальян, бильярд, wi-fi. В 90-х гг. XX в. в сети общественного питания появились кухни, специализирующиеся на приготовлении и доставке пищи по заказам клиентов по месту работы или на дом. Большую популярность у населения республики приобрели магазины, закусочные, кафе и рестораны, торгующие продуктами, полуфабрикатами и готовящие пищу в соответствии с канонами ислама. Процесс всевозрастающего воздействия международного культурного и информационного обмена на социальную действительность привел к тому, что в последние десятилетия в пище горожан Дагестана получили такие несвойственные для традиционной дагестанской национальной кухни блюда, как запеченные в духовке с овощами и специями фаршированная баранья нога, индейка, утка и гусь с яблоками, мясо по-французски; курица, приготовленная на гриле и на углях; курица по-французски, по-фламандски, по-арабски; стейк и др. Рецепты некоторых блюд заимствуются из интернета.

В наибольшей степени внедрение этих новшеств наблюдается у горожан Дагестана. В Дагестане «города были центрами межэтнического общения, здесь происходило взаимовлияние культур, в том числе в такой сфере жизнеобеспечения, как питание. Сохраняя свою традиционную культуру питания, разные этнические группы горожан заимствовали некоторые элементы питания у других этнических групп» [Далгат 2015: 230]. Городская культура представляет собой сложную систему, синтезирующую «этнические традиции и урбанизированные формы» [Канукова 2013: 6]. Распространение унифицированной урбанизированной культуры стирает этническое своеобразие в материальной культуре. Однако в пище этническая специфика проявляет значительную устойчивость и сохраняется несравненно дольше, нежели в других сферах материальной культуры [Этнография питания... 1981: 5].

Изучение трансформационных процессов в пище населения Дагестана за последние 30 лет показало, что в современной системе и модели питания городского населения преобладает набор примерно одинаковых продуктов и блюд, внедрившихся в материальную культуру дагестанцев еще в советское время под влиянием русской урбанизированной культуры – фабричные хлебные изделия, борщ, супы, плов, каши, блюда из макаронных изделий, блины, оладьи, голубцы, котлеты, тефтели, компоты, соки, чай.

Национальный компонент в питании народов Дагестана проявляется в основном в дни праздников (весны и первой борозды, Ураза-байрам), свадеб, приеме гостей и (эпизодически) в повседневном быту. «Стержневые блюда и ритуальные понятия праздничной трапезы стали концептами, несущими широкий этнокультурный смысл и ориентированными не только в прошлое, как

акт памяти, но и в будущее, как акт консолидации и причастности к традиции» [Цаллагова 2016: 199]. В связи с этнокультурными взаимодействиями и взаимовлияниями, процессами урбанизации и глобализации в новейшее время наметилась тенденция к интернационализации системы питания горожан Дагестана [Булатов, Сефербеков 2016: 6-13].

Брак и свадебные обряды устойчивее других элементов народного быта сохраняют исторически сложившиеся особенности этнической культуры. В прошлом брачно-семейные отношения дагестанцев содержали многие черты, присущие большинству кавказских народов [Гаджиева 1985]. Некоторые прежние формы заключения брака (умыкание, люлечное обручение и др.) имели негативный характер. Из всей системы семейно-брачных отношений в наибольшей степени в советское время изменились именно формы заключения брака [Гаджиева 1988: 6-19], хотя отдельные из них сохранялись и в более позднее время. Брак заключался по взаимному согласию юноши и девушки при учете мнения их родителей. Он регистрировался как по гражданскому, так и религиозному обрядам. Получили дальнейшее развитие межнациональные браки. В основном сохранились почти все главные этапы, персонажи, обряды и обычаи традиционной дагестанской свадьбы. Бытовали отголоски различных магических верований и древних форм брака [Гаджиев 1986: 96-111]. В полной мере сохранялся обычай тухумной взаимопомощи, позволявший смягчать бремя материальных расходов. В советское время интенсивно внедрялись новые обычаи. Некоторые инновации («безалкогольные» и «комсомольские» свадьбы) не закрепились. Целый ряд новшеств (большое количество приглашаемых, возрастание пределов свадебного дарообмена [Смирнова 1980: 96-104], чрезмерное потребление алкоголя и др.) имел негативный оттенок. Основными причинами сохранения или исчезновения отдельных традиций, внедрения и закрепления инноваций являлись социально-экономические и культурно-бытовые изменения в общественной жизни, воздействовавшие на свадебный ритуал. Этнокультурные взаимодействия с другими народами также оказали значительное влияние на свадебную обрядность дагестанцев и отразились в музыке, песнях и танцах, одежде и пище. В последние годы советской власти тенденция к сокращению общей продолжительности и этапов проведения свадьбы привела к сокращению и объединению некоторых свадебных циклов. В наше время имеются реальные условия для возрождения некоторых самобытных элементов национальной свадьбы и изживания негативных инноваций [Алигаджиева 2015].

Целый ряд обрядов, обычаев и поверий были связаны с рождением ребенка и направлены на ограждение его и матери от «сглаза», «злых духов», разного рода болезней. Они были наполнены как магическим, так и рациональным смыслом [Мусаева 2006]. Почти все эти обряды сохранялись вплоть до начала 1970-х годов, что было обусловлено главным образом низким качеством медицинского обслуживания и высокой детской смертностью, малочисленностью медицинских работников и медучреждений на селе, невысокой общей медицинской культурой населения и слабым развитием социальной инфраструктуры. Меры, предпринятые правительством

республики, изменили положение дел в лучшую сторону: значительно снизилась детская смертность, увеличилось количество медицинских учреждений и медперсонала, почти все роды происходили в условиях больницы или с обязательным присутствием медработника, с беременными проводились консультации, а рожениц патронировали медсестры. Однако качество медицинского обслуживания в советское время продолжало оставаться невысоким, чем и объясняется живучесть обрядов, связанных с рождением ребенка. К ним прибегают и сейчас как к последнему средству, когда исчерпаны методы современной медицины, и она бессильна изменить ход болезни. Устойчиво сохраняется обряд обрезания «суннат», который в наше время по желанию родителей проводят в больничных условиях. Стали отмечать дни рождения детей. Рождение девочки не воспринимается так болезненно, как в прошлом. В советское время появилось много нетрадиционных имен [Бесаева 1976: 273-278].

Наиболее консервативные из обрядов семейного цикла – похоронные обряды. Они проводятся по мусульманским религиозным установлениям, с которыми переплетаются некоторые элементы домонотеистических верований [Гаджиев 1980: 29-46] и новые обычаи. Следы прежних верований обнаруживаются в надмогильных памятниках необычной для мусульман формы и символики, в помещении в могилу в некоторых случаях вещей, длительном бытовании обычая наряжать фруктового «деревца» на могилах безвременно умерших молодых людей, приметах, запретах и т.д. Доминирующую роль в похоронных обрядах играют исламские религиозные каноны, проявляющиеся в регламенте похоронного церемониала, языке богослужения, в продолжительности траура, сроках и порядке проведения поминок. В советское время, преимущественно со второй половины 1960-х годов, в похоронной обрядности закрепились новые обычаи. Наиболее наглядно они прослеживаются в оформлении памятника и могилы, а также при соблюдении траура [Сефербеков, Османов 1994: 30-31]. К отрицательным моментам похоронной обрядности следует отнести рост обременительных для родственников покойного расходов при похоронах и поминках, которые в некоторой степени смягчаются материальной помощью и моральной поддержкой со стороны родственников и сельского общества.

Гостеприимство – одна из традиций дагестанцев, сохраняющаяся и в наше время и ставшая элементом их нравственной характеристики. Постоянные экономические и культурные отношения дагестанцев с соседними кавказскими и иными народами привели к возникновению довольно развитого института гостеприимства. Дальнейшим развитием отношений гостеприимства являлись узы куначества. Формы и источники возникновения куначества были разнообразны [Лугуев 1980: 64-74]. Они еще более расширились в советское время в результате службы в армии, работе и учебе в населенных пунктах республики и страны.

Одним из элементов традиционного общественного быта также сохраняющимся и поныне, является обычай взаимопомощи [Мусаева 1987b: 126-131], который создает в сельском обществе свой особый микроклимат,

позволяя горцу чувствовать себя социально защищенным. Причинами возникновения этого обычая являлись низкий уровень развития производительных сил и уязвимость крестьянского хозяйства перед лицом стихийных бедствий и других невзгод. Виды, формы и сферы применения взаимопомощи были весьма разнообразны [Эльмурзаева 2008]. В форму взаимопомощи облекались и общественные работы. Основными причинами бытования многих видов и форм взаимопомощи в советское время являлись слабая техническая вооруженность крестьянского хозяйства при высокой доле ручного труда, нестабильность в обеспечении продуктами, топливом, стройматериалами, слабое развитие социальной инфраструктуры и т.д. С возрастанием применения средств транспорта и других механизмов сфера применения отдельных видов помощи сокращается. В некоторых видах и формах помощи принимали участие государственные учреждения. В большинстве случаев сельское общество и государство выступали равными партнерами при оказании помощи или выполнении общественных работ.

Неотъемлемой частью общественного быта дагестанцев являлись праздники и досуг. К числу общественных праздников относились традиционные календарные, религиозные и советские. Часть из них (праздники весны и первой борозды, сбора съедобных трав, уборки урожая) имела древнее происхождение, другие (праздник в честь Великой Октябрьской революции, советской армии и флота, международного дня женщин, солидарности трудящихся) – возникли и отмечались в советское время [Полищук 1987: 3-14]. Некоторые идеологизированные праздники в постсоветский период прекратили свое существование, в тоже время появились новые российские праздники. Большинство праздников тесно связано с хозяйственной деятельностью народов Дагестана и богато разнообразными играми и ритуалами, шутками и весельем. Ряд праздников последнего десятилетия направлен на возрождение национальных традиций и укрепление межнациональной дружбы [Булатов, Лугуев 2004]. Общей тенденцией праздничной календарной обрядности современного Дагестана является усиление позиций мусульманских религиозных праздников и ослабление позиций, а иногда игнорирование и прямой бойкот официальных (новых российских праздников), языческих (праздник первой борозды и весны), светских, христианских и нетрадиционных (Новый год, День Святого Валентина Хэллоуин, Фестиваль красок и др.) праздников. В тоже время дагестанцы в целом толерантно относятся к празднованию русскоязычным населением Дагестана христианских и иудейских праздников. Имеют своих сторонников возникшие как идеологические и перешедшие в новый российский праздничный календарь старые советские праздники (годовщины Великой Октябрьской революции, дни рождения В.И. Ленина и И.В. Сталина) [Сефербеков 2016с: 328-338].

Заключение

Таким образом, как это видно, происходившие в России за последние 100 лет революционные и эволюционные процессы прямо или косвенно отразились

на элементах хозяйства, быта и культуры дагестанцев, полностью или частично видоизменив их. Несмотря на интенсивное внедрение инноваций в советское и, особенно в постсоветское время, современное городское и прежде всего сельское население Дагестана продолжает сохранять многие компоненты своей традиционной бытовой культуры.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абдулагатов 2006 – *Абдулагатов З.М.* Проблемы и тенденции становления современных государственно-конфессиональных отношений в России (на примере православия и ислама). – Махачкала: ПБОЮЛ «Зулумханова», 2006. – 181 с.

Абдусаламова 1989 – *Абдусаламова Т.А.* Социализм и вовлечение горянок в общественное производство // Великий Октябрь в исторических судьбах народов Дагестана: Сборник статей / Отв. ред. Г.Ш. Каймаразов. – Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1989. – С. 66-70.

Алигаджиева 2015 – *Алигаджиева З.А.* Современная свадебная обрядность аварцев (традиции и инновации). – Махачкала: ФГБУН ИИАЭ ДНЦ РАН, 2015. – 210 с.

Алиева 1989 – *Алиева В.Ф.* Развитие народонаселения Дагестана за годы советской власти // Великий Октябрь в исторических судьбах народов Дагестана: Сборник статей / Отв. ред. Г.Ш. Каймаразов. – Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1989. – С. 133-137.

Амирханова 2000 – *Амирханова М.М.* Социальное развитие дагестанского села (70-е годы XX века) / Отв. ред. Г.А. Искендеров. – Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2000. – 112 с.

Анчабадзе 2016 – *Анчабадзе Ю.А.* От составителя // Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизации: Научный сборник, посвященный памяти Г.А. Сергеевой / Сост., отв. ред. Ю.А. Анчабадзе. – М.: Три квадрата, 2016. – С. 5-7.

Боров 2010а – *Боров А.Х.* «Волны» российских модернизаций XIX-XX вв. и социально-культурная эволюция народов Северного Кавказа // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2010. – № 6. – С. 45-50.

Боров 2010б – *Боров А.Х.* Проблемы социально-культурной модернизации Северного Кавказа: советский опыт // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – № 2. – С. 175-183.

Бесаева 1976 – *Бесаева Т.З.* Обряд наречения именем у некоторых народов Северного Кавказа // Ономастика Кавказа. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1976. – С. 273-278.

Будина, Шмелева 1991 – *Будина О.Р., Шмелева М.Н.* Значение города в интеграции бытовой культуры (по материалам русского города 1970-1980 гг.) // СЭ. 1991. – № 4. – С. 17-27.

Булатов и др. 2004 – *Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И.* Культура и быт табасаранцев в XIX-XX веках. – Махачкала: Эпоха, 2004 (ООО ИД Эпоха). – 266 с.

Булатов, Лугуев 2004 – *Булатов Б.Б., Лугуев С.А.* Очерки истории духовной культуры горцев Центрального Дагестана в XVIII-XIX веках. Изд. 2-е, доп. – Махачкала: [б.и.], 2004. – 232 с.

Булатов, Сефербеков 2016 – *Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И.* Изменение системы и модели питания горожан Дагестана в новейшее время (вторая половина 80-х гг. XX – начало XXI в.) // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2016. – Том. 31. – № 4. – С. 6-13.

Булатов 1973 – *Булатов Г.И.* Победа колхозного строя в Дагестане. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1973. – 177 с.

Булатова 1990 – *Булатова А.Г.* Пища в традиционных праздниках и обрядах народов горного Дагестана (XIX – нач. XX в.) // Система питания народов Дагестана (XIX-XX вв.). – Махачкала: Дагфилиал АН СССР, 1990. – С. 66-81.

- Булатова 1999 – *Булатова А.Г.* Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. – 288 с.
- Булатова и др. 2001 – *Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева А.Г.* Одежда народов Дагестана: Историко-этнографический атлас. – Пушино: [б.и.], 2001. – 203 с.
- Власть... 2007 – *Власть и мусульманская религия* в Дагестане (ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.): Документы и материалы / Отв. ред. Г.И. Какагасанов. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – 276 с.
- Гаджалова 2016 – *Гаджалова Ф.А.* Традиционный гончарный промысел Дагестана с Сулевкент: из истории народных художественных традиций второй половины XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 5. – С. 60-62.
- Гаджиев 1989 – *Гаджиев А.С.* Помощь русского народа в переходе народов Дагестана к социализму // Великий Октябрь в исторических судьбах народов Дагестана: Сборник статей / Отв. ред. Г.Ш. Каймаразов. – Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1989. – С. 48-52.
- Гаджиев 1979 – *Гаджиев Б.У.* Развитие государственной торговли. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1979. – 237 с.
- Гаджиев 1980 – *Гаджиев Г.А.* Пережитки древних представлений в похоронно-погребальных обрядах лезгин // Семейный быт народов Дагестана в XIX-XX вв. – Махачкала: Дагфилиал АН СССР, 1980. – С. 29-46.
- Гаджиев 1986 – *Гаджиев Г.А.* Магия в свадебной обрядности народов Нагорного Дагестана // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX – нач. XX в. – Махачкала: Дагфилиал АН СССР, 1986. – С. 96-111.
- Гаджиев 1991 – *Гаджиев Г.А.* Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. – М.: Наука, 1991. – 182 с.
- Гаджиева 1981 – *Гаджиева С.Ш.* Одежда народов Дагестана. – М.: Наука, 1981. – 151 с.
- Гаджиева 1985 – *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – нач. XX в. – М.: Наука, 1985. – 359 с.
- Гаджиева 1988 – *Гаджиева С.Ш.* Традиционное и новое в современной свадебной обрядности народов Дагестана // Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана. – Махачкала: Дагфилиал АН СССР, 1988. – С. 6-19.
- Гаджиева 1989 – *Гаджиева С.Ш.* Великий Октябрь в судьбах женщин Дагестана // Великий Октябрь в исторических судьбах народов Дагестана: Сборник статей / Отв. ред. Г.Ш. Каймаразов. – Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1989. – С. 146-150.
- Гаджиханова 2010 – *Гаджиханова Р.Г.* Дагестанский костюм. – Махачкала: Изд. дом «Эпоха», 2010. – 232 с.
- Галбацов 2015 – *Галбацов М.М.* Развитие розничных торговых сетей в формате современных торговых центров (на примере Республики Дагестан) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». – 2015. – № 4. – С. 25-28.
- Гусейнов 1989 – *Гусейнов М.Ш.* Братская помощь русского народа в индустриальном развитии республик Северного Кавказа в годы первых пятилеток // Великий Октябрь в исторических судьбах народов Дагестана: Сборник статей / Отв. ред. Г.Ш. Каймаразов. – Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1989. – С. 71-74.
- Гусейнов 2004 – *Гусейнов М.Ш.* Россия и индустриальное развитие Дагестана (конец XIX – 30-е гг. XX в.). – Махачкала: Издательство «Юпитер», 2004. – 375 с.
- Дагестан в период... 2002 – *Дагестан в период* социальных реформ / Отв. ред. А.К. Алиев. – Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2002. – 206 с.
- Далгат 2015 – *Далгат Э.М.* Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX начале – XX в. – Махачкала: Издательский дом «МавраевЪ», 2015. – 256 с.

- Ибрагимов 1997 – *Ибрагимов М.А.* АПК Дагестана и рыночные реформы. – Махачкала: Госкомиздат РД, 1997. – 111 с.
- Ибрагимов 2002 – *Ибрагимов М.А.* Организационно-экономическое реформирование АПК Дагестана. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2002. – 154 с.
- Искендеров 1982 – *Искендеров Г.А.* История совхозного строительства в Дагестане. 1920-1980 гг. – М.: Наука, 1982. – 185 с.
- Искендеров 1989 – *Искендеров Г.А.* Великий Октябрь и совхозное строительство в Дагестане (1920-1937 гг.) // Великий Октябрь в исторических судьбах народов Дагестана: Сборник статей / Отв. ред. Г.Ш. Каймаразов. – Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1989. – С. 75-78.
- Искендеров, Булатов 2007 – *Искендеров Г.А., Булатов Б.Б.* Кооперации Дагестана. – Махачкала: ДГУ, 2007. – 397 с.
- Искендеров, Талибова 2007 – *Искендеров Г.А., Талибова Д.Б.* Социально-экономическое развитие дагестанского села (1950-1985 гг.). – Махачкала: Издательство ДНЦ РАН, 2007. – 319 с.
- История Дагестана... 2005 – *История Дагестана с древнейших времен до наших дней.* В 2-х т. Т. 2. История Дагестана в XX веке / Отв. ред. А.И. Османов. – Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2005. – 664 с.
- История советского... 1989 – *История советского крестьянства Дагестана. 1917-1980 гг.:* в 2-х т. Т. 2. 1942-1980 гг. – Махачкала: Дагфилиал АН СССР, 1989. – 392 с.
- Каймаразов 2008 – *Каймаразов Г.Ш.* Россия и прогресс культуры народов Дагестана. Ч 1-3. Ч. 1. Конец XIX – 30-е годы XX в. – Махачкала: Планета Дагестан, 2008. – 274 с.
- Канукова 2013 – *Канукова З.В.* Город и традиционная культура жизнеобеспечения горожан Владикавказа (вторая половина XIX – нач. XX в.) // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. – СПб.: МАЭ РАН, 2013. – С. 6-37.
- Кутаев 2005 – *Кутаев Ш.К.* Фактор занятости в развитии экономики депрессивного региона. – Махачкала: Изд-во «Наука плюс», 2005. – 145 с.
- Лугуев 1980 – *Лугуев С.А.* Гостеприимство и куначество у лакцев (втор. пол. XIX – нач. XX в.) // Семейный быт народов Дагестана в XIX-XX вв. – Махачкала: Дагфилиал АН СССР, 1980. – С. 64-74.
- Любимова, Хан-Магомедов 1956 – *Любимова Г.Н., Хан-Магомедов С.О.* Народная архитектура Южного Дагестана. Табасаранская архитектура. – М.: Госстройиздат, 1956. – 104 с.
- Мансурова 2015 – *Мансурова А.Г.* Дороги и их роль в социально-экономическом и культурном развитии Дагестана во второй половине XIX – начале XX в. – Махачкала: Алеф, 2015. – 182 с.
- Махмудова 2016 – *Махмудова З.У.* Урбанистический универсализм и этнические традиции в женском костюме народов Дагестана (вторая половина XX – начало XXI в.) // Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизации: Научный сборник, посвященный памяти Г.А. Сергеевой / Сост., отв. ред. Ю.А. Анчабадзе. – М.: Три квадрата, 2016. – С. 48-73.
- Мирзабеков 1989 – *Мирзабеков М.Я.* Социализм и культурный прогресс дагестанского села // Великий Октябрь в исторических судьбах народов Дагестана: Сборник статей / Отв. ред. Г.Ш. Каймаразов. – Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1989. – С. 155-160.
- Мусаева 1987a – *Мусаева М.К.* Обряды вызывания дождя и солнца у хваршин в XIX – нач. XX в. // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. – Махачкала: Дагфилиал АН СССР, 1987. – С. 99-104.
- Мусаева 1987b – *Мусаева М.К.* Взаимопомощь и ее формы у хваршин // Вопросы общественного быта народов Дагестана в XIX – нач. XX в. – Махачкала: Дагфилиал АН СССР, 1987. – С. 126-131.
- Мусаева 2006 – *Мусаева М.К.* Традиционные обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей. – Махачкала: ИИАЭ, 2006. – 216 с.

Мусаева 2015 – *Мусаева П.М.* Организация функционирования и развития единого транспортно-логистического центра в Республике Дагестан // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». – 2015. – № 4. – С. 29-33.

Османов 1989 – *Османов А.И.* Великий Октябрь и решение аграрного вопроса в Дагестане // Великий Октябрь в исторических судьбах народов Дагестана: Сборник статей / Отв. ред. Г.Ш. Каймаразов. – Махачкала: Филиал АН СССР 1989. – С. 26-33.

Османов 2000 – *Османов А.И.* Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20-70-е годы XX в.). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2000. – 335 с.

Османов, Сефербеков 2016 – *Османов А.И., Сефербеков Р.И.* Влияние процессов модернизации на материальную культуру народов Дагестана (в новое и новейшее время) // Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Миротворческие процессы на Кавказе: уроки и перспективы (4-е Кадыровские чтения)», посвященной 65-летию со дня рождения первого Президента Чеченской Республики, Героя России А.А. Кадырова (г. Грозный, 8 сентября 2016 г.). – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2016. – С. 286-296.

Османов, Сефербеков 2017 – *Османов А.И., Сефербеков Р.И.* Влияние азербайджанской национальной кухни на культуру питания горожан Дагестана в советский и постсоветский периоды // FIRST INTERNATIONAL FORUM OF THE CAUCASUS STUDIES SCHOLARS 17-18 April, 2017, Baku: SCIENTIFIC PAPERS. – Baku: MTM Innovation, 2017. – С. 310-315.

Османов 1979 – *Османов М.-З.О.* К истории транспорта народов Дагестана XIX-нач. XX в. // Хозяйство народов Дагестана в XIX-XX вв.: (Этнографические исследования). – Махачкала: Дагфилиал АН СССР, 1979. – С. 110-133.

Османов 1988 – *Османов М.-З.О.* Поселения Дагестана в первой половине XIX в. (вопросы типологии) // Материальная культура народов Дагестана в XIX – нач. XX в. – Махачкала: Дагфилиал АН СССР, 1988. – С. 6-22.

Османов 1990b – *Османов М.-З.О.* Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX в. – М.: Наука, 1990. – 294 с.

Османов 2002 – *Османов М.-З.О.* Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана в советскую эпоху: Закономерности развития и трансформации, вымывание традиционных форм. – М.: Наука, 2002. – 220 с.

Османов 2005 – *Османов М.О.* Обмен и торговля в Дагестане в XIX в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2005. – № 3. – С. 62-68.

Османов 1990a – *Османов М.О.* Печеные и вареные мучные изделия и хлебопекарные устройства в Дагестане в XIX – нач. XX в. (типологические параллели и районирование) // Система питания народов Дагестана (XIX-XX вв.). – Махачкала: Дагфилиал АН СССР, 1990. – С. 111-133.

Османов 1996 – *Османов М.О.* Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана с древнейших времен до начала XX века. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1996. – 316 с.

Османов 2008 – *Османов М.О.* Традиционные типы и системы земледелия Дагестана в XIX – начале XX в. (С привлечением материалов по всему Кавказу). – Махачкала: Издательство ДНЦ РАН, 2008. – 482 с.

Полищук 1987 – *Полищук Н.С.* У истоков советских праздников // Советская этнография. – 1987. – № 6. – С. 3-14.

Рамазанова 2016 – *Рамазанова З.Б.* Традиционные промыслы и ремесла в Дагестане (XIX – нач. XX в.). – Махачкала: Алеф, 2016. – 168 с.

Сефербеков 2017a – *Сефербеков М.Р.* Традиционная культура народов Дагестана в условиях глобализации // Современная наука и инновации: Научный журнал. – 2017. – № 2 (18). – С. 378-383.

Сефербеков 1992 – *Сефербеков Р.И.* Обряды вызывания дождя и солнца у табасаранцев в XIX-XX вв. // Резюме докладов и выступлений Международной конференции «К новым подходам в отечественной этнологии». – Грозный [б.и.], 1992. – С. 42-43.

Сефербеков 1993а – *Сефербеков Р.И.* Традиционный сельскохозяйственный календарь табасаранцев // Тезисы докладов республиканской научной конференции молодых ученых Дагестана по проблемам гуманитарных наук (24-25 июня 1993 г.). – Махачкала: Изд-во ИПЦ ДГУ, 1993. – С. 55-56.

Сефербеков 1993б – *Сефербеков Р.И.* Последствия переселения части сел Табасара на с гор на равнину // Тезисы докладов конференции по итогам географических исследований в Дагестане. Вып. XXI. – Махачкала: Изд-во Даг. науч. Центра РАН, 1993. – С. 82-83.

Сефербеков, Османов 1993 – *Сефербеков Р.И., Османов М.О.* Особенности отходничества табасаранцев в дооктябрьский период и в советское время // Тезисы докладов конференции по итогам географических исследований в Дагестане. Вып. XXI. – Махачкала: Изд-во Даг. науч. Центра РАН, 1993. – С. 83-84.

Сефербеков, Османов 1994 – *Сефербеков Р.И., Османов М.О.* Традиционное и новое в похоронной обрядности табасаранцев // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Институтов ИАЭ и ЯЛИ в 1992-1993 гг. 31 мая – 1 июня 1994 г. – Махачкала: Изд-во Даг. науч. центра РАН, 1994. – С. 30-31.

Сефербеков 2016а – *Сефербеков Р.И.* Влияние процессов модернизации на эволюцию традиционного жилища народов Дагестана в советский и постсоветский периоды // Материалы международной научной конференции «Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа» (к 90-летию Ингушского научно-исследовательского института). Республика Ингушетия, г. Магас, 14-16 ноября 2016 г. – Магас: ГБУ «ИнгНИИ», 2016. – С. 209-212.

Сефербеков 2016б – *Сефербеков Р.И.* Влияние процессов модернизации на хозяйственно-культурный тип Дагестана в постсоветский период // Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти В.П. Дзагуровой: Сборник трудов. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2016. – Вып. XIV. – С. 260-263.

Сефербеков 2016с – *Сефербеков Р.И.* Праздничный календарь современного Дагестана // Материалы международной научной конференции «Кавказ на исторических переломах XIX-XX вв.: проблемы политической, социальной и интеллектуальной истории», посвященной 100-летию со дня рождения Г.А. Дзидзария. – Сухум: Дом печати, 2016. – С. 328-338.

Сефербеков 2017б – *Сефербеков Р.И.* Изменения в жилище горожан Дагестана в новейшее время (вторая половина 80-х гг. XX в. – начало XXI в.) // Материалы всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной памяти В.П. Дзагуровой. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2017. – Вып. XV. – С. 254-259.

Сефербеков 2017с – *Сефербеков Р.И.* Особенности развития городов Дагестана в постсоветский период: формирование агломераций // Четвертые Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Р.М. Магомедова: Сборник статей. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2017. – С. 223-225.

Смирнова 1980 – *Смирнова Я.С.* Свадебный дарообмен у народов Северного Кавказа и его современная модификация // Советская этнография. – 1980. – № 1. – С. 96-104.

Традиционное и новое... 1988 – *Традиционное и новое* в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. – М.: Наука, 1988. – 320 с.

Фарманов, Фарманов 2014 – *Фарманов Р.Ф., Фарманов М.Ф.* Развитие малых форм хозяйствования в аграрном секторе АПК. – М.: Изд-во «Перо», 2014. – 142 с.

Цаллагова 2016 – *Цаллагова З.Б.* Традиционная и ритуальная пища осетин // Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизации: Научный сборник, посвященный памяти Г.А. Сергеевой / Сост., отв. ред. Ю.А. Анчабадзе. – М.: Три квадрата, 2016. – С. 199-212.

- Шигабуудинов 2000 – *Шигабуудинов М.Ш.* Отходничество в Дагестане в конце XIX – начале XX в. – Махачкала: [б.и.], 2000. – 87 с.
- Эльмурзаева 2008 – *Эльмурзаева А.Д.* Обычай взаимопомощи у народов Дагестана в XIX – нач. XX в. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2008. – 126 с.
- Эскеров 1990 – *Эскеров Д.Б.* Региональные аспекты воспроизводства трудовых ресурсов. – М.: Наука, 1990. – 144 с.
- Эскеров 2000 – *Эскеров Д.Б.* Социально-экономические проблемы формирования рынка труда и управления занятостью в депрессивно-трудоизбыточном регионе. – Махачкала: Ин-т соц.-экон. исслед. Дагест. науч. центра РАН, 2000. – 312 с.
- Этнография питания... 1981 – *Этнография питания* народов стран зарубежной Азии: опыт сравнительной типологии / Отв. ред. С.А. Арутюнов. – М.: Наука, 1981. – 255 с.

REFERENCES

- ABDULAGATOV Z.M. *Problemy i tendentsii stanovleniya sovremennykh gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenii v Rossii (na primere pravoslaviya i islama)* [The problems and tendencies of forming of the modern relations between state and confessions in Russia (by the case of Orthodox Christianity and Islam)]. – Makhachkala: PBOYuL «Zulumkhanova», 2006. – 181 p. (In Russian)
- ABDUSALAMOVA T.A. *Sotsializm i вовлечение goryanok v obshchestvennoe proizvodstvo* [Socialism and the involvement of women into social production]. IN: *Velikii Oktyabr' v istoricheskikh sud'bakh narodov Dagestana: Sbornik statei* [The Great October in historical destinies of the peoples of Dagestan: collection of articles] / Ed. by G.Sh. Kaimarazov. – Makhachkala: Dagestanskii filial AN SSSR, 1989. – P. 66-70. (In Russian)
- ALIEVA V.F. *Razvitie narodonaseleniya Dagestana za gody sovetskoii vlasti* [Development of population of Dagestan during the years of Soviet power]. IN: *Velikii Oktyabr' v istoricheskikh sud'bakh narodov Dagestana: Sbornik statei* [The Great October in historical destinies of the peoples of Dagestan: collection of articles] / Ed. by G.Sh. Kaimarazov. – Makhachkala: Dagestanskii filial AN SSSR, 1989. – P. 133-137. (In Russian)
- ALIGADZHIEVA Z.A. *Sovremennaya svadebnaya obryadnost' avartsev (traditsii i innovatsii)* [Modern wedding rites of avars (traditions and innovations)]. – Makhachkala: FGBUN IAE DNTs RAN, 2015. – 210 p. (In Russian)
- AMIRKHANOVA M.M. *Sotsial'noe razvitie dagestanskogo sela (70-e gody XX veka)* [Social development of Dagestan' village (1970s)] / Ed. by G.A. Iskenderov. – Makhachkala: Institut istorii, arkheologii i etnografii DNTs RAN, 2000. – 112 p. (In Russian)
- ANCHABADZE Yu.A. *Ot sostavitelya* [Editor's note]. IN: *Narody Kavkaza: etnokul'turnye traditsii i modernizatsii: Nauchnyi sbornik, posvyashchennyi pamyati G.A. Sergeevoi* [The peoples of the Caucasus: traditions and modernizations. Collection of scientific works dedicated to the memory of G.F. Sergeeva] / Ed. by Yu.A. Anchabadze. – М.: Tri kvadrata, 2016. – P. 5-7. (In Russian)
- BESAEVA T.Z. *Obryad narecheniya imenem u nekotorykh narodov Severnogo Kavkaza* [The rite of naming among some peoples of the North Caucasus]. IN: *Onomastika Kavkaza* [Caucasian Onomastic]. – Makhachkala: Daguchpedgiz, 1976. – P. 273-278. (In Russian)
- BOROV A.Kh. *«Volny» rossiiskikh modernizatsii XIX-XX vv. i sotsial'no-kul'turnaya evolyutsiya narodov Severnogo Kavkaza* [“The waves” of Russian modernizations of 19-20 centuries socio-cultural evolution of the peoples of the North Caucasus]. IN: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki.* – 2010. – No. 6. – P. 45-50. (In Russian)
- BOROV A.Kh. *Problemy sotsial'no-kul'turnoi modernizatsii Severnogo Kavkaza: sovetskii opyt* [Problems of socio-cultural modernization of the North Caucasus: Soviet experience]. IN: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk.* – 2010. – No. 2. – P. 175-183. (In Russian)
- BUDINA O.R., SHMELEVA M.N. *Znachenie goroda v integratsii bytovoi kul'tury (po materialam russkogo goroda 1970-1980 gg.)* [The role of urban life in integrating domestic culture (by the case of Russian city of 1970-1980s)]. IN: *Sovetskaya etnografiya.* 1991. – No. 4. – P. 17-27. (In Russian)

BULATOV B.B., GASHIMOV M.F., SEFERBEKOV R.I. *Kul'tura i byt tabasarrantsev v XIX-XX vekakh* [Culture and mode of everyday life of tabasarans in 19-20 centuries]. – Makhachkala: Epokha, 2004 (OOO ID Epokha). – 266 p. (In Russian)

BULATOV B.B., LUGUEV S.A. *Ocherki istorii dukhovnoi kul'tury gortsev Tsentral'nogo Dagestana v XVIII-XIX vekakh* [Outlines of history of spiritual culture of the Central Dagestan highlanders in 18-19 centuries]. – Makhachkala: [b.i.], 2004. – 232 p. (In Russian)

BULATOV B.B., SEFERBEKOV R.I. *Izmenenie sistemy i modeli pitaniya gorozhan Dagestana v noveishee vremya (vtoraya polovina 80-kh gg. XX – nachalo XXI v.)* [Changes in the system and model of nutrition of the townspeople of Dagestan in contemporary times (the second half of the 1980s – early 21 century)]. IN: Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. – 2016. – Tom. 31. – No. 4. – P. 6-13. (In Russian)

BULATOV G.I. *Pobeda kolkhoznogo stroya v Dagestane* [Establishment of kolkhoz order in Dagestan]. – Makhachkala: Dagknigoizdat, 1973. – 177 p. (In Russian)

BULATOVA A.G. *Pishcha v traditsionnykh prazdnikakh i obryadakh narodov gornogo Dagestana (XIX – nach. XX v.)* [Food in traditional feasts and rites of the peoples of mountain Dagestan (19th – early 20th century)]. IN: *Sistema pitaniya narodov Dagestana (XIX-XX vv.)* [System of nutrition of the peoples of Dagestan (19-20 centuries)]. – Makhachkala: Dagfilial AN SSSR, 1990. – P. 66-81. (In Russian)

BULATOVA A.G. *Sel'skokhozyaistvennyi kalendar' i kalendarnye obychai i obryady narodov Dagestana* [Agricultural calendar and calendar customs and rites of Dagestan peoples]. – SPb.: «Peterburgskoe Vostokovedenie», 1999. – 288 p. (In Russian)

BULATOVA A.G., GADZHIEVA S.SH., SERGEEVA A.G. *Odezhda narodov Dagestana: Istoriko-etnograficheskii atlas* [Clothes of the peoples of Dagestan: historical-ethnographic atlas]. – Pushchino: [b.i.], 2001. – 203 p. (In Russian)

Dagestan v period sotsial'nykh reform [Dagestan in times of social reforms] / Ed. by A.K. Aliev. – Makhachkala: Institut istorii, arkheologii i etnografii DNTs RAN, 2002. – 206 p. (In Russian)

DALGAT E.M. *Gorod i gorodskaya zhizn' v Dagestane vo vtoroi polovine XIX nachale – XX v.* [City and city life in Dagestan in the second half of 19th – early 20th century]. – Makhachkala: Izdatel'skii dom «Mavraev''', 2015. – 256 p. (In Russian)

EL'MURZAEVA A.D. *Obychai vzaimopomoshchi u narodov Dagestana v XIX – nach. XX v.* [The custom of mutual assistance among the peoples of Dagestan in 19th – early 20th century]. – Makhachkala: IIAE DNTs RAN, 2008. – 126 p. (In Russian)

ESKEROV D.B. *Regional'nye aspekty vosproizvodstva trudovykh resursov* [Regional aspects of labor force reproduction]. – M.: Nauka, 1990. – 144 p. (In Russian)

ESKEROV D.B. *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy formirovaniya rynka truda i upravleniya zanyatost'yu v depressivno-trudoizbytochnom regione* [Socio-economic problems of the forming of labor market and employment administration in depressive and labor force excessive region]. – Makhachkala: In-t sots.-ekon. issled. Dagest. nauch. tsentra RAN, 2000. – 312 p. (In Russian)

Etnografiya pitaniya narodov stran zarubezhnoi Azii: opyt sravnitel'noi tipologii [Ethnography of nutrition of the peoples of overseas Asia countries: essay in comparative typology] / Ed. by S.A. Arutyunov. – M.: Nauka, 1981. – 255 p. (In Russian)

FARMANOV R.F., FARMANOV M.F. *Razvitie malykh form khozyaistvovaniya v agrarnom sektore APK* [Development of smaller forms of business entities in agricultural sector of agro-industrial complex]. – M.: Izd-vo «Per», 2014. – 142 p. (In Russian)

GADZHALOVA F.A. *Traditsionnyi goncharnyi promysel Dagestana s. Sulevkent: iz istorii narodnykh khudozhestvennykh traditsii vtoroi poloviny XX v.* [Dagestan traditional potter's craft of Sulevkent village: From the history of the folk artistic traditions of the second half of the 20th century]. IN: Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2016. – No. 5. – P. 60-62. (In Russian)

GADZHIEV A.S. *Pomoshch' russkogo naroda v perekhode narodov Dagestana k sotsializmu* [Assistance of Russian people in the transition of the peoples of Dagestan to socialism]. IN: *Velikii*

Oktyabr' v istoricheskikh sud'bakh narodov Dagestana: Sbornik statei [The Great October in historical destinies of the peoples of Dagestan: collection of articles] / Ed. by G.Sh. Kaimarazov. – Makhachkala: Dagestanskii filial AN SSSR, 1989. – P. 48-52. (In Russian)

GADZHIEV B.U. *Razvitie gosudarstvennoi torgovli* [Development of state trade system]. – Makhachkala: Dagknigoizdat, 1979. – 237 p. (In Russian)

GADZHIEV G.A. *Doislamskie verovaniya i obryady narodov Nagornogo Dagestana* [Pre-Islamic beliefs and rites of the peoples of Highland Dagestan]. – M.: Nauka, 1991. – 182 p. (In Russian)

GADZHIEV G.A. *Magiya v svadebnoi obryadnosti narodov Nagornogo Dagestana* [Magic and wedding rites of the peoples of highland Dagestan]. IN: *Brak i svadebnye obychai u narodov Dagestana v XIX – nach. XX v.* [Marriage and wedding customs of the peoples of Dagestan in 19th – early 20th century] – Makhachkala: Dagfilial AN SSSR, 1986. – P. 96-111. (In Russian)

GADZHIEV G.A. *Perezhitki drevnikh predstavlenii v pokhoronno-pogrebal'nykh obryadakh lezgin* [Vestiges of ancient ideas in funeral rites of lezgins]. IN: *Semeinyi byt narodov Dagestana v XIX-XX vv.* [Family life of the peoples of Dagestan in 19-20 centuries] – Makhachkala: Dagfilial AN SSSR, 1980. – P. 29-46. (In Russian)

GADZHIEVA S.Sh. *Odezhda narodov Dagestana* [Clothes of Dagestan peoples]. – M.: Nauka, 1981. – 151 p. (In Russian)

GADZHIEVA S.Sh. *Sem'ya i brak u narodov Dagestana v XIX – nach. XX v.* [Family and marriage of Dagestan peoples in XIXth – early XXth century]. – M.: Nauka, 1985. – 359 p. (In Russian)

GADZHIEVA S.Sh. *Traditsionnoe i novoe v sovremennoi svadebnoi obryadnosti narodov Dagestana* [Traditional and novel in modern wedding rites of the peoples of Dagestan]. IN: *Brak i svadebnye obychai narodov sovremennogo Dagestana* [Marriage and wedding customs of the peoples of modern Dagestan]. – Makhachkala: Dagfilial AN SSSR, 1988. – P. 6-19. (In Russian)

GADZHIEVA S.Sh. *Velikii Oktyabr' v sud'bakh zhenshchin Dagestana* [The Great October in the destinies of the women of Dagestan]. IN: *Velikii Oktyabr' v istoricheskikh sud'bakh narodov Dagestana: Sbornik statei* [The Great October in historical destinies of the peoples of Dagestan: collection of articles] / Ed. by G.Sh. Kaimarazov. – Makhachkala: Dagestanskii filial AN SSSR, 1989. – P. 146-150. (In Russian)

GADZHIKHANOVA R.G. *Dagestanskii kostyum* [Dagestania costume]. – Makhachkala: Izd. dom «Epokha», 2010. – 232 p. (In Russian)

GALBATSOV M.M. *Razvitie roznichnykh torgovykh setei v formate sovremennykh torgovykh tsentrov (na primere Respubliki Dagestan)* [The development of the retail trade networks in format of modern shopping centers (For example, the Republic of Dagestan)]. IN: *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Obshchestvennye i gumanitarnye nauki»*. – 2015. – No. 4. – P. 25-28. (In Russian)

GUSEINOV M.Sh. *Bratskaya pomoshch' russkogo naroda v industrial'nom razvitii respublik Severnogo Kavkaza v gody pervykh pyatiletok* [Fraternal assistance of Russian people in industrial development of the North Caucasus republics in the years of first five-years plans]. IN: *Velikii Oktyabr' v istoricheskikh sud'bakh narodov Dagestana: Sbornik statei* [The Great October in historical destinies of the peoples of Dagestan: collection of articles] / Ed. by G.Sh. Kaimarazov. – Makhachkala: Dagestanskii filial AN SSSR, 1989. – P. 71-74. (In Russian)

GUSEINOV M.Sh. *Rossiya i industrial'noe razvitie Dagestana (konets XIX – 30-e gg. XX v.)* [Russia and the industrial development of Dagestan (late 19th century – 1930s)]. – Makhachkala: Izdatel'stvo «Yupiter», 2004. – 375 p. (In Russian)

IBRAGIMOV M.A. *APK Dagestana i rynochnye reformy* [Dagestan's agro-industrial complex and market-oriented reforms]. – Makhachkala: Goskomizdat RD, 1997. – 111 p. (In Russian)

IBRAGIMOV M.A. *Organizatsionno-ekonomicheskoe reformirovanie APK Dagestana* [Organizational and economic reforming of agro-industrial complex of Dagestan]. – Makhachkala: IPTs DGU, 2002. – 154 p. (In Russian)

ISKENDEROV G.A. *Istoriya sovkhoznogo stroitel'stva v Dagestane. 1920-1980 gg.* [History of sovkhos-building in Dagestan. 1920s – 1980s]. – M.: Nauka, 1982. – 185 p. (In Russian)

ISKENDEROV G.A. *Velikii Oktyabr' i sovkhosnoe stroitel'stvo v Dagestane (1920-1937 gg.)* [The Great October and sovkhos-building in Dagestan]. IN: *Velikii Oktyabr' v istoricheskikh sud'bakh narodov Dagestana: Sbornik statei* [The Great October in historical destinies of the peoples of Dagestan: collection of articles] / Ed. by G.Sh. Kaimarazov. – Makhachkala: Dagestanskii filial AN SSSR, 1989. – P. 75-78. (In Russian)

ISKENDEROV G.A., BULATOV B.B. *Kooperatsii Dagestana* [Cooperation in Dagestan]. – Makhachkala: DGU, 2007. – 397 p. (In Russian)

ISKENDEROV G.A., TALIBOVA D.B. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie dagestanskogo sela (1950-1985 gg.)* [Socio-economic development of dagestanian village]. – Makhachkala: Izdatel'stvo DNTs RAN, 2007. – 319 p. (In Russian)

Istoriya Dagestana s drevneishikh vremen do nashikh dnei. V 2-kh t. T. 2. Istoriya Dagestana v XX veke [History of Dagestan from ancient times to our days. 2 Vols. Vol. 2. History of Dagestan in 20th century] / Ed. by A.I. Osmanov. – Makhachkala: Izd-vo «Yupiter», 2005. – 664 p. (In Russian)

Istoriya sovetskogo krest'yanstva Dagestana. 1917-1980 gg.: v 2-kh t. T. 2. 1942-1980 gg. [History of Dagestan's soviet peasantry. 2 Vols. Vol. 2. 1942-1980.]. – Makhachkala: Dagfilial AN SSSR, 1989. – 392 p. (In Russian)

KAIMARAZOV G.Sh. *Rossiya i progress kul'tury narodov Dagestana. Ch 1-3. Ch. 1. Konets XIX – 30-e gody XX v.* [Russia and the progress of culture of the peoples of Dagestan. Ch. 1-3. Ch. 1. The late 19th century – 1930s]. – Makhachkala: Planeta Dagestan, 2008. – 274 p. (In Russian)

KANUKOVA Z.V. *Gorod i traditsionnaya kul'tura zhizneobespecheniya gorozhan Vladikavkaza (vtoraya polovina XIX – nach. XX v.)* [City and traditional culture of life support of the citizens of Vladikavkaz (second half of the 19th – early 20th century)]. IN: *Kavkazskii gorod: potentsial etnokul'turnykh svyazei v urbanisticheskoi srede* [Caucasian city: potentialities of ethno-cultural linkages in urban environment]. – SPb.: MAE RAN, 2013. – P. 6-37. (In Russian)

KUTAEV Sh.K. *Faktor zanyatosti v razvitii ekonomiki depressivnogo regiona* [Factor of employment in the development of the economy of depressive region]. – Makhachkala: Izd-vo «Nauka plus», 2005. – 145 p. (In Russian)

LUGUEV S.A. *Gostepriimstvo i kunachestvo u laktsev (vtor. pol. XIX – nach. XX v.)* [Hospitality and kunak relations among the laks (second half of 19th – early 20th century)]. IN: *Semeinyi byt narodov Dagestana v XIX-XX vv.* [Family life of the peoples of Dagestan in 19th – 20th centuries] – Makhachkala: Dagfilial AN SSSR, 1980. – P. 64-74. (In Russian)

LYUBIMOVA G.N., KHAN-MAGOMEDOV S.O. *Narodnaya arkhitektura Yuzhnogo Dagestana. Tabasaranskaya arkhitektura* [Popular architecture of Southern Dagestan. Tabasaran architecture]. – M.: Gosstroizdat, 1956. – 104 p. (In Russian)

MAKHMUDOVA Z.U. *Urbanisticheskii universalizm i etnicheskie traditsii v zhenskom kostyume narodov Dagestana (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.)* [Urbanite universalism and ethnic traditions in women' garb of the peoples of Dagestan (second half of the 20th – early 21 century)]. IN: *Narody Kavkaza: etnokul'turnye traditsii i modernizatsii: Nauchnyi sbornik, posvyashchennyi pamyati G.A. Sergeevoi* [The peoples of the Caucasus: traditions and modernizations. Collection of scientific works dedicated to the memory of G.F. Sergeeva] / Ed. by Yu.A. Anchabadze. – M.: Tri kvadrata, 2016. – P. 48-73. (In Russian)

MANSUROVA A.G. *Dorogi i ikh rol' v sotsial'no-ekonomicheskom i kul'turnom razvitii Dagestana vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [The roads and their role in socio-economic and cultural development of Dagestan in the second half of 19th – early 20th century]. – Makhachkala: Alef, 2015. – 182 p. (In Russian)

MIRZABEKOV M.Ya. *Sotsializm i kul'turnyi progress dagestanskogo sela* [Socialism and the cultural progress of dagestanian village]. IN: *Velikii Oktyabr' v istoricheskikh sud'bakh narodov Dagestana: Sbornik statei* [The peoples of the Caucasus: traditions and modernizations. Collection of scientific works dedicated to the memory of G.F. Sergeeva] / Ed. by G.Sh. Kaimarazov. – Makhachkala: Dagestanskii filial AN SSSR, 1989. – P. 155-160. (In Russian)

MUSAEVA M.K. *Obryady vyzyvaniya dozhdya i solntsa u khvarshin v XIX – nach. XX v.* [Khvarshins' rites for calling forth the rain and/or the sun in 19th – early 20th century]. IN: *Kalendar' i*

- kalendarnye obryady narodov Dagestana* [Calendar and calendar rites of the peoples of Dagestan]. – Makhachkala: Dagfilial AN SSSR, 1987. – P. 99-104. (In Russian)
- MUSAEVA M.K. *Traditsionnye obychai i obryady, svyazannye s rozhdeniem i vospitaniem detei* [Traditional rites relating to child birth and parenting]. – Makhachkala: IIAE, 2006. – 216 p. (In Russian)
- MUSAEVA M.K. *Vzaimopomoshch' i ee formy u khvarshin* [Mutual assistance of khvarshins and its forms]. IN: *Voprosy obshchestvennogo byta narodov Dagestana v XIX – nach. XX v.* [Questions of social life of the peoples of Dagestan in 19th – early 20th century]. – Makhachkala: Dagfilial AN SSSR, 1987. – P. 126-131. (In Russian)
- MUSAEVA P.M. *Organizatsiya funktsionirovaniya i razvitiya edinogo transportno-logisticheskogo tsentra v Respublike Dagestan* [The organization of functioning and developing of the united transport and logistic center in the Republic of Dagestan]. IN: *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Obshchestvennye i gumanitarnye nauki»*. – 2015. – No. 4. – P. 29-33. (In Russian)
- OSMANOV A.I. *Agrarnye preobrazovaniya v Dagestane i pereselenie gortsev na ravninu (20-70-e gody XX v.)* [Agrarian reforms in Dagestan and relocation of mountaineers to the flatland]. – Makhachkala: IIAE DNTs RAN, 2000. – 335 p. (In Russian)
- OSMANOV A.I. *Velikii Oktyabr' i reshenie agrarnogo voprosa v Dagestane* [The Great October and the solution of agrarian question in Dagestan]. IN: *Velikii Oktyabr' v istoricheskikh sud'bakh narodov Dagestana: Sbornik statei* [The Great October in historical destinies of the peoples of Dagestan: collection of articles] / Ed. by G.Sh. Kaimarazov. – Makhachkala: Filial AN SSSR 1989. – P. 26-33. (In Russian)
- OSMANOV A.I., SEFERBEKOV R.I. *Vliyanie azerbaidzhanskoi natsional'noi kukhni na kul'turu pitaniya gorozhan Dagestana v sovetskii i postsovetskii periody* [Influence of Azerbaidzhan national cuisine on the nutrition culture of the Dagestan townspeople in soviet and post-soviet periods]. IN: *FIRST INTERNATIONAL FORUM OF THE CAUCASUS STUDIES SCHOLARS 17-18 April, 2017, Baku: SCIENTIFIC PAPERS*. – Baku: MTM Innovation, 2017. – P. 310-315. (In Russian)
- OSMANOV A.I., SEFERBEKOV R.I. *Vliyanie protsessov modernizatsii na material'nuyu kul'turu narodov Dagestana (v novoe i noveishee vremya)* [Influence of modernization processes on material culture of the peoples of Dagestan]. IN: *Sbornik materialov vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Mirotvorcheskie protsessy na Kavkaze: uroki i perspektivy (4-e Kadyrovskie chteniya)», posvyashchennoi 65-letiyu so dnya rozhdeniya pervogo Prezidenta Chechenskoi Respubliki, Geroya Rossii A.A. Kadyrova (g. Grozny, 8 sentyabrya 2016 g.)* [Proceedings of all-Russia scientific and practical conference with international participation “Peacemaking processes in the Caucasus: lessons and prospects (Fourth Kadyrov readings)”, dedicated to 65th anniversary of the first President of Chechen Republic (Grozny, September 8, 2016)]. – Grozny: Izd-vo AN ChR, 2016. – P. 286-296. (In Russian)
- OSMANOV M.O. *Khozyaistvenno-kul'turnye tipy (arealy) Dagestana s drevneishikh vremen do nachala XX veka* [Economic-cultural types (areas) of Dagestan from ancient times to the early 20th century]. – Makhachkala: IIAE DNTs RAN, 1996. – 316 p. (In Russian)
- OSMANOV M.O. *Obmen i trgovlya v Dagestane v XIX v.* [Exchange and trade in Dagestan in 19th century]. IN: *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii*. – 2005. – No. 3. – P. 62-68. (In Russian)
- OSMANOV M.O. *Pechenye i varenye muchnye izdeliya i khlebopekarnye ustroystva v Dagestane v XIX – nach. XX v. (tipologicheskie paralleli i raionirovanie)* [Baked and boiled flour products and bakery devices in Dagestan in 19th – early 20th century]. IN: *Sistema pitaniya narodov Dagestana (XIX-XX vv.)* [System of nutrition of the peoples of Dagestan]. – Makhachkala: Dagfilial AN SSSR, 1990. – P. 111-133. (In Russian)
- OSMANOV M.O. *Traditsionnye tipy i sistemy zemledeliya Dagestana v XIX – nachale XX v. (S privilecheniem materialov po vsemu Kavkazu)* [Traditional types and systems of agriculture in Dagestan in 19th – early 20th century]. – Makhachkala: Izdatel'stvo DNTs RAN, 2008. – 482 p. (In Russian)

OSMANOV M.-Z.O. *Formy traditsionnogo skotovodstva narodov Dagestana v XIX – nachale XX v.* [Forms of traditional cattle breeding of the peoples of Dagestan in 19th – early 20th century]. – M.: Nauka, 1990. – 294 p. (In Russian)

OSMANOV M.-Z.O. *K istorii transporta narodov Dagestana XIX-nach. XX v.* [To the history of transportation of the peoples of Dagestan in 19th – early 20th century]. IN: *Khozyaistvo narodov Dagestana v XIX-XX vv.: (Etnograficheskie issledovaniya)* [Economy of the peoples of Dagestan in 19th – early 20th century (Ethnographic studies)]. – Makhachkala: Dagfilial AN SSSR, 1979. – P. 110-133. (In Russian)

OSMANOV M.-Z.O. *Khozyaistvenno-kul'turnye tipy (arealy) Dagestana v sovetskuyu epokhu: Zakonomernosti razvitiya i transformatsii, vmyvaniye traditsionnykh form* [Economic-cultural types (areas) of Dagestan in the soviet epoch: Patterns of development and transformations, erosion of traditional forms]. – M.: Nauka, 2002. – 220 p. (In Russian)

OSMANOV M.-Z.O. *Poseleniya Dagestana v pervoi polovine XIX v. (voprosy tipologii)* [Settlements in Dagestan in the first half of 19th century (problems of typology)]. IN: *Material'naya kul'tura narodov Dagestana v XIX – nach. XX v.* [Material culture of the peoples of Dagestan in 19th – early 20th century]. – Makhachkala: Dagfilial AN SSSR, 1988. – P. 6-22. (In Russian)

POLISHCHUK N.S. *U istokov sovetskikh prazdnikov* [At the beginnings of soviet feasts]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1987. – No. 6. – P. 3-14. (In Russian)

RAMAZANOVA Z.B. *Traditsionnye promysly i remesla v Dagestane (XIX – nach. XX v.)* [Traditional trades and crafts in Dagestan (19th – early 20th century)]. – Makhachkala: Alef, 2016. – 168 p. (In Russian)

SEFERBEKOV M.R. *Traditsionnaya kul'tura narodov Dagestana v usloviyakh globalizatsii* [The traditional culture of the peoples of Dagestan in conditions of globalization]. IN: *Sovremennaya nauka i innovatsii: Nauchnyi zhurnal*. – 2017. – No. 2 (18). – P. 378-383. (In Russian)

SEFERBEKOV R.I. *Izmeneniya v zhilishche gorozhan Dagestana v noveishee vremya (vtoraya polovina 80-kh gg. XX v. – nachalo XXI v.)* [Changes in housing of Dagestan townspeople in contemporary time (second half of the 1980s early 21 century)]. IN: *Materialy vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati V.P. Dzagurovoi* [Proceedings of all-Russia scientific and practical conference, dedicated to the memory of V.P. Dzagurova]. – Makhachkala: Izd-vo DGU, 2017. – Vyp. XV. – C. 254-259. (In Russian)

SEFERBEKOV R.I. *Obryady vyzvaniya dozhdya i solntsa u tabasarantsev v XIX-XX vv.* [Tabasarans' rites for calling forth the rain and/or the sun in 19th – 20th centuries]. IN: *Rezyume dokladov i vystuplenii Mezhdunarodnoi konferentsii «K novym podkhodam v otechestvennoi etnologii»* [Digest of papers and remarks at international conference “Towards the new approaches in domestic ethnology”]. – Groznyi [b.i.], 1992. – P. 42-43. (In Russian)

SEFERBEKOV R.I. *Osobennosti razvitiya gorodov Dagestana v postsovetskii period: formirovaniye aglomeratsii* [Features of the development of the cities of Dagestan in post-soviet period: forming of agglomerations]. IN: *Chetvertye Vserossiiskie (s mezhdunarodnym uchastiem) istoriko-etnograficheskie chteniya, posvyashchennye pamyati professora R.M. Magomedova: Sbornik statei* [The Fourth all-Russia (with international participation) historical-ethnographic readings, dedicated to the memory of professor R.M. Magomedov: Collection of articles]. – Makhachkala: Izd-vo DGU, 2017. – P. 223-225. (In Russian)

SEFERBEKOV R.I. *Posledstviya pereseleniya chasti sel Tabasarana s gor na ravninu* [Consequences of relocation of some Tabasaran villages from the mountains to flatland]. IN: *Tezisy dokladov konferentsii po itogam geograficheskikh issledovaniy v Dagestane. Vyp. XXI* [Digest of papers following the results of geographic researches in Dagestan. 21 Issue]. – Makhachkala: Izd-vo Dag. nauch. Tsentra RAN, 1993. – P. 82-83. (In Russian)

SEFERBEKOV R.I. *Prazdnichnyi kalendar' sovremennogo Dagestana* [Feast calendar of modern Dagestan]. IN: *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Kavkaz na istoricheskikh perelomakh XIX-XX vv.: problemy politicheskoi, sotsial'noi i intellektual'noi istorii», posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya G.A. Dzidzariya* [Proceedings of international scientific conference “Caucasus at the historic turning points of 19th – 20th centuries: problems of political, social and

intellectual history”, dedicated to 100th anniversary of G.A. Dzidzariya]. – Sukhum: Dom pechati, 2016. – P. 328-338. (In Russian)

SEFERBEKOV R.I. *Traditsionnyi sel'skokhozyaistvennyi kalendar' tabasarantsev* [Traditional agricultural calendar of tabasarans]. IN: *Tezisy dokladov respublikanskoï nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh Dagestana po problemam gumanitarnykh nauk (24-25 iyunya 1993 g.)* [Digest of the papers of the republican scientific conference of the young researchers of the Dagestan on the problems of humanities (June 24-25 1993)]. – Makhachkala: Izd-vo IPTs DGU, 1993. – P. 55-56. (In Russian)

SEFERBEKOV R.I. *Vliyanie protsessov modernizatsii na evolyutsiyu traditsionnogo zhilishcha narodov Dagestana v sovetskii i postsovetskii periody* [Influence of modernization processes on the evolution of traditional dwelling of the peoples of Dagestan in the soviet and post-soviet periods]. IN: *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Ingushetiya v kontekste nauchnykh problem i perspektiv izucheniya Kavkaza» (k 90-letiyu Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta). Respublika Ingushetiya, g. Magas, 14-16 noyabrya 2016 g.* [Proceedings of international scientific conference “Ingushetiya in the context of scientific problems and perspectives of the study of Caucasus” (to 90th anniversary of the ingush scientific research institute)]. – Magas: GBU «IngNII», 2016. – P. 209-212. (In Russian)

SEFERBEKOV R.I. *Vliyanie protsessov modernizatsii na khozyaistvenno-kul'turnyi tip Dagestana v postsovetskii period* [Influence of modernization processes on economic-cultural type of Dagestan in post-soviet period]. IN: *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya pamyati V.P. Dzagurovoi: Sbornik trudov* [International scientific and practical conference, dedicated to the memory of V.P. Dzagurova: Collection of works]. – Makhachkala: Izd-vo DGU, 2016. – Vyp. XIV. – P. 260-263. (In Russian)

SEFERBEKOV R.I., OSMANOV M.O. *Osobennosti otkhodnichestva tabasarantsev v dooktyabr'skii period i v sovetskoe vremya* [Features of tabasarans' work migrations in pre-October period and in soviet times]. IN: *Tezisy dokladov konferentsii po itogam geograficheskikh issledovaniï v Dagestane. Vyp. XXI* [Digest of papers following the results of geographic researches in Dagestan. 21 Issue]. – Makhachkala: Izd-vo Dag. nauch. Tsentra RAN, 1993. – P. 83-84. (In Russian)

SEFERBEKOV R.I., OSMANOV M.O. *Traditsionnoe i novoe v pokhoronnoi obryadnosti tabasarantsev* [Traditional and novel in tabasarans' funeral rites]. IN: *Tezisy dokladov nauchnoi sessii, posvyashchennoi itogam ekspeditsionnykh issledovaniï Institutov IAE i YaLI v 1992-1993 gg. 31 maya – 1 iyunya 1994 g.* [Digest of the papers of scientific session following the results of expedition researches of the institutes of History, Archaeology and Ethnography and Language, Literature and Arts in 1992-1993. May 31 – June , 1994]. – Makhachkala: Izd-vo Dag. nauch. tsentra RAN, 1994. – P. 30-31. (In Russian)

SHIGABUDINOV M.Sh. *Otkhodnichestvo v Dagestane v kontse XIX – nachale XX v.* [Work migrations in Dagestan in the late 19th – early 20th century]. – Makhachkala: [b.i.], 2000. – 87 p. (In Russian)

SMIRNOVA Ya.S. *Svadebnyi daroobmen u narodov Severnogo Kavkaza i ego sovremennaya modifikatsiya* [Wedding' gift exchange of the peoples of the North Caucasus and its modification]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1980. – No. 1. – P. 96-104. (In Russian)

Traditsionnoe i novoe v sovremennom byte i kul'ture dagestantsev-pereselentsev [Traditional and novel in contemporary mode of life and culture of dagestanis-settlers]. – M.: Nauka, 1988. – 320 p. (In Russian)

TSALLAGOVA Z.B. *Traditsionnaya i ritual'naya pishcha osetin* [Traditional and ritual food of ossetians]. IN: *Narody Kavkaza: etnokul'turnye traditsii i modernizatsii: Nauchnyi sbornik, posvyashchennyi pamyati G.A. Sergeevoi* [The peoples of the Caucasus: ethno-cultural traditions and modernizations: Collection of scientific works, dedicated to the memory of G.A. Sergeeva] / Ed. by Yu.A. Anchabadze. – M.: Tri kvadrata, 2016. – P. 199-212. (In Russian)

ЯЗЫКИ, ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA

УДК 821.35.0

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-1-157-178

**АБДУЛ ПШЕНОКОВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ М.Ш. НУРИМАНОВОЙ****И.А. КАЖАРОВА**

*Институт гуманитарных исследований
Филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: barsello@rambler.ru*

Аннотация. Предлагаемые материалы представляют собой ранее не публиковавшиеся воспоминания о деятеле науки и культуры Кабардино-Балкарии начала 30-х годов XX века Абдуле Каншаовиче Пшенокове. Воспоминания были написаны в 1958 году супругой А.К. Пшенокова, М.Ш. Нуримановой, и охватывают период с 1932 по 1937 годы. Повествованию М.Ш. Нуримановой предпослана вступительная статья, в которой содержится краткий очерк жизни и деятельности А.К. Пшенокова, а также комментарии, касающиеся отдельных имен, дат и событий, упоминаемых ею. Через короткий временной отрезок, отраженный в данном материале, восстанавливается психологический портрет А.К. Пшенокова, круг его научных интересов, поступательность творческого становления, детализируются факты биографии, описываются события в жизни республики тех лет. К работе привлечены снимки, публикуемые, за единственным исключением, впервые. Текст воспоминаний приводится с незначительными сокращениями.

Ключевые слова: Абдул Пшеноков; Марьям Нуриманова; культура; политические репрессии; воспоминания; биография.

ABDUL PSHENOKOV IN M.Sh. NURIMANOVA's MEMORIES**I.A. KAZHAROVA**

*Institute of Humanitarian Researches
filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center
«Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: barsello@rambler.ru*

Abstract. The proposed materials refer to previously unreleased memoirs about one of the leading figures in science and culture of Kabardino-Balkaria in the early 1930s, Abdul Kانشaovich Pshenokov. Memoirs were written in 1958 by his wife M.Sh. Nurimanova, and cover the period from 1932 to 1937. The narrative of M.Sh. Nurimanova is preceded by an introductory article, which contains a brief description of A.K. Pshenokov's life and activities, as well as comments related to the individual names, dates and events mentioned by memoirist. Through the short period

of time, reflected in this material, one may reconstruct the psychological portrait of A.K. Pshenokov, the range of his scientific interests, the progress of creative development, details of the facts of his biography as well as the events in the life of the republic of those years. The work includes images, which are published here, with one exception, for the first time. The text of the memoirs is given with small shortenings.

Key words: Abdul Pshenokov; Maryam Nurimanova; culture; political repressions; memories; biography.

Поэт, прозаик, литератор, лингвист, переводчик, собиратель фольклора, – в деятельности Абдула Каншаовича Пшенокова (1907-1937) проявление всех направлений, без которых невозможно полноценное развитие письменной культуры. О том, насколько яркими были его способности, и насколько они были востребованы временем, говорит хотя бы то обстоятельство, что в 27 лет ему было доверено возглавить Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт.

В это время даже относительная обособленность научной работы от «насуточных потребностей области» была немислима, и в случае с КБНИИ вся научная деятельность определялась «первоочередными задачами в развитии области» [Мамбетов 1976: 32]. В 1934 году Абдул Пшеноков принимает дела Института, в котором действуют три сектора: языка, литературы и искусства, истории и производительных сил, а его коллектив нацелен «на более углубленное изучение истории, культуры, языков и экономики народов Кабардино-Балкарии» [Мамбетов 1976: 32]. Пришедший к руководству профессиональный филолог не просто грамотно направляет и контролирует разноплановую, комплексную работу, а становится одним из главных ее участников. Надо заметить, что до того момента он уже успел зарекомендовать себя на уровне просвещения и литературного творчества. Интенсивность его культурно-просветительской деятельности, которая протекала параллельно с учебной в столичном вузе, даже в контексте возможностей нынешнего времени представляется невероятной. Приезжая на каникулы в родную республику, он трудился преподавателем на курсах повышения квалификации учителей, редактором при Госиздате, составлял хрестоматии и учебники, разрабатывал вопросы кабардинской грамматики, писал и переводил художественные произведения, некоторые его стихи уже вошли к тому времени в первый коллективный сборник кабардинских поэтов. Его современник, зачинатель кабардинской критики Джансох Налоев, оценивая литературу Кабардино-Балкарии 20-30-х гг., особо выделял «из группы молодых поэтов творчество тов. Пшенокова Абдула». Признавая, что «Пшеноков сумел внести ряд существенных моментов новизны в структуру кабардинского стиха» [Налоев 2005: 131] благодаря глубокому знанию мировой и русской поэзии, ее пролетарских образцов. Дж. Налоев искренне досадовал, «что количество овеянных молодостью и нежностью стихов ничтожно и поэт занимается поэзией не систематически» [Налоев 2005: 132].

Сведения о жизни и творчестве Абдула Пшенокова, так же как и о других деятелях Кабардино-Балкарии, уничтоженных в период репрессий 30-х годов,

носят ограниченный характер. В истории культуры они занимают обособленное место: они были первыми и уже в этом их значимость очевидна. Однако полноценное восстановление творческого наследия, на котором базировалась эта значимость, маловероятно, тем более маловероятно развернутое представление об их личностях. То и другое доступно сегодня только в усеченном виде. Как правило, в нашем распоряжении оказывается лишь то, что успело быть опубликовано при их жизни в периодической печати и немногочисленных коллективных изданиях, сюда же примыкают хранящиеся в архивных фондах отдельные рукописи, появлявшиеся на этапах подготовки коллективных изданий. Судьба рукописей, изымавшихся при арестах, покрывалась тайной, а все, что не успевало попасть в распоряжение карающих органов, спешно уничтожалось, гораздо реже – скрывалось ближайшим окружением арестованных. Поэтому избыточно говорить о том, насколько ценны любые дополнения, касающиеся их жизни и творческого наследия.

Факты творческой биографии, которые содержатся в современных биобиблиографических изданиях, основаны на тех источниках, которые мы только что перечислили, а также на немногочисленных очерках, появившихся после реабилитации и по содержанию строго соответствующих с идеологическими ожиданиями эпохи.

Первый очерк о жизни и литературном наследии Абдула Пшенокова принадлежит Екатерине Машитловой (1937-1981), труды которой заслуживают отдельного, обстоятельного разговора, здесь же лишь скажем, что Е. Машитлова остается единственным исследователем, собравшим и систематизировавшим сведения о кабардинских писателях раннесоветского периода. В книге это не оговорено специально, но большая часть отобранных ею персоналий – представители писательской плеяды, жизнь которой оборвалась в 1937 году. Ни до нее, ни после работ подобного рода не появлялось. Название ее сборника – «Япэ лъэбакъуэ зычахэр» (1968) (в дословном переводе «Сделавшие первый шаг») – прямая отсылка к вышедшему в 1933 году сборнику произведений кабардинских писателей «Первый шаг», изданию, ставшего символом вступления в иную художественность, возникшую на гребне нового общественного строя. Исследовательский взгляд Е. Машитловой охватывает не всех, но многих деятелей периода 20 – 30-х гг. В сборник вошли биографии писателей и подборки их произведений. Подготовленные Е. Машитловой материалы были опубликованы с развернутым предисловием и под редакцией А. Шортанова.

В научном архиве Института, с которым связано имя Абдула Пшенокова (ныне Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН), хранятся материалы, вошедшие в книгу «Сделавшие первый шаг»: индивидуальная папка по каждому автору, и на их обложках уточнение – «Собрала Машитлова». В этом же архиве хранятся и воспоминания об Абдуле Пшенокове его супруги, Марьям Шакировны Нуримановой [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 1. Д. 103. № 1114. Л. 1-20]. Записка, предваряющая текст воспоминаний, свидетельствует о том, что они были запрошены И.В. Тресковым, известным исследователем северокавказской литературы, бывшим в свое время научным

секретарем института. Факты, на которые опирается в своем очерке Е. Машитлова, позволяют утверждать, что они почерпнуты из текста этих воспоминаний. По какой причине воспоминания М. Нуримановой об Абдуле Пшенокове до сих пор оставались неопубликованными, не известно. Но можно с большой долей уверенности сказать, что если бы Е. Машитловой была отпущена более долгая жизнь, путь этих воспоминаний к читателю уже давно был бы преодолен.

Сколь бы упорядоченными ни были факты творческой биографии, которыми мы располагаем сегодня, разглядеть за ними личность, благодаря которой эти факты осуществлялись, не просто: утрачивается живое восприятие среды, из которой выростала эта личность. Свою роль играет также сопряженность творчества с потребностями конкретной эпохи. В случае с писателями обозначенной плеяды она настолько прочна, что возникает впечатление предсказуемости всего, что еще может быть с ними связано. Так возникает некий заслон, который не дает подойти к ним близко, всмотреться в их лица.

По тексту воспоминаний М. Нуримановой сразу определяется ритм, в котором жил этот человек. Уроженец селения Куба, выпускник Ленинского учебного городка, Абдул Пшеноков отправился в столицу в 1930, поступил на литературный факультет Московского государственного педагогического института (ныне Московский педагогический государственный университет), окончил его досрочно, так же, как и аспирантуру при Институте языка и письменности народов СССР (в 1933 – 1936 именовавшегося «Научно-исследовательский институт национальностей ЦИК СССР»), – оба этапа в течение четырех лет. Как пишет М. Нуриманова, работа в НИИ родной республики была одной из многих перспектив, но для А. Пшенокова самой желанной.

В 1935 году он занимается вопросами создания алфавита на русской графической основе и параллельно – своей кандидатской. В период его руководства осуществляется масштабная работа по сбору фольклорного материала, часть из которого была отобрана для книги «Кабардинский фольклор», вышедшей в московском издательстве «ACADEMIA» в 1936 году. Во вступлении от редакции А. Пшеноков упоминается среди собирателей фольклора и как один из тех, кто оказывал бригаде московских поэтов-переводчиков большую помощь «в раскрытии неясных мест и в толковании архаизмов» [Кабардинский... 1936: 7]. Этот период интересно отражен также по тексту воспоминаний. Параллельно он издает хрестоматии по литературе на кабардинском языке (т. I, т. II) [УЦГА АС КБР. Ф. 276. Оп. 1, 2. Д. 64, 65], а для этого прделывает серьезную работу по переводу произведений русских классиков.

Даже то небольшое из его художественных опытов, что дошло до наших дней, позволяет судить о необычности дарования А. Пшенокова. Как замечает А. Шортанов, из ряда его поэтических произведений, в которых преобладает предметная образность, неизбежная в современную ему эпоху и вместе с нею же утрачивающая актуальность, в его творчестве проступают черты,

побеждающие время. Так же, как некогда Дж. Налоев, А. Шортанов восхищается находками А. Пшенокова в области лирической поэзии. Как пример многообещающей выразительности он приводит фрагмент переведенного стихотворения «Прощай»: «На вопль бессильный – / Ложится молчанье / Плитой могильной». «Таких стихов адыгская поэзия еще не знала. Нам не известно, как они звучали на кабардинском, но вслушиваешься в них с восхищением», – замечает исследователь, и продолжает: «Можно предположить, что Пшеноков осознавал, что кабардинская поэзия становится односторонней, что она постепенно (через однотипные стихи) превращается в трафарет общих тем и «разжевывания» этих тем. В конце концов, такая поэзия или дошла бы до самоубийства и была бы отвергнута читателем, или должна была найти какой-то выход. Таким выходом является лирика» [Сделавшие... 1968: 42].

Помимо фольклорного сборника, институт в период руководства А. Пшенокова ведет работу «по изданию русско-кабардинского и кабардино-русского словарей; по подготовке и проведению диалектологических экспедиций в 1935 году; по подготовке к выпуску первого тома «Известий КБНИИ» к 17-й годовщине Октября» [Мамбетов 1976: 32].

Если сопоставить даты, представляется невероятным то, что в 1937 году на страницах Большой советской энциклопедии публикуется статья «Кабардино-Балкарская литература» [Кабардино-Балкарская... 1937: 418-419], написанная А. Пшеноковым и Михаилом Евгеньевичем Талпой. Том, в котором содержится статья, был сдан в производство 8 июля 1936 года, подписан к печати 15 февраля 1937 года. Абдула Пшенокова арестовали несколькими днями раньше – 9 февраля, Михаила Талпу – 9 мая 1937 года.

Абдул Пшеноков был «обвинен в том, что являлся участником контрреволюционной организации, ст. 58 – 10 ч.2, 58 – 11 УК РСФСР. Постановлением Военной коллегии ВС СССР от 25 июля 1937 г. приговорен к расстрелу.

Расстрелян 25 июля 1937 г.

Реабилитирован 27 июля 1957 г. определением Военной коллегии Верховного суда СССР. АУД № 3049-П» [Книга памяти... 2009: 371].

Наверное, единственное заметное событие по увековечиванию памяти Абдула Пшенокова – это звезда с его именем на Аллее славы, созданной в мае 2017 года на территории Дома культуры селения Куба.

Воспоминания его вдовы появились через год после реабилитации, в мае 1958. Двумя месяцами раньше М. Нуриманова обращается к председателю Союза писателей КБАССР, о чем свидетельствует письмо, хранящееся в Центре документации новейшей истории архивной службы КБР: *«Ваш земляк, мой покойный муж, Пшеноков Абдул Канишович – писатель-поэт, горячо любящий свою родную Кабарду и ее талантливый трудолюбивый народ, свою короткую жизнь посвятил беззаветному служению, просвещению своего народа. В 1934 г., после окончания аспирантуры при литературном факультете Московского педагогического института (бывш. Бубнова) вернулся в Нальчик и работал*

директором научно-исследовательского института. Кандидат в члены КПСС, член Президиума Союза советских писателей КБАССР.

9 февраля 1937 г. Абдул был арестован. 25 июня 1937 г. был приговорен к 8 годам лишения свободы и сослан.

10 августа 1938 умер.

27 июля 1957 г. посмертно реабилитирован. Умер во цвете лет, не раскрыв полноценно свои дарования.

10 августа 1958 г. – 20 лет со дня смерти Пшенокова А.К. Может, вы сочтете нужным и возможным отметить годовщину смерти безвинно пострадавшего патриота. Собрать и издать его поэзию и прозу. В периодической печати (литературе рус. Москов.) и в местной печати наверно сохранились его литературные труды, да видимо, есть в архиве КГБ при СМ КБАССР. Из Москвы к ним переслано архивное дело Пшенокова, нет ли там предсмертных записок, дневников и т.д.

О своем решении, надеюсь, известите меня.

С уважением к Вам, вдова покойного, Нуриманова Марьям Шакировна.

1 марта 1958 г.

Ташкент

Собира-Рахимова 63» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 693. Оп. 1. Д. 403. Л. 33-34].

В левом верхнем углу письма стоит не вполне разборчивая резолюция: «12/III 58 г. Ответ дан» (или «дать», скорее первое), и подпись. О том, какое решение было принято, нам неизвестно, но возможно, отправленные вскоре В.И. Трескову воспоминания были как-то связаны с планами почтить память А.К. Пшенокова. Очевидно одно: никаких отдельных изданий, связанных с его именем, так и не появилось.

М. Нуриманова пишет воспоминания спустя двадцать лет после трагических событий – срок немалый. Однако большая часть повествования убеждает в том, что для нее они присутствуют в настоящем времени. Современнику, несомненно, будут интересны подробности о культурной жизни республики того периода. Все факты и одухотворяющий их образ дорогого ей человека она описывает с бесконечной бережностью к деталям. М. Нуриманова возвращает нам характер А. Пшенокова, его интонацию. Здесь не только этапы биографии культурного деятеля, но история личного счастья, история высоких устремлений и их трагический, бесчеловечный финал. Как пишет сама М. Нуриманова в предваряющем воспоминания вступлении, «...воспоминания о Пшенокове А.К. не являются официальной докладной запиской. Я изложила факты. В них общественное сочетается с интимным» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 1. Д. 103. № 1114. Л. 1].

Текст воспоминаний мы приводим с незначительными сокращениями. Орфография М. Нуримановой, в том числе несколько своеобразное написание отдельных имен, оставлены без изменения. Некоторые вопросы способны вызвать только очевидные расхождения в сведениях. И об этом надо сказать отдельно.

Так, не могут не обратить на себя внимание сведения об отце А. Пшенокова, Каншао. Короткой информации, которая промелькнула в тексте воспоминаний, достаточно, чтобы поставить под сомнение крестьянское происхождение писателя, хотя во всех доступных нам источниках фигурируют формулировки «крестьянское происхождение», «из крестьян-бедняков». Между тем, передавая рассказ своего будущего супруга о его семье, М. Нуриманова упоминает, что «его отец Каншаол до революции был управляющим имения князя» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 1. Д. 103. № 1114. Л. 3]. Четырежды вступал в брак, поскольку рождались только дочери, а он мечтал о наследнике. Разумеется, ни то, ни другое крестьянин-бедняк позволить бы себе не смог. Вместе с тем понятно, что указание в анкетах на социальную принадлежность, даже немногим более «высокую», нежели крестьянская, не сулило ничего хорошего, и можно предположить, что случаи сокрытия информации представителями интеллигенции были нередкими.

Небольшая деталь, заслуживающая уточнения – сведения о матери А. Пшенокова. Доподлинно известно, что ею была карачаевка по имени Марджан. В тексте М. Нуримановой фигурирует имя Марьям.

На этом же отрезке повествования есть еще один момент, который задерживает внимание. Это имя младшего брата Абдула. В воспоминаниях М. Нуримановой указывается Махмуд, в то время как в рассказах потомков звучит имя Тамаша. Это же имя выгравировано на одной из памятных звезд Аллеи славы селения Куба. История смены имени проясняется со слов его дочери, Раисы Тамашевны.

Каншао Пшеноков был человеком довольно обеспеченным, владел добротным магазином, товарными складами. В надежде противостоять незаконному раскулачиванию, пытался отстаивать свои права, что и привело к его скоропостижной кончине: после сильного потрясения трое суток промучился головной болью, а на четвертые его не стало. Двоих несовершеннолетних детей, Махмуда и Мораль, приютили родственники Каншао. Девочка постепенно прижилась в новой семье, а Махмуд, не находивший себе места от тоски, решил в тайне ото всех отправиться к своей старшей сестре Лине, которая после замужества проживала в селении Карагач. Выбившийся из сил после долгого пути ребенок очутился в незнакомой местности. Обнаружившие его люди отвели Махмуда на колхозную ферму. Это было селение Псыхурей. К счастью, на ферме нашелся человек, который узнал в измученном ребенке младшего сына Каншао Пшенокова. Выслушав рассказ Махмуда, тот пообещал отправиться с ним в Карагач, к Лине, правда, с оговоркой, что прежде надо будет как следует отдохнуть, съездить в Пятигорск, чтобы приобрести для Махмуда хорошую одежду, а затем уже можно и к сестре. Гузер Бесланеев, таким образом взявший под опеку младшего сына Каншао, собственных детей не имел, а появление этого мальчика воспринял как милость, явленную свыше. Гузер и его супруга Хузиза окружили Махмуда вниманием и лаской. В обещаниях скорой поездки проходил день за днем, но мальчик, привыкший к новой семье, уже перестал рваться к Лине.

С приходом осени необходимо было отправить Махмуда в школу, и женщина, заменившая ему мать, стала упрашивать супруга дать мальчику их фамилию. Гузер же, убежденный в том, что было бы преступлением лишить пострадавшего ребенка родной фамилии, на такой шаг не решился, зато уступил ее просьбам поменять хотя бы имя (до того момента все звали его по-домашнему, Пата). Желая, чтобы приемный сын снискал в своей жизни высокий почет, она предложила назвать его в честь Тамаша Коцева, уважаемого человека из селения, откуда сама была родом. Так Махмуд стал Тамашей. (Уместно упомянуть, что Тамаша Коцев, о котором идет речь, коннозаводчик, старшина селения Бабуково (ныне Сармаково) – отец Пшемахо Коцева, председателя правительства Горской республики. Был расстрелян в 1927 году вместе с сыном Асланмурзой [Политические... 2017: 396]).

В очередной приезд из Москвы А. Пшеноков навещал семью Гузера, поклялся, что до конца своих дней будет чтить его как родного отца. Он намерен был забрать Тамашу с собой в Нальчик. Видя смятение Гузера и Хузицы, твердо пообещал им, что их сын вернется в селение учителем. Отправившись в город, братья прежде всего подали документы Тамаша в Педагогический институт. В этот же день Абдул предложил зайти в фотоателье: «Будешь потом смотреть на свое фото, и на сердце будет становиться веселее».

Учеба Тамаша в Педагогическом институте продлилась недолго. На утро после ареста Абдула, в комнату общежития, где жил Тамаша, ворвался один из его преподавателей (имя, к сожалению, нам не известно), стал спешно собирать своего студента в дорогу; сбивчиво рассказав о случившемся, добавил, что отправляет его к своему коллеге, подальше от беды; посадил в фургон какого-то грузовика, вручил письмо, сообщив, кому Тамаша должен его отдать по прибытии в Орджоникидзе. Сказал, чтобы не возвращался, пока сам Абдул не даст о себе знать.

Прибыв в Орджоникидзе, юноша долго ждал вестей от брата. Разумеется, все это время фотография была с ним. Доставая ее в минуты уединения, Тамаша часто плакал над ней, пока, наконец, люди, у которых он остановился, не заметили: «Брата своего тебе уже вряд ли доведется увидеть, так хотя бы не порти то единственное, что осталось в память о нем». Тамаша Пшеноков окончил в Орджоникидзе Горскую школу механизации сельского хозяйства. В годы Великой Отечественной воевал на Ленинградском фронте. В 1942 году был награжден медалью «За оборону Ленинграда». Погиб в 1944.

Возвращаясь к событиям, о которых упоминает М. Нуриманова, мы должны заметить ошибочное указание ею даты поездки А. Пшенокова к академику Н.Я. Марру – 1935 год. Как известно, академик скончался в 1934, до этого год находился в тяжелом состоянии.

Абдул Пшеноков с младшим братом Тамашей.

Также обращает внимание дата смерти А. Пшенокова, фигурирующая в воспоминаниях и в письме, приведенном выше, – 10 августа 1938. Единственное объяснение заключается в том, что от близких утаивалась информация, их намеренно вводили в заблуждение.

Настоящие материалы дополнены несколькими фотографиями. Все снимки, за исключением того, на котором запечатлен творческий коллектив академического издания «Кабардинский фольклор», – из семейных архивов Риммы Нажмудиновны Пшеноковой и Замира Мусовича Пшенокова, внучатого племянника Абдула. Нам видится редкостной удачей существование фотографии, на которой запечатлены Абдул и Тамаша Пшеноковы, ибо память о человеке, которому предъявлялось обвинение по 58 статье, как и любое иное свидетельство связи с обвиняемым, оборачивались реальной угрозой для жизни родственников и близкого окружения, потому все возможные свидетельства связи либо тщательно скрывались, либо попросту уничтожались. Не меньшую ценность представляет для нас снимок, на котором запечатлен автор воспоминаний, Марьям Шакировна Нуриманова, ибо связь с нею и с ее потомками до настоящего времени остается оборванной. Единственное, что удалось нам узнать о ней со слов Раисы Тамашевны, что Марьям с трехлетней дочерью удалось тайно покинуть Кабардино-Балкарию, добравшись на товарном поезде до Астрахани, а оттуда переправившись в Ташкент. В республику она вернулась в 1965 году, и даже надеялась остаться, но дочь была категорически против, поскольку не хотела возвращаться туда, где ее лишили и отца, и возможности жить на родной земле. Единственный снимок, который оказался в нашем распоряжении, был сделан именно тогда.

Мы выражаем благодарность Замиру Мусовичу Пшенокову и его супруге Луизе, без содействия которых восстановление многих звеньев в истории семьи Абдула Пшенокова оставалось бы невозможным.

Воспоминания о дорогом, но безвременно ушедшем друге

<...> При общежитии Московского педагогического института, где я училась, был свой каток. После занятий вечера проводили большей частью на катке. Иногда выезжали на городской каток, тогда катались под музыку.

18 февраля 1932 года, готовясь к очередному выезду на каток, я надела широкую юбочку, нацепила коньки и перед зеркалом хотела посмотреть, как развивается юбочка, но как-то случайно сделала резкий поворот и, как подстреленная, рухнула на пол. Нестерпимая боль в правой ноге. Не зная, почему я упала, подруги смеются. Мне больно, я плачу... Оказывается, дело серьезное: вывих коленной чашечки и порвана связка.

Больная нога на несколько месяцев приковала меня к постели и поставила в зависимое положение от окружающих, т.к. на костылях не могла двигаться по лестницам (жила я на втором этаже). При помощи палочки двигаться было больно, да и врачи не разрешали.

Один из апрельских дней. Все мои однокурсницы на политехнической практике. Покушать мне не оставили. Я проголодалась. Решила проверить свои силы, сходить в столовую. В столовой встретила нашего уфимского (т.е. земляка) Еникеева Гильми (Гильмитдина), студента II курса литературного факультет МГПИ, с ним был его товарищ по курсу и по комнате. Гильми нас представил друг другу, говорит: «Мавр, познакомься, твоя будущая Дездемона». Он представился: «АКП», т.е. Абдул Каншаевич Пшеноков (полное имя Абдул-Гамид).

«Дети разных народов», Абдул кабардинец, я татарка, были полнейшими противоположностями, контрастами во всем.

Он брюнет с черными, вьющимися волосами. Густые мохнатые брови и ресницы, густая, черная во все лицо борода и усы. <...> Темные (очень внимательные и все видящие) продолговатые глаза. Говорят, «глаза зеркало души», у него действительно по глазам можно было как по открытой книге прочитать, что творилось в душе: во время радости они горели, излучали искры, в часы недовольства грустные, без блеска, принимали цвет темного гранита и т.д.

<...> Абдул довольно часто заходит в нашу комнату поболтать. Оказывается, он переехал в наше общежитие (Усачевка, 64), нашел общий язык со всеми жильцами 54-й комнаты. Интересный собеседник, находчив, остроумен. Речь с легким кавказским акцентом, голос мягкий, приятный, негромкий. Девочкам он понравился. С Зоей Горбачевой (моей однокурсницей) говорит как средневековый рыцарь с дамой сердца, специально подбирает стихи и цитаты из рыцарских романов. С Идой (Антонидой) Павловой беседует как великосветский повеса. Мне уделяет мало внимания. Справится о здоровье, спросит, в чем я нуждаюсь, носит художественную литературу, заберет прочитанные книги, оставит новые, вот и все.

Однажды он преподнес ветки кавказской мимозы. Сам растерялся, смутился, растерялась и я. Девочки заметили. Иронизируя, Ида

продекламировала: «Она меня за муки полюбила». Абдул отпозировал: «А я за состраданье к ним». <...>

Июнь 1932 г.

Абдул очень любил природу, во все времена года. По выходным и свободным дням выезжали за город. Изучали окрестности Москвы, любовались природой. Во время одной такой прогулки рассказал автобиографию. Родился в 1907 г. в селении Куба, отец Каншаол до революции был управляющим имения князя (какого не знаю), человек с байскими феодальными замашками. Был женат четырежды, т.к. первые три жены не рожали сыновей. Последний раз женат на балкарке по имени Марьям (моя тетка), очень красивой 16-летней девушке (в каком году не знаю). Моя тетка принимала участие на смотринах (выставке) красавиц Востока в Анкаре и получила приз красоты, а впоследствии ее фотокарточки продавались во всех киосках. Мать Абдула осчастливила Каншаола, родила троих сыновей (Абдул-Гамид, Ноос-Мутдин, Махмуд и дочь Мораль). Но старому Каншаолу не довелось выводить своих отпрысков в люди, он умер, когда дети были еще совсем маленькими. Умерла и жена. Детей воспитывала общая сестра – Шаша (от первого брака).

В дальнейшей судьбе Абдула большое участие принял Б. Калмыков. Они друг друга любили крепко. Абдул называл его отцом. Во время одной поездки в Кубу Бетал встретил кудрявого пастушонка, привез в Нальчик, устроил в Ленинской школе (или училище) и пока Абдул был жив, Бетал справлялся о его успехах, радовался за него, подбадривал его, но когда выходил из повиновения, ругал его немилосердно.

Любимой учительницей Абдула была Лидия Николаевна Воробьева. Завуч первой школы. Впоследствии я работала под ее руководством. Лидия Николаевна гордилась своим учеником, говорила про него – умница, молодец и т.д., восхищалась его способностями. Это она привила ему любовь к русской литературе и к русской культуре.

Лето 1932 г.

Кончился учебный год. Мы оба стали на курс старше, т.е. третьекурсники. Долго упрашивал меня ехать с ним в Нальчик, но я решила поехать в Уфу к знакомым.

В Нальчике его ожидали дела, очень торопился с выездом, но решил, не проводив меня, не выезжать. В конце июня меня с Идой проводил в Уфу. <...>

Прощаясь со мной, он дал слово, что будет писать письма каждый день (несомненно, он был хозяином своего слова, воспитывал у себя точность,

Абдул, Нажмудин, Тамаша (Махмуд)
Пшеноковы

аккуратность во всем). Слово, данное на прощание, он сдержал, и, действительно, писал каждый день, в конце работы, как отчет о проведенном дне.

Летом 1932 он не отдыхал. Работал на курсах повышения квалификации учителей, преподавал русский язык (кабардинцам). Работал редактором при Госиздате, писал «Книги для чтения», хрестоматии для кабардинских школ. Очень скучал по мне. Умолял возвратиться раньше времени в Москву. Я работала в Уфе воспитательницей в детдоме и раньше 28 августа выехать не могла. Встретились 1 сентября. Абдул привез гостинцы, кабардинские яблоки. Яблоки ели всей комнатой целую неделю. По-кабардински Абдул был щедр.

До декабря встречались очень редко. Занимались в разных учебных корпусах, он на Пироговской в главном корпусе, я на Усачевской ул. в разных сменах, жили в разных общежитиях, в различных концах Москвы. В этот период жизни писал главным образом стихи, лирические, посвященные метростроевцам, строителям города Комсомольска, ДнепроГЭС и т.д., делал подстрочные переводы, читал их или рассказывал содержание. Собирался досрочно закончить литфак, много времени уделял учебе, проходил педагогическую практику и только по выходным дням мы посещали театры, кино, концерты, бывали в музеях и на выставках, бродили по бульварам, скверам. Абдул очень любил искусство, знал и понимал музыку, был моим постоянным консультантом.

Декабрь 1932 г.

Окончен еще один семестр. Сданы зачеты. Я решила съездить на экскурсию в Ленинград, получила стипендию. Закупили железнодорожный билет по литеру, за несколько часов до отхода поезда мой билет, литер и деньги пропали из тумбочки в комнате. Я осталась на бобах. Кто подстроил эту злую шутку, так я и не дозналась, ни тогда, ни потом.

В тот же день студенты кабардинцы уезжали в Нальчик, и Абдул предложил мне ехать с ним. 1 января 1933 г. мы прибыли в Нальчик и остановились у его дяди (по отцу) Хоцу. Абдул представил меня как жену, хочешь не хочешь отпираться было поздно и пришлось дать согласие на брак.

3 января 1933 Хоцу пригласил своих друзей, и справили кабардинскую свадьбу. Хоцу живет в Вольном ауле, рядом с лесом, несмотря на холода и снег, каждый день мы бродили по лесу, кабардинскому парку (так как больше некуда было ходить, и нечем было заняться). Иногда забирались далеко. Собирали мороженые шишки, дикие яблоки, груши и ели, а потом усталые, озябшие возвращались домой, и голодные набрасывались на пищу.

10 января «свадебное» путешествие окончено, и мы снова в Москве.

Январь – апрель 1933 г.

Первые месяцы семейной жизни, но его нет. Продолжаем жить в различных частях большого города. Встречаемся редко. За это время Абдул досрочно окончил литфак педагогического института и оформился в аспирантуру при Институте языка и литературы (институт находился в одном

здании с политехническим музеем, точное название забыла). Выбрал тему диссертации «Грамматика кабардинского языка». Заключил договор с Кабардинским ОблОНО на составление учебников для кабардинских школ и в апреле выехал в Нальчик. Я осталась завершать третий курс.

Лето 1933 г.

2 июля Абдул встретил меня на станции «Прохладный». Итак, я снова в Нальчике. Вначале жили в помещении шестой начальной школы. Потом переехали в новый дом (по ул. Степной) в новую квартиру на втором этаже, целая секция. Мебели нет, из ОблОНО одолжили кровать, стол и три табуретки. И нас трое: Абдул, я и моя мама.

Абдул вставал с рассветом, когда мы еще спали, и начинал работу, делал небольшой обеденный перерыв, и продолжал до 7 – 8 ч. вечера. Вечером обязательно совершали прогулку в парк, и снова до часу ночи.

Я знала, что он очень трудолюбивый, усидчивый, но с такой страстью к работе я сталкивалась впервые, работа поглощала его настолько, за работой он часто забывал обо всем на свете.

В результате такой напряженной работы заболели глаза, воспалились веки. Единственный способ лечения – предлагали длительный отдых, а он не мог воспользоваться им, по рукам и ногам был связан договором, к тому же приближался учебный год, надо было вовремя обеспечить школы учебниками. <...>

Единственным светлым пятном можно считать поездку в Пятигорск и Кисловодск, но эта поездка была не ради развлечения. В Пятигорске жил его учитель, профессор Борукаев (языковед). Абдулу надо было у него консультироваться по вопросам хрестоматии по литературе и грамматике.

Жена Борукаева Шура познакомила меня с Пятигорском, а мужа работали. А в Кисловодске работал дядя Хоцу, мы его не видели с января, не повидавшись с ним, я не хотела уезжать в Москву. Весь день экскурсировали по Кисловодску, ночь провели в разговоре, а утренним поездом выехали в Нальчик, но до чего мне осточертела праздная жизнь в Нальчике, я стала капризничать, ныть и тогда (20 августа), т.е. на целую неделю раньше времени, он вынужден был отправить меня в Москву. <...>

Зима 1934 г.

9 января 1934 г. у нас родилась дочь. Вечером в палату заходит няня и говорит: «Милочка, черкни пару слов своему чудачу, третьи сутки в приемной дежурит, говорю, иди, мил человек, все хорошо, девочка крепкая, здоровая, скоро за папой побежит. Не верит. Сидит и пишет».

Молодой папаша на редкость оказался заботливым, внимательным, любящим. За время пребывания в больнице засыпал фруктами, продуктами, принес даже живые цветы (в январе месяце), на черном рынке купил атласное детское одеяло, приобрел все необходимое для младенца. Уходил и по несколько раз возвращался. Оставлял записки, передачи, короче говоря, только не ночевал в клинике, т.к. ему этого не разрешали.

Бегал по Наркомпросу, от кабинета одного зама к другому, ходатайствовал, добивался комнаты, и благодаря вмешательству кабардинского представительства предоставили комнату в Останкино, в студенческом городке, в корпусе аспирантов.

21 января «крестная мать» и Абдул перевели нас в нашу комнату.

Абдул сам выбрал имя для девочки (Нелля) и зарегистрировал в ЗАГСе. <...>.

Весна, лето 1934 года.

К апрелю 1934 г. Абдул сдал все предметы по кандидатскому минимуму (осталось сдать диссертацию). Умница. За четыре года учебы закончил Литфак Педагогического института и аспирантуру. Получил назначение в Нальчик директором научно-исследовательского института<хотя были и другие заманчивые предложения из института языка и литературы, где проходил аспирантуру, был учеником академика Марра и тот «изъявил желание иметь его своим ассистентом»), но всем предложениям предпочел возвращение в Нальчик – на Родину, в любимую Кабарду. Со мной советовался, что лучше выбрать, и получив ответ «выбирай, куда душа тянет, где можешь быть наиболее полезный», выбрал Кабарду(признаться, ехать в большую деревню, где в прошлое лето я чуть не околела от скуки, у меня не было большого желания, но идти против его патриотического желания не могла). В апреле, оставив нас одних, выехал по назначению.

В апреле – мае принимал дела, знакомился с работой, изучал постановку работы института, кончилась беззаботная студенческая жизнь.

В конце июня приехал за нами и перевез в Нальчик. В первое время ни квартиры, ни мебели не имели. Жили при институте, выселили директора из кабинета, уплотнили сотрудников (благо их было несколько человек: директор, ученый секретарь(свободная вакансия, библиотекарь, он же – секретарь, бухгалтер, он же кассир и завхоз).

Одолжили мебель в ОблОНО и зажили настоящей семейной жизнью. Продолжаем жить замкнуто. С нами в одном коридоре жили Налоевы (поэт Джонсон, жена его русская, очень милый человек), но друг к другу не заходили, не общались.

Осень 1934 г.

Абдул много времени отдавал делам Института, подбирал сотрудников, Институт переехал в здание ОблОНО.

Абдул ездил в Москву, в Академию Наук, консультироваться по делам института и по вопросу диссертации. Готовили новый кабардинский алфавит на основе русских букв.

Привез «нам» подарки, что бы Вы думали? Огромный чемодан детских игрушек. И каких только игрушек там не было. Все, что надо для детей различных возрастов и обоего пола, начиная с погремушек, кончая пистолетами. (В течение многих вечеров отец и дочь, сидя на полу, играли, хохотали, спорили, пока малышку не укладывали спать).

Увидев многообразный «детский мир», я охнула, стала торопливо рыться в чемодане, в надежде найти что-либо существенное для себя, но кроме игрушек, в чемодане ничего не было, и пораженная таким мотовством, я сказала: «За эти деньги (т.е. потраченные на игрушки) можно было бы одеть жену с ног до головы: на что он виновато улыбнулся, и ответил: «Набирайся терпенья, будешь одета как принцесса!»».

После четырех лет студенческой жизни гардероб обоих, несомненно, нуждался в большом обновлении и пополнении. Да и в квартире хоть шаром покати, своего почти еще ничего не было. И его такое легкомысленное отношение к расходованию средств, несомненно, огорчало меня. Надо было руководить, и направлять его порывы. Забывался он только в командировке, где действовал безотчетно, бесконтрольно. Впоследствии из Москвы и Ленинграда он привозил все необходимое для семьи (по моему заказу). <...>

В эту осень Б. Калмыков проводил много митингов, встреч с различными категориями населения (собрания рабочих, интеллигенции и т.д.). проводил съезд стариков, колхозников, бригадиров, полеводов, качественников. Абдул дневал и ночевал со стариками, т.е. присутствовал на заседаниях съезда, в перерывах и по вечерам беседовал с делегатами, а среди них были люди с весьма интересным прошлым. Самому молодому старику было 86 лет, а старшему 137 лет. Абдул записывал их рассказы об истории возникновения колхозов, о победе Советской власти в Кабарде, много было хороших записей по истории Кабарды колониального периода, воспоминания о различных лицах и встречах.

Надо было видеть его в эти дни одухотворенного встречами, полным творческих дерзаний.

В результате напряженной работы опять заболели глаза (веки красные, точно обожженные), уговоры не помогают, отмахивается. Пришлось наказать. Объявила карантин на 3 дня. Закрывала в столовой (где нет книг и бумаг) с девочкой и игрушками, сама уходила на работу, они играли, к моему возвращению безмятежно спали, а по возвращении с работы уводила гулять или к родственникам. В первый день пробовал протестовать, возмущался моим «варварским» методам воздействия, а в конец объявил, что хорошо отдохнул и воспаление век спало.

В институте он изучал немецкий язык и знал его прилично. Стихи Гейне читал в подлиннике, а другие, т.е. малознакомые произведения читал со словарем.

Всю зиму изучал английский язык по самоучителю, а потом образовали группу для желающих писателей, разыскали преподавателя английского языка, которого оплачивали члены кружка, и изучали английский язык. Абдул упражнялся по разговорной речи.

Весна, лето 1935 г.

Ездил в Ленинград к академику Марру на консультацию по вопросу диссертации и нового алфавита (сохранили много букв, большое расхождение с русским алфавитом, а потому дискуссии).

Приехали Московские писатели (двое) с женами, фамилии не помню, по-моему, Тихонов Николай (с кем-то, не утверждаю). Писатели жили в гостинице. Вечера проводили или у них, или коллективно гуляли в парке.

С ними совершили экскурсию на Голубые озера на двух машинах.<...>.

Это лето было особо беспокойное. Все время приезжали ученые и государственные мужи из других государств, туристы.

Абдул совершал с ними поездки по республике, знакомил их с ее достопримечательностями, беседовал с ними, удовлетворял их любопытство. Посетил республику дель Вайо, член Испанского кортеса.

Почти целое лето и осень проводил на Зольских пастбищах с чабанами. Собирал материалы для фольклора (некоторые из них, например, вариант «Прикованного Прометей», были помещены в «Кабардинском фольклоре» на русском языке. Отпечатан в Москве, контрольный экземпляр поступил в Нальчик в конце 1936 г.). Собирал материал для словарей кабардино-русского и кабардинского. Готовил свой сборник стихов к печати.

Группа ученых и писателей, подготовивших первое академическое издание «Кабардинский фольклор». Сидят (слева направо): поэт и переводчик М.А. Зенкевич, профессор В.А. Дынник, директор КБНИИ А.К. Пшеноков, профессор Ю.М. Соколов, поэт и переводчик А.П. Глоба, председатель правления Союза писателей КБАССР Ж.М. Налоев; стоят: писатель С.М. Кожяев, филолог-переводчик М.Е. Талпа, писатель П.Д. Шехихачев

Переводил классиков русской литературы. Был переведен «Хаджи-Мурат» Л. Толстого, но напечатать не удалось. Получился курьез. Пришел в гости один его «друг». Пока Абдул заходил и выходил, т.е. распоряжался о накрытии стола, гость из письменного стола стянул рукописи нескольких глав и сунул в боковой карман пиджака, рукопись большая, толстая, когда гость нагибается, концы листов высовываются, он краснеет (гость), бледнеет, поправляет пиджак, а при каждом движении злосчастные листы снова оттопыриваются. Еще в его присутствии узнали, что тут что-то не чисто. Когда удалился этот сомнительный друг, я ругала Абдула, что он шляпа и дал обдурить себя, я на его месте дала бы ему подзатыльник и спустила бы со второго этажа. На это он ответил: «Зачем? Разве он сам себя не наказал? Он же

чуть сквозь землю не провалился от смущения, да и я стал опытнее, буду знать с кем дружить, кого водить к рабочему столу».

Август – сентябрь 1935 г.

Жил без меня. Я лечилась в Теберде, в санатории для легочно-больных. За это время дважды приезжал проведать. Будучи в санатории, в весе прибавила мало. Зато по приезду домой поправилась хорошо. Успокоились нервы, была жизнерадостна, весела, глядя на щебетанье жены, радовался и он.

Осень. Сентябрь – октябрь 1935 г.

Кабардино-балкарские писатели провели первый съезд писателей Кабарды. Абдул выбран членом союза правления.

Кабардинские писатели приглашены на съезд писателей Черкесской республики. В числе приглашенных и Абдул, но по дороге в вагоне у Абдула стащили туфли (купленные только накануне), запасной обуви не было ни у кого. Черкесы пришли на вокзал встречать гостей, а один из них выходит на перрон в носках, и сидит в гостинице, пока не подобрали обувь.

У Абдула новая страсть: изучает цыганский язык. У московских букинистов выписал цыганскую грамматику. Выписал слова, сложил их в коробку, носит с собой, и по дороге зубрит.

Я говорю: «Лучше бы изучил татарский язык, хоть на моем родном языке говорили бы». Он немного знает балкарский язык и немного говорил с мамой по-татарски. Кабардино-Балкарский Обком партии и правительство проводили много совещаний передовиков различных отраслей сельского хозяйства.

Появились первые герои труда – кабардинцы и балкарцы. Чествовали их. Абдул был с ними, прославлял их труд в стихах. Приезжали ученые мужи – лингвисты, профессор Яковлев и Турчанинов, оба специалисты по кавказским языкам. Говорят по-кабардински (вернее, изучают).

Психологическая характеристика Абдула. Характер спокойный, выдержанный, миролюбивый, с большим душевным тактом. Способный, умный, энергичный, работоспособный, работал как вол, не щадил себя, неутомимый, настойчивый.

Голос слабый, срывался на высоких нотах, при больших аудиториях его не было слышно, поэтому он мало выступал. Память его отличалась особой остротой и точностью (знал наизусть много художественных текстов, стихов, поэм), чтобы выучить наизусть большие произведения, достаточно было прочесть два раза, и он безошибочно мог повторить.<...>

А у меня характер беспокойный, невыдержанный, резкая, языкастая, капризная, правдивая, вполне понятно, не легко было ему со мной, ох, не легко! Но он умел обходить острые углы, когда надо – уступал, был дипломатичен, всегда «обдуривал» меня и выходил победителем.

Слева направо: Марьям Шакировна Нуриманова, Майя Нажмудиновна Пшенокова, Мария Асхадовна Пшенокова (супруга Нажмудина). 1965 г.

Национальные обычаи, привычки, традиции в нашей семейной жизни не служили преградой. Главное мы оба были честными советскими людьми, воспитанниками ленинского комсомола, коммунистами, а потому были людьми нового склада, образа мышления и взглядов. Цели и взгляды. Намерения были одинаковы, вот это нас и сближало.<...>.

Мы жили на втором этаже (Кабардинская, 43) с верандой, обращенной в сторону главного Кавказского хребта. Он по утрам любовался искрящимися на солнце голубоватыми вершинами гор, восторгался их красотами и разнообразием, писал, воспевал их, глядя на вершины гор, предсказывал прогноз погоды за день, и повторял: «Я видел горные хребты, причудливые, как мечты...».<...>

Лето 1936 г.

Все организации и школы готовились к 15-летнему юбилею Республики и 19-й годовщине Октября.

Готовилась юбилейная выставка.

Абдул был ответственным за стенд «Кабардино-Балкарская наука и культура за 15 лет». Научный институт готовил научный труд на эту же тему.

В одном из октябрьских номеров центрального журнала вышла поэма «Октябрь в Кабарде» (какой журнал и чей перевод не помню), и сдали в печать вышеуказанный фольклор.

Писатели Кабардино-Балкарии готовили сборники стихов, прозы и т.д. Абдул редактировал их. Все лето и осень разъезжал по республике, организовывал обсуждение проекта новой Конституции.

На праздники их всех одели в черкеску (он был типичен). Праздники прошли торжественно. Нас пригласили на правительственный банкет, из членов правительства приезжал К.Е. Ворошилов (может, я путаю?).

Во дворце пионеров был общегородской вечер учителей. К столу был подан жареный молочный поросенок. По этому поводу Абдул острил, пересказал рассказ Чехова.

После праздников его направили в селение Плановское на полит. хоз. компанию. Приезжал домой редко, на короткие побывки.

Январь 1937 г.

Новый год встретили в складчину среди писателей, в доме у старого партизана Круглова. Вечер прошел тихо, скучно. Оставил тяжелый, неприятный осадок. Он напоминал скорее поминки, чем новогодний вечер. Ни музыки, ни танцев, ни смеха, ни остроумия. Да, все как будто боялись раскрывать рты, какая-то натянутость, напряженное состояние. Настроение подавленное. Даже вино не развязало языки, да и пили мало. Причиной такой подавленности служило то, что по республике и по городу начались многочисленные аресты, и это наводило ужас, страх, недоверие к окружающим. Разошлись рано. Каждый, наверное, был рад, что кончилась эта пытка. Абдул не любил фальшивые отношения, а тут поневоле пришлось мириться с фальшью членов компании, чтобы окончательно не испортить новогоднее настроение. Молчал, либеральничал. Потом ругал себя за либерализм, что зря согласился участвовать, лучше бы встретили новый год у себя дома.

9 января 1937 г.

День рождения Нелочки, ей уже три года, рассказывает стишки «Муха-Цокотуха», «Елка» и т.д., много болтает, пляшет. Забавная, хорошенькая.

Целый день ждала отца. Он в Плановском. Собрались гости. Ждали. Не приступали к еде. Прислушивались к каждому шороху. Он прибыл только в первом часу ночи, когда уже гости разошлись, и именинница видела седьмой сон. Испортилась машина, стояли в пути. Озяб, продрог. Никак не мог согреться, ночью заболел (простудился).

Всю ночь не спали, говорили об ужасных событиях, происходящих в городе, об арестах, ибо среди арестованных были наши знакомые, прекрасные люди и работники. Не верилось, что они могли быть «врагами народа». Сомнение и неизвестность смущали, волновали душу.

Абдул готовил меня ко всяким превратностям судьбы, заверял, что он ни в чем не виноват. Бетал его любит и верит ему, заступится, зря в обиду не даст.

Утром получил нагоняй от Звонцова (агитпроп обкома) за самовольный выезд из Плановского. Больной, расстроенный выехал в Плановское, где оставался до 9 февраля, т.е. до дня ареста.

**Март 1937 г.
Последняя встреча.**

*Надо в горестях окрепнуть,
словно каменный утес.*

Д. Гурамишвили

Один из мартовских дней 1937 г. Идет мокрый снег, сыро, холодно, противно, а в душе еще противнее. Меня вызвали к следователю НКВД Федорову Николаю Львовичу (Пятигорский) как свидетеля для дачи показаний. Я не из трусливых, но тут такой страх обуял меня, такая безнадежная тоска защемила все мое нутро. Взяла с собой ребенка, все живая душа, отвлекает от сути дела, да и в надежде, может, сумею добиться очной ставки, т.е. свидания с Абдулом, и пусть посмотрит на свою любимицу. После допроса (кто бывал, когда бывал, о чем говорили?) до привода Абдула следователь рассказал мне, что «Ваш тюлень ни в чем не виноват, но на него наговаривают, у него благородный характер, на события смотрит трезво, старается обелить всех. Но пока идет следствие, дальнейшее покажет» и т.д. А тут привели Абдула.

Был он одет в серую (*неразб. – И.К.*) рубашку (в такой холодный день без пиджака), без воротничка, без пояса. За месяц сильно оброс, густая борода покрывала почти все лицо, на фоне черных бороды и усов выделялись мраморно-белый лоб и горячие глаза. Он таким и запомнился на всю мою жизнь. Свидание длилось более 2-х часов. Федоров был занят своим делом, а мы пересели в противоположный угол от Федорова, и беседовали. Девочка сидела на коленях у отца, гладила его лицо и все спрашивала: «Папа болен, дядя доктор не отпускает папу домой? Да? Да?». А отец рассказывал о своем житье и бытие.

Находился он в одной камере с двумя колхозниками (фамилий не знаю), и в заключении этот жизнерадостный человек не унывал, не пал духом, остался самим собой, т.е. деятельным, работоспособным, вдумчивым. Не скучал сам, и не давал скучать друзьям по несчастью. В камере он просвещал колхозников, читал и переводил им прочитанное. Играли в шахматы (фигуры из хлебного мякиша, а доску заменяла обложка ученической тетради). Б. Калмыков разрешил выдать ему письменные принадлежности, и он писал со слов колхозников историю образования и развития колхоза (какого, не знаю), песни, легенды, народные сказания и т.д. Делился со мной своими планами на дальнейшее, т.е. если его не освободят, то в лагере заключенных хотел получить заочно техническое образование, в совершенстве изучить английский язык и написать роман о том, как и за что они пострадали. Был занят составлением набросков и подбором персоналий для будущего романа, и очень жалел, что не прихватил с собой наброски, а то почитал бы.

Во время свидания держался мужественно. Много шутил, подтрунивал надо мной, называл паникершей, Зайкой-трусишкой. Напоминал о декабристах и их женах, и спрашивал: если будет возможность, сумею ли я последовать примеру Волконской и Трубецкой, т.е. разделить судьбу изгнанника. Когда получил мой ответ: «С тобой хоть на край света, везде советская власть, не все

ли равно, где и кого обучать?» – очень обрадовался, гладил по голове и говорил, что другого ответа и не ждал. Утешал, успокаивал меня, а в случае, если он задержится в заключении, просил беречь Нелю, себя, и не забывать его.

На прощание приподнял девочку выше головы и поклялся, что совесть его чиста, ни перед Родиной, ни передомной ни в чем себя виноватым не считает. Это была наша последняя встреча, и последние просьбы, фразы его. Я очень верила ему, и ни капельки не сомневалась в его искренности, в его правоте. Нет, не жил он кривдой.

Умер 10 августа 1938 года.

Завещание Абдула исполнено. Дочь нашу я выходила, вырастила. Дала ей образование (окончила энергетический факультет политехнического института). Вывела ее в люди (работает в Госпроекте, инженер-энергетик). Не смогла только дать ей музыкального образования. Материально не под силу было. Она унаследовала от отца все лучшее, как внешне, так и по характеру. Кудрявые волосы (светлая шатенка), густые брови и ресницы, продолговатый разрез глаз, жгучий взгляд при гневе. Маленькие ручки с тоненькими пальчиками. Маленькие ножки. Правда, хрупкая, но женственная. Умная, до чертиков способная, миролюбивая, настойчивая. Если бы он мог видеть ее, он бы гордился ею. Именно такую он хотел ее видеть.

Мне очень горько и больно, что я не знаю, где он похоронен. Не могу посещать дорогую мне могилу, не могу носить любимые им три полураспустившиеся розы (красная, белая, розовая). Он сам мне дарил розы, только в таком сочетании.

Ташкент.

Май 1958 г.

Марьям Шакировна Нуриманова.

P.S. Брак наш не зарегистрирован, поэтому не Пшенокова.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архив ИГИ КБНЦ РАН – *Архив* Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Кабардино-Балкарская... 1937 – *Кабардино-Балкарская* литература // Большая советская энциклопедия. Т. 30 (история – камбиформ). – М.: Советская энциклопедия, 1937. – 799 с.

Кабардинский... 1936 – *Кабардинский* фольклор / Общ. ред. Г.И. Бройдо. – Москва; Ленинград: «ACADEMIA», 1936. – 650 с.

Книга памяти... 2009 – *Книга памяти* жертв политических репрессий. Кабардино-Балкария 1920-1941 / Сост. Н.И. Лафишева. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. – 552 с.

Мамбетов 1976 – *Мамбетов Г.Х.* Кабардино-Балкарскому научно-исследовательскому институту пятьдесят лет (1926-1976). – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 123 с.

Налоев 2005 – *Налоев Дж.* Литературное наследие (на каб. яз). – Нальчик: Эль-Фа. 2005. – 225 с.

Политические... 2017 – *Политические* репрессии на Северном Кавказе (1918-1940). Историко-архивные материалы и воспоминания / Авт.-сост. А.К. Шапарова. – Минеральные Воды: АО «Издательство «Кавказская здравница», 2017. – 824 с.

Сделавшие... 1968 – *Сделавшие первый шаг* (на каб. яз.) / Сост. Е. Машитлова. – Нальчик: Эльбрус, 1968. – 377 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

УЦДНИ АС КБР – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

REFERENCES

Arkhiv IGI KBNTs RAN – *Arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Archive of the Institute of Humanitarian Researches of the Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. (In Russian)

Kabardino-Balkarskaya literatura [Kabardin-Balkar Literature]. IN: *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. T. 30 (istoriya – kambiform)* [Grand soviet encyclopedia. Vol. 30 (istoriya – kambiform)]. – М.: Sovetskaya entsiklopediya, 1937. – 799 p. (In Russian)

Kabardinskii fol'klor [Kabardin folklore] / Ed. by G.I. Broido. – Moskva; Leningrad: «ACADEMIA», 1936. – 650 p. (In Russian)

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressii. Kabardino-Balkariya 1920-1941 [Book of remembrance for the victims of political repressions. Kabardin-Balkaria 1920-1941] / Ed. by N.I. Lafisheva. – Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2009. – 552 p. (In Russian)

MAMBETOV G.Kh. *Kabardino-Balkarskomu nauchno-issledovatel'skomu institutu pyat'desyat let (1926-1976)* [Fifty years anniversary of the Kabardin-Balkar research institute (1926-1976)]. – Nal'chik: El'brus, 1976. – 123 p. (In Russian)

NALOEV Dzh. *Literaturnoe nasledie (na kab. yaz)* [Literary heritage]. – Nal'chik: El'-Fa. 2005. – 225 p. (In Kabardian)

Politicheskie repressii na Severnom Kavkaze (1918-1940). Istoriko-arkhivnye materialy i vospominaniya [Political repressions in the North Caucasus (1918-1940). Historical-archival materials and recollections] / Ed. by A.K. Shaparova. – Mineral'nye Vody: AO «Izdatel'stvo «Kavkazskaya zdavnitsa», 2017. – 824 p. (In Russian)

Sdelavshie pervyi shag (na kab. yaz.) [Those who made the first step] / Ed. by E. Mashitlova. – Nal'chik: El'brus, 1968. – 377 p. (In Kabardian)

UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Office of the Central state archive of Kabardin-Balkar Republic's archival service]. (In Russian)

UTsDNI AS KBR – *Upravlenie Tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Office of the Center for documentation of modern history of Kabardin-Balkar Republic's archival service]. (In Russian)

УДК 82-193.7

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-1-179-190

**ЭВОЛЮЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ПОЭЗИИ:
ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ, ПОЭТИКА****Л.Х. ХЕЖЕВА, З.М. КАРДАНОВА**

*ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: rjhlfyjdf@mail.ru*

Аннотация. В статье представлено комплексное изучение современной (постсоветской) адыгской (кабардино-черкесской) поэзии с акцентированием внимания на основных проблемах, затрагиваемых в ней, т.е. с выявлением доминирующих мотивов. Актуальность работы продиктована необходимостью восполнения существующего пробела в исследовании современного национального литературного процесса. Основное внимание уделено выявлению универсальных и индивидуальных мотивов поэзии современных авторов, что является необходимым условием для воссоздания целостной картины эволюции кабардино-черкесской поэзии. Научная новизна исследования обусловлена изучением творчества молодых авторов, вошедших в литературный процесс относительно недавно – в начале XXI века.

Ключевые слова: кабардино-черкесская поэзия; эволюция; современная тематика; поэтика; мотив; композиция; литературный процесс.

**EVOLUTION OF THE MODERN KABARDIN-CIRCASSIAN POETRY:
MAIN MOTIVES, POETICS****L.Kh. KHEZHEVA, Z.M. KARDANOVA**

*FSBEI HE «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov»
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: rjhlfyjdf@mail.ru*

Abstract. The article presents a comprehensive study of modern (post-soviet) Adyghe (Kabardian-Circassian) poetry, with an emphasis on the main problems involved in it, that is, with the identification of dominant motives. The urgency of the work is dictated by the need to fill the gap in the study of the modern national literary process. The main attention is paid to the identification of universal and individual motifs of the poetry of contemporary authors, which is a necessary condition for the reconstruction of the integral picture of the evolution of Kabardian-Circassian poetry. The scientific novelty of the study is due to the study of the creativity of young authors who entered the literary process relatively recently – at the beginning of the 21st century.

Key words: Kabardian-Circassian poetry; evolution; modern themes; poetics; motive; composition; literary process.

ИДЖЫРЕЙ КЪЭБЭРДЕЙ-ШЭРДЖЭС УСЫГЪЭМ И ЗЫУЖЬЫНЫГЪЭР: МОТИВ НЭХЪЫЩХЪЭХЭР, ПОЭТИКЭР

XX лэщыгъуэм адыгэ усыгъэм гъуэгуанэшхуэ кызыэпичащ: зы лэщыгъуэ иримыкьупэ зэманым къриубыдэу ди лъэпкъым щызэлъэщысащ нэхъапэхэм закъуэтлакьуэ дьдэм нэмыщI яхуэмыгъэIурыщIэу шыта адыгэ тхыбзэр. Ар зи тегъэщIапIэ литературэми лъэпкъым и фащэ пальэу зиузэщIри, езы адыгэ лъэпкъым хуэлажьэу, Урысей къэралыгъуэм и адрей лъэпкъэхэми, дуней псом щекIуэкI литературэ зыгуэщIыныгъэм и тхыдэми зы IыхъэкIэ хэуэу зыужьыныгъэ пыухыкIа игъуэтащ.

Иджырей литературэ, иджырей усыгъэ щыжыпIэкIэ, абы кызыэщIиубыдэ пIалъэр илъэс бжыгъэ хэхам иту кыпхуэгъэльэгъуэнукъым. Ди статьям и кIуэцIкIэ «иджырей усыгъэ» гурыIуэныгъэм дэ кыидгъээзэгъэнущ иужьрей илъэс тIощIыр – совет нэужь лъэхъэнэм (XX лэщыгъуэм и 90 гъэхэм) кыщегъэжьауэ 2010-2018 гъэхэм къэсыху. Лэжьыгъэм и темэр зэрыубзыхуам ипкъ иткIэ, абы щызэхэдубла къэхутэныгъэр зыхуэунэтIауэ шытынур къэдгъэльэгъуа илъэс тIощIым къэбэрдей-шэрджэс усыгъэм нэхъыбэрэ тегъэщIапIэ ищIа нобэкIи ищI гупсысэхэр, мотивхэр, иджырей адыгэ усакIуэхэр зыгъэпIейтейуэ я тхыгъэхэм кыщагъэльэгъуэж Iуэхугъуэхэр зэIубз щIынырщ, щIэныгъэр и лъабжьэу джынырщ.

Литературэм кыкIуа гъуэгуанэр кыщапщытэжкIэ, ар лъэхъэнэрэкIэ зэпагъэщхъэхукI хабзэщ. Абы лъабжьэ хуохуэ Iуэхугъуэ зыбжанэ: жылагъуэр зыхэт политикэ-экономикэ псэукIэр, эстетикэм кыщыхуэ IэмалыщIэхэр, литературэм кыигъэсэбэп стилхэм ягъуэт зэхуэакIыныгъэхэр, н.ку.

Дызэрыщыгъуазэщи, XX лэщыгъуэм и 90 гъэхэм ирихъэлIэу илъэс куэдкIэ ди къэралым шыIа политикэри, экономикэри, идеологиери зэтекъутэжащ. А тхыдэ къэхъугъэшхуэхэм къашащ литературэми кыщыхуэа зэхуэакIыныгъэхэр. Ахэр нэхъ щынэрылъагъуэщ усыгъэм, сыту жыпIэмэ дуней къэхъукъащIэхэм нэхъ псынщIэу пэджэж литературэ пкыгъуэу ар щытщи. Абы и жанрхэр, псом хуэмыдэу лирикэм хабжэхэр, къэбэрдей-шэрджэс литературэм щыпашэу кыщIэкIащ совет нэужь лъэхъэнэми. Абы щыхъэт тохуэ Бештокъуэ Хъэбас, IутIыж Борис, Уэрэзей Афлик, Бицу Анатолэ, Бемырзэ Мухъэдин, Нэхуш Мухъэмэд, Сонэ Абдулчэрим, Пхъэш МуIэд, Мыкьуэжь Анатолэ, Тхыгъэпсэу Увжыкьуэ сымэ, нэгъуэщI куэдми я лирикэ гъуээзджэр.

Зи гугъу тщIы 90 гъэхэм кыщыщIэдзауэ 2010–2018 гъэхэм къэсыху абыхэм я лъэмбым иувэу къэбэрдей-шэрджэс литературэм кыыхыхъащ усакIуэ ныбжьыщIэхэу ПщыукI Латмир, Къаныкьуэ Заринэ, Бэлагы Любэ, Абрэкьуэ Беллэ, МахуэлI Нарзан, Брат Мурат, Хъэвжокъуэ Людмилэ, Бемырзэ Зураб, Гугъуэт Заремэ, КъуэщIысокъуэ Марьянэ, Жамбэч Рабия, Чэнджэщауэ Артур сымэ, нэгъуэщIэхэри.

Я къэгъэльэгъуэкIэхэр зэщхъэщыкIми, усакIуэхэр хэкум хуаIэ лъагъуныгъэр зэрыкуум икIи зэрыкIэншэм зэрешалIэ, лъэпкъ зэхэщIыкI-гупсысэр дэтхэнэ зыми и усыгъэм вагъуэу кыыхолыдыкI. УсакIуэ нэхъыжьхэми, абыхэм я гъукIэгъэсэнхэми яхэткъым зи IэдакъэщIэкIэхэм адэжь

хэкум и теплэ дахэмрэ абы и образ уардэмрэ шызыфлэзымыгъэува, абы и флэгъ псори усэбзэ дахэклэ къэзымылуэта. Абы къыдэклуэуи, щлалэгъуалэм я усыгъэм шытепщэщ гурыщлэ мотивхэри, нэм къылуидзэ дахагъэм – щлыуэпсым теухуа гупсысэхэри, н.

XX лэщлыгъуэм и 90 гъэхэм къэбэрдей литературэм къыхыхъа бзылхугъэ усаклуэхэм адыгэ усыгъэм и зыужьыклэм щлэщыгъуагъ халъхъаш, мотивыщлэхэр, ахэр зэралуатэ лэмалыщлэхэр къагъэунэхуаш. Апхуэдэщ, Бэлагы Любэ, Кхъуэхъу Хъ., Лъостэн Музэ, Хъэкъун Р., Мыжей М., Къаныкъуэ Заринэ, Тхъэгъэпсэу А., Аброкъуэ Б. сымэ, нэгъуэщлэхэми я усыгъэр.

Бэлагы Любэ и усэхэм нэхъыбэрэ къапкърыщыр хэкупсэ гупсысэхэрщ, апхуэдэу щлыщытри щхъэусыгъуитклэ щлэгъэбыдащ. Япэрауэ, ар зэхъэллар дэтхэнэ усаклуэ псэ паллэми хуэдэу, абы и хэкури, шалъхуа щлыналъэри, и лъэпкъри флыуэ зэрилъагъурщ. Етлуанэрауэ, и сабиигъуэр щигъэклуа жылэжымырэ и адэжъ лъахэмрэ пэлэщлэу хамэ щлыплэ зэрыщыпсэурщ. Аращ усаклуэр сыт щыгъуи зыщалъхуа Къармэхъэблэ къуажэм щлыхуэзэшыр. Апхуэдэу шытми, Бэлагыр гу къуэпсклэ и лъапсэжымы епхаш икли «Си Къармэхъэблэ...» усэм щетх:

Сэ куэдрэ куэдрэ уэ сынопсалъэ,
Сэ жэщкларэ жэщкларэ уэ сынопщлыхъ,
Мы дунеишхуэм тетмэ зы налъэ,

Ныпхуихъыфыну хъыбар – ар слурьыщ [Балагов 2008: 618].

Усэм и къыклэлыклуэ едзыгъуэм деж усаклуэм хэкур, зыщалъхуа и къуажэжымы и образыр гум и пщтырагъымы икли и къабзагъымыклэ къегъэлабгъуэ, зэгъэпщэныгъэ нэрымылбагъуклэ щлэгъэбыдауэ. Усаклуэр и хэкумрэ и жылэжымырэ сыти хуэхъуфынууш, уеблэмэ и гъащлэри щхъэузыхъ хуищлыну хъэзырщ.

Зыужьыныгъэ зыгъуэтахэм ящыщ Бэлагымы и лбагъуныгъэ, философии лирикэхэри. Абы щыгъуэми зы усэм и клуэцклэ ахэр шызыхэшыпсыхар мащлэкъымы. Апхуэдэщ «Къытещхъаклэщ нэху...», «Дауэ узимылэу сыпсэуа?...», «Тхъэм сыпхуолъэлу», «Лбагъуныгъэ гугъу...», «Уезэшащ...», «Къыумыщл си жагъуэ...», нэгъуэщл куэди.

«Тхъэм сыпхуолъэлу» усэм гурыщлэ къабзи, гуапагы, лъэпкъ зэхэщыкклэ псыхъа дуней лбагъукли къыпкърош:

Итщ зэпымычу гъэунэхушлэ,
Си лбагъуныгъэ ежъэжар,
«Насып лыхъэ мыгуэшыр» натлэт? ...

Бжыгъэнши нэ къыттеплъызар! [Балагов 2008: 620]

Цыхур къэзыухъуреихъ дунейм нэхъуеиншэу шыхэплъэм дежи, зи гугъу тшы усаклуэ гупым псом япэу къалыхъуэр псэм къыхуигъэуу упщлэхэм я жэуап къезытыфыну къэхъукъащлэхэраш. Апхуэдэщ, къапщтэмэ, **Къаныкъуэ Заринэ** и усыгъэр. Цыху куэдым гурылуэгъуафлэ ящыщлыным хущлэмыкъуэщ шытыклэр занщлэу мыбдеж къышыболбагъу. Заринэ и лирикэм хэт лыхъужьыр псоми еклуаллэ шытыклэ къызэрыгуэклым зэрытемыхъэр нэрылбагъуш, – сатырхэм къахэлуклыр цыхубз макъщ. Псом хуэмыдэу лупщлу

ар шынэрылыагыуш «СыкызыэплэжкIри – зыслэагыужырт» зыфIица усэ кIэщI цIыкIум:

Зыщыслэагыужым куэд скIэрыхури,
Сыкыэхури псынщIэ, зэу сыбзэхт...
СыщIэгъри сыт?
Сыт сыщIэгугфIэр?

А псор абдеж кыысфIэмыIуэхут... [Кануков 2008: 624].

Къаныкыуэ Заринэ и усыгъэм хэкупсэ мотивхэр щымащIэкъым. УсакIуэ куэдми хуэдэу, хэкум и образыр кызыэригъэлыагыуэр абы и блэкIа гуузыр, и тхыдэ бэлыхькIэ гъэнщIар и усэ сатырхэм хиухуанэкIэрэщ. АбыкIэ зэфIэгъэува мэхуэ лъэпкъым кыкIуа гъуэгуанэри, кызыэринэкIа лъэпощхьэпохэри, нэхьыщхьэраши, хэкум и образ жыру гугъуехьхэм япсыхар. «Щытепщэр гъуэгущхьэм уэ къащIэ...» усэм Къаныкыуэм хэкум и образым хегъэшпыпсыхь абы кыхуэпабгъэрэ кыхуэхьуапсэу зи гъащIэр зыхь хэхэсхэм я гурыгъухэри:

Щэнауэу и ныбжь кьэутIыпщыр,
Лъэпкъ тхыдэу зи пэж ямытхам.
ХамэщI и кыуэж-кыуэпс щыщIоупщIэ

ХуэлIапэу хэкужь и хьэуам [Кануков 2008: 623].

Усэм и кIэухым деж усакIуэр и хэкумрэ и лъэпкъымрэ я къэкIуэну дахэм и гупсысэр хуегъэлыащэ, фIытеIуэ псалъэхэмкIи еух:

Ухэтми зэи кызымыдзэ
Зэманыр уи бийми, си лъэпкъ,
Къэблагъэу кIэухыр умыдэ

ХэкIыпIэ кыуитыну солъэIу [Кануков 2008: 623].

90 гъэхэм къэрал псом кыщыхьуа жылагъуэ, политикэ, щэнхабзэ, литературэ зэхуэкIыныгъэхэм зи усакIуэцIэр къадэунэхуахэм ящыщI *МахуэлI Нарзан*. Ар усэ тхылыщкIэ («Гум и пшыналъэ» (1994), «Мывэм сопсалъэ» (1997), «Усэхэр» (2001)) лъэпкъ литературэм хэуващ, ауэ иужьрей лъэхьэнэхэм и усакIуэ «макыыр» нэхь ужьыхыжащ. Апхуэдэу щытми, МахуэлIыр нэхь усыгъэ купщIафIэкIэ, философиие кууагъ зыщIэлъкIэ зи макъ зыгъэIуа закыуэтIакыуэм ящыщI.

МахуэлI Нарзан и усыгъэм и мотив нэхьыщхьэр хэкур фIыуэ лыагыуным ехьэлIащ, гуэхыпIэ имыIэу лъэпкъым и тхыдэм щепхащ. Адыгэм и блэкIа гукъутэр усакIуэпсэм удын хуохьу. «Куэдыщэ игъэващ си адэ лыахэм...» усэм МахуэлIым щетх:

Куэдыщэ игъэващ си адэ лыахэм,
И тхыдэр лырэ нэпскIэ япсыхьащ.
Зэгуэр си хэку шабзэшэу кытехуахэм

Щыщ зы мы си гум хэлъу сыкыалъхуащ [Махолов 2008: 629].

АдэкIэ усэм кыщыIуэтащ адыгэ хэкум и къабзагыымрэ адыгэ фащэм и дахагыымрэ. Уеблэмэ лирикэ лIыхьужьым кыыхегъэщ фащэри хабзэри лъэпкъым и налкъутналмэсу кызыэрыдекIуэкIыр. Абы кызыэриллытэмкIэ, хуабагъэрэ нур гуапэкIэ гуашэ езы дыгъэ дыдэми екIунут а фащэр. Абы и щыхьэту усэм кыщокIуэ мыпхуэдэ сатырхэр:

Хуэмыдэ гъащIэт сэ си хэку хуэфашэр,

Абы хуэфашцэ псор пхуэмылуэтэнт...

Зэгуэр щитлэгъэфатэм ди лъэпкъ фашцэр

Мо дыгъэр пэт адыгэм тхэгъуэщэнт [Махолов 2008: 629].

МахуэлI Нарзан нэгъуэщI и зы IэдакъэщIэкIми кыыхош адыгэ хэкум и образ гъэщIэгъуэн. УсакIуэм «Мывэхэр и куэдщ сэ си кьурш лъахэм» усэм пэжу гу зэрыщылъитэщи, ди хэкур мывальэ щIыпIэщ. Ауэ псом нэхьрэ нэхь гъэщIэгъуэныр, балькьэр усакIуэшхуэ Кулиев Къасын и «УIэгъэ хьуа мывэ» («Раненный камень») усэм е Бештокъуэ Хьэбас и «Мывэ лъэхьэнэ» роман-мифым кызырэыхэщым хуэдэу, МахуэлIым ди хэкум и мывэ кьэскIэ псэ яIуту кызыэригъэлыагъуэрщ:

Мывэхэр и куэдщ сэ си кьурш лъахэм.

Мывэхэм куэдыщэ я фэм докI,

Зым и гъащIэр щехьыр псыхьуэ дахэм...

Зым и щыфэм пшэхэр щызэблэкI [Махолов 2008: 629].

УсакIуэм кызыэрилъытэмкIэ, мывэхэри хэкупсэу псыхьаш, абыхэми, цIыхум хуэдэу, я гъащIэр хэкум щхьэузыхь хуащI икIи абыхэм я образыр лъэпкъым и джакIуэу усэм кыыхошцэж:

Джэрпэдджэыр нэхь щIэзыгъэхуабжьэ

А мывэжхэм щхьэщэ яхузощI. –

Я кьурш лъахэр къагъэушын папщIэ

Ахэм зыщадзыжу бгым кыысфIощI [Махолов 2008: 629].

МахуэлIым и философиие гупсысэхэр кууш, и усэхэм кыыщигъэщI гупсысэхэр укыигъэуIэбжьу гъэщIэгъуэнщ. Ар сытым хуэмыусэми, и IэдакъэщIэкIхэм эстетикэ куур я лъабжьэщ, гъащIэм и IэфIыр я курыкупсщ. Щапхьэу къэтхьынщ «Си хьуэпсапIэхэм щыщ...» усэм и кIэух едзыгъуэр:

Дыгъэм хуэдэу и псэр ину,

Хэлыу хуабэ куэд,

СыщIохьуэпсыр зэгуэр стхыну

ГъащIэм и сурэт [Махолов 2008: 629].

МахуэлI Н. и усыгъэм щIыуэпсым и теплъэ зэмыфэгъуи, цIыхупсэм игъэв гурыщIэ зэмылIэужьыгъуи куэдрэ кыыхош. УсакIуэм и псэ къабзагъымрэ щIыуэпсым и дахагъымрэ щызэпэдджэжу гъэпсахэм ящыщ «МахуэщIэм пезьэу жэщыр кьэзыгъащтэ...», «Дыгъэпс къабзащэм еIубыну...», «Сыту жэщ къабзащэ...», н.

Совет нэужь лъэхьэнэм тхэн щIэзыдзахэм ящыщ *ПщыукI Латмир*. И щIалэгъуэ дьдэм кыыдигъэкIа «КъуэкIыпIэ пшэплъ» (1991), «Си гум и IэпапIэ» (1997) усэ тхылъхэм хэкупсэ мотивхэр зыубгъуащэ щымыхьуаами, 2011 гъэм дунейм кыытехьа «Губгъуэ зэрыджэ» сборникым усакIуэм нэхь куууэ кыыщигъэлыэгъуащ щалъхуа щIыналъэм и дахагъымрэ, абы хуиIэ фIылыагъуныгъэм и къабзагъымрэ. Абы щыгъуэми усакIуэм лъэпкъым и тхыдэр тегъэщIапIэ щыщIыр мащIэкъым.

Сыт нобэкIэ ПщыукIыр зыгъэпIейтейр, сыт усакIуэпсэр зэрыгъур?

Псом япэу ар зыгъэнэщхьей Iуэхугъуэхэм ящыщ щIалэгъуэр пэIэщIэ зэрыхьур, жьыгъэр кызыэрыблагъэр:

Йожьэжри, сыкьегъэгугъэ

АфІэкІ кымыхъэну си лъапсэ,

КъэпцІыхужыну гугъуу,

ЗбгъэдокІри, мэхъужыр къабзэ... [Пшуков 2011: 19].

АрщхъэкІэ лыпІэ иува усыгъэм жыгъэр къытекІуэркъым, абы иджыри
ІуэхуфІхэр щІым къыщыпоплъэ, къалэн куэд игъээщІэну и пцэ дэльщ:

Уафэм и лъащІэм пхрыкІ гъэжалъэм

Сильэтыжыну жыІуэщ [Пшуков 2011: 5].

Темэ и лъэныкъуэкІэ убгъэдыхъэмэ, ПщыукІым и усыгъэм ущрохъэлІэ
щІуэпсым, лъагъуныгъэм, хэкур фІуэ лъагъуным теухуа, ахэр псори
щызэхэхуэнэжа усэхэм. Ауэ абы лъагъуныгъэ усэхэр щынэхъыбэщ. Ар и зы
щыхъэтщ усакІуэр зытегузэвыхъ щІалэгъуэр иджыри пэлэщІэ зэрымыхъуам,
«зэремыжьэжам».

ПщыукІым и лирикэ лыхъужыым и лъагъуныгъэр къуэпсыбэщ,
плъыфэбэщ, ауэ нэхъыбэу нэщхъейщ икІи жэуапыншэщ. ФІуэ илъэгъуам
Іумпэм кыищІа гурыщІэм лирическэ лыхъужыым бэлыхъ куэд ирегъэшэч,
арщхъэкІэ ар зэрихъуэжын фІыгъуэ дунейм теткъым:

Сэ гъусэ сщІынукъым нэгъуэщІ.

ЩыхъэщІукІым Іэпкълъэпкъ нэщІыр

Гъусэ хуэхъуар уэрат си жэщым,

Псэ тІэкІур, гъужмэ, хъунуц гъуэжъ,

Сэ гъусэ сщІынукъым нэгъуэщІ [Пшуков 2011: 9].

УсакІуэм и лъагъуныгъэ лирикэм гъэщІэгъуэнагъыу хэльыр ар
пейзажым къыгуэхыпІэ имыІуэ зэрэпхарщ. УсакІуэм и гум щыщІэхэр
нэхъыбэрэ къызэриІуатэр дыкъэзухъуреихъ дунейм кыхиха образхэмкІэщ,
дунейм и щытыкІэмкІэщ. Лъагъуныгъэ жэуапыншэм щыІуцІэкІэ, абы и псэм
зыкыдищІу, дунейми зехъуэж: «уафэр хэпцІыкІыу къольэхъшэх» [Пшуков
2011: 61], «къуршым пшэ гуартэ къыщхъэдох, псэм къеныджэуэрэ фІыцІэу»
[Пшуков 2011: 67], «щІым къосри уэшхыр, налкъуту мэццэщэж» [Пшуков
2011: 13].

ПщыукІ Латмир и усыгъэр зэрыщыту къапщтэмэ, и бзэр къулейщ,
шэрыуэщ. УсакІуэм Іэзу къегъэсэбэп бзэм и Іэмал зэхуэмыдэхэр: эпитетхэр,
метафорэхэр, къэгъэпсэуныгъэхэр, и усэ сатырхэр псалъэжхэмрэ жыІэгъуэхэмрэ
щыпэгъунэгъури мащІэкъым.

Иджырей лэхъэнэр – ХХ лэщІыгъуэм и 90 гъэхэм къыщегъэжбарэ
иужьрей илъэс тІощІыр къызэщІиубыдэу – къапщтэмэ, шэрджэс усыгъэм
зыужыныгъэшхуэ игъуэтауэ пхужыІэнукъым, абы хэлэжыхъ усакІуэ
нэхъыщІэхэм я бжыгъэр зэрымащІэ дыдэм кыхэкІыу. Нэхуц Мухъэмэд,
Дыгъужь Къурмэн, Бемырзэ Мухъэдин сымэ дунейм зэрехыжрэ, шэрджэс
усыгъэр куэдкІэ нэхъ фагъуэ хъуащ, абы и зыужыныгъэри къэбэрдей усыгъэм
хэпцІыкІыу къыкІэрыхуащ. Апхуэдэу щытми, нобэкІэ абы телажъэу, усэ
хъарзынэхэри я Іэдакъэ къыщІэкІыу, тхыль щхъэхуэуи къыдагъэкІхэу я цІэ
къипІуэфынуц усакІуэ нэхъыжхэу Шэрджэс Алий (Хъэбзэ), Шорэ Хъэсин
(Хъэгъундыкъуей), ГъукІэкъул Даут (ВакІуэ-Жылэ), Тхъэгъэпсэу Увжыкъуэ
(Хъэгъундыкъуей), Хъэкъун Риммэ (Хъэбзэ), Зэубыд Ахъмэд (Зеикъуэ), Шорэ
Ахъмэд (Хъэгъундыкъуей) сымэ, нэгъуэщІ зыбжани. Абыхэм я лъэмбым

кѳиуващ усакІуэ щІалэхэу Брат Мурат, Бемырзэ Зураб, Чэнджэщауэ Артур сымэ, нэгъуэщІ зыбжани.

Шэрджэс усыгъэм нобэкІэ нэхъ жыджэру хэлыжьэхьыр *Бемырзэ Зурабщ.* Абы и ІэдакъэщІэкІхэр гъащІэм и лъэныкъуэ куэдым хуэунэтІащ, Іуэхугъуэ зэмылІэужьыгъуэхэр кызыэщІаубыдэ. Абыхэм уащрохьэлІэ гъащІэм и философии куу кызыпкърьщхэми, лъагъуныгъэ къабзэм теухуахэми, дыкъэзыухъуреихъ дунейм и дахагъэхэр кызыхэщхэми. Ауэ Зураб и усыгъэм бжьыпэр щызыІыгъыр хэку лъагъуныгъэрщ, лъэпкъым и тхыдэми, и нобэми усакІуэр къуэпс быдэкІэ зэрыпыщІар кызыпкърьщ гупсысэхэрщ. ЖытІам и шапхъэу къэбгъэлыагъуэ хъунуш «Ди псыхъуэр сыту кІагъуэ, щэху...» усэр. Абы и пэщІэдзэм деж усакІуэм дунейм и дахагъымрэ и лъахэм хуиІэ гухэль къабзэмрэ зэгъуэхьпІэ имыІэу зэхэхуэнауэ кыщегъэлыагъуэ:

Ди псыхъуэр сыту кІагъуэ, щэху...

Хоплызэр дзэлхэр псыежэхым.

Къохыжри уафэм вагъуэ шэху,

Зы лъагъуэ закъуэ кърешэхыр [Бемурзов 2014: 159].

АдэкІэ усакІуэм къегъэщІ хэкум и образ лъэщ, абы папщІэкІи шапхъэу кѳихьыр езыр шалъхуа, и сабиигъуэр щигъэкІуа щІыпІэрщ – Инжыдж псыхъуэрщ. И хэкум хуиІэ фІлылагъуныгъэр Бемырзэм зІухауэ, мыхъэнэ зэхъэкІаи имыІэу, бзыщІаи хэмылъу, и усэм щегъэлыапІэ:

Сыхуейкъым зыкІи сэ жэнэт,

Ахърэту щыІэм я дахагъэм.

Зы Инжыджыпс Іэбжьыб кызыэт,

Си псыхъуэм сыпызыщІэ уагъуэ [Бемурзов 2014: 159].

Художественнэ къару лъэщкІэ псыхъащ Бемырзэм и лъагъуныгъэ лирикэри. Гухэльым цІыху гъащІэм мыхъэнэуэ щилэр усакІуэм и ІэдакъэщІэкІ куэдым куууэ кыщыІуэтащ. Абыхэм ящыщ «Жейрысэ» зыфІица усэр:

НапІэхэр зэ къэбгъэлІыхмэ,

Псалъэм уи Іупэр зэтрихмэ,

ЩІым щІидзэжынщ кІэрэхъуэн [Бемурзов 2016: 90].

Темэхэм уахэплъэрэ, сыт нэхъ кызыэрымыкІуэу Бемырзэ-нэхъыщІэм къехуулэр жыпІэмэ, ар урысыбзэкІэ «граждан лирикэ» зыфІащ «къамэ кѳихыкІэращ». Зураб и усэхэр хэкулІ усэ къудейкъым, хульхугъэ усэщ, и лъэпкъым и гукъеуэхэр, езым и псалъэкІэ жыпІэмэ, «лтынтхуэрыкІуэу» щызыхищІэу. Лъэпкъращ абы зыхужилэр:

Инжыдж псыхъуэм дохъэж хъэжрэту

Хуитыныгъэр ищІауэ псэгъу.

Дыгъужьыдзэу, пшагъуэкІэм хэту

Тхыдэ къупщхъэм инату йогъу [Бемурзов 2016: 87].

Абы адыгэм и гукъеуэхэр кѳиуатэ къудейкъым, пкъырытщ, дэтхэнэ усэми фІыхыхъэу. Адэр, лъэпкъыр, къуажэр, хэкур зищІысыр, цІыхур уафэм къехуэха мывэ хъурейуэ зэрыщымытыр, езым ипэрэ иужькІэ ит чырэм кызыэрыхэмыкІыфынур, ар узэбакъуэ мыхъун гуэру зэрыщытыр Зураб и ІэдакъэщІэкІ куэдым кыщыхегъэщ.

Я художественно дуней лъагъукIэки, я хьэткIи япэ итахэм къащхьэщыкIыу, уеблэмэ «лъэхьэнэщIэм и щIэблэкIэ» уеджэ хьуну иужьрей ильэсхэм лъэпкъ лирикэм ныбжьыщIэ зыбжанэ, гуп щхьэхуэу, кыыхыхьащ. Лъэпкъ литературэм и бэуэкIэм кIэлъыплъ щIэныгъэлIхэри кызыэрыгуэкI щIэдзыкIакIуэхэри зыщыгуфIыкI а щIэблэм хохьэ Хьэвжокъуэ Людмилэ, КъуэщIысокъуэ Марьянэ, Жамбэч Рабия, Гугъуэт Заремэ, Бэрбэч Аслъэнджэрий, Беслъэней Нинэ, Иуан Аксанэ, Къэзан (Гъыдэ) ФатIимэт, Шорэ Маринэ, Кумыщ Маринэ, нэгъуэщIхэри. Художественно дуней гъунапкъэншэм абыхэм кыщчалыхьуэхэмрэ я къэхутэныгъэхэр зыхуэунэтIымрэ а усакIуэ, прозаик ныбжьыщIэхэм я тхыгъэхэр щызэхуэхьэса тхылъхэм итхэм кыуагъащIэ. Апхуэдэ тхылъ зыбжанэ иужьрей ильэсхэм «Эльбрус» тхылъ тедзапIэм кыщыдэкIащ: «Жызум уэшх» (2005), «КъудамэщIэ» (2009), «Шыхульагъуэм» и вагъуэхэр» (2010). НыбжьыщIэхэм я зэфIэкIыр усэми, проэми кыщагъэлягъуэ. КъыщынэмыщIауи, ищхьэкIэ къедбжэкIа усакIуэ ныбжьыщIэхэм зи IэдакъэщIэкIхэр тхылъ щхьэхуэу кыдэзыгъэкIаи яхэтщ.

Къэбэрдей усакIуэ ныбжьыщIэхэм ящыщу усыгъэм нэхь жыджэру хэлэжьыхьхэм ящыщ *Хьэвжокъуэ Людмилэ*. Абы тхэн пасэ дьдэу щIидзащ, и усэхэр Къэбэрдей-Балкъэрым кыщыдэкI газетхэмрэ журналхэмрэ куэдрэ традзащ, 2011 гъэм «Гухэль нальэ» япэ усэ тхылъыр кыдигъэкIащ.

Людмилэ и усыгъэм мотив куэд щызэхэхуэнащ. Зыужьыныгъэ нэхь зыгъуэтахэм ящыщ лъагъуныгъэ, философии лирикэ лIэужьыгъуэхэр, абы щыгъуэми хэкумрэ лъахэмрэ яхуэгъэзауэ, хэкупсэ мотивхэр ебэкIыу гъэпсауэ усэ куэд усакIуэ пщашэм и Iэдакъэ кыщIэкIащ. «Тхьэм укыхьумэ, си Адыгэ!» зыфIища усэм щызэхэхуэнащ лъэпкъми дыщыпсэу щIынальэми я блэкIар, нобэр, къэкIуэнур. Псом хуэмыдэу усакIуэр нэхь тогузэвыхь къэкIуэну дунейм, щIэблэщIэ къэхур зыщIапIыкIыну хабзэхэр зэрыкIуэдыжым, бзыльхугъэхэм я нэмыс зэрамыIыгъыжым, цIыхухьухэм лыгъэ къазэрылтыкыуэмыкIыжым. Псалъэм папщIэ, а гупсысэхэр щызэгъэуIуащ мы сатырхэм:

Тхыдэжь и мафIэм ноби уес...
Тхьэм укыхьумэ, си Адыгэ!
ЩыпхэмытыжкIэ зекIуэлI ес,
Нэмыс хэлыжу зы нэрыбгэ

УщимыIэжкIэ, дэнэ нэс
Уэ укIуэфыну, уису шыбгым,
УкIуэщIрыкIыу лыгъей мэз,
УщхьэпрыкIыу Жыгъэибгым... [Стихи... 2015: 4].

Апхуэдэ гупсысэ гугъусыгъухэм зэщIаIыгъэуи, усакIуэм усэр лъэпкъыр къэзыхьумэнкIэ зыщыгугъ тхьэлъэIу псалъэхэмкIэ еухыж:

...Сыхьуху гусыс, сыщIогупсыс.
Тхьэм укыхьумэ, си Адыгэ! [Стихи... 2015: 4]

Усыгъэм кыигъэщI гупсысэкIэм куэд щIауэ хабзэ хуэхьуа Iэмалхэм щIэ кыщыхэщым деж е усакIуэр зыгуэркIэ абыхэм бгъэдэкIыну, нэгъуэщI мыхьуми, щIэщыгъуэ гуэр хильхьэну щыхэттым деж, ар ныбжьыщIэм гъуэгу щхьэхуэ кызыэрилтыхьуэм и нэщэнэу жыпIэ хьунуш. Адыгэ усыгъэм куэдрэ

узыщрихьэллэ лүэхугьуэхэм шахуэусэкли, кьэлүэтэклэ щлэщыгьуэхэмрэ бзэм и лэмал гьэщлэгьуэнхэр я лыхьуаклүэу гу лыботэ Хьэвжокьуэ Людмилэ. Хэкумрэ адыгэ лъэпкьымрэ я щылэклэ-псэуклэр, тхыдэр, нобэрей гьащлэр кыхьэщү гьэпсащ, ищхьэклэ щызэпкьрыттахэм нэмыщлү, абы и адреи усэхэри. Апхуэдэхэщ, псалъэм папщлэ, «Адыгэ пшынэ», «Мухьэжырым и нэпс» жыхуилэхэр, нэгьуэщл зыбжани.

Хьэвжокьуэ Л. и усыгьэм зыужьыныгьэ ин щызыгьуэтахэм ящыщ пейзаж лирикэри. Абы и усыгьэм бжыхьэр щытепщэщ, гьэм и хьугьуэу ялытэ бжыхьэмрэ псэм и хьугьуэ льягьуныгьэ кьабзэмрэ щызэщлэлъщ. А псоми кьадэклүэу, «Адыгэ фащэ щыстлэгьауэ...» усэм лъэпкь зэхэщлык льягэклэ псыхьа эстетикэ куу кыпкьрощ:

Адыгэ фащэ щыстлэгьауэ,
 Нэхушым щэхуу сыхыхьауэ,
 Уэшх шылэхьар кьызэпхьухауэ,
 Жьым тхэмплэ гьуэжь кьызипхьыхауэ,
 Пшынауэ-уафэр кьэльэхьшауэ,
 Кьэфаклүэ-жыгхэр кьыдашауэ,
 Сыхуашэжауэ бжыхьэ-щауэм
 Сопщлыхь, сымыщлэу сэ нэху шауэ [Хавжокова 2017: 151].

Жамбэч Рабия усыгьэи прозэ тхыгьэи и лэдакьэ кьыщлэкл, ауэ ахэр литературэ кьэхутэныгьэм и шыбзэм щыщлэбгьэклэ налүэ кьохьу абы и творчествэм прозэ гупсысэклэр зэрыщытепщэр. Апхуэдэу щытми, Рабия и усыгьэм поэзиэ льягэм и шапхьэу образ гьэщлэгьуэнхэм ущрохьэллэ. Псалъэм папщлэ, «Кьитлэсхьэ си гьащлэ хьыринэм...» усэм деж усаклүэм гухэлъым и кууагьымрэ кьабзагьымрэ телъыджэу кьыщлэуатэ:

Кьитлэсхьэ си гьащлэ хьыринэм,
 Дещлэнкьэ мо мазэм нэсыху.
 Дыщлэплэу дыгьэми и нэм,
 Зыдгьафлэу дисынщ дрикьуху [Жамбекова 2010: 18].

Усэхэм нэмыщл, Жамбэч Р. и усыгьэм ущрохьэллэ философиэ гупсысэхэмклэ кьулейуэ гьэпса едзыгьуэ шэрыуэхэм. Абыхэм нэхьыбэрэ льябжьэ яхуэхьур лирикэ лыхьужьым и гухэлъ жэуапыншэрщ, гьащлэм щимыгьэувыфа насыпырщ. Абы щыгьуэми апхуэдэ едзыгьуэхэм кьызэрыклүэ кьэлүэтэкли, гушылэ шаби шахэпльагьуэ щылэщ: «Тумыгьэхьэ сабэ льягьуныгьэм, / Бжыщлэкли нлүэткли нхуимыгьэклэжын. / Кьыпхуихьынклэ хьунуш зы мыгьуагьэ – / Пфлэхэпклэници, укьыгьэсыжыници» [Жамбекова 2012: 15]. Языныкьуэхэм деж, усаклүэм бзэр лэзэу зэригьэлэклүэлъаклүэм и щыхьэту, образ кьэгьэщлэнымрэ псалъэрыджэгумрэ зэхэшыпсыхьауэ кьызэдоклүэ. Ар щыналуэщ, кьапщтэмэ, мы едзыгьуэм:

Узмыльагьуми, ущыслъагьукли
 Флэщэу узольагьу.
 Сыпльагьу мыхьуу, сумыльагьуми,
 Зызумыгьэлягьу [Жамбекова 2012: 15].

Мыбдежым «лягьун» глаголым и фащэ зэхуэмыдэхэр, и мыхьэнэ зэпэщлэуэхэр зэридзылэклэрэ усаклүэм ритмикэ шэщлэ кьегьэщл, композицэ

гьэщлэгьуэн еухуэ, абы щыгьуэми, нэхьыщхьэраши, усэм и купщлэри лэщлэхуркьым.

Усыгьэм кьыгьэщл гупсысэклэм куэд щлауэ хабзэ хуэхьуа лэмалхэм щлэ кьыщыхэщым деж е усаклуэр зыгуэрклэ абыхэм бгьэдэклыну, нэгьуэщл мыхьуми, щлэщыгьуэ гуэр хильхьэну щыхэтым деж, ар ныбжьыщлэм гьуэгу щхьэхуэ кьызэрилтыхьуэм и нэщэнэу жыплэ хьунуш. Кьызэрыхэдгьэщаци, зэман клуэщлым «игьуэ нэмысу» дэклуэд щлалэгьуэм ди усаклуэ щлалэхэр тепсэлыхьырейщ, абы кьыхэклыу зэманыр зэрызыхищлэр, кьызэрыщыхьур дэтхэнэми и усыгьэм кьупхьэ щхьэхуэ гуэрым иригьээзэгьэну хушлукьу. Апхуэдэ образу *Кьуэщлысокьуэ Марьянэ* и усэхэм клэщл-клэщлурэ кьыщыхош сыхьэтыр. Ауэ абы и дежклэ зэманыр щлалэгьуэ лэщлэклым и щыхьэт нэщхьейуэ кьамынэу («Дэнэ нэс уцылэ, си ныбжьэзэгьу? / Дэнэ кьыщызна щлалэгьуэ дахэр?» [Кочесоков 2009: 14]; «Кьыгьээзэгьынукьым блэклэм, / Алейкли умыльыхуэ...» [Кочесоков 2009: 13]), и гьащлэм купщлэ кьезыт, щлэщыгьуэ кьыхэзыльхьэ кьару мэхьу:

Кьытезнаши стюлым нэзытхысу усэ,
Зэгуэр кьээзгьуэтыжмэ, естыжынщ клэух.

Гьатхэ дыгьэ, зэклэ усэм уемылусэ, –

Зэсхьуэклынуш лэджэ, гьуэгу м сытетыху [Кочесоков 2009: 15].

Кьэбэрдей усаклуэ ныбжьыщлэхэм я усыгьэр зэщлыгьуу кьапщтэмэ, ищхьэкли кьызэрыхэдгьэщауэ, абы щытепщэр льягьуныгьэ, зэныбжьэзэгьугьэ мотивхэрщ, дунейм и тепльэр кьэгьэльэгьуэнырщ, нэгьуэщлу жыплэмэ пейзаж лирикэрщ. Абы и щхьэусыгьуэри гурылуэгьуэщ: ахэр нэхьыбэу зыхуэусэр езым я ныбжьым кьитласэ, нэхь яфлэгьэщлэгьуэн икли яфлэщлэщыгьуэ темэхэрщ. Хэкум и образыр кьэбгьэщлын папщлэ, абы и тхьдэм куууэ ущыгьуазэу, и кьэклуэнум плейтеигьэу, шынагьэу хэльхэр акьылклэ зэбгьээзэхуэфу щытыпхьэщ. Дэ дызэрепльымклэ, усаклуэ щлалэгьуалэр хэкумрэ льяпкьымрэ ехьэлла гупсысэхэм иджыри ныбжькклэ хуэмыхьэзыру араш.

Гугьуэт Заремэ и усэхэм куэдрэ ущрохьэллэ хэкум и образ уардэм, ар нэхьыбэу кьызэрыгьэльэгьуари абы и тепльэ дахэмклэщ:

Удзхэр губгьуэм щоуфафэ,

Хьэндырабгьуэ тесщ гьэгьам.

Псыежэх, мэзышхуэ, тафэ, –

Машлэ уигу хэзыгьэхьуэн... [Гуготов 2009: 28].

Гугьуэт 3. и усэхэр Кьэбэрдей-Балькьэр республикэм кьыщыдэкл газетхэмрэ журналхэмрэ кьытохуэ, «Кьудамэщлэ» (2009), «Шыхульагьуэм и вагьуэхэр» (2010) сборникхэм хагьэхьащ. 2016 гьэм усаклуэ ныбжьыщлэм и «Хьэуа лубыгьуэ» япэ усэ сборникыр «Эльбрус» тхыль тедзаплэм кьыщыдэклаш.

«Хьэуа лубыгьуэ» тхылыр Гугьуэт 3. и япэ льябакьуэщ. Абы ихуа усэхэм гьащлэм и плыфэ куэд кьыщызэщлэкьуащ: гухэль кьабзэри, гуапагьэри, гушлэгьури, флыщлэри, губгьэнри, гуфлэгьуэри, нэщхьеягьэри. Усаклуэр сыт хуэдэ мыхьумыщлагьэ иримыхьэллами, дунейм и дахаплэр кьыхельагьуклыф, дэтхэнэ льяпошхьэпоми кьыпеклуэклыфу, езым и гьуэгу еклуж. Псалгьэм папщлэ, зи гугьу тщлыхэр щынэрыльагьуш «Сыгушлылэу

жызылэм» усэм. Образ гъэщлэгъуэнхэмкIэ абы кышылуэтащ усаклуэм и псэкупсэ дунейм и щытыкIэр, гъащлэм гъуазэ щыхуэхъу гупсысэхэр:

Пщэдджыжьыпэм и джийм

Ирегъэх уэсэпс щылы.

СыблэкIынущ иджы

Сыгущылуэ жызылэм.

<...>

СыблэкIынущ зэгуэр

Сыгущылуэ жызылэм.

Хэт хищыкIрэ зыгуэр

А гу щылылэм ишылэм [Гуготов 2016: 67].

Гугъуэт З. и тхылыми и усыгъэр кызыщлэкъуауэ къапштэми, гурыщлэр щытепщэщ. Абы щыгъуэми лирикэ лыхъужьым и лъагъуныгъэр зэмылIэужыгъуэщ, зы плэмрэ зы хьэлымрэ иткъым, атIэ зыхъуэжь-зиужьу къогъуэгурыкIуэ. Апхуэдэ лъагъуныгъэм и лъабжьэщ гумашIагъэр, гуапагъэр, гущлэгъур. Псом хуэмыдэу иужьрейр щынэрылъагъуш «Гъатхэм зыхуегъафIэ жыг къудамэм...» усэм. Усаклуэм гущлэгъу ин хэлъу къегъэлъагъуэ зи къудамэр паупщIа жыгым кылысыса гуауэшхуэр:

Мес, къохуэх, кыгуоху къудамэр жыгым,

Щыр къыгъаскIэу удзым кыыхэхуаш,

Ар зи нэгу щлэкI жыгым и гъэгъахэр,

Нэпсым хуэдэу щылылэм телъэлащ [Гуготов 2016: 3].

Гугъуэт З. и усыгъэм зыэкъуых къудейщ, абы и творческэ гъуэгум и щлэдзаплэ дьдэщ. И япэ тхылыри, и IэдакъэщлэкI тхыгъэхэм языхэзри зэрыщыхьэтщи, ар лъэпкъ литературэм, къапштэмэ, усыгъэм хэльхьэныгъэ пыухыкIахэр хуэзыщыфыну гугъэ уэзыгъэщI усаклуэщ.

Ди къэхутэныгъэм кызыэригъэлыгъуащи, къэбэрдей-шэрджэс усаклуэ ныбжьыщIэ куэдым я усыгъэм лирикэ гупсысэкIэр йобэкI. Апхуэдэу щытми, абыхэм хэкупсэ мотивхэр щытепщэ усэхэри, философии гупсысэкIэ псыхьахэри, щыуэпсым и теплэ дахэ кызыыхэщ тхыгъэхэри адыгэбзэ дахэкIэ яузэдыф. Гурылуэгъуэщ, ищхьэкIэ дызытепсэлъыхьа Iуэхугъуэ псори япэ лъэбакъуэхэм – усаклуэ нэхъыжьхэм – къагъэна лъэужьу зэрыщытыр. Абы кыыхэкIыу ныбжьыщIэхэм (псом хуэмыдэу, 2000 гъэхэм къэбэрдей литературэм кыыхьахэм) я IэдакъэщлэкIэхэм щлэныгъэ еплъыкIэ пыухыкIакIэ уабгъэдыхьэныр иджыкIэ пасэщ, апхуэдэу пщыныри щыуагъэщ. Лъэпкъ поэзием и зыужьыныгъэм хуэфэщэнухэр, абы зи зэчийкIэ деклуфынухэр къэзыгъэлыгъуэнур къэклуэну зэманыр аращ, нобэрей IуэхукIэ абы я хэкупсэ лирикэми, я усыгъэр зэрыщыту къапштэми, нэщэнэ зэдай гуэрхэр кыыхэдгъэкIыфу аркъудейщ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Балагов 2008 – Балагов Л. Стихи // Антология кабардинской поэзии. XX век (на кабардинском языке). – Нальчик: «Эль-Фа», 2008. – С. 618-620.

Бемурзов 2014 – Бемурзов З.М. Стихи // Гуащхэмахуэ (на кабардинском языке). – 2014. – № 1. – С. 156-160.

Бемурзов 2016 – Бемурзов З.М. Два цвета одной зимы. – Черкесск: РГБУ «Карачаево-Черкесское республиканское книжное издательство», 2016. – 368 с.

- Гуготов 2009 – *Гуготов З.Х.* Стихи // Молодая ветвь: Стихи и рассказы / М.М. Кочесокова, А.Х. Конукоев, Ж.Х. Ходжаева и др. (на кабардинском языке). – Нальчик: Эльбрус, 2009. – С. 27-34.
- Гуготов 2016 – *Гуготов З.Х.* Глоток воздуха (на кабардинском языке). – Нальчик: Эльбрус, 2016. – 96 с.
- Жамбекова 2010 – *Жамбекова Р.Х.* Стихи. Караван мыслей // Звезды млечного пути (на кабардинском языке). – Нальчик: «Эль-Фа», 2010. – С. 731.
- Жамбекова 2012 – *Жамбекова Р.Х.* Караван мыслей. Стихи // Жылэ (на кабардинском языке). – 2012. – № 1. – С. 14-15.
- Кануков 2008 – *Кануков З.* Стихи // Антология кабардинской поэзии. XX век (на кабардинском языке). – Нальчик: «Эль-Фа», 2008. – С. 622-626.
- Кочесоков 2009 – *Кочесоков М.* Стихи // Молодая ветвь: Стихи и рассказы / М.М. Кочесокова, А.Х. Конукоев, Ж.Х. Ходжаева и др. (на кабардинском языке). – Нальчик: Эльбрус, 2009. – С. 9-16.
- Махолов 2008 – *Махолов Н.* Стихи // Антология кабардинской поэзии. XX век (на кабардинском языке). – Нальчик: «Эль-Фа», 2008. – С. 627-630.
- Пшуков 2011 – *Пшуков Л.Н.* Калина полевая (на кабардинском языке). – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2011. – 92 с.
- Стихи... 2015 – Стихи Людмилы Хавжоковой // Газета «Адыгэ псалъэ» (на кабардинском языке). – 2015. – 16 сентябрь. – С. 4.
- Хавжокова 2017 – *Хавжокова Л.* Стихи // Иуашхэмахуэ (на кабардинском языке). – 2017. – № 2. – С. 151-161.

REFERENCES

- BALAGOV L. *Stikhi* [Poems]. IN: *Antologiya kabardinskoi poezii. XX vek (na kabardinskom yazyke)* [Antology of Kabardian poetry. 20th century]. – Nal'chik: «El'-Fa», 2008. – P. 618-620. (In Kabardian)
- BEMURZOV Z.M. *Dva tsveta odnoi zimy* [Two colors of one winter]. – Cherkessk: RGPU «Karachaevo-Cherkesskoe respublikanskoe knizhnoe izdatel'stvo», 2016. – 368 p. (In Russian)
- BEMURZOV Z.M. *Stikhi* [Poems]. IN: *Iuashchkh'emakhue (na kabardinskom yazyke)*. – 2014. – № 1. – P. 156-160. (In Kabardian)
- GUGOTOV Z.Kh. *Glotok vozdukha (na kabardinskom yazyke)* [A breth of air]. – Nal'chik: El'brus, 2016. – 96 p. (In Kabardian)
- GUGOTOV Z.Kh. *Stikhi* [Poems]. IN: *Molodaya vetv': Stikhi i rasskazy* [Young branch: Poems and stories] / Ed. By M.M. Kochesokova, A.Kh. Konukoev, Zh.Kh. Khodzhaeva i dr. (na kabardinskom yazyke). – Nal'chik: El'brus, 2009. – P. 27-34. (In Kabardian)
- KANUKOV Z. *Stikhi* [Poems]. IN: *Antologiya kabardinskoi poezii. XX vek (na kabardinskom yazyke)* [Antology of Kabardian poetry. 20th century]. – Nal'chik: «El'-Fa», 2008. – P. 622-626. (In Kabardian)
- KHAVZHOKOVA L. *Stikhi* [Poems]. IN: *Iuashchkh'emakhue (na kabardinskom yazyke)*. – 2017. – № 2. – P. 151-161. (In Kabardian)
- KOCHESOKOV M. *Stikhi* [Poems]. IN: *Molodaya vetv': Stikhi i rasskazy* [Young branch: Poems and stories] / Ed. By M.M. Kochesokova, A.Kh. Konukoev, Zh.Kh. Khodzhaeva i dr. (na kabardinskom yazyke). – Nal'chik: El'brus, 2009. – P. 9-16. (In Kabardian)
- MAKHOLOV N. *Stikhi* [Poems]. IN: *Antologiya kabardinskoi poezii. XX vek (na kabardinskom yazyke)* [Antology of Kabardian poetry. 20th century]. – Nal'chik: «El'-Fa», 2008. – P. 627-630. (In Kabardian)
- PSHUKOV L.N. *Kalina polevaya (na kabardinskom yazyke)* [Wild quelder-rose]. – Nal'chik: ООО «Тетраграф», 2011. – 92 p. (In Kabardian)
- Stikhi Lyudmily Khavzhokovoi* [Lyudmila Khavzhokova's poems]. IN: *Gazeta «Aдыге псал'е»* (na kabardinskom yazyke). – 2015. – 16 sentyabrya. – P. 4. (In Kabardian)
- ZHAMBEKOVA R.Kh. *Karavan myslei. Stikhi* [Caravan of thoughts. Poems]. IN: *Zhyle* (na kabardinskom yazyke). – 2012. – № 1. – P. 14-15. (In Kabardian)
- ZHAMBEKOVA R.Kh. *Stikhi. Karavan myslei* [Poems. Caravan of thoughts]. IN: *Zvezdy mlechnogo puti (na kabardinskom yazyke)* [Milky Way stars]. – Nal'chik: «El'-Fa», 2010. – P. 731. (In Kabardian)

КАВКАЗ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

УДК 327

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-1-191-207

КАВКАЗСКАЯ «ОБОЧИНА» МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ XX ВЕКА**В.В. ДЕГОЕВ**

*Центр проблем Кавказа и региональной безопасности
Московского государственного института международных отношений (университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, Россия, Москва, Проспект Вернадского, д. 76
E-mail: ccs@mgimo.ru*

Аннотация. Как преломились трагические перипетии XX века в судьбах кавказских народов? В какой степени постсоветская история Кавказа связана с предшествующей эпохой? Чего здесь больше: закономерности или стихийности? Пригодны ли исторические уроки в качестве основы для построения будущего без войн и потрясений? Автор статьи пытался лишь поставить эти вопросы, понимая, что найти ответы на них в условиях сегодняшней неопределенности, невозможно.

Ключевые слова: Кавказ в мировых войнах; западный план расчленения России; Иран; Турция; Холодная война; постсоветские реалии.

THE CAUCASUS «ROADSIDE» OF THE 20th CENTURY WORLD POLITICS**V.V. DEGOEV**

*Center for Caucasian and Regional Security Studies
at the Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
119454, Russia, Moscow, Vernadsky avenue, 76
E-mail: ccs@mgimo.ru*

Abstract. The author focuses on the profound impact the turbulent twentieth century had on the destinies of the Caucasus people. In some cases he also tries to cautiously approach the age-old question «what if» when it comes to nowadays developments in the South Caucasus, the former part of the Soviet Union. Whatever the answer, any scholar could feel free to ponder over the future of the Eurasian space in terms of either optimistic or pessimistic scenarios.

Key words: the Caucasus in the World Wars; Western plan to dismember Russia; Iran; Turkey; Cold War; Post-Soviet realities.

«Загадка, облаченная в тайну за семью печатями». Это, как известно, сказал Черчилль о России, не подозревая, что его метафора почти идеально применима к Кавказу.

Сама геологическая судьба расположила его в уникальной нише, наделив ролью связующего звена между севером и югом, востоком и западом. На протяжении тысячелетий он был перекрестком миграционных дорог, хранителем целой мозаики археологических культур, местом встречи цивилизаций, полем их конфликтов и поиска согласия. Два моря, омывающие берега Кавказа, со временем превратили его в торгово-транспортную систему мирового значения.

Еще античные авторы, описывая Кавказ, никогда не считали его целостным понятием ни в природно-географическом, ни в этнокультурном плане. Не было этой целостности ни к северу, ни к югу от Большого Кавказского хребта. Долгая история формирования реального, логического единства Кавказа началась с того времени, когда он стал объектом соперничества между крупными державами: Греция, Рим, Византия, Персия, Османская империя. То есть военно-геополитическим объектом.

В полной мере Кавказ достиг такой «объектности» внутри геополитического треугольника «Россия – Турция – Иран», образовавшегося в XVI столетии. Благодаря этим государствам он оказался частью системы международных отношений сначала регионального, затем европейского, и, наконец, мирового масштаба. Образно выражаясь, именно заточение в этом «треугольнике» дало все основания употреблять понятие «Кавказ» в собирательном политическом смысле. Внешний геополитический контур помог внести определенность в категориальный аппарат, связанный с пространством между Черным морем и Каспием.

Остатки аморфности в понятии «Кавказ» окончательно исчезли с включением его в состав Российской империи, где он находился с 1829 по 1918 г. Однако даже этот законный статус не оградил Кавказ от османского реваншизма, время от времени провоцируя там опасные международные кризисы и войны. Пожалуй, их главным генератором была Великобритания, вынашивавшая обширные планы отторжения Кавказа от России под предлогом защиты Индии от «русской угрозы». Использовался целый ряд практических инструментов: военная, финансовая, дипломатическая помощь иранскому шаху и турецкому султану; поддержка горцев в Кавказской войне; агентурная деятельность; заявления о том, что в международно-правовом плане кавказский вопрос остается открытым; методичные усилия по созданию антироссийских коалиций с намерением повторить Крымскую войну; прямая оккупация стратегически важных районов Кавказа.

* * *

К концу XIX века традиционное военно-стратегическое значение Кавказа дополняется его стремительно растущей ролью в европейской экономике. Неслучайно в годы Первой мировой войны он занял важное место в планах как противников, так и союзников России.

Бурные события 1914-1921 гг. и распад Российской империи обернулись для Кавказа кровавым хаосом, иностранной интервенцией, провальными государственно-политическими экспериментами, устроенными местными

националистическими силами и заведомо предполагавшими массовые этнические чистки. С выходом из войны Россия перестала быть союзником Англии по Антанте, что дало Лондону неожиданную возможность возобновить «большую игру» с прежними целями. В 1918-1920 гг. англичане взяли под свой контроль часть территорий Закавказья, Северного Кавказа, восточное побережье Черного моря, рассматривая все это как военно-стратегический, политический и экономический плацдарм для расчленения Российской империи, неважно – красной или белой. Дух «крестоносцев», избавляющих мир от большевистской заразы, также не был чужд британским интервентам [Kopisto 2011: 28-29, 59-60, 128].

После окончания гражданской войны Советская власть видела свою задачу в восстановлении по сути имперской державы, но с иным политическим, социально-экономическим и идеологическим содержанием. На других основах осуществлялось и национально-государственное строительство, итоги которого были закреплены в уникальной мега-структуре под названием СССР. Кавказские народы стали органичной частью советской сверхдержавы, движущей силой процесса ее становления и развития. Сверхдержавная идентичность, чувство полной причастности всех и каждого на своем месте к созданию исторически беспрецедентного общества долгое время служили могучей скрепой для народов нашей страны. Это неформальное, духовное, соборное единение на пути к великим целям ярко символизировали и «лица кавказской национальности», внесшие бесценный вклад в советскую науку, технику, экономику, культуру. Имя им легион.

Прочность политического фундамента СССР, помимо прочего, обеспечивалась многонациональной властно-управленческой элитой, организованной в форме почти идеально собранной вертикальной конструкции, опиравшейся на местные, низовые административные структуры в виде областных, городских, районных, поселковых Советов. Именно они являлись не только инструментами власти, но и представительными институтами гражданского общества, решавшими жизненно важные вопросы в совершенно конкретной социо-культурной и этнической среде.

Западные «младосоветологи» 1920-х годов предрекали Советскому Союзу скорую гибель. От этих прогнозов не отказывались и позже. Но поскольку «мертворожденный» гигант Евразии и не думал умирать, европейским и американским интеллектуалам пришлось взяться за более глубокое изучение этого феномена, а не выдавать желаемое за действительное.

Пока «советологи» анализировали постреволюционную ситуацию на Кавказе в прогностическом ключе, западные военные, разведчики, люди из высоких политических кругов работали над конкретными планами отторжения Кавказа от СССР, продолжая видеть в этом регионе самое слабое звено советской имперской системы. Планы рассчитывались на перспективу, близость или отдаленность которой пытались предугадать в контексте развития внутривнутриполитических и международных факторов. Все это осуществлялось, в каком-то смысле впрямую, в рамках рутинной работы, характерной для государств, не слишком дружелюбных друг к другу, но вынужденных

придерживаться определенного уровня дипломатического прагматизма, коль скоро они не находятся в состоянии войны.

В 1930-е годы отношение Запада к СССР, как к «выжившей империи», постепенно меняется. Невиданные темпы ее экономического роста, создавшего предпосылки для ускоренного военного строительства, вынудили западные правительства уже не формально (как в 20-е годы), а реально признать в СССР крупного геополитического игрока. Вопрос о том, как его использовать исключительно в собственных интересах, превращался, в условиях нарастания угрозы войны в Европе, в головную боль для всех. На европейской шахматной доске началась затяжная непредсказуемая партия со смертельными ставками.

Старозаветная идея «сдерживания» России (в виде ли Московии, Российской империи, Советской России или СССР) потенциально никогда не исчезала из геополитической философии Запада. Шведский барьер на севере, великопольский в Центральной Европе, «восточный барьер» под эгидой Франции, англо-французский «санитарный кордон», «Междуморье» Пилсудского, военно-политические блоки НАТО и СЕНТО – лишь исторические разновидности по сути одной и той же идеи. Эти геополитические конструкции именовались благовидным термином «барьер», что семантически вроде бы подразумевало защиту от СССР. Но объективно они являлись наступательными плацдармами, и история взаимоотношений с Западом давала Москве все основания для опасений и для противодействия «стратегии окружения». Далеко не оборонительный характер подобных «барьеров» со всей очевидностью выявился во время польско-шведской интервенции начала XVII века, в агрессии Карла XII, в нападении Наполеона на Россию в 1812 г. и англо-французской коалиции в 1854 г., в намерениях Лондона превратить восточный кризис 1875-1878 гг. в новую Крымскую войну. Советское руководство вынуждено было помнить скорее об этих, чем о более обнадеживающих прецедентах в истории российско-западных отношений.

Из оборонительной логики приходилось исходить Москве также в отношениях с Турцией и Ираном. С XVI по XVIII век они, как великие восточные державы с имперскими амбициями, представляли угрозу сами по себе, а впоследствии еще и как сателлиты Англии и Франции, которых к концу XIX века стала теснить Германия.

С приходом к власти Гитлера Западом все настойчивее овладевало стремление отвести от себя исходившую от него угрозу, перенаправив могучую реваншистскую энергию Третьего рейха в русло вековой борьбы с варварским, а теперь еще и с коммунистическим Востоком: нацистскими руками уничтожить «советскую империю» и разделить ее наследство. Обычно такие огромные «пироги», как сказал Бенджамин Франклин, «удобнее всего объедать с краев». Но по поводу кавказского «края» с его богатыми нефтяными и другими ресурсами могли возникнуть большие сложности. На них давно заглядывались Англия, США, Франция, Швеция, Бельгия, Голландия. И уж совершенно наивно было предполагать, что Германия откажется от этого приза. По крайней мере – от львиной доли в добыче. Не будем забывать, что на участие в разделе кавказских богатств претендовали также Турция и Иран,

ссылаясь на свои исторические права, узурпированные Россией. Общие очертания расклада сил в будущей битве за Кавказ обозначились еще в Первой мировой войне. Опираясь именно на этот опыт, Англия на рубеже 1930-х – 1940-х годов разрабатывала стратегические планы удара по южному флангу СССР. (Об этом ниже).

* * *

Идеология (в данном случае антибольшевизм, антисоветизм и русофобия) никогда не была главным побудительным мотивом в политике Запада. Но после 1917 года она стала неизменной составной частью целого комплекса императивов, определявших позиции европейских стран в «русском вопросе». Пожалуй, ту же всего эти императивы сплелись во внешнеполитических курсах Англии, Франции и, позже, Германии. Излишне говорить, что реализация любых антисоветских замыслов представлялась крайне проблематичной без привлечения Турции и Ирана в качестве военно-стратегического, политического, разведывательного, пропагандистского (и т.д.) подспорья. Столь же очевидна и далеко не всегда демонстрируемая готовность Стамбула и Тегерана делать вид, будто они согласны на роль ведомых, что было далеко не так. Для Турции и Ирана, советский Кавказ являлся куда более близким к сердцу и куда более, так сказать, экзистенциальным вопросом, чем для Европы. Он был одновременно источником и страха и сильного искушения взять исторический реванш, используя сложные перипетии международной обстановки.

Точка схождения всех этих побуждений – отторжение Кавказа. Она же – точка расхождения, ибо тут же возникала проблема «справедливого» дележа, чреватая, как показали события 1914-1921 гг., военными столкновениями между бывшими партнерами и образованием совсем других фронтовых линий. Ни о каком консенсусе не могло быть и речи. Ни внутри молодых кавказских субъектов, ни между внешними игроками.

В турецком и иранском самосознании связь между идеологией и геополитикой присутствовала всегда, представляя собой классическое выражение имперского комплекса. На протяжении истории этих государств он проявлялся с разной степенью отчетливости.

Идеологической подпиткой внешней политики Стамбула долгое время служили пан-османизм и пан-исламизм. На смену им пришел кемализм – турецкий национализм, соединенный с идеей вестернизации и лишь формально отделенный от имперской идеи, открытую пропаганду которой Ататюрк не мог себе позволить по целому ряду веских соображений. Первый президент Турецкой республики строил сильное современное государство с прицелом на будущее. Свое правление он, скорее всего, рассматривал как стадию накопления потенциала для решения гораздо более амбициозных задач, публично высказываться о которых в тех международных условиях было рискованно.

Еще с конца XIX века на роль государственной доктрины стал претендовать пан-туранизм (пан-тюркизм), набравший широкую

популярность. Это была демонстративная апелляция не столько к великому имперскому прошлому (хотя и к нему тоже), сколько к великому имперскому будущему. Это означало соби́рание под эгидой Стамбула всех тюркоязычных народов Крыма, Кавказа, Поволжья, Средней Азии. Хотя Ататюрк подавлял наиболее оголтелые и несвоевременные манифестации пан-туранистов, его глубокое духовное родство с ними существовало. Ататюрк отвергал не суть этой идеологии, а прямолинейность, радикализм и нетерпеливость ее сторонников. Практически все его приближенные были в душе пан-туранистами, и, придя к власти в 1938 году (после смерти Ататюрка), они уже не столь усердно скрывали это.

Иранской версией имперской идеи являлся пан-иранизм, предполагавший объединение всех народов, говорящих на фарси и воспитанных в традициях древней персидской культуры. Эта доктрина была тесно связана с исторической памятью о великом прошлом Персии, об эпохах ее державного и культурного расцвета, плоды которого стали бесценным духовным достоянием всего человечества. Эта память была жива и в периоды глубокого упадка государства. Из нее нельзя было вытравить тот факт, что большая часть Закавказья долгое время находилось в составе Персидской империи, а Северо-Восточный Кавказ являлся сферой ее политического, экономического и культурного влияния. В ирредентистских планах Тегерана эти территории присутствовали сначала в гипотетическом смысле, а затем, под влиянием модернизации, вестернизации и растущего национального самосознания, уже и в практическом.

* * *

В русско-турецко-иранском «треугольнике» главным источником напряжения, кризисов и вооруженных столкновений был Кавказ, даже после того как он вошел в административно-политическую систему Российской империи. Инициаторами практически всех русско-турецких и русско-иранских войн на Кавказе были Стамбул и Тегеран, чаще явно, чем тайно поддерживаемые Западом. Иными словами, история не давала Москве особых поводов к оптимизму и на южном направлении. Обеспечение безопасности кавказских границ было неотделимо от общей внешнеполитической и военно-оборонной проблематики СССР на протяжении всего периода его существования.

С победой большевиков «барьерные» доктрины трансформировались в идею возведения вокруг Советской России и СССР «санитарно-карантинных» кордонов против проникновения на Запад коммунистической инфекции. Однако эта функция органично соединялась с потенциальными планами коалиционного удара по возрождающейся империи. Дополнительное идеологическое обоснование для него было, конечно, не лишним, но вовсе не обязательным.

Турции и Ирану, граничившим с Кавказом, отводилось в этой стратегии важное место. В 1930-е годы Анкара и Тегеран – каждый в меру своего понимания ситуации, дипломатической изворотливости и стратегических возможностей – лавировали между западноевропейскими державами, СССР и

фашистской Германией. Высказываемая в историографии мысль об исключительно оборонительном характере этого лавирования вызывает большие сомнения.

Не лишне повторить, что имперские амбиции пустили глубокие корни в турецком массовом сознании, принимая разную идеологическую окраску: пан-османизм и пан-исламизм, затем пан-тюркизм (концепт «Великого Турана»). Радикальные реформы Ататюрка, казалось бы, символизировавшие разрыв с имперским прошлым, на самом деле явились лишь его продолжением в форме светской модернизации, нацеленной на строительство сильной, современной, моноэтничной державы. Самоотверженную решительность во внешней политике младотурки, вдохновленные своим выдающимся лидером, показали в войне с Грецией, в аннексии Западной Армении (российской Карсской области), которую в Стамбуле считали возвращением исконных турецких земель. Сепаратистские попытки курдов были подавлены с беспрецедентной жестокостью.

Своими искусными дипломатическими шагами Ататюрк создал Турции репутацию «удовлетворенного государства», свободного от ирредентистских фантазий. Это значительно облегчило осуществление политики по трем, уже указанным направлениям (Запад, Германия, СССР), чтобы в зависимости от ситуации вовремя переложить акцент на тот или иной вектор. В стремлении быть политическим субъектом, а не объектом, Ататюрку иногда удавалось склонять внешние силы к мысли, что они нуждаются в нем больше, чем он в них.

Хотя преемникам Ататюрка такого таланта не хватало, они старались идти по его стопам, чтобы маневрируя, играя на противоречиях между великими державами, не афишируя свои далеко идущие замыслы, реализовать идеалы пан-туранизма, причем не только за счет Кавказа. Стамбул ждал своего часа. Надвигающаяся война давала шансы и на сказочный геополитический выигрыш, и на катастрофическое поражение. Главное: учесть горькие уроки Первой мировой войны и вовремя почувствовать тот момент, когда можно с наименьшим риском присоединиться к побеждающей стороне и получить «справедливую» долю из призового фонда.

Так в турецкой внешнеполитической стратегии 1930-х появились «три корзины» с насадками для высидивания яиц. Расчет был на то, что хотя бы у какой-то из них должно получиться.

Турецко-западноевропейские отношения развивались весьма плодотворно. Лондон и Париж помогли Стамбулу решить пограничные проблемы с Ираком и Сирией. Способствовали предоставлению Турции права военного контроля над Проливами в случае угрозы ее безопасности. Фактически поощрили несколько волн репрессий против курдов. Летом 1939 года Англия и Франция заключили с Турцией договоры о союзе, гарантировавшие ее безопасность. В Анкаре приободрились: если у Запада хватит сил сокрушить Германию, турки будут в числе победителей. На тот случай, если не хватит, Анкара решила сохранять дружественные отношения с

Берлином, оказывая ему существенную торгово-экономическую помощь, прежде всего сырьевыми поставками стратегического назначения.

Распространенная в историографии идея о крайней осторожности, якобы характерной для турецкого правительства накануне и в период войны, плохо согласуется с реальностью, которая свидетельствует о готовности Анкары участвовать в англо-французских военных планах (1939-1940 гг.) вторжения на Кавказ после массированных авианалетов на Баку, Потти, Батуми, Туапсе, Грозный, Майкоп с целью разрушения нефтедобывающих, нефтеперерабатывающих, и нефтетранспортных предприятий. В результате воздушных разведок, осуществленных при активном содействии турок, было установлено точное количество нефтеперерабатывающих заводов в Закавказье и на Северном Кавказе. Видимо, в память о Крымской войне Англия, Франция и Турция собирались развернуть военные действия еще и на кавказском побережье Черного моря с применением авианосцев. На оперативных совещаниях разных уровней говорилось о необходимости «послать Россию в нокдаун» именно на Кавказе. Нигде она так не уязвима стратегически, экономически и политически. Согласно английским источникам, речь также шла о западной помощи в оснащении турецких войск на границах с Закавказьем и проведении там секретных операций по подготовке антисоветских выступлений. Более того, ставился вопрос о бомбардировке целей «глубоко внутри России» [Сиполс 1997: 205-209, 212-213].

* * *

Все это происходило на фоне очень «странной» войны Англии и Франции против Германии. Между тем в отношении СССР полным ходом шла подготовка настоящей войны. Проблема ее морального оправдания не беспокоила западные правительства. В то, что они помогают «беззащитной» Финляндии, можно было бы поверить, если бы разработка планов удара по СССР с юга не продолжалась после окончания советско-финляндской войны (13 марта 1940 года) с еще большим усердием. На ближневосточных аэродромах шло размещение целых авиационных эскадрилий – дальних бомбардировщиков и истребителей английского и американского производства. Специально оборудованные самолеты-разведчики произвели подробную фотосъемку всех нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий Баку и Батуми, наметив тем самым цели для бомбовых ударов. [Сиполс 1997: 211, 218].

Согласно англо-французским источникам, 15 мая все было готово для массированных воздушных налетов на Баку и другие стратегически важные центры Закавказья. Западные специалисты не скрывали, что эти операции приведут к «значительным потерям среди мирного населения», но победа на Кавказе оправдывает все риски и издержки. Кавказская тема не снималась с военной повестки дня до нападения Гитлера на СССР. Правда, после позорной капитуляции Франции (22 июня 1940 г.) Лондону пришлось заниматься этой проблемой в одиночестве. Она по-прежнему навязчиво преследовала британское правительство, сохраняя его агрессивную настроенность. Даже

после начала советско-германской войны англичане не спешили отказываться от этих планов. Оперативные данные, приходившие к Сталину в 1939-1940 гг., склоняли его к убеждению, что Англия является главным врагом СССР, опирающимся на тайную и явную помощь Турции и Ирана. Отсюда растущее недоверие к южным соседям СССР, в том числе к их «мирным инициативам» и мнимому нейтралитету. С начала апреля 1940 г. Сталин стал перебрасывать с финского фронта в Закавказье и на Северный Кавказ войска, авиацию, зенитную артиллерию. Количество боевых соединений и тот факт, что они уже имели опыт ведения современной войны, говорили о серьезных опасениях Сталина относительно возможности возникновения южного фронта.

Трудно допустить, чтобы, вовлекая Анкару в столь рискованные авантюры, англичане и французы не понимали, что они играют на самых чувствительных струнах пан-туранского имперского сознания, совершенно нетерпимого к самому факту пребывания тюркоязычных, тяготеющих к исламу народов в советском коммунистическом «застенке».

* * *

Иран уступал Турции в силе, влиянии, темпах модернизации. И в чувстве реализма. В 1919 году тегеранские представители поразили буйством своих внешнеполитических фантазий делегатов Версальской конференции, где были заявлены претензии на Кавказ, Среднюю Азию, Северный Ирак и всю акваторию Персидского залива. [Lenczowski 1980: 174].

В 1920-х годах Тегеран перешел к выстраиванию более прагматической системы международных связей, стараясь, не всегда успешно, избегать обострения отношений с соседями и с великими державами. Следующее десятилетие – критическое в мировой политике – поставило Иран перед тяжелой проблемой выбора, в решении которой он последовал примеру Турции. Шах Реза Пехлеви, продолжая модернизацию страны, включая военнотехническую область, искал такие формы взаимодействия с внешним миром, которые позволяли бы ему находиться в относительно добрых отношениях, но на равном удалении от трех главных центров силы: Запад (в лице Англии и Франции), СССР и Германии. Это была стратегия выжидания того момента, когда окончательно сформировавшиеся коалиции схватятся между собой и четко обозначится перевес одной из них, чтобы примкнуть к ней с целью получения своей доли от трофеев победы.

Балансировать между великими державами было чрезвычайно сложно, ибо они сами хотели использовать Иран в своих интересах, а вовсе не превращаться в объекты его манипуляций. В этом смысле Тегеран и Стамбул находились почти в одинаковом положении, что вынуждало их и действовать соответственно.

То, что в западной историографии традиционно представляется как «оборонительная стратегия» Ирана, у Советского Союза, располагавшего хорошо осведомленной разведсетью на Ближнем Востоке, вызывало только подозрения, перераставшие в опасения. Реза Пехлеви, маневрируя в большом «силовом треугольнике» (СССР, западные державы, Германия), действовал в

нескольких направлениях: политическом, дипломатическом, торгово-экономическом. Он пытался заставить крупных мировых игроков соперничать за его благорасположение, используя известный набор «аргументов слабейшего» (по выражению французского историка Антонена Дебидура). Такая стратегия, временно снимая напряжение в одних вопросах, накапливала его в других. Среди «других» постепенно стали доминировать советско-иранские отношения. Особенно после того как шах под прикрытием фиктивного нейтралитета, стал проявлять активный интерес к военно-техническому сотрудничеству с Англией и Францией, параллельно идя на сближение с Германией, то есть взаимодействуя с потенциальными противниками СССР в грядущей войне.

В 1920-е годы Тегеран, в нарушение договора с Советской Россией (1921 г.), выказывал согласие на предоставление британским и американским фирмам нефтяных концессий. От этой затеи пришлось отказаться из опасений, что Москва, в то время главный торговый партнер Ирана, предпримет серьезные ответные меры. В 1937 году Реза Пехлеви все же предоставил одной американской компании право на разработку нефтяных месторождений на севере страны, что являлось открытым вызовом Советскому Союзу. Эта сделка сорвалась лишь потому, что американцы по ряду причин передумали [Lenczowski 1980: 175-176].

В 1931 году шах ввел государственную монополию на внешнюю торговлю, что подорвало советское экономическое влияние в Иране и нанесло Москве финансовый ущерб. Напротив, Англия, успешно урегулировав два нефтяных конфликта с Тегераном (1927 г. и 1932 г.), укрепила свои позиции в этой важной отрасли, к немалому неудовольствию СССР.

Новый повод для подозрений Иран дал в 1937 году, когда он стал участником Саадабадского пакта или Ближневосточной Антанты (наряду с Турцией, Ираком и Афганистаном). Пакт был заключен при деятельном содействии и под покровительством Великобритании. Сталин не без основания усмотрел в этом враждебный по отношению к СССР акт и попытку создать против него южный санитарный кордон. В перспективе эти подозрения в полной мере подтвердились после войны, когда Ближневосточная Антанта нашла продолжение в антисоветском блоке СЕНТО.

Большую тревогу в Москве вызывало германское проникновение в Иран. С 1928 года этот процесс развивался впечатляющими темпами. За 10 лет доля Германии во внешней торговле Ирана достигла 41 %, а количество немецких резидентов в стране (специалистов разных профилей, включая шпионов) составило – только по официальным данным, не включавшим большое количество «поклонников» восточных культур – 2000 человек. В правящих иранских кругах были очень сильны пронацистские настроения, которые германская пропаганда возбуждала так же искусно, как и эксплуатировала, утверждая об общеарийском происхождении обоих народов и превознося Резу Пехлеви как «просвещенного правителя». Шах, не оставаясь в долгу, открыто восхищался Гитлером и установленным им политическим режимом, самым надежным барьером против коммунизма. Все это подняло волну паниранского

национализма, на гребне которой тегеранское руководство обрело чувство самоуверенности в ущерб трезвому взгляду на вещи [Lenczowski 1980: 176-178].

Первые наиболее очевидные симптомы расхождения с реальностью Тегеран продемонстрировал в конце 1939 – начале 1940 г., дав Англии и Франции понять о своем намерении участвовать в осуществлении планов нападения на СССР с юга. Если бы Реза Пехлеви был уверен в недолговечности советско-германского пакта о ненападении, он, скорее всего, предложил бы свои союзнические услуги не Лондону и Парижу, а Берлину.

1 февраля 1940 года военный министр «нейтрального» Ирана А. Нахджаван поставил перед английскими представителями в Тегеране вопрос о закупке 60 бомбардировщиков и 35 истребителей для ведения боевых действий на Кавказе в соответствии с британскими планами.

Начало Второй мировой войны вселило в шаха большие надежды на великодержавное возрождение с помощью нацистской Германии, с которой тегеранское правительство активно сотрудничало. В мае 1940 года оно открыто заявило, что границы Ирана с Советским Союзом (в Закавказье и Средней Азии) «не являются официальными», сопроводив этот демарш демонстративной картографической ревизией [Гасанлы 2006: 15-16].

* * *

Кроме тех факторов, благодаря которым в советско-турецких и советско-иранских отношениях накапливался взрывоопасный потенциал и усиливалась вероятность коалиционного нападения на южные районы СССР, отметим еще один. Он может показаться совершенно неожиданным, но лишь тем, кто не знает историю международных коллизий вокруг Кавказа. Напомним, что еще в период Кавказской войны, в 1830-1860-е годы, польская агентура поддерживала горцев против России всеми возможными средствами. Теперь, сто лет спустя, поляки вступают в тайные переговоры с Анкарой с предложением своей помощи в создании на турецко-советской границе военных арсеналов для вторжения в Закавказье. Хорошо информированные источники сообщали, что Турция приветствовала все политические силы и движения, направленные на борьбу с СССР [Соцков 2003: 82, 104-105].

* * *

Особая тема – история возникновения геополитических планов Германии в отношении Кавказа. Как это ни покажется удивительным, кавказское направление германской экспансионистской политики выявилось еще в конце 1850-х годов. Причем, вначале в области экономики и концессионной деятельности. Локомотивом этого процесса была немецкая (прусская) фирма «Сименс и Гальске», действовавшая на Кавказе в течение 57 лет (1860-1917 гг.). Начав с прокладки телеграфных линий, она затем включилась в нефтяное и медеплавильное дело, наладила производство и продажу электрооборудования, занялась электрификацией закавказских городов, включая строительство электрогенерирующих предприятий. Деятельность фирмы, несмотря на

конкуренцию других иностранных компаний, способствовала быстрому росту политического и финансового влияния Германии на Кавказе. Потенциальные экономические возможности края стали для немецких специалистов предметом всестороннего изучения не только сами по себе, но и как базовые условия для дальнейшего продвижения на Ближний и Средний Восток. «Сименс и Гальске» сыграла важную роль в подготовке почвы для германской военной экспансии в черноморско-каспийский регион в годы Первой мировой войны [Наниташвили 1982: 334-349; Пипия 1978: 29-34].

Как известно, к колониальному разделу мира, в основном завершившемуся к концу XIX века, Берлин опоздал. Доставшаяся Германии доля не соответствовала ни ее растущему военно-экономическому потенциалу, ни ее великодержавному самомнению. Мириться с этим Берлинский кабинет не собирался. Его имперская программа под названием «Drang nach Osten», как мы убедились выше, начала осуществляться еще до превращения Пруссии в Германию. Но с 1870-х годов она принимает все более системный и агрессивный характер. Германская экспансия на Восток развивалась по двум маршрутам: северному (Черное море – Кавказ – Каспий) и южному (Стамбул – Конья – Мосул – Багдад – Кувейт). Южное направление совпадало со схемой прокладки Багдадской железной дороги. В 1880-е годы Берлин заявил претензии на концессионное участие в ее строительстве с целью соединить Германию с Персидским заливом.

Этот проект на фоне германо-турецкого сближения сильно встревожил Петербург, не исключавшего, что на участке от Коньи до Вана могут быть проложены северные ветки в направлении Кавказа, которые позволят быстро доставлять туда войска, и, возможно, не только османские.

С 1911-1912 гг. в Закавказье резко увеличивается число германских эмиссаров, ведущих сбор подробнейшей разведывательной информации на случай, если там развернутся военные действия между германо-турецким союзом и Россией. Немцы изучали местные политические, идеологические и религиозные настроения, создавали диверсионные группы из откровенных антироссийских элементов, в распоряжение которых предоставлялись большие партии оружия [Пипия 1978: 34-40].

С началом мировой войны Германия открыто участвует в военных действиях на Кавказе и в Черном море. Прикрываясь статусом союзников турок, немцы разрабатывают собственные планы завоевания ключевых стратегических и экономических районов края [Пипия 1978: главы 3-4]. Османские аппетиты вызывают у Берлина растущее раздражение. У него были свои планы, и Турция вписывалась в них лишь как сговорчивый помощник.

Реальную угрозу этим планам создала русская армия, нанеся туркам сокрушительные поражения и занявшая к концу 1916 года обширные территории северо-восточной Анатолии, включая Трапезунд, Эрзерум, Баязет, Ван. Но две революции 1917 года в России в корне изменили ситуацию. Русские войска ушли из Закавказья, открыв Германии возможность осуществления своих далеко идущих замыслов. В июне 1918 года немецкие войска оккупировали Грузию, и если бы не общий ход мировой войны, то

можно было не сомневаться, что «Drang nach Osten» продолжится дальше. О том, чем он обернулся бы для народов Востока, нетрудно судить по той же Грузии, где буквально с первых же дней иноземного присутствия началось нещадное разграбление ценнейших стратегических ресурсов.

Даже после разгрома Германии Кавказ не выпадал из ее поля зрения. Он присутствовала в различного рода военно-политических прожектах, разрабатывавшихся в квази-академических кругах при участии представителей «обиженной» советской властью кавказской эмиграции. К концу 1930-х годов прожекты стали постепенно преобразовываться в официальные проекты гитлеровских генералов и идеологов, пока, наконец, не материализовались на полях сражений.

* * *

Вторая мировая война внесла радикальные перемены в предвоенную расстановку сил и в предвоенные сценарии. Лондону пришлось отказаться от нападения на южные границы СССР и пойти на ненавистное для него союзничество с Москвой. Это был союз поневоле, не помешавший старым британским искушениям проявить себя в виде стремления предельно обескровить СССР, отсрочить открытие второго фронта, втайне прощупать почву для сепаратного договора с Берлином. Венцом этого «геополитического» цинизма стал разработанный в мае (!) 1945 года план «Немыслимое» [Путь... 2015: 830-838].

Оказывая помощь большевикам, Британия спасалась от смертельной опасности нацизма, будучи не вполне уверенной, в том, что он есть наибольшее зло. Но, спасаясь, думала о будущем, о котором Черчилль точно знал одно: в случае победы над Германией советско-западные, в частности советско-британские отношения, обречены на резкое ухудшение из-за фундаментальных исторических противоречий, усугубленных появлением американской сверхдержавы и перекройкой политической карты мира.

Германия сделала все, чтобы прорваться на Кавказ. Она стремилась скоординировать свое наступление на юг с встречным вторжением в Закавказье Турции и Ирана, «нейтралитет» которых носил явно прогерманский характер. Однако сталинградский разгром лишил Берлин перспективы обзаведения новыми союзниками.

Тем не менее, пронацистские симпатии сохранялись в турецких правящих кругах на протяжении всей войны. Анкара последовательно отклоняла призывы присоединиться к антигитлеровской коалиции, закрывала глаза на деятельность германских спецслужб, осуществлявших в Турции пантуранскую и антисоветскую пропаганду, объектом которой были и кавказские народы.

Присоединение Турции к союзникам (23 февраля 1945 года) всего лишь за полтора месяца до капитуляции Германии, позволяет предположить, что турецкое правительство выжидало до последнего момента, возможно не исключая перелома в ходе войны за счет сепаратного мира между германским военным руководством и западными державами (без участия СССР).

Меньше всего Анкару устраивала победа Советского Союза, чреватая пересмотром договора 1921 года, по которому Турция получила от Москвы воистину «царский» подарок в виде российской Карсской области и добровольного отказа от завоеванных русской армией в 1915-1916 гг. огромных территорий в северо-восточной Анатолии. Такая ревизия была бы вполне справедливым ответом на турецкие планы вторжения на Кавказ с юга в поддержку наступления вермахта с севера (1942 г.).

Опасался победы СССР и Тегеран. У Ирана, как и у Турции, были свои амбиции, реализовать которые он тоже стремился путем ускоренной модернизации страны, с одной стороны, и идеологического воспитания населения в великодержавно-религиозном духе, с другой. В программе достижения этих целей северный сосед значился как противник, Третий рейх – как союзник. Объявленный Ираном нейтралитет (сентябрь 1939 г.) не менял сути дела. В тегеранском руководстве доминировали германофилы. По всей стране открыто действовала нацистская агентура, пропагандируя идею защиты ислама от иностранных поработителей и готовность Великой Германии взять на себя эту миссию. Сначала имелась в виду Англия, а после 22 июня 1941 г. – Советский Союз.

В Тегеране с радостью воспринимали известия о молниеносном наступлении фашистских войск и, особенно, об их продвижении на Кавказ.

После советско-британской оккупации Ирана германская агентура ушла в подполье и занялась диверсионной работой, организацией саботажа поставок по ленд-лизу и подготовкой покушения на лидеров Большой тройки [Оришев 2011: 98-104].

Москва рассматривала позицию официального Ирана как откровенно враждебную и в ответ на нее проводила в своей оккупационной зоне, примыкавшей к Закавказью, политику создания собственной сферы военно-политического, экономического, идеологического и культурного влияния. Это была, с одной стороны, банальная политика воздаяния «по заслугам» за поддержку захватнических устремлений нацистской Германии, с другой – система мер, обеспечивающих безопасность южных границ Советского Союза в условиях непредсказуемого развития послевоенного мира.

Общим итогом Второй мировой войны применительно к Кавказу следует считать тот факт, что она разрушила застарелый миф о существовании исторически преемственной уязвимости этого региона как составной части Российской империи и СССР. Во второй половине 1930-х годов вера в этот миф объединяла Англию, Францию, Германию, Турцию, Иран, Польшу. Лишь Анкара и Тегеран (по понятным причинам) расходились в идеологических концепциях разрушения Советского Союза. Всем остальным были важны не средства, а цель – поднять против Москвы народы Кавказа, Поволжья, Средней Азии, чтобы обессилить страну и нанести по ней (повторим эту модную в отношении СССР фразу) «нокаутующий удар». Пропагандистская, разведывательная, диверсионно-вербовочная работа в этом направлении составляла неотъемлемую часть подготовки к войне против СССР, кто бы ее ни планировал. В английских, французских, германских военно-стратегических

документах того времени мысль о подрыве Советского государства изнутри звучит едва ли не лейтмотивом [Сиполс 1997: 202-206, 210, 222-223].

* * *

В условиях холодной войны, зарождавшейся уже на исходе горячей, к западным державам, теперь уже во главе с Соединенными Штатами, вернулось наваждение о «русской угрозе» их цивилизации. В Фултонской речи Черчилль заявил о наступлении новой эпохи, в которой политика станет продолжением войны другими средствами.

Это имело прямое отношение к Кавказу, где старая «большая игра», нацеленная на отторжение его от России, требовала «других средств»: системной, терпеливой, умной работы без надежды на быстрый результат. Необходимость внешнеполитической перестройки осознавала и Москва. Обе сверхдержавы учились жить в условиях новых, более сложных правил игры, которые постоянно заставляли искать относительно безопасный баланс между решительностью и осторожностью, между целью и средствами, между соблазнами и прагматизмом. Эта трудная учеба, испытывавшая СССР и США еще и на крепость нервов, началась с первых кризисов холодной войны (1946 г.): иранского и турецкого, ставших очередным напоминанием об историко-геополитическом значении Кавказа.

После благополучной развязки «кавказский вопрос» надолго утратил свой, так сказать, международно-правовой компонент. Но из поля зрения Запада не исчезал никогда. В чем только не проявлялось это непреходящее внимание. В США и Европе возникали академические и аналитические центры, изучавшие Кавказ в режиме «безотходного производства»: история, этнология, этногенетика, нравы, обычаи, ментальность, национальные комплексы, память о прошлом, отношение к советской власти, предрасположенность к национализму и сепаратизму, массовые и индивидуальные поведенческие особенности, потенциальные точки воспламенения на межэтнической почве. Существовали и более «специализированные» заведения, отправлявшие на Кавказ под видом туристов людей, интересовавшихся отнюдь не туристическими объектами. Западные радиостанции вещали на многих кавказских языках, вполне успешно пробиваясь сквозь эфирные «помехи» со своими прогнозами относительно перспектив сохранения Советского Союза. (Автор этих строк тому свидетель.).

Все это имело, если вообще имело, крайне скромный эффект. Досуг кавказские люди проводили не за радиоприемниками. И около заезжих иностранцев, по понятным причинам, не толпились. Местные КГБ скорее играли в шпионов за отсутствием настоящего фронта работы. Но эта работа все же велась и с той и с другой стороны. С этой самой «другой» стороны работали на будущее, без твердой уверенности в успехе. Многие западные аналитики подвергали сомнению идею о том, что Кавказ – вечная ахиллесова пята Российской и Советской империи. Его многоэтничность и культурная мозаичность – не слабость, а сила имперской цивилизации. И это утверждал не

кто-нибудь, а многие сотрудники ЦРУ в 1990 году на самом кануне развала СССР.

Как произошла эта катастрофа – отдельный и загадочный вопрос, каких в истории немало. Найти математический ответ на него, зацикливаясь на «проблеме имманентной обреченности СССР», получается все хуже и хуже и у российских, и у западных ученых, если, конечно, они настоящие ученые.

Тем, кто сочувствовал планам разрушения СССР и продолжает упиваться последствиями, не лишне на всякий случай напомнить, что кроме «мягкой силы» была и остается другая (в более точном смысле этого слова) стратегия продолжения этой разрушительной политики. Уже в 1945-1946 годах на американских и натовских военно-штабных картах территории Советского Союза были усеяны зловещими точками, обозначающими объекты атомных бомбардировок. Тогда среди кандидатов на мгновенное уничтожение народам Кавказа отводилось далеко не последнее место. Изменилось ли что-либо к лучшему с тех пор?

Из современной международной повестки дня этот тревожный вопрос, к сожалению, не исчез. И пока мало что располагает к оптимистичному ответу на него.

* * *

Постсоветские потрясения не обошли Кавказ. За политическую самостоятельность, о которой упоенно мечтали правящие и интеллектуальные элиты закавказских республик, не подозревая о последствиях, пришлось заплатить очень дорого. И никто не даст гарантии, что эта расплата закончилась. Вожденная свобода от Советского Союза обернулась огромной зависимостью от ближних и дальних соседей, от геополитических и экономических тяжеловесов, от их мироустроительных планов субрегиональных, региональных и планетарных масштабов. Сильные испокон веков уважают сильных. С игроками малых весовых категорий они говорят, когда говорят, на особом языке прозрачных намеков на тему, кто есть кто в международной табели о рангах. Публично Запад никогда не назовет Грузию, Азербайджан и Армению объектами своей политики, ибо не хочет без нужды задевать их самолюбие напоминанием об очевидном. Но никто и не подумает всерьез воспринимать их как влиятельных субъектов международных отношений, и уж тем более наделять их правом хотя бы символического участия в принятии фундаментальных решений глобального уровня. Другого статуса для закавказских государств в обозримом будущем не предвидится.

Испытание независимостью будет продолжаться еще долго. Как долго, сказать трудно. И уж вовсе невозможно назвать цену, в которую может обойтись народам иллюзия свободы.

ЛИТЕРАТУРА

Гасанлы 2006 – *Гасанлы Дж.П.* СССР-ИРАН: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941-1946 гг.). – М.: «Герои Отечества», 2006. – 560 с.

Наниташвили 1982 – *Наниташвили Н.Л.* Германский капитал в Закавказье. Деятельность фирмы «Сименс и Гальске» 1860-1917. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1982. – 376 с.

Оришев 2011 – *Оришев А.* Политика Германии в Иране в годы Второй Мировой войны (по архивным материалам) // Иран и вторая мировая война: сборник статей / Отв. ред. Н.М. Мамедова. – М.: Институт востоковедения РАН, 2011. – С. 98-104.

Пипия 1978 – *Пипия Г.В.* Германский империализм в Закавказье в 1910-1918 гг. – М.: «Наука», 1978. – 224 с.

Путь 2015 – *Путь к Великой Победе: СССР в войне глазами западных современников. Документы и материалы* / Под ред. акад. А.В. Торкунова. – М.: «Аквариус», 2015. – 926 с.

Сиполс 1997 – *Сиполс В.Я.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939-1941. – М.: «Новина», 1997. – 447 с.

Соцков 2003 – *Соцков Л.Ф.* Неизвестный сепаратизм: на службе СД и Абвера. – М.: Рипол классик, 2003. – 336 с.

Kopisto 2011 – *Kopisto, Lauri.* The British Intervention in South Russia 1918-1920. (Academic Dissertation). Helsinki, 2011.

Lenczowski 1980 – *Lenczowski, George.* The Middle East in World Affairs. 4-th ed. – Ithaca: Cornell University Press, 1980. – 862 p.

REFERENCES

GASANLY DZH.P. SSSR-IRAN: *Azerbaidzhanskii krizis i nachalo kholodnoi voiny (1941-1946 gg.)* [Azerbaijani crisis and the beginnings of the Cold war (1941-1946)]. – М.: «Герои Отечества», 2006. – 560 p. (In Russian)

KOPISTO, LAURI. The British Intervention in South Russia 1918-1920. (Academic Dissertation). Helsinki, 2011.

LENCZOWSKI, GEORGE. The Middle East in World Affairs. 4-th ed. – Ithaca: Cornell University Press, 1980. – 862 p.

NANITASHVILI N.L. *Germanskii kapital v Zakavkaz'e. Deyatel'nost' firmy «Simens i Gal'ske» 1860-1917* [German capital in Transcaucasia. Operations of the “Siemens and Halske” company 1860-1917]. – Tbilisi: Izd-vo Tbil. un-ta, 1982. – 376 p. (In Russian)

ORISHEV A. *Politika Germanii v Irane v gody Vtoroi Mirovoi voiny (po arkhivnym materialam)* [German politics in Iran in the years of the Second World War (on archival materials)]. IN: *Iran i vtoraya mirovaya voina: sbornik statei* [Iran and the Second World War: collection of articles] / Ed. by N.M. Mamedova. – М.: Institut vostokovedeniya RAN, 2011. – P. 98-104. (In Russian)

PIPIYA G.V. *Germanskii imperializm v Zakavkaz'e v 1910-1918 gg.* [German imperialism in Transcaucasia in 1910-1918]. – М.: «Наука», 1978. – 224 p. (In Russian)

Put' k Velikoi Pobede: SSSR v voine glazami zapadnykh sovremennikov. Dokumenty i materialy [The way to the great victory: USSR in the war by the eyes of western contemporaries] / Ed. by acad. A.V. Torkunov. – М.: «Аквариус», 2015. – 926 p. (In Russian)

SIPOLS V.Ya. *Tainy diplomaticheskie. Kanun Velikoi Otechestvennoi. 1939-1941* [Diplomatic secrets. The eve of the Great Patriotic. 1939-1941]. – М.: «Новина», 1997. – 447 p. (In Russian)

SOTSKOV L.F. *Neizvestnyi separatizm: na sluzhbe SD i Abvera* [The unknown separatism: in the service to SD and Abwehr]. – М.: Рипол классик, 2003. – 336 p. (In Russian)

УДК 327

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-1-208-222

ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ С РОССИЕЙ

И.М. УЗНАРОДОВ

*ФГБОУ ВО Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69
E-mail: iguz2010@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается политика Европейского Союза на Южном Кавказе в XXI веке как часть общей политики ЕС на постсоветском пространстве. Политика в регионе анализируется на примере её основных составляющих – Европейской политики соседства, Восточного партнёрства, политики в Черноморском регионе. Также в статье рассматриваются причины ухудшения отношений между Россией и Евросоюзом в связи с политикой последнего на Южном Кавказе. Обращено внимание на то, что это произошло после активизации политики ЕС на постсоветском пространстве, что неизбежно вступало в противоречие с приоритетами внешней политики Российской Федерации. Делается вывод, что несмотря на достаточно активную политику в регионе, Евросоюзу не удалось вовлечь в свою орбиту государства Южного Кавказа, за исключением Грузии, с которой было подписано Соглашение об ассоциации с ЕС. Отмечается, что и сегодня ЕС продолжает борьбу за стратегическое влияние в регионе. Поэтому сохраняются серьёзные противоречия между Россией и Евросоюзом, в связи с чем не стоит ожидать улучшения отношений между ними в ближайшем будущем.

Ключевые слова: Европейский Союз; Россия; Южный Кавказ; Черноморский регион; Азербайджан; Армения; Грузия.

THE EUROPEAN UNION'S POLICY IN THE SOUTH CAUCASUS IN CONTEXT OF RELATIONS WITH RUSSIA

I.M. UZNARODOV

*FSBEI HE Rostov State University of Economics
344002, Rostov region, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya st., 69
E-mail: iguz2010@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the European Union's policy in the South Caucasus in the XXI century as part of an overall EU policy on the post-Soviet space. Policy in the region is analyzed on the example of its main components – the European Neighborhood policy, Eastern partnership, policy in the Black Sea region. The article also discusses reasons for the deterioration of relations between Russia and the European Union in connection with the EU policy in the South Caucasus. Attention is drawn to the fact that it occurred after activation of the EU policy on the post-Soviet space, which inevitably came into conflict with the priorities of the foreign policy of the Russian Federation. It concludes that in spite of active policy in the region, the EU failed to involve in its orbit states of the South Caucasus, with the exception of Georgia, which signed an Association

Agreement with the EU. It is noted that today the EU continues to struggle for strategic influence in the region. Therefore, serious contradictions remain between Russia and the EU, and because of that, one must not expect improvement in the relations between them in the near future.

Key words: European Union; Russia; the South Caucasus; Black Sea region; Azerbaijan; Armenia; Georgia.

Европейский Союз является одним из главных политических и торгово-экономических партнеров России. Даже в условиях санкций ЕС занимает первое место по объёму торгового оборота с нашей страной и по объёму капиталовложений. Политический диалог также имеет большое значение. Без взаимного согласия сторон невозможно решить проблему европейской безопасности и установить прочный мир на континенте. Не будет лишним обратить внимание и на то, что объединение политических и экономических возможностей сторон позволило бы достойно ответить на вызовы XXI века.

Однако украинский кризис нанёс серьёзный ущерб отношениям России и Евросоюза. В то же время он не был случайностью. Скорее можно говорить о вполне закономерных последствиях политической и экономической экспансии ЕС на восток Европы, которая серьёзно затронула жизненные интересы России. Цель статьи – рассмотреть, как политика Европейского Союза на Южном Кавказе в XXI веке повлияла на отношения с Россией.

В 1990-е годы Европейский Союз заложил основы диалога с государствами постсоветского пространства. С ними, в том числе с Азербайджаном, Арменией и Грузией, были подписаны соглашения о партнёрстве и сотрудничестве. Повышенное внимание к Закавказью со стороны стран-членов ЕС объяснялось тем, что регион рассматривался как стратегически важный рынок энергоносителей и возможный плацдарм на пути к ресурсам Каспийского моря, Центральной Азии и Ирана. Государствам Южного Кавказа предоставлялась гуманитарная помощь, расширилось и экономическое присутствие Евросоюза в регионе. Было положено начало проектам развития частного сектора в экономике, модернизации энергетики, создания транспортного коридора Европа – Чёрное море – Закавказье – Каспийское море – Центральная Азия, строительства и эксплуатации нефтегазопроводов [Гаджиев 2003: 375-379]. Однако активность все же проявлялась в большей степени в работе экспертов, изучавших политические и экономические возможности региона, чем в конкретных действиях, направленных на усиление своих позиций. Поэтому помех для конструктивного диалога и налаживания сотрудничества с Россией тогда не было. Кавказское направление международной политики ещё не стало достаточно значимым для Брюсселя.

По мнению экспертов, отношения России и ЕС в 1990-е годы оказались одними из самых успешных в российской внешней политике. Они были стабильными, динамичными и в целом предсказуемыми. Взаимодействие сторон привело к подписанию Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве (СПС) в 1994 г. Несмотря на известные проблемы, развитие отношений между Россией и Европейским Союзом привело к идее стратегического партнёрства и

создания четырёх общих пространств углублённого сотрудничества [Европейский Союз... 2001: 184-192, 384-396].

Следует отметить, что развитие отношений с новой Россией изначально предполагало, что её партнёры будут учитывать российские интересы на постсоветском пространстве.

После распада СССР постсоветское пространство занимало особое место во внешней политике новой России. Согласно «Концепции внешней политики Российской Федерации», утвержденной Президентом РФ Б.Н. Ельциным 23 апреля 1993 г., одним из приоритетов внешней политики страны было формирование принципиально новых, равноправных и взаимовыгодных отношений России с участниками СНГ и другими государствами ближнего зарубежья, что рассматривалось в качестве важнейшего условия нормального развития России. Среди основных направлений внешнеполитической деятельности на первом месте находились именно отношения со странами Содружества [Внешняя политика... 2002: 19-50]. Это и понятно, учитывая существовавшее советское военно-стратегическое пространство, хозяйственные взаимоотношения, экономические связи между регионами, предприятиями России и их партнёрами из новых независимых государств, большое число российских граждан, оказавшихся за пределами своей страны.

Там же отмечалось, что соседние государства в прилегающих регионах ведут собственную линию, заметно стараясь использовать распад СССР для укрепления своих позиций, а в отдельных случаях и для реализации планов формирования неких общностей под национальным или религиозным знаменем с привлечением бывших союзных республик. Такая политика рассматривалась как угроза безопасности России, её экономическим интересам, а также интересам россиян, проживавших в бывших советских республиках [Внешняя политика... 2002: 26-27].

На рубеже XX и XXI веков российская дипломатия предпринимала шаги, направленные на дальнейшее развитие отношений России и Европейского Союза. В «Концепции внешней политики Российской Федерации», утвержденной Президентом РФ В.В. Путиным 28 июня 2000 г., в разделе о региональных приоритетах сразу после подтверждения важности развития добрососедских отношений и стратегического партнёрства со всеми государствами-участниками СНГ, говорилось об отношениях с европейскими государствами как традиционном приоритетном направлении внешней политики России, подчёркивалось ключевое значение отношений с Европейским Союзом. В последнем видели одного из важнейших политических и экономических партнёров, с которым Россия планировала интенсивное, устойчивое и долгосрочное сотрудничество, лишённое конъюнктурных колебаний. [Внешняя политика... 2002: 109-121].

В.В. Путин, выступая в сентябре 2001 г. в Берлине перед депутатами бундестага, подтвердил, что европейское направление не случайно поставлено на второе место в ряду приоритетов российской внешней политики. Он отметил, что Европа сможет надолго укрепить репутацию мощного и самостоятельного центра мировой политики, если объединит свои людские,

территориальные и природные ресурсы с экономическим, культурным и оборонным потенциалом России. При этом российский президент подчеркнул, что никто не ставит под сомнение важность особых отношений Европы с Соединёнными Штатами. Депутаты встретили его слова аплодисментами, а бывший глава правительства Германии Г. Шрёдер впоследствии писал в своих мемуарах: «Путин мыслит по-европейски. Иными словами, Путин видит миссию России как неотъемлемой части Европы, пусть и с азиатской компонентой, что он прекрасно сознаёт; но в культурном плане, по складу чувств и эмоций, по восприятию жизни и по отношению к жизненным ценностям Россия является именно частью Европы» [Шрёдер 2007: 454].

В мае 2003 г. на встрече в верхах в Санкт-Петербурге Россия и Евросоюз одобрили создание четырёх общих пространств углубленного сотрудничества. Через два года на саммите в Москве приняли пакет так называемых «дорожных карт», которые предполагали создание четырёх общих пространств: экономического; свободы, безопасности и правосудия; внешней безопасности; науки, образования и культуры. Хотя «дорожные карты» не являлись юридически обязывающими документами, они заложили основу для стратегического партнёрства России и ЕС [Россия... 2008].

К сожалению, примерно в то же время начинается торможение в развитии политического и стратегического взаимодействия России и Европейского Союза. Последний оказался перед выбором: или углублять сотрудничество с нашей страной, создавать к взаимной выгоде общие европейские пространства, или отдать предпочтение экономической и политической экспансии в бывшие советские республики и бывшие социалистические государства (путем их приёма в ЕС). Выбор сделали в пользу второго варианта, хотя он явно не учитывал ни экономических, ни геополитических интересов России. Представляется, что не последнюю роль в этом решении сыграла позиция руководства США, которое не пожелало принять независимый курс нашей страны на международной арене [Узнародов 2014: 237-238].

Так в 2004 г. произошло самое крупное расширение Евросоюза, пополнившегося сразу десятью новыми членами, в том числе бывшими прибалтийскими советскими республиками и бывшими участниками социалистического содружества. К сожалению, это не способствовало дальнейшему развитию отношений с Россией, поскольку руководители ряда новых стран-членов ЕС, известные своими антироссийскими и проамериканскими настроениями, соответствующим образом повлияли на его международную политику.

О грядущих изменениях в политике Евросоюза можно было судить уже в 2003 г., когда предложенный Россией план урегулирования ситуации в Приднестровье был под давлением ЕС отвергнут правительством Республики Молдова. Таким образом России впервые дали понять, что она уже не может самостоятельно действовать на пространствах СНГ. В декабре того же года на совещании министров ОБСЕ в Маастрихте при обсуждении приднестровской проблемы Россия оказалась в полной изоляции. А ЕС продолжил давление на

руководство Молдовы с целью осуществить предложенный его представителями план урегулирования без активного участия России.

12 декабря 2003 г. руководителями стран-членов ЕС была одобрена Европейская стратегия безопасности, в которой отмечались изменения во внешнеполитической деятельности Европейского Союза в связи с его предстоящим расширением. В документе говорилось о том, что, объединяя 25 государств с населением более 450 млн. человек, производящих четверть мирового национального продукта, ЕС неизбежно становится глобальным игроком. Европа должна быть готова разделить ответственность за безопасность в мире и строительство лучшего мира.

В то же время отмечалось, что расширение ЕС приближает объединение к кризисным регионам. Поэтому в качестве задачи в документе определялось содействие тому, чтобы к востоку от ЕС и вдоль его границ в Средиземноморье существовало кольцо хорошо управляемых стран, с которыми Союз мог бы поддерживать отношения тесного сотрудничества. Соответственно следовало проявлять «более значительный и активный интерес к проблемам Южного Кавказа», который скоро станет граничащим с ЕС регионом. [Европейская стратегия... 2009: 29-36].

К сожалению, после расширения ЕС характерной чертой стало то, что уровень его взаимоотношений с Россией определялся наименее благожелательно настроенными по отношению к нашей стране членами Евросоюза. Эти настроения могли иметь под собой разные обоснования – от исторически обусловленных до текущих коммерческих, от партийно-политических предпочтений до причин личного плана. При этом использовалось право вето, ставшее механизмом торможения в развитии двустороннего сотрудничества. К тому же, по мнению Н.П. Шмелёва и В.П. Фёдорова, Евросоюз разделил страны на своих и чужих, и Россия оказалась во второй группе. [Шмелев, Федоров 2012: 42].

Все, отмеченные выше изменения, вместе с нараставшей на Западе тенденцией к сдерживанию России и привели в XXI веке к заметному охлаждению в отношениях ЕС и нашей страны. В интервью итальянскому научно-политическому журналу «Лимес» известный ученый и эксперт в области международных отношений С.А. Караганов отметил, что в условиях уходящей однополярной системы в мире, Запад был готов удержать свои рушившиеся позиции любой ценой. В России во второй половине 2000-х годов стало ясно, что договориться по-хорошему о прекращении неовеимарской экспансии западных союзов на территории, считавшиеся в Москве жизненно важными с точки зрения безопасности, не удастся. Поэтому

Россия подготовилась – провела успешную военную реформу и на словах, и делами заявила, что порядков, установленных Западом в 1990-х она не потерпит [Karaganov 2017].

Южный Кавказ даже в начале XXI века не рассматривался однозначно в качестве региона, представляющего стратегический интерес для Евросоюза, о чём свидетельствуют споры в Еврокомиссии и Совете ЕС. Большинство европейских экспертов продолжало считать регион периферийной зоной в

политическом плане. Энергетические ресурсы Каспия ещё не приобрели большого значения, а потребительский рынок южно-кавказских государств был слишком мал. Сдвиг произошёл после «революции роз» в Грузии в ноябре 2003 г., когда потребовалось дать ответ на заявленное новым грузинским руководством желание вступить в ЕС [Язькова 2016: 10-11].

Сразу после расширения Евросоюз разработал и одобрил в мае 2004 г. новый проект под названием «Европейская политика соседства» (ЕПС), в котором приняли участие Армения, Азербайджан и Грузия [European Neighbourhood... 2004]. Данная политика предполагала взаимодействие со странами-соседями с целью создания зоны безопасности и благосостояния на границах ЕС, а также повышение значимости роли Союза в урегулировании региональных конфликтов. Поддержка ЕПС планировалась путём финансирования различных программ из соответствующих фондов. Основным приоритетом в социально-экономической сфере кавказской политики ЕС являлось развитие рыночной экономики и создание бизнес климата, привлекательного для европейских инвесторов. Тогда же был назначен специальный представитель ЕС по Южному Кавказу.

Вскоре с государствами Южного Кавказа были заключены договоры о сотрудничестве и торговле, которые давали им возможность теснее сотрудничать с ЕС в области политики, безопасности, экономики и культуры [Забелин 2016: 46-48].

В то же время, оценивая политику ЕС на Южном Кавказе на данном этапе, известный британский политолог Р. Саква обратил внимание на отсутствие концептуальной модели, соответствовавшей реалиям тех политических процессов, которые происходили на постсоветском пространстве. Непонимание цивилизационных особенностей государств региона и стремление навязать свои правила, чтобы построить благополучную Европу, привели к противоречиям в европейской политике и к весьма ограниченным результатам [Политика Евросоюза... 2008].

К сожалению, параллельно формированию новой политики ЕС на Южном Кавказе на Западе разворачивалась антироссийская кампания. Под давлением американских стратегов антироссийский курс получал всё большую поддержку в странах-членах Европейского Союза. Активизировалась деятельность группировки ГУАМ, созданной в 1999 г. по инициативе Вашингтона в составе Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии. В июне 2007 г. в совещании руководителей ГУАМ уже участвовали представители Польши, Литвы и Румынии, которые усиленно продвигали план вступления стран ГУАМ в НАТО и ЕС.

В 2007 г., когда решался вопрос о начале переговоров с Россией о новом СПС в связи с окончанием действия последнего, Литва настояла на включении в мандат переговоров помимо прочего и положения об урегулировании «замороженного конфликта» в Грузии.

Начало переговоров о СПС выявило много проблем в отношениях сторон. К тому же они были осложнены грузинской военной авантюрой в Южной Осетии в первой половине августа 2008 г. В Евросоюзе действия России по

принуждению Грузии к миру расценили как агрессию и нарушение территориальной целостности одной из стран-участниц ЕПС. В дальнейшем, после признания Российской Федерацией независимости Южной Осетии и Абхазии, объявленного 26 августа, к претензиям Брюсселя прибавился и этот вопрос.

Всё же на экстренном саммите глав стран-членов ЕС 1 сентября не получили поддержки предложения ряда делегаций о принципиальном пересмотре отношений с Россией в свете грузино-осетинского кризиса. Было решено лишь приостановить переговоры по СПС до выполнения всех пунктов соглашения Саркози и Медведева по урегулированию конфликта.

В то же время события на Южном Кавказе показали, что поиск совместных политических решений необходим. Как отмечает Д.А. Данилов, в данном случае Евросоюз, в отличие от США, продемонстрировал способность действовать конструктивно и взвешенно, оставаясь оппонентом России в оценке ситуации вокруг Грузии [Реформирование... 2009: 9-16].

Особого внимания в свете изложенного заслуживает следующий малоизвестный эпизод. В середине сентября 2008 г. на международном форуме на озере Комо на севере Италии с крайне жёсткой речью антироссийского характера выступил американский вице-президент Р. Чейни. США не только поддержали агрессию Грузии, но и выступили с угрозами в адрес России. России предложили выбирать: либо играть по правилам, которые устанавливает Запад, соблюдать все его пожелания и прежде всего – пожелания Соединенных Штатов, и тогда отношения с нашей страной будут хорошими; либо, если Россия не готова отказаться от собственных интересов в угоду американским, её ждёт жесткая реакция со стороны Запада и холодная война [Пушков 2008].

Однако представители европейских стран восприняли эту речь весьма сдержанно. Комментируя данную ситуацию, Х. Тиммерманн отметил, что международный форум проходил в условиях, когда политиками разного ранга озвучивались предложения присоединить Россию к «проблемным государствам» вместе с Северной Кореей и Ираном, исключить из «большой восьмерки», отказать ей во вступлении в ВТО, заморозить российские банковские счета и бойкотировать Олимпийские игры в Сочи. Тогда «староевропейцы» (т.е. представители стран, вступивших в ЕС в XX в. – И.У.) все-таки проявили понимание того, что без России не удастся найти пути урегулирования глобальных и региональных конфликтов. К тому же слабая, вытесненная на периферию Россия, могла бы стать источником нестабильности на европейском континенте [Тиммерманн 2009: 109].

Несмотря на ухудшение отношений с Россией, руководители Евросоюза продолжили наращивать активность на восточном направлении, хотя не могли не понимать, что тем самым они не только затрагивают интересы России, но вступают в прямое противоборство с ней на территории, которая раньше не относилась к приоритетам политики ЕС.

Следующим шагом на этом пути стал проект «Восточное партнёрство», одобренный на саммите в Праге в мае 2009 г. и продолживший ЕПС. Официальной целью проекта провозглашалось создание условий для

политической и экономической интеграции Евросоюза с Азербайджаном, Арменией, Белоруссией, Грузией, Молдавией и Украиной. В случае успешного проведения соответствующих реформ планировалось заключать двусторонние соглашения, которые должны были способствовать интеграции стран-участниц в европейское пространство. В перспективе предлагалась возможность переговоров по новому Соглашению об ассоциации с ЕС [Joint Declaration... 2009].

В рамках проекта предполагалось включить в сферу влияния ЕС Калининградскую область, а также определить меры по организации альтернативного энергоснабжения. Российские дипломаты и эксперты расценили эти планы как попытку ослабить позиции России в Восточной Европе и вывести страны СНГ из-под российского влияния [Европейский Союз... 2012: 380-397].

С.А. Забелин отмечает, что в связи с мировым финансово-экономическим кризисом 2008-2009 гг. Восточное партнёрство не получило сначала реальной поддержки. Но после продвижения проекта «Южный коридор» (поставки каспийского газа в Европу через Турцию, минуя Россию), Евросоюз снова вернулся к этой идее. На европейском саммите Восточного партнёрства (Варшава, 2011 г.) уже отмечались позитивные тенденции в экономическом сотрудничестве между ЕС и странами-участницами, хотя кризис сильно осложнил реализацию проекта. Одним из важных по-прежнему оставался вопрос о создании зоны свободной торговли со странами-участницами [Забелин 2016: 46-48].

Оценивая реализацию программы «Восточное партнёрство» на Южном Кавказе в 2009-2013 годах, белорусский исследователь П.А. Барахвостов отмечает, что она выявила существенные различия в скорости и степени «европеизации» стран региона. Наибольшие успехи были достигнуты в Грузии в ходе проведения ультралиберальных экономических реформ. Главной задачей политики Евросоюза в отношении республики в 2009-2013 гг. была подготовка условий для подписания Соглашения об ассоциации с ЕС – документа, закрепляющего двусторонние обязательства по обеспечению правовой, экономической и политической трансформации Грузии по европейскому образцу. Оно было подписано в июле 2014 г. В Армении темп преобразований в соответствии с европейскими стандартами оказался невысоким. Более того, в сентябре 2013 г. Армения заявила о намерении вступить в Таможенный союз и не стала подписывать Соглашение об ассоциации с ЕС. Что касается Азербайджана, то его руководство старалось соблюдать принцип равноудаленности от основных центров силы в регионе – Евросоюза и России, не стремясь форсировать меры, направленные на «европеизацию» своей страны. При этом ЕС оставался главным торговым партнером Азербайджана [Барахвостов 2016].

Следует отметить, что политика в отношении государств Южного Кавказа формировалась параллельно с политикой Евросоюза в Черноморском регионе. После вступления в ЕС Румынии и Болгарии в январе 2007 г. Европейская Комиссия обнародовала документ под названием «Черноморская

синергия», который считался дополнением к ЕПС. Его содержание во многом повторяло программу деятельности Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). Новым было заявленное намерение выстраивать особые отношения с Арменией, Азербайджаном и Грузией [Black Sea... 2007].

Однако с самого начала стало ясно, что ОЧЭС отводится роль объекта региональной политики ЕС, а не равноправного партнёра. Главным критиком подобного подхода выступила Россия, которая высказалась за более значимую роль ОЧЭС на основе равноправного диалога с Евросоюзом. Россия также предлагала сотрудничество преимущественно в экономической сфере, а ЕС считал необходимым уделить больше внимания урегулированию так называемых «замороженных конфликтов» в Абхазии и Южной Осетии. Таким образом взаимодействие в рамках Большого Причерноморья превратилось в ещё один проблемный вопрос повестки дня России и Евросоюза, а представители России отказались подписать предложенное ЕС «Совместное заявление» в качестве общей инициативы [Колобов, Краснов 2009: 201-204]. В результате западноевропейская дипломатия взяла курс на углубление отношений со странами региона без России.

Позднее своё отношение к Черноморскому региону выразил и Европейский парламент, принявший 20 января 2011 г. резолюцию о стратегии ЕС в отношении Чёрного моря. Основной целью стратегии называлось усиление влияния в регионе путём интеграции с входящими в него странами. Отмечалась и недостаточная активность Еврокомиссии на данном направлении, но при этом подчёркивалось его стратегическое значение, а само Чёрное море объявлялось «частично внутренним» для Евросоюза.

Особое внимание привлекает раздел, посвященный проблемам безопасности в Черноморском регионе. В этом разделе конфликты в Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье названы «главными вызовами безопасности для всех стран черноморского побережья». Исходя из этого, парламентарии призывали руководство ЕС взять на себя ведущую роль в переговорах и миротворческих процессах, направленных на урегулирование этих конфликтов. При этом Абхазия и Южная Осетия в тексте стратегии обозначены как «оккупированные территории», что нельзя расценить иначе как выпад в сторону Российской Федерации. Примерно также можно оценить и выраженную в заявлении обеспокоенность Европарламента продлением пребывания российского флота в Крыму [European Parliament... 2011].

В свете вышесказанного следует подчеркнуть, что Чёрное море в силу своего географического положения на протяжении многих веков было зоной особых интересов России и никогда не являлось частично внутренним европейским морем. По мере возрастания геополитической, экономической и энергетической роли Черноморского региона, его значимость для нашей страны только усиливалась.

В России все подобные шаги Евросоюза воспринимались настороженно. Ведь согласно «Концепциям внешней политики Российской Федерации» (2008

и 2013 годов) главным приоритетом для нашей страны по-прежнему оставалось постсоветское пространство [Концепция... 2008; Концепция... 2013].

Представляется, что за декларациями о необходимости поощрения экономических реформ и демократии в странах-партнёрах, которыми сопровождалась активность ЕС, стояло стремление Брюсселя вывести постсоветские государства из сферы российского влияния и осуществить геоэкономическую экспансию на их территории.

В конечном итоге борьба Европейского Союза за стратегическое влияние в Черноморском регионе «выстрелила» не на Южном Кавказе, а стала одной из причин политического кризиса на Украине. Она закономерно проявилась в поддержке произошедшего там государственного переворота в феврале 2014 г. и привела к резкому обострению отношений между Россией и странами Запада, за которым последовали взаимные санкции. Одновременно с началом украинского кризиса западные средства массовой информации организовали масштабную антироссийскую кампанию, напомнившую худшие времена холодной войны.

Таким образом были по сути дела перечёркнуты все предыдущие достижения. Не Россия, а именно Евросоюз в первую очередь несёт ответственность за произошедшее.

В июне 2016 г. Брюссель обнародовал Глобальную стратегию Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности, в которой чётко обозначены пространственные векторы прямых интересов Евросоюза. На восточном направлении они простираются до Средней Азии включительно. Таким образом ЕС подтвердил свои планы по созданию благоприятной торгово-экономической периферии на постсоветском пространстве. Кстати, территория России также рассматривается в качестве периферии.

В отношении стран «Восточного партнёрства» предполагается использовать соглашения об ассоциации для повышения устойчивости своих восточных соседей и отстаивать их право «свободно определять» свой подход к ЕС. Под устойчивостью понимается способность противостоять нашей стране и способность уйти из сферы её влияния. Получается, что ЕС отказывает России в праве иметь свои интересы на постсоветском пространстве, но сам не скрывает своей заинтересованности в торговле и в ресурсах этих территорий.

Взаимоотношения с Россией представлены в документе как ключевой стратегический вызов для ЕС. Подчеркивается, что Союз «не признает» «незаконной аннексии» Россией Крыма и «не принимает» дестабилизации Восточной Украины. Очевидно, что такая позиция связана с российским сопротивлением планам Евросоюза по продвижению на восток. В то же время ЕС готов к «избирательному взаимодействию» с Россией по вопросам, представляющим взаимный интерес [Shared Vision... 2016].

В 2016 году в Российской Федерации также была одобрена новая Концепция внешней политики. Ее приоритетным направлением осталось развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами-участниками СНГ и дальнейшее укрепление действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием. Ключевой задачей

считалось углубления и расширения интеграции в рамках Евразийского экономического союза, в том числе с Республикой Армения. В числе российских приоритетов осталось содействие становлению Республики Абхазия и Республики Южная Осетия как современных демократических государств, укреплению их международных позиций, обеспечению надежной безопасности и социально-экономическому восстановлению.

Взаимодействие России с партнерами в Черноморском и Каспийском регионах планировалось строить с учетом приверженности целям и принципам Устава ОЧЭС, а также с учетом необходимости укрепления механизма сотрудничества пяти прикаспийских государств на основе коллективно принимаемых ими решений.

В документе отмечалось, что геополитическая экспансия, осуществляемая НАТО и Евросоюзом при нежелании приступить к реализации политических заявлений о формировании общеевропейской системы безопасности и сотрудничества, вызвали серьезный кризис в отношениях между Россией и государствами Запада. При этом российская политика в Евро-Атлантическом регионе в долгосрочной перспективе ориентирована на формирование общего пространства мира, безопасности и стабильности, основанного на принципах неделимости безопасности, равноправного сотрудничества и взаимного доверия [Концепция... 2016].

Сравнение основополагающих документов Евросоюза и России в части их политики на Южном Кавказе позволяет сделать вывод о сохранении серьезных противоречий и невозможности улучшения отношений между сторонами в ближайшей перспективе. Как отмечают директор Института Европы РАН А.А. Громыко и профессор С. Бископ из Королевского института международных отношений в Брюсселе, в настоящее время Россия представлена на всем коллективном Западе исключительно в негативном контексте как угроза миру и стабильности. Она больше не считается стратегическим партнером Евросоюза, хотя по-прежнему признается в качестве стратегического игрока. При этом существует высокая вероятность того, что острая конкуренция и протекционизм будут определять экономические отношения между Россией и ЕС на постсоветском пространстве. [The EU Global... 2017: 5].

Итак, активизация ЕС на кавказском направлении наблюдается после принципиального изменения его курса в пользу политической и экономической экспансии на восток. Тогда же предпринимаются попытки вовлечь в сферу своего влияния независимые государства Южного Кавказа. Это происходило и в рамках программы «Европейская политика соседства», и в рамках программы «Восточное партнёрство». Следует отметить, что политика ЕС в отношении Южного Кавказа была частью его общей политики на постсоветском пространстве. Несмотря на достаточно активную политику в регионе, Евросоюзу не удалось вовлечь в свою орбиту государства Южного Кавказа, за исключением Грузии, с которой было подписано Соглашение об ассоциации с ЕС.

Отношения между Россией и ЕС начали ухудшаться после того, как последний активизировал свою деятельность на постсоветском пространстве. Руководство ЕС не могло не понимать, что такая политика вступает в противоречие с приоритетами внешней политики России. Представляется, что повышенная активность в отношении государств Южного Кавказа, наряду с другими факторами, повлияла на политические отношения с Россией, способствуя их ухудшению.

При этом в условиях усиливающейся конкуренции за влияние в Черноморском регионе в целом и на Южном Кавказе в частности весьма актуальной становится задача разработки цельной стратегии Российской Федерации в регионе, просчитанной на длительную перспективу.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бархвостов 2016 – *Бархвостов П.А.* Кавказское измерение «Восточного партнерства» (2009-2016 гг.) // Вестник МГИМО. – 2016. – №4(49). – С. 199-208. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/019_mirovaya_politika_barhvastovpa.pdf (дата обращения: 05.07.2017).

Внешняя политика... 2002 – *Внешняя политика* и безопасность современной России. 1992-2002. Хрестоматия в четырёх томах / Редактор-составитель Т.А. Шаклеина. Том IV. Документы. – М.: Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России, Российская ассоциация международных исследований, АНО «ИНО-Центр», 2002. – 538 с.

Гаджиев 2003 – *Гаджиев К.С.* Геополитика Кавказа. – М.: Междунар. отношения, 2003. – 464 с.

Европейская стратегия... 2009 – *Европейская стратегия* безопасности. Безопасная Европа в лучшем мире. – Люксембург: Бюро официальных публикаций Европейских Сообществ, 2009. – 43 с.

Европейский Союз... 2012 – *Европейский Союз* в XXI веке: время испытаний / Под ред. О.Ю. Потемкиной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. – М.: Весь Мир, 2012. – 656 с.

Европейский Союз... 2001 – *Европейский Союз* на пороге XXI века: выбор стратегии развития / Под ред. Ю.А. Борко и О.В. Буториной. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 472 с.

Забелин 2016 – *Забелин С.А.* Политика ЕС в отношении постсоветских стран Причерноморья // Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России / Под ред. А.А. Язьковой. Доклады Института Европы РАН. № 324. – М.: ИЕ РАН, 2016. – С. 44-53.

Пушков 2008 – *Пушков А.* На Европе и США свет клином не сошелся. 17.10.2008 // Информационный мультипортал “KM.RU”. URL: http://www.km.ru/news/na_evrope_i_ssha_svet_klinom_ne (дата обращения: 11.09.2014).

Колобов, Краснов 2009 – *Колобов О.А., Краснов Д.В.* «Черноморская синергия» Европейского Союза как новая инициатива регионального сотрудничества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 2. – С. 201-204.

Концепция... 2008 – *Концепция* внешней политики Российской Федерации. 2008 // Президент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 14.06.2017).

Концепция... 2013 – *Концепция* внешней политики Российской Федерации. 2013 // Министерство иностранных дел Российской Федерации: сайт. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 14.06.2017).

Концепция... 2016 – *Концепция* внешней политики Российской Федерации. 2016 // Министерство иностранных дел Российской Федерации: сайт. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 14.06.2017).

Реформирование... 2009 – *Реформирование* Европейского Союза и его политические отношения с Россией / Под ред. Д.А. Данилова. Доклады Института Европы РАН. № 241. – М.: Русский сувенир, 2009. – 104 с.

Россия... 2008 – *Россия – Европейский Союз*: на пути к четырём общим пространствам. Доклады Института Европы: в 2-х ч. Часть 1. № 224; Часть 2. № 225. / Под ред. Д.А. Данилова. – М.: Русский сувенир, 2008. Ч. 1. – 102 с.; Ч. 2. – 98 с.

Политика Евросоюза... 2008 – *Политика Евросоюза на Южном Кавказе*. Интервью с Ричардом Саквой о политике ЕС на Южном Кавказе. 08.08.2008 // «Hayinfo.ru. DIASPORA». Информационно-аналитический портал Армении: сайт. URL: <http://old.hayinfo.ru/ru/interview/34404.html> (дата обращения: 22.09.2017).

Тиммерманн 2009 – *Тиммерманн Х.* Европа и ее восток с геополитической точки зрения // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2009. – № 10. – С. 105-115.

Узнародов 2014 – *Узнародов И.М.* Запад после Второй мировой войны: тенденции развития. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2014. – 264 с.

Шмелев, Федоров 2012 – *Шмелев Н.П., Федоров В.П.* Евросоюз – Россия: мера сотрудничества. Доклады Института Европы РАН. № 275. – М.: Русский сувенир, 2012. – 58 с.

Шрёдер 2007 – *Шрёдер Г.* Решения. Моя жизнь в политике / Пер. с нем. Г. Леоновой. – М.: Европа, 2007. – 552 с.

Язькова 2016 – *Язькова А.А.* Большой Черноморский регион: проблемы и перспективы развития // *Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России* / Под ред. А.А. Язьковой. Доклады Института Европы РАН. № 324. – М.: ИЕ РАН, 2016. – С. 7-19.

Black Sea... 2007 – *Black Sea synergy – A new regional cooperation initiative*. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament. COM (2007) 160 final, 11 April 2007 // University of Pittsburg Library system: site. URL: [http://aei.pitt.edu/38857/1/COM_\(2007\)_160.pdf](http://aei.pitt.edu/38857/1/COM_(2007)_160.pdf) (date of access: 08.12.2017).

European Neighbourhood... 2004 – *European Neighbourhood Policy*. Strategy Paper. Brussels, 12.05.2004. COM (2004) 373 final. 35 p. // University of Pittsburg Library system: site. URL: [http://aei.pitt.edu/38132/1/COM_\(2004\)_373.pdf](http://aei.pitt.edu/38132/1/COM_(2004)_373.pdf) (date of access: 08.12.2017).

European Parliament... 2011 – *European Parliament Resolution of 20 January 2011 on an EU Strategy for the Black Sea – 2010/2087/ (INI)* // www.europarl.europa.eu: European Parliament portal. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P7-TA-2011-0025&language=HR> (дата обращения: 14.06.2017).

Joint Declaration... 2009 – *Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit*. Prague, 7 May 2009. Brussels, 7 May 2009. 8435/09 (Presse 78). 11 p. Council of the European Union. // Library of the EU Neighbours portal. URL: <http://library.euneighbours.eu/content/joint-declaration-prague-eastern-partnership-summit> (date of access: 08.12.2017).

Karaganov 2017 – *Karaganov, Sergej* interview – La Vittoria della Russia e il nuovo concerto delle nazioni // *Limes*. – 2017. – № 2.

Shared Vision... 2016 – *Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe*. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. Brussels, 2016. // European External Action Service (EEAS): site. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf (date of access: 10.11.2017).

The EU Global... 2017 – *The EU Global Strategy: Implications for Russia* / Institute of Europe, Russian Academy of Sciences; Egmont – The Royal Institute for International Relations. Ed. by Olga Potemkina. – М., 2017. – 90 p.

REFERENCES

BARAKHVOSTOV P.A. *Kavkazskoe izmerenie «Vostochnogo partnerstva» (2009-2016 gg.)* [Caucasian dimension of “Eastern Partnership” (2009-2016)]. IN: Vestnik MGIMO. – 2016. – No. 4 (49). – P. 199-208. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/019_mirovaya_politika_barahvostovpa.pdf (date of access: 05.07.2017). (In Russian)

Black Sea synergy – A new regional cooperation initiative. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament. COM (2007) 160 final, 11 April 2007. IN: University of Pittsburg Library system: site. URL: [http://aei.pitt.edu/38857/1/COM_\(2007\)_160.pdf](http://aei.pitt.edu/38857/1/COM_(2007)_160.pdf) (date of access: 08.12.2017).

European Neighbourhood Policy. Strategy Paper. Brussels, 12.05.2004. COM (2004) 373 final. 35 p. IN: University of Pittsburg Library system: site. URL: [http://aei.pitt.edu/38132/1/COM_\(2004\)_373.pdf](http://aei.pitt.edu/38132/1/COM_(2004)_373.pdf) (date of access: 08.12.2017).

European Parliament Resolution of 20 January 2011 on an EU Strategy for the Black Sea – 2010/2087/ (INI). IN: www.europarl.europa.eu: European Parliament portal. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P7-TA-2011-0025&language=HR> (дата обращения: 14.06.2017).

Evropeiskaya strategiya bezopasnosti. Bezopasnaya Evropa v luchshem mire [European Security Strategy. A secure Europe in a better world]. – Lyuksemburg: Byuro ofitsial'nykh publikatsii Evropeiskikh Soobshchestv, 2009. – 43 p. (In Russian)

Evropeiskii Soyuz na poroge XXI veka: vybor strategii razvitiya [European Union on the threshold of the 21 century: the choice of the strategy of development] / Ed. by Yu.A. Borko i O.V. Butorinoi. – M.: Editorial URSS, 2001. – 472 p. (In Russian)

Evropeiskii Soyuz v XXI veke: vremya ispytaniy [European Union in the 21 century: time of trial] / Ed. by O.Yu. Potemkinoi, N.Yu. Kaveshnikova, N.B. Kondrat'evoi. – M.: Ves' Mir, 2012. – 656 p. (In Russian)

GADZHIEV K.S. *Geopolitika Kavkaza* [Geopolitics of the Caucasus]. – M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2003. – 464 p. (In Russian)

Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit. Prague, 7 May 2009. Brussels, 7 May 2009. 8435/09 (Presse 78). 11 p. Council of the European Union. IN: Library of the EU Neighbours portal. URL: <http://library.euneighbours.eu/content/joint-declaration-prague-eastern-partnership-summit> (date of access: 08.12.2017).

KARAGANOV, SERGEJ interview – La Vittoria della Russia e il nuovo concerto delle nazioni. IN: Limes. – 2017. – No. 2.

KOLOBOV O.A., KRASNOV D.V. «Chernomorskaya sinergiya» *Evropeiskogo Soyuzakak novaya initsiativa regional'nogo sotrudnichestva* [“Black Sea Synergy” of European Union as new initiative for regional cooperation]. IN: Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2009. – No. 2. – P. 201-204. (In Russian)

Kontsepsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii. 2008 [Conception of foreign policy of Russian Federation. 2008]. IN: Prezident Rossii: sait. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (date of access: 14.06.2017). (In Russian)

Kontsepsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii. 2013 [Conception of foreign policy of Russian Federation. 2008]. IN: Ministerstvo inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii: sait. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICKB6BZ29/content/id/122186 (date of access: 14.06.2017). (In Russian)

Kontsepsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii. 2016 [Conception of foreign policy of Russian Federation. 2008]. IN: Ministerstvo inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii: sait. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (date of access: 14.06.2017). (In Russian)

Politika Evrosoyuzak na Yuzhnom Kavkaze (Interv'yu s Richardom Sakvoi o politike ES na Yuzhnom Kavkaze). 08.08.2008. [The policy of the European Union in the South Caucasus

(Interview with Richard Sakwa on the policy of EU in the South Caucasus)] IN: «Hayinfo.ru. DIASPORA». Informatsionno-analiticheskii portal Armenii: sait. URL: <http://old.hayinfo.ru/ru/interview/34404.html> (date of access: 22.09.2017). (In Russian)

PUSHKOV A. «*Na Evrope i SShA svet klinom ne soshelsya*» [“EU and USA are not the garden spot of the world”]. 17.10.2008. IN: Informatsionnyi mul'tiportal “KM.RU”. URL: http://www.km.ru/news/na_evrope_i_ssh_a_svet_klinom_ne_ (date of access: 11.09.2014). (In Russian)

Reformirovanie Evropeiskogo Soyuz a i ego politicheskie otnosheniya s Rossiei. Doklady Instituta Evropy RAN. No. 241. [Reform of the European Union and its political relations with Russia. Reports of the Institute of Europe. No. 241] / Ed. by D.A. Danilova. – M.: Russkii souvenir, 2009. – 104 p. (In Russian)

Rossiya – Evropeiskii Soyuz: na puti k chetyrem obshchim prostranstvam. Doklady Instituta Evropy: v 2-kh ch. Chast' 1. No. 224; Chast' 2. No. 225. [Russia – European Union: towards four common spaces. Reports of the Institute of Europe: In two parts. Part 1. No. 224; Part 2. No. 225] / Ed. by D.A. Danilova. – M.: Russkii souvenir, 2008. Ch. 1. – 102 p.; Ch. 2. – 98 p. (In Russian)

Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. Brussels, 2016. IN: European External Action Service (EEAS): site. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf (date of access: 10.11.2017).

SHMELEV N.P., FEDOROV V.P. *Evrosoyuz – Rossiya: mera sotrudnichestva. Doklady Instituta Evropy RAN. No. 275* [The EU – Russia: A Measure of Cooperation. Reports of the Institute of Europe. No. 275]. – M.: Russkii souvenir, 2012. – 58 p. (In Russian)

SCHRÖDER G. *Resheniya. Moya zhizn' v politike* [Decisions: My Life in Politics] / Transl. from Ger. G. Leonovoi. – M.: Evropa, 2007. – 552 p. (In Russian)

The EU Global Strategy: Implications for Russia / Institute of Europe, Russian Academy of Sciences; Egmont – The Royal Institute for International Relations. Ed. by Olga Potemkina. – M., 2017. – 90 p.

TIMMERMANN H. *Evropa i ee vostok s geopoliticheskoi tochki zreniya* [Europe and its East from Geo-Political Point of View]. IN: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2009. – No. 10. – P. 105-115. (In Russian)

UZNARODOV I.M. *Zapad posle Vtoroi mirovoi voiny: tendentsii razvitiya* [The West after the Second World War: tendencies of development]. – Rostov-na-Donu: Izd-vo SKNTs VSh YuFU, 2014. – 264 p. (In Russian)

Vneshnyaya politika i bezopasnost' sovremennoi Rossii. 1992-2002. Khrestomatiya v chetyrekh tomakh / Redaktor-sostavitel' T.A. Shakleina. Tom IV. Dokumenty [Foreign policy and security of modern Russia. 1992-2002. Reader in four volumes / Compiled and edited by T.A. Shakleina. Vol. 4. Documents]. – M.: Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnoshenii (U) MID Rossii, Rossiiskaya assotsiatsiya mezhdunarodnykh issledovani, ANO «INO-Tsentr», 2002. – 538 p. (In Russian)

YAZ'KOVA A.A. *Bol'shoi Chernomorskii region: problemy i perspektivy razvitiya* [The Wider Black Sea: Problems and Prospects]. IN: *Bol'shoe Prichernomor'e: protivorechiya i strategicheskie resheniya dlya Rossii. Doklady Instituta Evropy RAN. No. 324.* [The Wider Black Sea Region: Contradictions and Strategic Solutions for Russia. Reports of the Institute of Europe. No. 324] / Ed. by A.A. Yaz'kovoii. – M.: IE RAN, 2016. – P. 7-19. (In Russian)

ZABELIN S.A. *Politika ES v otnoshenii postsovetских stran Prichernomor'ya* [The EU Policy towards the Post-Soviet Black Sea Countries]. IN: *Bol'shoe Prichernomor'e: protivorechiya i strategicheskie resheniya dlya Rossii* [The Wider Black Sea Region: Contradictions and Strategic Solutions for Russia. Reports of the Institute of Europe. No. 324] / Ed. by A.A. Yaz'kovoii. Doklady Instituta Evropy RAN. No. 324. – M.: IE RAN, 2016. – P. 44-53. (In Russian)

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.422

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-1-223-244

**РЕСУРСОБЕСПЕЧЕННОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ
СТРАТИФИКАЦИИ: НА МАТЕРИАЛАХ ПО КАБАРДИНО-
БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ****Ж.М. ХАМДОХОВА**

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
Центр социально-политических исследований
360002, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: janenal@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены предварительные результаты социологического исследования Центра социально-политических исследований КБНЦ РАН, проведенного в Кабардино-Балкарской Республике в 2017 г. В настоящее время существует множество исследований и научных публикаций, посвященных вопросам перевода российских регионов на модель устойчивого развития. Вместе с тем недостаточно исследовано влияние социального пространства региона на вектор устойчивого развития, остается нерешенным ряд научных задач, связанных с построением модели устойчивого регионального развития с учетом стратификационной структуры общества, социокультурных параметров социальной организации и социальных практик в регионе. В связи с этим возникает необходимость изучения социоструктурных факторов устойчивого регионального развития, в т. ч. социальной структуры, социализирующих и нормативно-регулирующих функций (дисфункций) базовых социальных институтов, а также определения удельного веса традиционалистских (этноклановых) и инновационных социальных институтов и практик. Цель настоящей статьи – анализ социальной структуры современного кабардино-балкарского общества на основе ресурсного подхода в стратификационных исследованиях. Рассматриваются факторы социальной структуризации, базирующиеся на понятиях ресурс, актив и капитал, определен общий объем и структура имеющихся у населения ресурсов, предпринята попытка связать тип и объем ресурсов с местом, занимаемым индивидом в социальной иерархии.

Ключевые слова: Кабардино-Балкарская Республика; социальная структура; социальная стратификация; ресурсный подход; капитал; актив; ресурсы.

**AVAILABILITY OF RESOURCES AS THE BASIS OF SOCIAL
STRATIFICATION: BY THE CASE OF KABARDIN-BALKAR REPUBLIC****Zh.M. KHAMDOKHOVA**

*FSBSE «Federal Scientific Center
‘Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences’»,
Center of socio-political researches*

360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18

E-mail: janenal@mail.ru

Abstract. The article represents preliminary results of sociological research, conducted by Center of socio-political researches of the Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Kabardin-Balkar Republic in 2017. There are presently a plenty of research works and publications on the problems of turning the situation in Russia's regions toward the sustainable development pattern. At the same time there insufficiently is investigated the influence exerted on the sustainable development trajectories by the characteristics of the regions' social space. Some research issues, related to the building of the model of sustainable regional development with reference to the stratification structure of society, sociocultural parameters of social organization and social practices in the regions remain unresolved so far. Thereby, it becomes necessary to study socio-structural factors of sustainable regional development, including the structure of society, the state of basic social institutions that provide functions of socialization and normative regulation as well as to define the place and role of traditionalist (ethnic, clan-based) and innovational social institutions and practices. The present paper is aimed at the analysis of the social structure of society in modern Kabardin-Balkar Republic relying on resources allocation approach in stratification studies. Under investigation are the factors of social structuration related to the notions of resource, asset, and capital. Total amount and structure of the resources at the disposal of citizens are evaluated. The attempt is undertaken to relate the kind and amount of the resources the individual controls to the place he occupies in social hierarchy.

Key words: Kabardin-Balkar Republic; social structure; social stratification; resources allocation approach; capital; asset; resource.

Исследователями достаточно давно отмечено несоответствие между фактически периферийным положением Северного Кавказа на социально-экономической карте страны и его центральным положением в сфере забот российского общества и государства. Вместе с тем, публичное обсуждение проблем и перспектив региона замыкается в рамки дискурса о его этно-конфессиональной сложности и инаковости по отношению к большому российскому обществу, объясняющих кризисный и конфликтный характер протекания в регионе социально-политических процессов. Существенная слабость такого обсуждения в том, что оно недостаточно подкреплена репрезентативным социологическим материалом [Боров, Муратова 2011: 158-159]. Если общественное мнение, социальное самочувствие, структуры идентичности населения республик Северного Кавказа в той или иной степени были охвачены специальными социологическими исследованиями, то этого нельзя сказать о социальной структуре регионального общества.

Между тем, выявление реальной социальной структуры современного российского общества, в том числе региональных особенностей ее формирования, имеет как фундаментальное, так и существенное прикладное значение, поскольку без четкого понимания как устроено общество и в каких направлениях меняется его структура, невозможно определить стратегические цели устойчивого развития. Решение этой задачи сопряжено с определением критериев выделения тех или иных социальных групп в качестве структурообразующих элементов общества.

Следует отметить, что в последние десятилетия активно развивается ресурсный подход в исследовании социальной стратификации, в рамках которого в качестве оснований для стратификации выделяются объем и структура ресурсов (капиталов, активов), которыми обладают индивиды [Тихонова 2006]. Данный подход имеет довольно длительную историю в западной социологии (П. Бурдьё, М. Кастельс, У. Бек, Д. Грузски, Э. Соренсен). В российской социологии заметный вклад в формирование ресурсного подхода в исследованиях стратификации внесли Т.Н. Заславская, О.И. Шкаратан, В.В. Радаев и Н.Е. Тихонова и др.

Сторонники данной исследовательской парадигмы, являющейся альтернативой традиционным концепциям стратификации (марксистской и вебериянской), полагают, что в современном обществе большое значение приобретают новые виды ресурсов, которые рассматривались ранее лишь как следствие экономического статуса. Речь идет о ресурсах, обусловленных характером социализации, особенностями поведения индивида, общим уровнем культуры. При этом исходной методологической посылкой является положение о том, что ресурс может служить основанием для стратификации при условии установления четкой связи между наличием этого ресурса и возрастанием других видов капитала, в первую очередь экономического. Кроме того, обладающие капиталом индивиды должны относиться к наиболее обеспеченным слоям и иметь возможность перераспределения произведенного общественного богатства в свою пользу, получая тем самым доход на капитал [Тихонова 2014: 30]. Особое внимание уделяется исследованию влияния различных видов ресурсов и капиталов на положение индивидов в стратификационной системе современного общества, анализу значимости каждого из ресурсов, а также условий, при которых происходит конвертация ресурсов в капитал.

В настоящей работе представлены предварительные результаты исследования социальной структуры современного кабардино-балкарского общества в рамках ресурсной парадигмы, проведенного Центром социально-политических исследований КБНЦ РАН. В целях сбора и анализа эмпирических данных использована инструментальная разработка этой парадигмы Н.Е. Тихоновой [Тихонова 2014]. Предложенная ею методология обладает, на наш взгляд, значительным эвристическим потенциалом в исследовании ресурсообеспеченности населения в качестве основания стратификации. Н.Е. Тихонова полагает, что для стратификации важны не столько сами по себе ресурсы, сколько ресурсы, превратившиеся в активы и капитал. При этом необходимо иметь в виду, что, во-первых, «ресурс как актив может рассматриваться только тогда, когда он реально используется и оказывает положительное воздействие на положение его владельца в социуме». Во-вторых, «как капитал актив можно рассматривать лишь тогда, когда отдача от него значимо превышает объем ресурсов, необходимых для их простого воспроизводства» [Тихонова 2005: 30].

С учетом этих принципов был разработан инструментарий анкетного опроса, позволяющий выявить обеспеченность населения восемью видами

ресурсов: экономическим, квалификационным, социальным, властным, символическим, физиологическим, культурным и личностным. Объем выборки анкетного опроса «Социальная структура современной Кабардино-Балкарии» составил 550 человек. Выборка репрезентативна по типу поселения, полу, возрасту и этнической принадлежности. Отбор респондентов осуществлялся на основе маршрутной выборки с соблюдением квот при отборе единиц наблюдения.

При обработке полученных данных расчет интегрального индекса ресурсной обеспеченности проводился на основе балльной оценки, суммирующей значения показателей по каждой из 8 шкал, которые отображали наличие различных по виду ресурсов, перечисленных выше. Затем по каждой шкале показатели укрупнялись так, чтобы два балла соответствовали приобретению ресурсом статуса актива, а три балла отвечали качеству капитала [Давыдова, Тихонова 2006: 5,7].

Анализ характера распространенности различных видов ресурсов в современном кабардино-балкарском обществе показал следующее.

Экономический ресурс

Экономический ресурс включал в себя 10 индикаторов, в том числе: обладание недвижимостью (наличие в собственности жилья, гаража, дачи либо садово-огородного участка с домом; второго жилья); сбережений, позволяющих жить на них более года; собственного бизнеса и доходов от собственности (в т. ч. доходы от акций, сдачи в аренду имущества, проценты по вкладам и т. п.).

Данные таблицы 2 показывают, что четверть населения КБР обладает экономическим ресурсом, равным нулю. Экономическим ресурсом в статусе актива обладал лишь каждый пятый опрошенный.

Таблица 1

Распределение населения КБР по объему
располагаемого экономического ресурса, %

Значение индекса по шкале «экономический ресурс» (в баллах)	Доля имеющих соответствующие показатели (все население), %	Доля имеющих соответствующие показатели (работающее население), %
0	25	22
1	39	36
2 (актив)	20	24
3 и более (капитал)	16	18

Экономический ресурс, объем которого соответствует капиталу, имеют 16% опрошенных, четверть граждан (25%) обладают нулевыми показателями экономического ресурса. При этом характер распределения экономического ресурса в целом по всему массиву опрошенных и среди работающих респондентов практически одинаковый, незначительные различия между

показателями (в 6 п. п.) объясняются преобладанием у работающих ресурсов в статусе актива либо капитала. Следовательно, картина практически не изменится, если от всего массива опрошенных перейти к анализу ресурсообеспеченности работающей группе респондентов. Кроме того, судя по результатам исследования, экономический ресурс в его традиционном понимании не может быть базовым стратифицирующим критерием, поскольку большинство населения (65%) находится в одинаковом экономическом положении.

В отношении уровня материальной обеспеченности, можно сказать, что для групп респондентов, оценивающих свое материальное положение как «плохое» (см. табл. 3), свойственно преобладание нулевых показателей экономического ресурса (46%). К тому же в группе оценивающих свое материальное положение как «хорошее», более половины респондентов (54%) имеют экономический ресурс не более 1 балла. Следовательно, и материальная обеспеченность большинства населения КБР, вряд ли, может служить основанием для социальной стратификации большей части кабардино-балкарского общества.

Таблица 2

Распределение населения КБР по объему располагаемого экономического ресурса в зависимости от уровня материальной обеспеченности, %

Значение индекса по шкале «экономический ресурс» (в баллах)	Доля респондентов, оценивающих материальную обеспеченность как «плохую», %	Доля респондентов, оценивающих материальную обеспеченность как «хорошую», %
0	46	20
1	39	34
2 (актив)	11	24
3 и более (капитал)	4	22

То, что экономический ресурс не очень пригоден в качестве базового критерия стратификации кабардино-балкарского общества, обнаруживается и при анализе его показателей по группам, отобранным на основе индекса материальной обеспеченности (см. рис. 1).

Как видим, экономический ресурс у большинства респондентов из трех групп (т.е. «плохо», «удовлетворительно» и «хорошо» обеспеченных) отсутствует либо не обладает активом. Резко возрастает доля респондентов, имеющих экономический ресурс в качестве капитала, в группе хорошо обеспеченных (до 22%). Имеющийся экономический ресурс приобретает качество капитала лишь у 4% – 9% менее обеспеченных слоев населения.

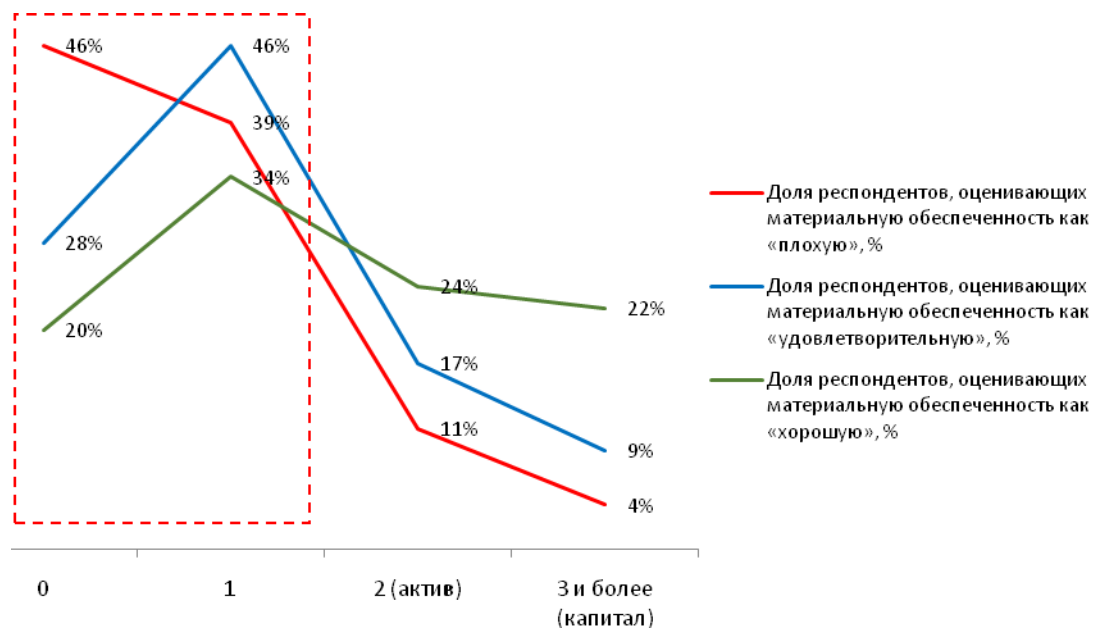

Рисунок 1 – Показатели экономического ресурса в группах, выделенных по критерию уровня материальной обеспеченности (в баллах)

Таким образом, на основе распределения обеспеченности экономическим ресурсом можно выделить в кабардино-балкарском обществе три группы: в первой, на долю которой приходится 64% населения, ресурсы не могут рассматриваться как «рентоприносящие активы» [Sorensen 2000], причем у значимой части этой группы, составляющей четверть всех граждан, его показатели нулевые. Во второй группе, составляющей 20% населения, он становится «рентоприносящим активом», однако не способен принести значимый дополнительный доход (прибыль). В третьей группе, составляющей 16% граждан*, он приобретает качество капитала.

Властный ресурс

Наряду с экономическим одним из главных оснований социальных неравенств является властный ресурс, который все больше влияет на возможности нерыночного, недоговорного перераспределения различных ресурсов в свою пользу, что характерно для нашей страны с ее неоэтакратической моделью общественного развития [Тихонова 2014: 299].

В основе расчета показателей шкалы властного ресурса в настоящем исследовании лежат традиционные индикаторы, один из которых – самооценка респондентами возможностей влиять на принятие решений у себя на работе. Этот показатель, по словам Н.Е. Тихоновой, оказался лучшим индикатором реального властного ресурса, отражающим принадлежность к ядру коллектива, реально принимающему решения или влияющему на их принятие [Тихонова 2014: 299].

* Следует учитывать, что в выборку исследования не попали верхние слои богатых (около 9%).

Говоря о характере распределения в кабардино-балкарском обществе ресурса влияния в отношении представителей укрупненных профгрупп, то он выглядит следующим образом (см. табл.4). Так, 17% руководителей разного уровня отметили, что они не оказывают влияние на принятие решений ни в масштабах предприятия, ни в масштабах своего подразделения. У специалистов этот показатель составил 44%, у технических работников (офисов и сферы услуг) – 79%, у рабочих – 44%.

Таблица 3

Профессиональные статусы членов групп, различающихся масштабом их ресурса влияния у себя на работе, %

Профессиональный статус респондентов	Оказывают влияние на принятие решений в масштабе всего предприятия	Оказывают влияние на принятие решений в масштабе своего подразделения	Не оказывают влияние на принятие решений у себя на работе
Имеют подчиненных (руководители разных уровней и предприниматели)	29	54	17
Не имеют подчиненных (специалисты)	13	43	44
Не имеют подчиненных («белые воротнички» в офисах и сфере услуг)	0	21	79
Не имеют подчиненных (рабочие)	6	50	44

Шкала властного ресурса содержала четыре индикатора, в том числе: наличие свыше пяти подчиненных; способность влиять на принятие решений в масштабах всего предприятия или своего подразделения; идентификация своего социального статуса по должности на работе; заявление, что респондент имеет доступ к власти.

Статус актива показатели шкалы обретали, начиная с 2 баллов, а с 3-х баллов – качество капитала. Судя по данным опроса, властный ресурс в Кабардино-Балкарии, не относится к числу дефицитных (см. табл.5). Тот факт, что более половины работающих (57%) обладают властным ресурсом в статусе актива, вызывает интерес и свидетельствует о значимости роли властного ресурса в экономическом благополучии населения.

Таблица 4

Распределение населения КБР по объему властного ресурса,
% от работающих

Значение индекса по шкале «властный ресурс» (в баллах)	Доля имеющих соответствующие показатели
0	41
2 (актив)	57
3 и более (капитал)	2

Наряду с этим распределение властного ресурса по уровню материальной обеспеченности работающих говорит о том, что сам по себе он не может рассматриваться в качестве главного основания для стратификации большинства населения КБР (см. рис. 2), поскольку в двух группах работающих – «удовлетворительно» и «плохо обеспеченных», – составляющих более половины опрошенных (52%), показатели властного ресурса имеют нулевые значения у большого числа респондентов (от 47% до 72%).

Властный ресурс коррелирует с объемом экономического ресурса. Так, доля, респондентов, обладающая значимым властным ресурсом (более 3 баллов), составляет в группе с развитым экономическим ресурсом 56%, с незначимым – 9%.

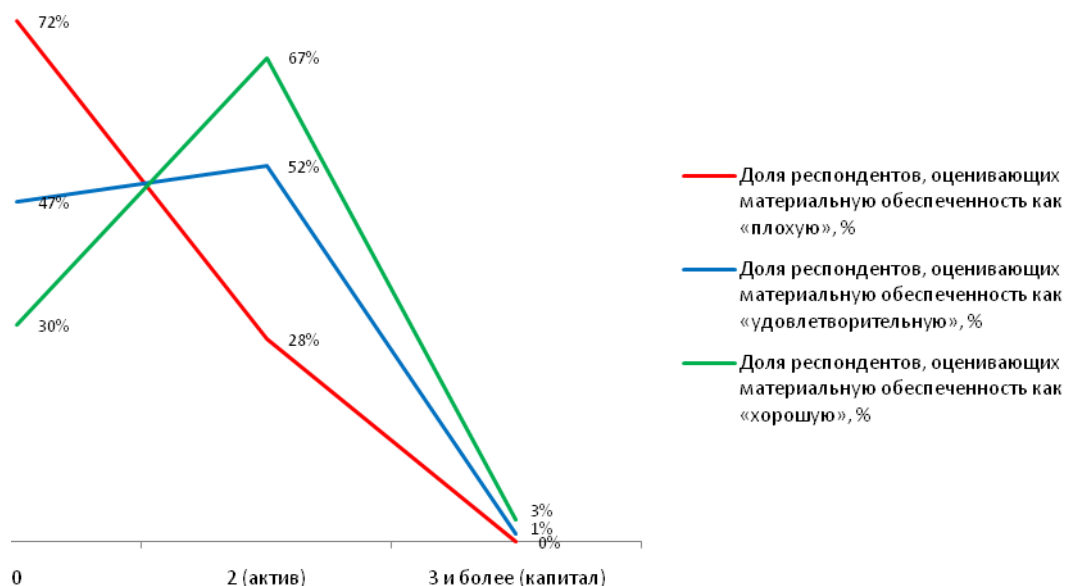

Рисунок 2 – Показатели властного ресурса в группах работающих, выделенных по критерию материальной обеспеченности (в баллах)

Напротив, в группе не обладающих экономическим ресурсом (т.е. с нулевым его значением) доля респондентов с аналогичным значением властного ресурса составляет 32%, и ни у кого не достигает 3 баллов, т.е. уровня, когда он может служить как капитал.

Квалификационный ресурс

Расчет квалификационного ресурса осуществлялся с использованием двух субшкал («образование» и «навыки»), показатели которых сформировали итоговую шкалу квалификационного ресурса.

Показатели субшкалы «образование» рассчитывались с помощью индикаторов, учитывающих формальный уровень образования. В связи с этим в расчет входили такие признаки, как наличие образования (не ниже среднего специального), самоидентификация статуса по уровню полученного образования. Помимо этого принималось во внимание получаемое респондентом на момент опроса образование, а также повышение квалификации, утверждение, что в течение последних трех лет респондент повысил уровень образования и/или квалификации, а также выражаемая им убежденность в том, что он добился высокого уровня образования и т.п. В итоге субшкала «образование» содержала 12 индикаторов.

Субшкалу «навыки» составляли следующие индикаторы: навыки работы на компьютере и умение работать с применением иностранного языка; навыки вождения автомобиля; опыт освоения новых программных продуктов, самоидентификация социального статуса по уровню квалификации и т.д. В целом шкала «навыки» содержала 11 индикаторов.

Агрегированный показатель квалификационного ресурса («образование» + «навыки») был укрупнен таким образом, чтобы 2 балла соответствовали приобретению квалификационным ресурсом статуса актива, а 3 балла – статуса капитала (см. табл.6).

Таблица 5

Распределение населения КБР по объему располагаемого квалификационного ресурса, %

Значение индекса по шкале «квалификационный ресурс» (в баллах)	Доля имеющих соответствующие показатели (все население)	Доля имеющих соответствующие показатели (работающее население)
0	23	17
1	26	22
2 (актив)	46	50
3 и более (капитал)	5	11

Из таблицы 6 видно, что 39% работающего населения КБР не обладают квалификационным ресурсом в объеме, соответствующем качеству актива, причем 17% из них имеют нулевые показатели этого ресурса. Остальная часть работающих (61%) имеют квалификационный ресурс в развитой форме, в том числе 11% имеют показатели на уровне, когда квалификационный ресурс может

рассматриваться в качестве капитала. Обращает на себя внимание тот факт, что в целом по всему массиву опрошенных у каждого второго респондента (49%) значение квалификационного ресурса составляет менее 2 баллов.

Тем не менее такие показатели говорят о большей распространенности квалификационного ресурса в развитой форме среди населения современной Кабардино-Балкарии в сравнении с экономическим ресурсом (51% : 36%). Следует отметить, что в противоположность формальному уровню образования*, квалификационный ресурс показывает очень четкую связь с реальным уровнем материальной обеспеченности (см. рис. 3).

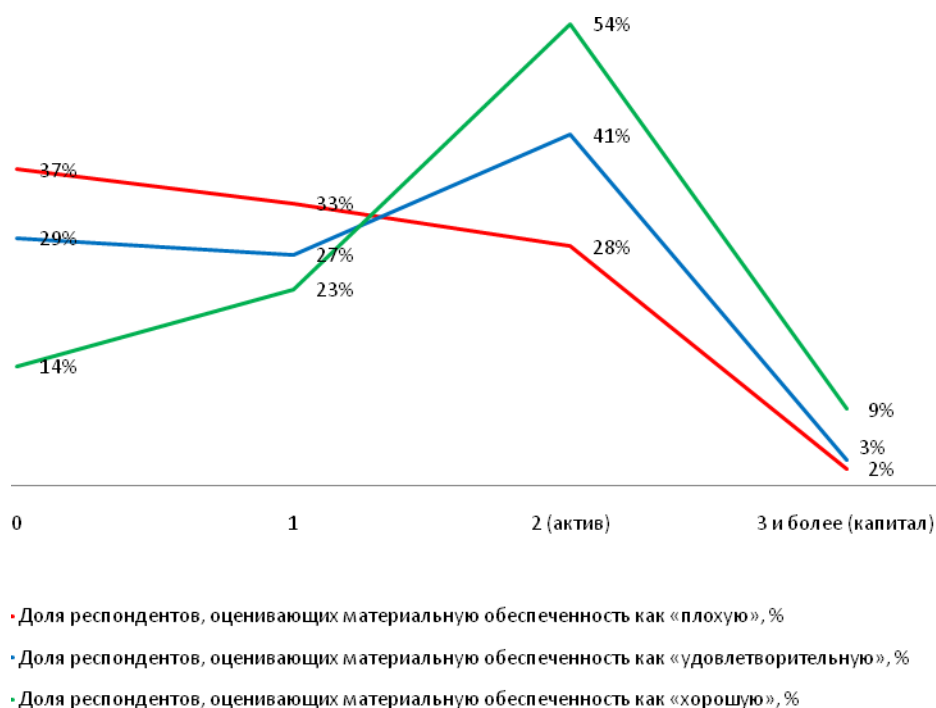

Рисунок 3 – Показатели квалификационного ресурса в группах, выделенных по критерию материальной обеспеченности (в баллах)

Как выяснилось, квалификационный ресурс коррелирует с объемом экономического ресурса. Так, доля респондентов, обладающая значимым квалификационным ресурсом (более 3 баллов), составляет в группе с развитым экономическим ресурсом 45%, с незначимым – лишь 6%. И наоборот, в группе с нулевым объемом экономического ресурса доля респондентов с аналогичным значением квалификационного ресурса составляет 32%, со значимым квалификационным ресурсом – 4%.

Сказанное свидетельствует о том, что основным видом «рентоприносящего актива» должен стать в экономике современного типа именно квалификационный ресурс.

* К примеру, доля респондентов с неполным высшим и высшим образованием в группе плохо обеспеченных значимая и составляет 41%.

Социальный ресурс

При расчете показателей, отражающих объем социального ресурса, анализировались две его составляющие – «ресурс социальных сетей» и «социальный капитал».

В этих целях были определены три основных формы включенности в социальные сети: включенность в сети повседневных контактов и поддержки; включенность в институционализованные сети; наличие связей как особой формы сетей, обеспечивающих доступ к наиболее дефицитным и высокоэффективным видам ресурсов [Тихонова 2014: 307].

Применение двух субшкал («включенность в сети повседневных контактов и поддержки» и «наличие связей») позволило оценить каждую из этих форм ресурса сетей и построить в итоге построить сводный индекс социального ресурса.

Индикаторами субшкалы «включенность в сети повседневных контактов и поддержки» служили следующие вопросы: ощущают ли респонденты надежную поддержку и готовность помочь со стороны близких и коллег, имеют ли надежных друзей; наличие хороших возможностей для общения с друзьями, наличие встреч и общения с друзьями как устойчивого компонента досуга, а также ответ «получаем помощь со стороны» в вопросе о способах изменения своего материального положения в лучшую сторону.

В соответствии с методикой Н.Е. Тихоновой субшкала «наличие связей» включала индикаторы, свидетельствовавшие о наличии у респондента сетей, которые на практике ему помогали (либо были способны оказать помощь) в решении достаточно сложных повседневных проблем. Сюда вошли такие индикаторы, как: наличие среди ближайшего окружения респондента богатых людей; самоидентификация социального статуса по степени развитости связей и знакомств; наличие фактов использования этих связей и знакомств в целях решения своих проблем и отстаивания собственных интересов.

Итак, субшкала «включенность в сети повседневных контактов и поддержки» отражала степень включенности в устойчивые неформальные сети в целом, учитывая при этом и качество этих сетей (прежде всего степень доверительности отношений в них), и возможность их использования для реальной поддержки. Вторая субшкала означала наличие связей, которые являлись специфической формой сетей, которые обеспечивали доступ к наиболее дефицитным ресурсам. Судя по данным исследования, именно эта форма социального ресурса приобретает в современной Кабардино-Балкарии качество социального капитала, а не только ресурса поддержки (см. рис. 4).

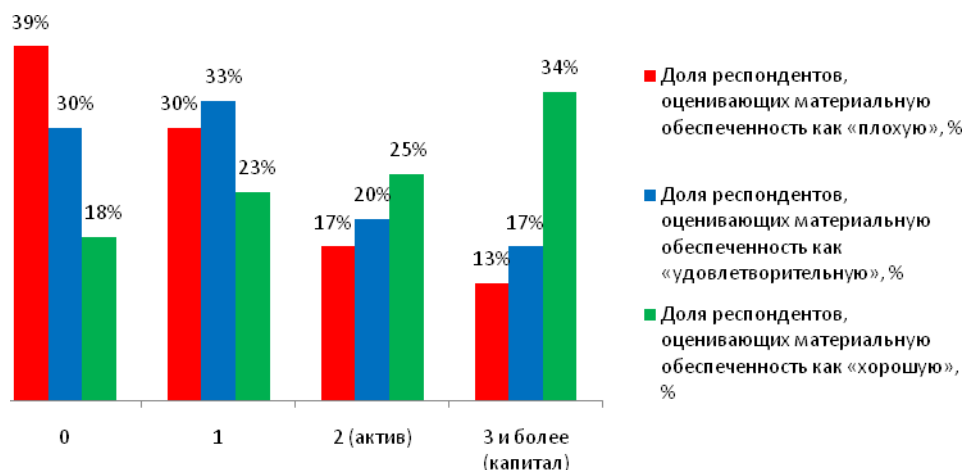

Рисунок 4 – Показатели социального ресурса в группах, выделенных по критерию материальной обеспеченности (в баллах)

Как видно на рисунке 4, именно эта сторона ресурсного потенциала населения КБР оказалась более развитой, и характерна для граждан с разным уровнем благосостояния. Таким образом, данный ресурс отражает некую социетальную норму, обеспечивая дополнительную ренту в Кабардино-Балкарии с ее структурой «малого» общества, где практически все социальные связи носят локальный, персонифицированный и межличностный характер [Хамдохов 2007: 227]. Другими словами, здесь выигрывают те, кто, по словам А.Г. Здравомыслова и А.А. Цуциева [Здравомыслов, Цуциев 2003: 34], обладает достаточным социальным капиталом, выступающим как совокупность связей, которые могут быть эффективно конвертированы в преимущества в конкурентной борьбе за дефицитные или престижные позиции. Причем этот социальный капитал выступает как «естественный», привычно используемый в Северокавказском регионе ресурс [Хамдохова 2014: 56].

Распространенность социального ресурса среди населения КБР представлена в таблице 7.

Таблица 6

Распределение населения КБР по объему располагаемого социального ресурса, %

Значение индекса по шкале «социальный ресурс» (в баллах)	Доля имеющих соответствующие показатели (все население)	Доля имеющих соответствующие показатели (работающее население)
0	25	17
1	28	24
2 (актив)	22	26
3 и более (капитал)	25	33

Комментируя данные таблицы 7, следует обратить внимание на то, что четверть населения обладает нулевыми значениями социального ресурса. А это означает, что каждый четвертый опрошенный лишен возможности использования дружеских и родственных сетей для решения наиболее значимых проблем. Причем, как показало исследование, доля работающих, имеющих нулевой показатель по социальному ресурсу, меньше и составляет 17%.

Итак, социальный ресурс в качестве капиталобразующего ресурса встречается в кабардино-балкарском обществе чаще других наиболее значимых видов ресурсов. Причем социальный ресурс в форме связей высоко ценится населением КБР, которое рассматривает его в качестве важнейшего канала социальной мобильности.

Культурный ресурс

Следует отметить, что расчет показателей культурного ресурса основывался на методике, которая включала две субшкалы и позволяла оценить не только характер духовных интересов граждан, но и специфику их социализации [Тихонова 2014: 311].

Субшкала «Запросы и досуговое поведение» содержала показатели, которые отражают общий культурный уровень опрошенных и формы предпочтения в проведении досуга. Индикаторы шкалы включали любовь к классической музыке и литературе, приверженность к чтению научно-популярной, исторической литературы, мемуаров, интерес к искусству, философии, дизайну, самообразованию и т.д. В сфере свободного времени для того, чтобы получить баллы по этой субшкале, респонденты должны были практиковать такие формы проведения досуга, как чтение газет и журналов, использование компьютера, Интернета, посещение театров, концертов, музеев, выставок, вернисажей и т.д. В целом данная субшкала содержала 13 индикаторов.

В состав индикаторов субшкалы «Условия социализации» вошли следующие: образование родителей не ниже среднего специального и место жительства респондента в момент, когда он пошел в школу, т.е. социализация его в условиях городской или сельской культуры.

Совокупный показатель культурного ресурса рассчитывался путем суммирования показателей обеих субшкал после их укрупнения. Как оказалось, подавляющее большинство опрошенных граждан (81%) обладают культурным ресурсом в недостаточном, чтобы рассматривать его в качестве актива, размере. Каждый четвертый опрошенный (26%) имел культурный ресурс в статусе актива и еще 3% – в статусе капитала. Отсюда следует, что в целом культурный ресурс населения Кабардино-Балкарии относится к числу дефицитных (таблица 8).

Таблица 7

Распределение населения КБР по объему располагаемого культурного ресурса, %

Значение индекса по шкале «культурный ресурс» (в баллах)	Доля имеющих соответствующие показатели (все население)	Доля имеющих соответствующие показатели (работающее население)
0	54	48
1	27	27
2 (актив)	26	20
3 и более (капитал)	3	5

Данные таблицы 8 свидетельствуют о том, что практически половина работающих граждан имеет нулевые показатели культурного ресурса, и только каждый четвертый обладает им в развитой форме. Далее на основе культурного и квалификационного ресурсов был сформирован показатель человеческого капитала (как среднее арифметическое между ними, с последующим укрупнением его показателей). Как оказалось, с качественным человеческим капиталом дела в кабардино-балкарском обществе обстоят гораздо хуже, чем с квалификационным ресурсом (см. табл. 9).

Таблица 8

Распределение работающего населения КБР по объему располагаемого человеческого капитала, %

Значение индекса (в баллах)	Доля работающих, имеющих соответствующие показатели по шкале:	
	«человеческий капитал»	«квалификационный ресурс»
0	32	17
1	44	22
2 (актив)	20	50
3 (капитал)	4	11

Доля работающих с развитой формой человеческого капитала составляет 24%, что практически в 2,5 раза меньше соответствующей доли квалификационного ресурса (61%).

В целом картина распределения человеческого капитала по группам, выделенным по уровню материальной обеспеченности, выглядит следующим образом (см. рис.5). Как оказалось, человеческим потенциалом в форме актива все 3 группы обладают практически в равной степени.

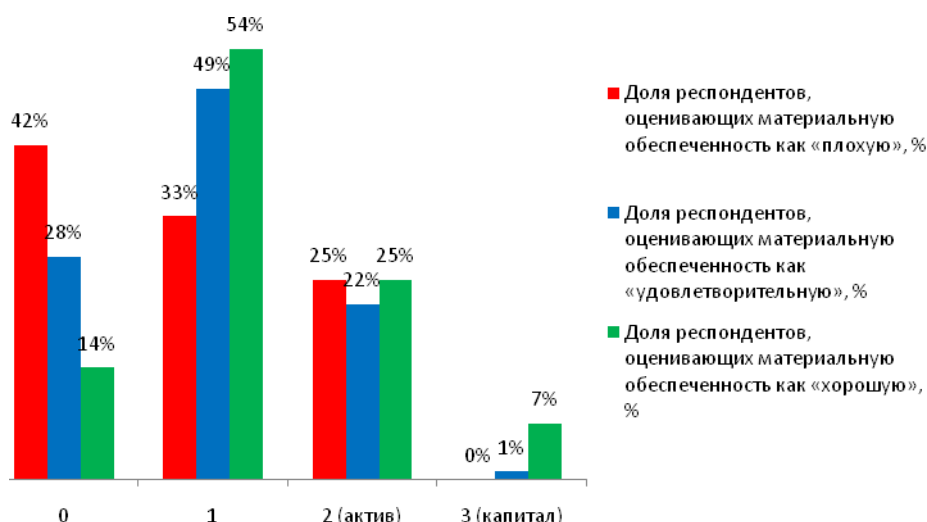

Рисунок 5 – Среднеарифметические показатели человеческого капитала в группах, выделенных по критерию материальной обеспеченности (в баллах)

На рисунке 6 видно, что развитый квалификационный ресурс распространен среди работающего населения гораздо шире, чем другие культурные ресурсы и человеческий капитал.

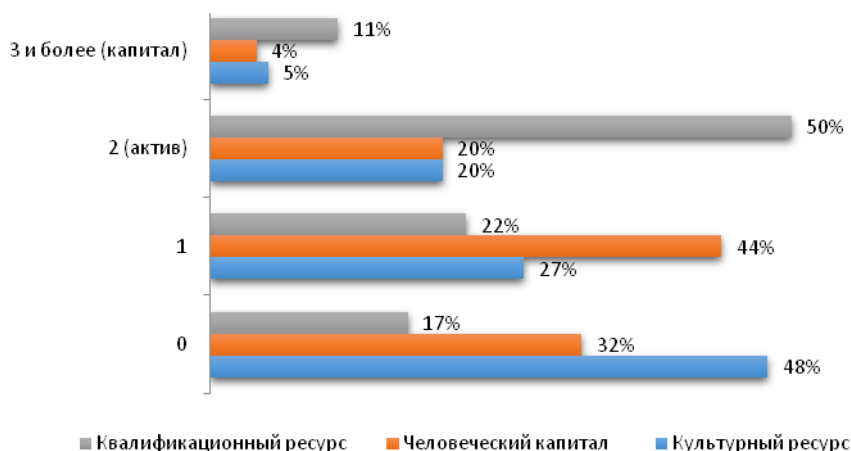

Рисунок 6 – Показатели квалификационного, культурного и человеческого ресурсов работающего населения (в баллах)

Как и следовало ожидать, обладателей качественных ресурсов больше среди представителей хорошо обеспеченной в материальном отношении группы (см. рис 7).

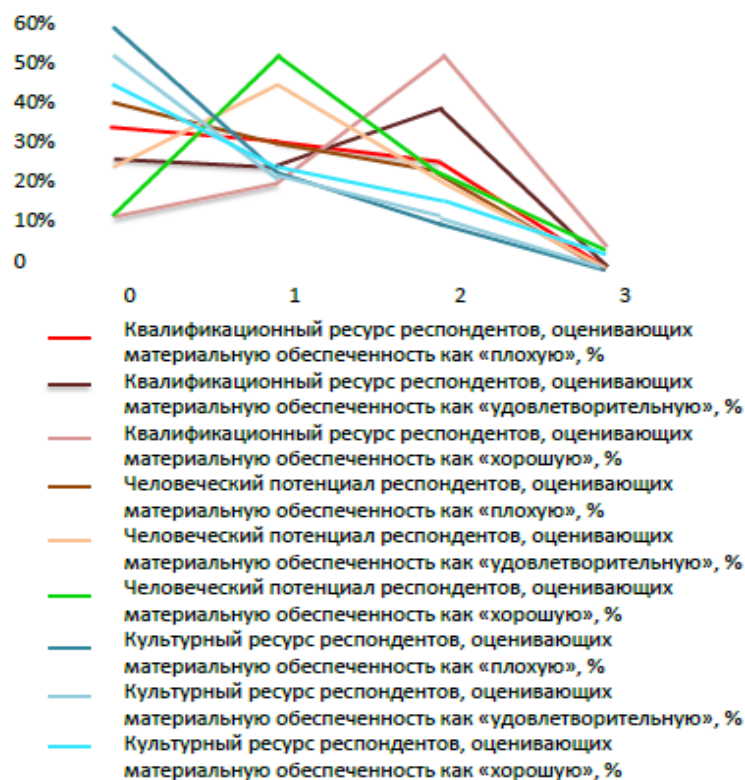

Рисунок 7 – Распределение показателей квалификационного, культурного и человеческого ресурсов работающего населения в зависимости от материальной обеспеченности (в баллах)

Поэтому не удивительно, что ни один из тех, кто располагал максимально развитым человеческим капиталом (не ниже 3 баллов), не вошел в группу бедствующих. Большинство же из тех, кто не обладал значимыми квалификационным и культурным ресурсами, вошли в состав малообеспеченных.

Символический ресурс

При расчете показателей шкалы символического ресурса использовались такие индикаторы, как: 1) ученая степень самого респондента; 2) ученая степень его супруга/ супруги; 3) заявление респондента о том, что ему удалось добиться известности. В итоге по данному типу ресурсов 100% респондентов имели нулевые значения.

Личностный ресурс

В соответствии с методикой Н.Е. Тихоновой, при расчете этого ресурса учитывалась приверженность определенным ценностным мотивациям, установкам и поведенческим моделям. В расчет личностного ресурса вошли такие индикаторы, как неконформистские ориентации, ориентация на собственные силы и ряд других.

Таблица 9

Распределение населения КБР по объему располагаемого
личностного ресурса, %

Значение индекса по шкале «личностный ресурс» (в баллах)	Доля имеющих соответствующие показатели (все население)
0	39
1	32
2 (актив)	23
3 и более (капитал)	6

Как видно из таблицы 10 личностный ресурс в целом оказался значимым лишь у 29% опрошенных.

Физиологический ресурс

В качестве критериев выбора индикаторов физиологического ресурса были использованы часто встречающиеся требования работодателей к нанимаемым работникам. В связи с этим при расчете физиологического ресурса учитывались мужской пол респондента, его возраст в интервале от 22 до 40 лет и хорошее здоровье, которые служат дополнительным конкурентным преимуществом, способным обеспечивать композитные ренты^{*}.

Обращает на себя внимание тот факт, что в качестве актива и капитала этим ресурсом располагают 43% населения (см. табл. 11). Если же учесть еще и обладателей здоровья в удовлетворительном состоянии (а таковых 45% в целом по массиву), то эта доля заметно вырастает. И все же большинство высокодоходных рабочих мест предусматривает очень высокие нагрузки и, разумеется, именно хорошее здоровье.

Таблица 10

Распределение населения КБР по объему располагаемого
физиологического ресурса, %

Значение индекса по шкале «физиологический ресурс» (в баллах)	Доля имеющих соответствующие показатели (все население)	Доля имеющих соответствующие показатели (работающее население)
0	21	16
1	36	31
2 (актив)	16	19
3 и более (капитал)	27	34

* возникающие тогда, когда два различных актива вместе приносят большую отдачу, чем каждый из них по отдельности

Как оказалось, доля работающих, обладающих качественным физиологическим ресурсом (в форме актива и капитала), на 10 п.п. превышает соответствующий показатель у населения в целом.

В целом же в группах с хорошей материальной обеспеченностью физиологический ресурс на уровне актива и капитала имели 55% опрошенных, что вдвое больше соответствующей доли в группах с плохой материальной обеспеченностью (28%). И наоборот, доля респондентов с нулевым физиологическим ресурсом в материально обеспеченной группе вдвое меньше (30:16), чем в плохо обеспеченной (см. табл. 12).

Таблица 11

Распределение населения КБР по объему располагаемого физиологического ресурса в зависимости от уровня материальной обеспеченности, %

	0	1	2 (актив)	3 и более (капитал)
Доля респондентов, оценивающих материальную обеспеченность как «плохую», %	30	42	11	17
Доля респондентов, оценивающих материальную обеспеченность как «хорошую», %	16	29	20	35

Таким образом, и этот ресурс оказался значимым для стратификации кабардино-балкарского общества.

Общий объем и структура имеющихся у индивидов ресурсов

В целях определения классовой позиции индивидов ресурсный подход к стратификации предполагает необходимость учета общего объема имеющихся у индивидов ресурсов и их структуры [Тихонова 2014: 318].

Агрегированные показатели индекса ресурсообеспеченности (ИР) принимали значения от 0 до +23 баллов. При этом в исследовании у 88% респондентов показатели ИР не превышали 13 баллов (см. табл. 12).

Таблица 12

Агрегированные показатели индекса ресурсообеспеченности населения КБР

Значение индекса (в баллах)	Доля имеющих соответствующие показатели, %	Значение индекса (в баллах)	Доля имеющих соответствующие показатели, %
1	1,8	13	5,3
2	5,2	14	5,2
3	6,1	15	3,3
4	7,6	16	0,9

5	7,6	17	1,4
6	8,6	18	0,5
7	9,7	19	0,7
8	7,8	20	-
9	9,7	21	0,2
10	7,4	22	-
11	6,5	23	0,2
12	4,3		

Расчет общей ресурсообеспеченности индивидов осуществлялся с использованием упомянутого агрегированного индекса ресурсообеспеченности (ИР), который включал значения основных видов ресурсов по каждому респонденту и был получен методом суммирования показателей 8 шкал. Общая картина объема ресурсообеспеченности населения КБР (после укрупнения данных табл. 12) представлена в таблице 13. Как оказалось, ресурсообеспеченность 66% населения не достигает уровня (9 баллов), с которого они начинают работать как актив. Причем у пятой части населения она не превышает 4 баллов. Уровень ресурсообеспеченности, необходимый, чтобы они стали работать как актив (9-16 баллов), характеризуют 42% населения. При этом две трети из них (28%) приходится на тех, кто располагается на нижней половине этого отрезка шкалы (9-12 баллов), и только одна треть (14%) – на верхнюю половину (13-16 баллов). Всего лишь 2% респондентов имеют показатели индекса ресурсообеспеченности на уровне, допускающем их превращение в капитал.

Таблица 13

Распределение населения КБР по показателям
индекса ресурсообеспеченности, %

Значение индекса ресурсообеспеченности (в баллах)	Доля имеющих соответствующие показатели, %
1	2
2	5
3	6
4	8
5	8
6	9
7	10
8	8
9	10
10	7
11	7

12	4
13	5
14	5
15	3
16	1
17	1
18	0
19 и более	1

Следует отметить, что показатели человеческого капитала демонстрируют жесткую связь с уровнем общей ресурсообеспеченности населения КБР (коэффициент Спирмена 0,672).

Выводы

Исследование распределения восьми видов ресурсов в обществе Кабардино-Балкарии показало, что только четыре вида ресурсов способны в своем большинстве превращаться в капитал. Речь идет об экономическом, властном, квалификационном и социальном (в части наличия связей) ресурсах. Более того выяснилось, что отдельные виды ресурсов, являющихся активами, не могут сегодня превратиться в капитал. Что же касается физиологического, культурного, личностного и символического ресурсов, их значения у большинства опрошенных не превышали 1 балла (соответственно 56%, 79%, 71% и 100%). Наиболее дефицитными являются культурный и личностный ресурсы, оказавшиеся значимыми лишь у 29% опрошенных.

Характерной чертой современной модели социальной структуры кабардино-балкарского общества является соответствие уровня жизни и экономического ресурса в целом общему объему ресурсов индивидов. Квалификационный, властный и культурный ресурсы, как и в целом человеческий капитал взаимосвязаны с уровнем жизни индивида и с объемом его экономического ресурса.

Таким образом, на основе распределения обеспеченности экономическим ресурсом можно выделить в кабардино-балкарском обществе три группы: в первой, доля которой составляет 64% населения, ресурсы не могут выступать в качестве «рентоприносящих активов», причем у значимой части этой группы, составляющей четверть всех граждан, его показатели нулевые. Во второй группе, составляющей 20% населения, он становится «рентоприносящим активом», однако не способным приносить сколько-нибудь значимый дополнительный доход (прибыль). В третьей группе, составляющей 16% граждан, он приобретает качество капитала.

В качестве неожиданного и требующего дальнейшей проверки показателя следует рассматривать то, что более половины работающих (57%) по собственной оценке респондентов, обладают властным ресурсом в форме актива, что свидетельствует о значимости его роли в экономическом благополучии населения.

Данные исследования свидетельствуют о большей распространенности квалификационного ресурса в развитой форме по сравнению с экономическим ресурсом значимой формы. Следует также отметить, что квалификационный ресурс (в противоположность формальному уровню образования) показывает четкую связь с реальным уровнем материальной обеспеченности.

Социальный ресурс в качестве капиталобразующего встречается в кабардино-балкарском обществе чаще других наиболее значимых видов ресурсов. Причем социальный ресурс в форме связей высоко ценится населением КБР, которое рассматривает его в качестве важнейшего канала социальной мобильности.

В целом, по состоянию на 2017 г. каждый пятый (21%) опрошенный полностью лишен всех видов ресурсов, имеющих статус реальных активов, что свидетельствует о невостребованности ресурсов данной категории опрошенных экономикой КБР. Еще 35% населения более стабильно включено в экономическую жизнь, но использование ресурсов, которыми они располагают, неспособно оказать сколь-нибудь ощутимое позитивное воздействие на положение их владельцев в социуме. 42% населения обладает ресурсами, на уровне позволяющим им работать как актив, хотя две трети из этой категории находятся в неустойчивой ситуации. И, наконец, лишь 2% имеют показатели индекса ресурсообеспеченности на уровне, допускающем их превращение в капитал.

ЛИТЕРАТУРА

Боров, Муратова 2011 – *Боров А.Х., Муратова Е.Г.* Северный Кавказ в современном общественном дискурсе // *Общественные науки и современность.* – 2011. – № 4. – С. 157-166.

Давыдова, Тихонова 2006 – *Давыдова Н.М., Тихонова Н.Е.* Методика расчета ресурсной обеспеченности при анализе социальной стратификации // *Социологические исследования.* – 2006. – № 2. – С. 29-41.

Здравомыслов, Цуциев 2003 – *Здравомыслов А.Г. Цуциев А.А.* Этничность и этническое насилие: противостояние теоретических парадигм // *Социологический журнал.* – 2003. – № 3. – С. 20-50.

Тихонова 2005 – *Тихонова Н.Е.* «Новые капиталисты»: кто они? // *Общественные науки и современность.* – 2005. – № 2. – С. 29-39.

Тихонова 2006 – *Тихонова Н.Е.* Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // *Социологические исследования.* – 2006. – № 9. – С. 28-41.

Тихонова 2014 – *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. – Москва: Новый хронограф. – 2014. – 402 с.

Хамдохов 2007 – *Хамдохов Дж.З.* Факторы социального самочувствия населения региона // *Регионоведение.* – 2007. – № 2. – С. 223-231.

Хамдохова 2012 – *Хамдохова Ж.М.* Кабардино-Балкарская Республика: спящую красавицу разбудили? // *Северный Кавказ: Взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития.* – М.: Институт востоковедения РАН, 2012. – С. 49-77.

Sorensen 2000 – *Sorensen A.B.* Toward a sounder basis for class analysis // *The American Journal of Sociology.* – Vol. 105. – № 6 (May 2000). – P. 1523-1558.

REFERENCES

BOROV A.Kh., MURATOVA E.G. *Severnyi Kavkaz v sovremennom obshchestvennom diskurse* [North Caucasus in modern public discourse]. IN: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. – 2011. – No. 4. – P. 157-166. (In Russian)

DAVYDOVA N.M., TIKHONOVA N.E. *Metodika rascheta resursnoi obespechennosti pri analize sotsial'noi stratifikatsii* [Technique of calculation of endowment in resources in analysis of social stratification]. IN: *Sotsiologicheskie issledovaniya*. – 2006. – No. 2. – P. 29-41. (In Russian)

KHAMDOKHOV Dzh.Z. *Faktory sotsial'nogo samochuvstviya naseleniya regiona* [Determinants of the region's population well-being]. IN: *Regionologiya*. – 2007. – No. 2. – P. 223-231. (In Russian)

KHAMDOKHOVA Zh.M. *Kabardino-Balkarskaya Respublika: spyashchuyu krasavitsu razbudili?* [Kabardin-Balkar Republic: has 'sleeping beauty' been awakened?]. IN: *Severnyi Kavkaz: Vzglyad iznutri. Vyzovy i problemy sotsial'no-politicheskogo razvitiya* [North Caucasus: view from within. Challenges and problems of socio-political development]. – M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2012. – S. 49-77. (In Russian)

SORENSEN A.B. *Toward a sounder basis for class analysis // The American Journal of Sociology*. – Vol. 105. – № 6 (May 2000). – P. 1523-1558.

TIKHONOVA N.E. *«Novye kapitalisty»: kto oni?* [New capitalists: who they are?] IN: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. – 2005. – No. 2. – P. 29-39. (In Russian)

TIKHONOVA N.E. *Resursnyi podkhod kak novaya teoreticheskaya paradigma v stratifikatsionnykh issledovaniyakh* [Resource-based approach as a new theoretical paradigm in stratification studies]. IN: *Sotsiologicheskie issledovaniya*. – 2006. – No. 9. – P. 28-41. In Russian

TIKHONOVA N.E. *Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'* [Russia's social structure: theories and reality] – Moskva: Novyi khronograf. – 2014. – 402 p. (In Russian)

ZDRAVOMYSLOV A.G. TSUTSIEV A.A. *Etnichnost' i etnicheskoe nasilie: protivostoyanie teoreticheskikh paradigmat* [Ethnicity and ethnic violence: the opposition of theoretical paradigms]. IN: *Sotsiologicheskii zhurnal*. – 2003. – No. 3. – P. 20-50. (In Russian)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.4(470.6)/323

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-1-245-270

**УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ДЕМОКРАТИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ****А.Х. БОРОВ**

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

Аннотация. Среди российских исследований устойчивого развития крайне мало работ, посвященных его политическому измерению и практически отсутствуют работы, в которых соответствующие вопросы рассматривались бы на региональном уровне. Цель настоящей статьи – обоснование необходимости специального исследования политической формы и алгоритмов политического действия, наиболее адекватных для институционализации устойчивого регионального развития. Метод решения исследовательских задач заключается в соотнесении категорий политики с системным представлением социо-эколого-экономической устойчивости, с деятельностной интерпретацией и когнитивным анализом проблем устойчивого развития. С точки зрения системного подхода устойчивое развитие является функцией общества как сознательного субъекта, обладающего способностью контролировать и регулировать свои отношения со средой. Переход к нему опосредован политической сферой, поскольку затрагивает все общество, требует глубокой перестройки принципов его жизнедеятельности. Особенностью политики устойчивого развития является ее зависимость от когнитивного аспекта – способов получения и использования знания, необходимого для эффективного политического действия. Многообразие и сложность связанных с ним факторов делает необходимым мобилизовать знания всех членов общества. Наиболее адекватные для этих целей механизмы сформированы в самоуправляющихся демократических обществах. Но политика устойчивого развития повышает значимость «делиберативной демократии», для которой центральным моментом демократической практики является не акт голосования, а предваряющее его общественное обсуждение, дискуссии и согласование наиболее эффективных решений проблем устойчивого развития. Применительно к России и ее регионам рассмотренный круг вопросов подводит к выводу, что серьезная постановка задач перехода к устойчивому развитию должна сопровождаться столь же серьезной постановкой задач демократизации и в центре и на местах.

Ключевые слова: Россия; устойчивое развитие; системный подход; когнитивный анализ; политика; открытая публичная сфера; электоральная демократия; делиберативная демократия.

**SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND DEMOCRACY: CONCEPTUAL
ANALYSIS****A.H. BOROV**

*FSBSE «Federal Scientific Center
'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»,
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

Abstract. Very limited number of research works on sustainable development in Russia deals with its political dimension, and still fewer number of works interprets respective issues on regional level. This paper attempts to substantiate the necessity of purposeful analysis of political form and modes of political action most relevant for institutionalization of sustainable regional development. The methodology of research is based on relating of the concepts of political theory to systemic representation of socio-ecology-economic sustainability as well to agency-centered interpretation and cognitive analysis of the problems of sustainable development. In the systems approach perspective sustainable development represents a function of society as a conscious subject, which is able to control and regulate its relations with environment. The political realm mediates transition to sustainable development, because it affects society as a whole and implies deep restructuring of its guiding principles. Specific feature of sustainable development policies is its dependence on cognitive aspects – modes of acquisition and effectuating the knowledge relevant for successful political action. Multiplicity and complexity of variables involved makes it necessary to mobilize the knowledge of all the members of respective society. The most adequate to this end mechanisms, were developed within self-governing democratic societies. But sustainable development politics highlights the significance of deliberative democracy, which lays emphasis on the centrality for democratic practices not of the single act of voting but of the preceding it public deliberation, discussions and agreement on the most effective solutions for the problems of sustainable development. As to the modern Russia and its regions, all of this leads to conclusion that to put seriously the tasks of transition to sustainable development means as well to put seriously the tasks of transition to effective democracy both on federal and regional levels.

Key words: Russia; sustainable development; systems approach; cognitive analysis; politics; open public realm; electoral democracy; deliberative democracy.

Quod omnes tangit ab omnibus approbari debet

Что касается всех, должно быть одобрено всеми

Постановка проблемы

Проблематика устойчивого развития России и ее регионов была привнесена в отечественный общественно-научный дискурс в конце 1980-х гг. из международной повестки дня. В основополагающем документе – Докладе всемирной комиссии ООН по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» – устойчивое развитие представлено как глобальная политико-экономическая концепция. По своему актуальному онтологическому статусу оно представляет собой не «объективный» естественно-исторический феномен, а совокупность принципов экономической, социальной и экологической политики, «парадигму», т.е. образец или модель развития, к которой должны перейти человечество в целом, общества, государства, регионы [Report... 1987]. Начало разработки проблем устойчивого развития применительно к России уже

означало перевод концепции на региональный уровень оценки проблем и постановки стратегических целей. Но на первом этапе речь шла преимущественно о необходимости воплощать на ограниченном государственными границами пространстве весь комплекс требований «глобальной» концепции устойчивого развития [Научная основа... 2002; Новая парадигма... 2000; Стратегия и проблемы... 2002]. Дальнейшее экстенсивное расширение исследований устойчивого развития было связано с преимущественно экономическим и субнациональным региональным подходом. Попытка проиллюстрировать сказанное хотя бы библиографической ссылкой потребовала бы слишком много места. Достаточно указать на масштаб развития соответствующих исследований в Кабардино-Балкарии, что, в частности, отразилось в проведении здесь симпозиумов и конференций по проблематике устойчивого развития [Материалы... 2013; Материалы... 2015; Материалы... 2017]. В работах местных авторов рассматриваются и общие концептуальные проблемы, и организационно-экономические проблемы управления устойчивым региональным развитием, и проблемы устойчивого развития отраслей региональной экономики. Но общество как субъект стратегии и политики устойчивого развития и более широкий социально-политический контекст их формирования чаще всего остаются за скобками анализа.

В отличие от этого, в западной литературе достаточно широко представлены работы, посвященные различным аспектам и уровням социально-политической практики как контекста и формы реализации устойчивого развития. Эти подходы основаны на признании политического и нормативного характера концепции [Lafferty 1996]. При этом «устойчивое развитие» относят к сущностно-оспариваемым понятиям (*essentially contested concepts*), «первичное», лежащее на поверхности значение которых с готовностью принимается всеми, но относительно их «сердцевинных идей» обнаруживаются глубокие разногласия. В либеральных демократиях споры о таких понятиях образуют существенный элемент политической борьбы вокруг ориентиров социального и экономического развития. [The Politics... 1997]. Так, интересы региональных и местных сообществ могут порой расходиться с национальными обязательствами в области защиты окружающей среды. Соответственно этому, вопрос об их месте в стратегии устойчивого развития не может быть решен однажды и навсегда. Чтобы она получила широкую народную поддержку, люди на местах должны чувствовать, что это их собственная стратегия, т.е. эффективное понимание устойчивости должно и соответствовать общенациональным обязательствам и быть согласованным на местах (*locally negotiated*) [Selman 2009: 139].

Возможно, что этот имманентный для концепции устойчивого развития «выход» на категории политической демократии и удерживает российских исследователей-регионалистов от углубления в анализ ее социально-политических проблем. Между тем, если даже рассматривать регион просто как объект политики устойчивого развития, проводимой федеральной властью, то и тогда есть необходимость учитывать не только его природно-ресурсные и

структурно-экономические характеристики, но и присущие ему культурно-исторические традиции, особенности социальной структуры, политического режима, политической культуры и т.д. В действительности же, местное общество в любом случае выступает как субъект социально-политической практики, пассивный или активный, действующий сознательно или «стихийно», устойчивый или неустойчивый к влиянию внутренних и внешних факторов дестабилизации, несущий как инерцию застоя, так и потенциал развития. В программном документе, принятом Конференцией ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. предусматривается, в частности, вовлечение в ее реализацию политических акторов на субнациональном и местном уровне. Подразумевается, что региональные и локальные сообщества участвуют в общем деле как сознательные субъекты, способные на своем уровне самостоятельно решать задачи в соответствии с принципами и целями, согласованными на глобальном уровне*.

С этой точки зрения переход к устойчивому региональному развитию может быть представлен как процесс становления его зрелого и активного социально-политического субъекта. Вопрос заключается в том, какие формы «организации» этого процесса являются более эффективными, то есть способствуют наиболее раннему обнаружению проблем, включению их в публичную повестку дня, рассмотрению всех возможных подходов к их решению, просвещению общества и мобилизации, по возможности, многих для участия в делах, которые затрагивают всех. И здесь невозможно отвлечься от вопроса о мере воплощения в политическую практику региона принципов, норм, механизмов и процедур демократии.

В свете вышеприведенных положений представляется неоправданной ситуация, когда среди российских исследований устойчивого развития крайне мало работ, посвященных его политическому измерению [Глушенкова 2001; Глушенкова 2002; Глушенкова 2010; Ефременко 2010] и практически отсутствуют работы, в которых соответствующие вопросы рассматривались бы на региональном уровне. Цель настоящей статьи – обоснование необходимости специального исследования политической формы и алгоритмов политического действия, наиболее адекватных для институционализации устойчивого регионального развития. Метод решения исследовательских задач заключается в соотнесении категорий политики с системным представлением социо-эколого-экономической устойчивости, с деятельностной интерпретацией и когнитивным анализом проблем устойчивого развития.

Политика в системном представлении устойчивого развития

Прежде всего, требует решения вопрос: входит ли политика как необходимый элемент в системное представление устойчивого развития и если

---

* Повестка дня на XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, 3-14 июня 1992 года // Организация объединенных наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_ch28.shtml (дата обращения: 01.08.2017).

да, то каково ее место в этой системе? Системный подход к анализу устойчивого развития традиционно исходит из того, что оно складывается из определенного рода взаимодействия трех сфер или подсистем – природной, экономической и социальной [Gallopín et al. 2014: 307]. Оно станет реальностью, если экономическое развитие будет обеспечивать удовлетворение базовых потребностей всех групп населения земли, не нанося неприемлемого ущерба окружающей среде, а в социальной сфере будет обеспечиваться справедливое распределение благ. При визуальном представлении в виде диаграммы Венна устойчивое развитие соответствует области полного совмещения всех трех сфер (Рис. 1).

Рисунок 1. Графическое представление устойчивого развития в виде взаимного наложения трех составных частей.

Но эта популярная диаграмма показывает устойчивое развитие как уже осознанную обществом задачу и желаемое состояние. Более общее системное видение позволяет охватить не только перспективу, но и ретроспективу, объясняющую генезис концепции устойчивого развития, а также уйти от представления экономической и социальной подсистем в виде квази-самостоятельных сфер [Lozano 2008]. Визуально такая система имеет вид трех концентрических (вложенных друг в друга) кругов, где общество предстает как часть природы, а экономика как часть общества (Рис. 2). Диаграмма не отражает сложную систему их взаимодействий, но наглядно показывает, что в социо-природном взаимодействии общество занимает центральное место – экономика является его функциональной подсистемой, природная среда служит объектом и одновременно ограничителем его действий. Развитие общества в форме его «экспансии» в природную сферу, ведущее к истощению природных ресурсов и «истончению» окружающей среды, не может быть устойчивым. Осознание этого обстоятельства в последней трети XX в. и дало рождение концепции устойчивого развития.

Рисунок 2. Графическое представление устойчивого развития в виде трех концентрических кругов

Социо-экологическая система может устойчиво развиваться, если она обладает такими атрибутами, как адаптивность и гибкость (что подразумевает способность улавливать изменения условий, «понимать» их и приспосабливаться к ним) и общий гомеостазис (т.е. способность поддерживать значения своих внутренних переменных вблизи равновесного состояния или заданной траектории) [Иванов 2006]. Указанные свойства в определенных пределах присущи и природе и экономике. Но чтобы давать ответ на вызовы и «справляться» с изменениями система должна еще обладать способностью сохранять и увеличивать число доступных ей степеней свободы, менять стратегию в соответствии с условиями. Это возможно при наличии у не еще одного атрибута – самостоятельности, т.е. способности системы контролировать и регулировать свои отношения со средой. Это свойство присуще исключительно человеческой (социальной) подсистеме социо-экологической системы [Gallopin 2003: 18]. Системный подход в такой трактовке смыкается с деятельностным представлением устойчивого развития, в центре которого оказывается его субъект – носитель идеи (концепции), целеполагания (стратегии) и политической воли (организации и ресурсов, необходимых для реализации стратегии).

Функция принятия и реализации решений, касающихся всего общества и требующих глубокой перестройки принципов его жизнедеятельности (таких как переход к устойчивому развитию) может быть реализована только в политической сфере. Политический и нормативный характер базовой концепции устойчивого развития широко признан в западной литературе. Более того, порой высказывается мысль, что устойчивость выступает в докладе комиссии Брундтланд именно как форма политики, направленной на преодоление противоречия между человеческими устремлениями к большему благосостоянию и ограничениями, которые накладывает на них природа. Впоследствии она была интерпретирована как имеющая три измерения – социальное, экономическое и экологическое. Этот сдвиг значения повлек негативные последствия для решения фундаментальных проблем устойчивого

развития, включая занижение остроты и первостепенной значимости экологического измерения и разделение социального и экономического аспектов, которые в действительности образуют единство [Kuhlman, Farrington 2010].

Представляется, что поскольку на повестку дня вставали вопросы практической реализации принципов устойчивого развития, вряд ли было возможным избежать аналитического выделения конкретных направлений соответствующей стратегии. Но сама эта операция подразумевает присутствие полномочного политического актора, реализующего стратегию устойчивого развития. Визуальное представление системы управления устойчивым развитием принимает форму тетраэдра (Рис. 3). Комплекс взаимодействий между тремя его «вершинами» – экономической, социальной и природной – опосредован регулирующей функцией политической организации.

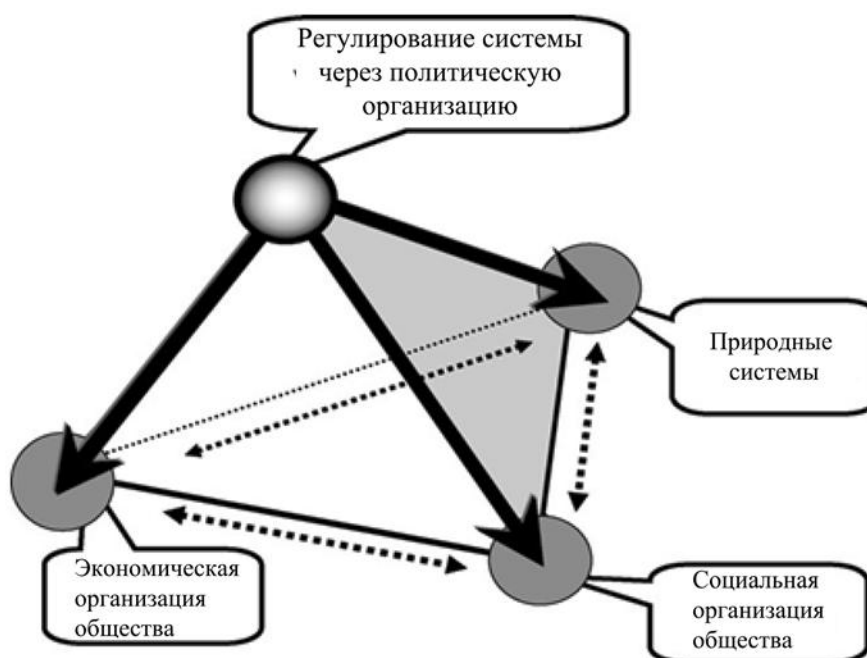

Рисунок 3. Графическое представление устойчивого развития в виде взаимодействия четырех сфер.

Дело в том, что каждая из трех взаимозависимых сфер – экономическая, социальная и экологическая, могут порождать конфликтные, несовместимые притязания. Решение проблем устойчивого развития лежит не внутри каждой из них по отдельности, а именно в регулировании их взаимодействий, их взаимных отношений. Тот или иной выбор, управление, разрешение конфликтов подразумевают присутствие деятельного начала (agency). Представление устойчивого развития как системной целенаправленной деятельности строится вокруг политической сферы, которую конституируют принятые обществом конвенции, правила, институциональная организация в целях регулирования экономической и социальной сфер и – опосредованно – природной среды [O'Connor 2006].

Весьма важно отметить еще один фактор, выдвигающий политику на передний план в анализе проблем перехода к устойчивому развитию. Прямое и непосредственное взаимодействие различных пространственных уровней развития данного процесса – глобального, национального и локально-регионального происходит именно в сфере политики (Рис. 4).

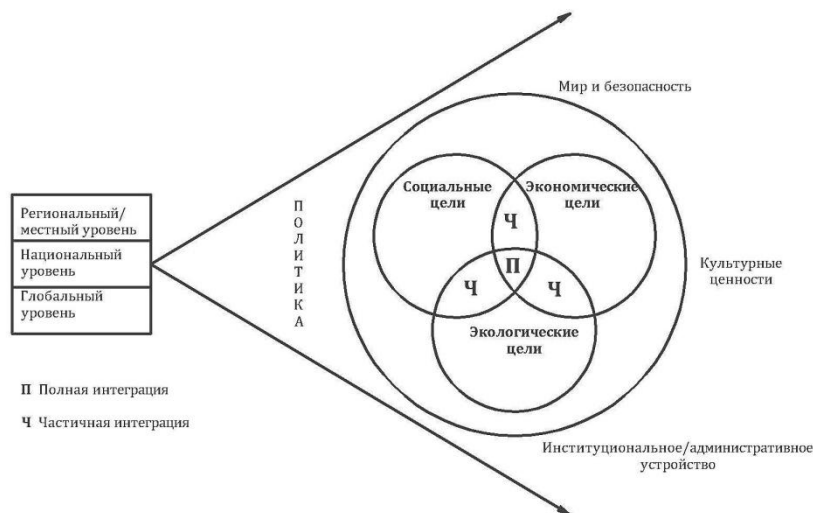

Рисунок 4. Схема целостного представления устойчивого развития

Подходы к устойчивому развитию варьируются в соответствии с разнообразием проблем, с которыми сталкиваются разные страны и регионы. Хотя устойчивое развитие – это универсальный вызов, многие его слагаемые требуют конкретных практических решений на национальном и местном уровне. И здесь в дело вступает ряд социетальных факторов, включая расхождение интересов в сфере обеспечения мира и безопасности, различия культурных ценностей, институциональных и управленческих систем. Согласование и достижение синергии в действии всех этих факторов возможно только через политический процесс [Dalal-Clayton, Bass 2002]. Этот подход дает возможность приблизиться к целостному представлению устойчивого развития с учетом взаимодействия регионально-локального, национального и глобального уровней, многообразия участвующих в процессе социетальных факторов и их интеграции через посредство политической сферы.

Таким образом, в системном представлении устойчивого развития политика присутствует в качестве необходимого и неустранимого элемента. Следовательно, столь же необходим дальнейший анализ форм и условий, обеспечивающих ее качество и эффективность.

Когнитивный аспект политики устойчивого развития

Специфическая природа политики устойчивого развития связана с тем, что она вырастает не из частных интересов тех или иных стран или групп населения, а из принятия международным сообществом в качестве основы своих действий результатов научного анализа глобальных проблем взаимовлияния окружающей среды и развития человеческого сообщества.

Когнитивный аспект – получение и использование знания, необходимого для эффективного действия, принадлежит к ее сущностным чертам.

У некоторых авторов это обстоятельство выражается в гипертрофированной форме. Методологическую проблему устойчивого развития усматривают в отсутствии системно организованных теоретических и эмпирических знаний о самой деятельности управления и управляемом объекте. Разработка модели человеческого общества, позволяющей управленцам «увидеть» весь объект управления – процессы жизнедеятельности общества – системно и комплексно, а не частями, а также решение проблемы представлений об организации общества будущего, провозглашаются предварительным условием выхода мирового сообщества из процесса деградации в режим устойчивого развития. Если эту проблему удастся решить, то Россия получит идеал, который объединит народ и позволит ей идти по пути прогресса. В противном случае деградация российского общества будет продолжаться [Ванюшин 2002]. Приведенный пример по отношению к научному дискурсу носит пограничный характер. Но элементы схоластики присутствовали и в целом ряде научных работ.

Вопрос о рациональных, научных основаниях и познавательных трудностях в процессе построения и реализации концепции устойчивого развития ставился в важной статье В.И. Данилова-Данильяна, представляющей собой одну из наиболее систематических и компетентных по уровню постановки и решения соответствующих проблем попытку проанализировать понятие «устойчивое развитие» [Данилов-Данильян 2003]. В частности, он отмечает, что строгие научные положения удастся сформулировать только по экологическому направлению анализа устойчивого развития. Гораздо менее ясной ему представляется ситуация с экономическим и социальным направлениями анализа. Здесь нет надежных количественных критериев – оценок устойчивости. Неизвестны инварианты социально-экономической системы, которые должны быть сохранены при всех ее изменениях.

В.И. Данилов-Данильян специально ставит вопрос о взаимодействии теории и практики, науки и политики, профессиональных ученых и общества. С одной стороны, ситуация ограниченности знаний по аспектам устойчивого развития затрудняет прогнозирование, необходимое для построения более или менее долгосрочной политики. С другой стороны, в дело вмешиваются политические и социальные факторы. Результаты экологического прогноза могут привести к выводам, трудно согласуемым с гуманитарной парадигмой в ее нынешнем варианте. Далее, для понимания экологического прогноза зачастую требуются специальные знания, а нередко и высокий профессионализм. Но при этом он призван воздействовать на поведение всех людей, способствовать изменению тенденций развития человечества. Таким образом, особая ответственность перед человечеством за правильный выбор стратегии развития цивилизации лежит на тех, кому доступно понимание экологического вызова. Необходимы экстраординарные усилия в области образования и воспитания, подчеркивает В.И. Данилов-Данильян.

Можно сказать, что здесь моделируется некая система отношений профессиональных ученых, власти и общества, ближайшим прототипом которой оказывается идеальное государство Платона с его членением на правителей-философов (современных людей науки), стражей (служители механизмов стабильности в современном обществе) и ремесленников (производящую и потребляющую массу населения). Править в нем, «охранять законы и обычаи государства» должны именно философы, потому что они – «люди, способные постичь то, что вечно тождественно самому себе» (т.е. законы природы и общества). Те же, «кто по существу лишен знания сущности любой вещи и у кого в душе нет отчетливого ее образа» ничем не лучше слепых*. В силу этого, первейшая задача государственного строительства у Платона – создание наилучших граждан, т.е. воспитание*.

Преувеличение, допущенное в аналогии с «Государством» Платона, имеет целью проиллюстрировать тот предел, до которого может довести логика анализируемого подхода. Она предполагает тождественность гносеологической структуры естественнонаучного и социально-гуманитарного знания в двух отношениях. Во-первых, в отношении субъекта познания, каковым выступает профессиональное научное сообщество, которое изучает некоторый внешний объект – природу или общество. Во-вторых, в отношении взаимосвязи теории и практики или фундаментальных и прикладных знаний, где первое предшествует второму и лежит в его основе. Но субъект и объект познания в социально-гуманитарной сфере не являются внешнеположными друг другу. Социальное познание, входя в структуру социального сознания, меняет сам объект науки – общество, а социальная практика только в узкоспециальных областях является «приложением» открытой социальной теории.

Описанная логика объясняется также тем, что проблема рассматривается преимущественно с экологической точки зрения и в глобальном масштабе. Субъектом политики устойчивого развития в этом случае выступает международное сообщество, принимающее решения на основе консенсуса суверенных государств во всем разнообразии их политических систем и режимов. Функцией научного (экспертного) сообщества является не обсуждение природы, достоинств и недостатков этих режимов, а доведение до понимания каждого участника международного общения существа проблем и угроз, стоящих перед всем человечеством. Но при переходе с глобального на национальный и региональный уровень качественно меняются природа и функции субъекта политики устойчивого развития. На этих уровнях государственные институты не выступают единственными носителями политической воли. За ними, а в демократических режимах – над ними, стоит народ (общество) как источник власти и носитель суверенитета. Если на

---

* Платон. Государство [Текст] // Сайт «Большая онлайн библиотека e-Reading». URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/131950/39/Platon_-_Gosudarstvo.html (дата обращения: 20.11.2016).

* «Государство» // Новая философская энциклопедия. Институт философии РАН. URL: <http://iphras.ru/elib/0829.html> (дата обращения: 20.11.2016).

международном уровне в основу решений кладется экспертное, уже агрегированное и политически адаптированное знание, то на национальном и региональном уровне идет первичное формирование и самого знания, и политической воли к его эффективному использованию.

Когнитивный фактор сохраняет свое значение и в процессе практической реализации стратегии устойчивого развития. Прогресс в направлении достижения ее конечных целей не может быть прямолинейным. Он неизбежно включает в себя промежуточные циклы обоснования и постановки отдельных задач, планирования и действия, рефлексии и извлечения уроков. В конце каждого такого цикла приобретает новое знание, которое может быть интегрировано в задачи очередного политического цикла путем переоценки прошлого опыта и переопределения целей на будущее. Иными словами, стратегическое действие включает в себя принцип обратной связи, строится на постоянном самообучении, на пробах, ошибках и извлекаемых из них уроках, на переоценке достигнутых результатов и эффективности используемых механизмов. Речь идет не просто о технических проблемах считывания текущей информации, но о выборе приоритетов с учетом целостного и долгосрочного видения проблемы [Gallopín et al., 2014: 321-322].

Может ли эта когнитивная работа быть сосредоточена исключительно в центрах принятия решений и выполняться только силами экспертов? Учитывая, что речь идет о вопросах, затрагивающих все общество и имеющих политический характер, это маловероятно. Скорее, здесь уместна аналогия с эвристической функцией рыночной конкуренции в процессе регулирования экономики. Ф. фон Хайек видел критический недостаток проекта замены рынка плановым хозяйством в самой идее сознательной централизованной организации, которая опирается только на знания самого организатора, а все участники такого «хозяйства» должны руководствоваться в своих действиях единой иерархией целей, которой оно подчинено. Но к сложной системе, состоящей из бесчисленного множества индивидуальных экономических структур, неприменима заданная иерархия целей. Отсюда – преимущества спонтанного рыночного порядка. Во-первых, в нем используются знания всех его членов. Во-вторых, цели, которым он служит, являются частными целями индивидуумов во всем их разнообразии и противоречивости [Хайек 1989].

Устойчивое развитие, как и спонтанный рыночный порядок, может «возникнуть» только из целенаправленных человеческих действий. Но здесь присутствуют и существенное различие, и принципиальное сходство. С одной стороны, в отличие от рынка, действия, ведущие к устойчивому развитию, возникают не спонтанно, из сложения частных интересов и целей, а сознательно, из общего интереса и общей согласованной цели. С другой стороны, устойчивое развитие охватывает столь сложную систему взаимодействующих факторов природного, экономического и социально-политического порядка, что здесь не больше, чем в случае с экономикой, оснований предполагать, что кто-то способен предварительно собрать все необходимые данные, установить их иерархию и принять однозначно правильное решение. Здесь еще более важно использовать знания всех членов

общества. Только при наличии соответствующего механизма принятия общественных решений будет гарантировано, что знания экспертов также будут учтены должным образом, и ученые действительно смогут убедить людей в необходимости перейти к устойчивому развитию и принять все следующие из этого ограничения.

Иными словами, устойчивое развитие как реальность представляет собой социальный и политический конструкт. Его «определение» в общественном дискурсе подразумевает политический процесс, в который вовлечены различные агенты и институты с различающимися концептуальными и ценностными ориентациями [Burns 2015]. Соответственно такому пониманию, развиваются направления анализа политики устойчивого развития с учетом ее мультиагентных и многоуровневых характеристик (“multi-actor and multi-level characteristics”). Фокус внимания в них переносится с деятельности правительств на уровне национального государства (government) на реализацию социетальных функций и процессов через деятельность и взаимодействие различных акторов (governance) [Sustainable Development... 2012: 3]. Процесс управления устойчивым развитием (governance for sustainable development) включает в себя публичные дебаты, принятие политических решений, формирование и реализацию программ. Все это реализуется через сложные взаимодействия между публичными властями, частным бизнесом и гражданским обществом [Meadowcroft 2008: 107].

Таким образом, устойчивое развитие – это не просто технический вызов и единичная цель – перейти с пути неустойчивости на путь устойчивого развития. Это фундаментальная проблема политики, по которой разные люди и разные группы выдвигают различные конкурирующие цели. Важно сделать эту сферу политических отношений открытой, чтобы в ней были возможны «переговоры» и соглашения, чтобы в публичные дебаты вовлекались знания, опыт, идеи, идущие не только «сверху», но и «снизу» от всех заинтересованных групп и из всех мест. Без этого стратегия и политика устойчивого развития рискуют свестись к выдвиганию рамочных целей и таких «решений», которые не соответствуют реальному разнообразию экологических и социальных контекстов и со временем провалятся либо встретят сопротивление [Leach 2013].

Демократия как алгоритм познания и действия в интересах устойчивого развития

В работах Е.В. Глушенковой в начале 2000-х гг. были обоснованы два важных положения. Во-первых, о том, что, причины экологического кризиса следует искать внутри самого общества, и центральное значение для его преодоления имеют социальные и политические преобразования [Глушенкова 2002: 63]. Во-вторых, о том, что теория устойчивого развития политически не нейтральна, из всей совокупности существующих политических моделей одни ей адекватны, а другие – нет [Глушенкова 2001]. Правда, это бесспорное суждение было отягощено построениями некоей специальной «политической модели устойчивого развития» на основе «неклассической» его трактовки.

Между тем, в более традиционных политических теориях описание демократических механизмов принятия решений содержит существенные переключки с проблемами поиска общественных форм и механизмов поддержания устойчивого развития. Весьма интересны с этой точки зрения взгляды американского политического мыслителя В. Острома на природу самоуправляющегося общества [Остром 1993].

Анализируя глубинный смысл понятия «res publica», он пришел к выводу, что между представительным правлением и открытостью имеется существенная связь. Разнообразии интересов в обширной республике нельзя согласовать при посредничестве одних лишь представительных институтов. Необходимо еще организация открытой публичной сферы («open public realm»). Публичная сфера – это, прежде всего, институты, которые ограничивают власть правительства, одновременно определяя права личности или граждан. Участвуя через публичную сферу в процессах обсуждения, размышления и выбора, и действуя при этом в соответствии с установленными процедурами, граждане на практике осваивают механизмы управления. Но обсуждение, размышление, выработка решений – это процессы познания, дающие информацию для действий. Структуры, действующие в самоуправляющемся обществе, должны стимулировать процессы, способные поддержать такую культуру исследования проблем и их решения, в которой был бы заложен потенциал корректировки ошибок. Недостаточно выиграть выборы и суметь объединить силы коалиций-победителей в различных принимающих решения структурах. Людям необходимо обратиться к сущностным характеристикам практических проблем в контексте существующих в мире ограничений [Остром 1993: 228-252].

Вопросы, поставленные В. Остромом в рамках его теории самоуправляющегося общества, получили развитие в концепциях «делиберативной демократии». Латинское понятие «deliberatio» означает «обсуждать», «размышлять», «советоваться», «взвешивать за и против», «проводить консультации». Делиберация – это акт размышлений, это тщательные обсуждения и экспертиза, осмотрительность и осторожность в процессе выбора наиболее приемлемого и эффективного решения [Зайцев 2013].

Наибольший вклад в теоретическое обоснование делиберативной демократии сделал Ю. Хабермас [Хабермас 2001: 381-417]. Связано это с разработанным им понятием публичности, публичного пространства. Публичность по Хабермасу – сфера, в которой происходит презентация участниками общественной коммуникации своих частных интересов и мнений, которые интерпретируются и получают признание в качестве общественно значимых. Теоретики делиберативной демократии утверждают, что в отличие от современной демократической практики, где голосование является центральным элементом демократического процесса (электоральная демократия), подлинная легитимность законодательных актов может возникнуть лишь через их предварительное публичное обсуждение, открытость, терпимость к чужому мнению, готовность скорректировать свою

первоначальную позицию в случае появления в процессе дискурса «лучшего аргумента», нежели чем артикулированные ранее.

Приведенные аргументы в пользу делиберативной модели демократической легитимации существенны для понимания политических проблем устойчивого развития. Они, в частности, позволяют ответить на поставленные В.И. Даниловым-Данильяном вопросы относительно неспособности современных общественно-научных теорий дать детерминистическое представление законов общественного развития, что затрудняет прогнозирование и построение целостной стратегии устойчивого развития. Делиберативная политика предполагает, что обсуждение насущных вопросов (например, экологических) никогда не прекращается. Никто не может «закрыть дискуссию» на основании того, что решение уже принято. Не менее важно, что общественная повестка дня постоянно пополняется новыми вопросами, что отчасти компенсирует слабость прогностической функции общественных наук. Идея делиберативной демократии ориентирует не на конечный результат, а на «организацию» и процесс обучения. И это одновременно есть уже процесс реализации политики устойчивого развития. Для этого не обязательно ждать, когда будут открыты все релевантные для нее законы, и когда сформируется общество, осознавшее природу этих законов. Представители науки не могут не заметить, что функционирование открытой публичной сферы, общественная делиберация, культура исследования проблем и их решения несут сильные аналогии как раз с правилами профессионального научного сообщества, с «механизмами» проверки гипотез, взаимодействия теоретического и экспериментального (опытного) знания. Специалисты говорят об эпистемологических характеристиках делиберативной демократии, о ее гносеологических преимуществах перед демократией электоральной [Беляев 2015].

В отечественной литературе делиберативную демократию иногда описывают как особую модель демократического устройства, альтернативную по отношению к либеральной модели представительной (электоральной) демократии или как стадию развития демократии, следующую за стадией электоральной демократии. Такое впечатление складывается, в частности, при чтении весьма глубоких работ, рассматривающих ее в контексте проблем устойчивого развития, прежде всего в его экологическом аспекте. Речь идет об особой «политической модели устойчивого развития» [Глушенкова 2010]. Высказывается мысль, что основополагающее для либерализма понятие «самоуправляемое сообщество» в условиях глобализации становится едва ли не фикцией. Формируются сообщества нового типа, границы которых неопределенны или чрезвычайно подвижны. В плане демократии большее значение приобретает уже не агрегирование предпочтений в пределах самоуправляемого сообщества, а коммуникация, содержание и характер взаимодействий поверх территориальных или функциональных границ. При этом применительно к экологической проблематике ставится, ни много ни мало, вопрос о взаимодействии (коммуникации) субъектов социального действия как между собой, так и с природой, о преодолении границы между

природным и социальным мирами. Такая коммуникация не опосредована материальными интересами отдельных акторов, как это имеет место в контексте либеральной демократии [Ефременко 2010]. Эти идеи весьма интересны в глобальном социально-философском плане. Но складывающаяся картина перехода от современной демократии к экодемократии просто в силу «ноосферного императива» и развития коммуникативных сетей представляется утопической. Для России это звучит как призыв перейти к делиберативной, «ноосферной» демократии, минуя стадию демократии «обычной».

В действительности же – совещательное, делиберативное начало присутствует в представительной демократии как ее сущностный аспект. Английский политический мыслитель Э. Берк говорил еще в 1774 г.: «Парламент – это не конгресс посланников от различных и враждебных друг другу интересов, которые каждый из них должен отстаивать как представитель и защитник против других представителей и защитников; парламент – это совещательная ассамблея (*deliberative assembly*) одной нации, имеющей один интерес, который является интересом целого; где должны руководить не местные цели и местные предрассудки, а общее благо, проистекающее из общего разума целого»*. Положивший начало идеям делиберативной демократии в XX в. американский философ Дж. Дьюи самым сильным доводом в пользу политических форм, которые уже освоены демократией – всеобщего голосования, правления большинства и т.д. – считал то, что все они предполагают консультации и дискуссии, в ходе которых выясняются социальные потребности и социальные проблемы. В улучшении методов и условий дебатов, дискуссий и убеждений он видел жизненную необходимость для демократии [Дьюи 2002: 150-152]. Описанная выше концепция В. Острома относительно роли открытой публичной сферы и общественной культуры исследования проблем практически тождественна теории делиберативной демократии.

Ученица Ю. Хабермаса С. Бенхабиб сформулировала ряд существенных аргументов, объясняющих интегральную принадлежность делиберативных практик к плюралистической либеральной демократии и их роль в ее легитимации. Во-первых, ни один человек или группа не может «предвидеть все разнообразие точек зрения по вопросам этики и политики, которые будут восприниматься разными людьми». Они могут выявиться только в процессе свободной и открытой дискуссии. Во-вторых, ни один человек или группа не может обладать всей полнотой информации, необходимой для того, чтобы сделать наиболее рациональный выбор, так что делиберация есть процедура получения информации. В-третьих, в отличие от представлений экономической теории о поведении участников рынка, носители той или иной общественной позиции должны обосновывать свои идеи убедительными доводами, способствуя формированию позиций других людей. Во многих случаях

---

* *Mr. Edmund Burke's Speech to the Electors of Bristol* // Edmund Burke, *Miscellaneous Writings* (Select Works Vol. 4) (1874). URL: http://oll.libertyfund.org/EBooks/Burke_0005.04.pdf (date of access: 26.11.2016).

правление большинства является справедливым и разумным способом принятия решений не потому, что легитимность проистекает из количества, а потому что большинство пришло к убеждению в каком-то вопросе на основе аргументов, сформулированных настолько доказательно, насколько это возможно, в результате процесса рационального обсуждения этого вопроса. Таким образом, делиберативная модель демократии позволяет прийти к решениям в равной мере легитимным и рациональным. Но они не могут устанавливаться в качестве жесткого морального или религиозного кода для общества. Делиберативная демократия – это процедура. Она реализуется в плюралистическом обществе. В отсутствие конфликтующих интересов, конкуренции и взаимного сотрудничества, поисков консенсуса и компромисса делиберативная демократия теряет смысл [Benhabib 1996].

Признавая, что механизмы либеральной конкурентной демократии, приспособленные для согласования частных интересов различных групп, не вполне функциональны перед лицом глобальных, универсальных и «радикальных» потребностей устойчивого развития, зарубежные авторы видят выход в усилении делиберативных начал в их функционировании [Governance... 2012]. Иными словами, теория делиберативной демократии есть проект совершенствования современной (либеральной, представительной, электоральной) демократии, инструмент повышения эффективности и «качества» принимаемых политических решений. Следует согласиться с А.В. Назарчуком в том, что трансформация поля политики в сеть политических коммуникаций не означает изменения политического порядка. Либеральные демократические институты не изжили себя с приходом современного информационно-коммуникационного общества, а напротив, лишь расширяют свой ареал присутствия. Политическая коммуникация, в отличие от политических институтов, не является продуктом власти или сознательного созидания. Эта коммуникация является отражением зрелости и развития общественной сферы и всегда такова, какова она есть. «Ускорение» ее невозможно, мотивация ее бессмысленна [Назарчук 2011: 102-103]. Но изучение состояния и тенденций развития публичной сферы необходимо [Никовская, Якимец 2011a; Никовская, Якимец 2011b; Публичная сфера... 2013].

Политические проблемы устойчивого развития в региональном контексте

Понятие «регион», так же, как и понятие «устойчивое развитие» получает достаточно многообразные определения, хотя справедливо отмечается, что они содержат несколько сходных черт, таких как территориальная определенность, целостность (природно-ресурсная, экономическая, социокультурная), комплексность, открытость, наличие органов управления [Антонова 2013: 114-115]. В совокупности это все то, что отличает регионы друг от друга, делает их разными регионами. Но сущностная характеристика, определяющая социопространственный статус любого из них как региона является общей для всех регионов и заключается в том, что каждый из них является частью какогo-

то целого – макрорегиона, государства, субконтинента, континента, наконец, мира. Отсюда следует другая сущностная характеристика региона – по отношению к центральным цивилизационным, экономическим, политическим институтам того целого, к которому регион принадлежит, он выступает как периферия. Центр-периферийные отношения пронизывают собой структуру современного мира и в значительной степени определяют его динамику как на глобальном, так и на национальном уровнях. Идея и концепция устойчивого развития исходили из институциональных центров международного сообщества (Организации Объединенных Наций) и национального государства (федеральные органы власти России, Российская академия наук), но наряду с этим «центры» зачастую оказываются генераторами факторов неустойчивости для их «периферий». Таким образом, как продвижение к целям устойчивого развития, так и действие препятствующих этому факторов неустойчивости развертываются в плоскости отношений «центр-периферия». Проблематику устойчивого развития регионов России нельзя системно представить без учета этого обстоятельства.

В таком контексте проблемы устойчивого развития исследованы в работах П.М. Иванова. Исходя из того, что главными действующими лицами глобальных событий в мире являются нации-государства, он характеризовал государственное управление как систему отношений «центр-периферия», где «центр» – управляющая система, а «периферия» – регионы страны, выступающие объектами управления [Иванов 2001: 476]. Эффективное выстраивание отношений «центр-периферия» выступает доминирующим фактором внутренней политики любого государства [Иванов 2002].

Рассматривая вопрос применительно к России П.М. Иванов показывает, что, как правило, «центр» берет на себя главную роль и в формировании нового облика пространственной конфигурации регионов (хотя главная роль в такой трансформации должна принадлежать бизнес-интересу и не без участия регион-интереса); и в определении направления развития регионов (тогда как «центр» должен был ограничиваться созданием этим регионам необходимых условий для самостоятельного развития). С точки зрения реализуемого в данной статье подхода важно заметить, что выступая за предоставление регионам более широких возможностей для самостоятельной и эффективной реализации своих конкурентных преимуществ через децентрализацию ресурсов и полномочий, он приводит и «когнитивный аргумент» – необходимость преодолеть ложные представления о том, что в федеральных ведомствах разбираются в проблемах регионального развития лучше, чем в самих регионах [Иванов 2016: 56-57]. По сути дела, речь идет о такой перестройке «центр-периферийных» отношений в России, которая позволила бы регионам выступать не пассивными объектами федеральной политики устойчивого развития, а ее активными субъектами.

Чтобы реализовать участие самого региона в обеспечении собственного устойчивого развития недостаточно того, что он объективно конституирован природно-географическими и социально-экономическими особенностями и наличием в нем органов власти и управления. Ключевые вопросы здесь связаны с полномочиями и ресурсами, которыми располагает регион, и с тем, является

ли он носителем собственной политической воли. Не случайно, авторы изданного в Британии сборника, посвященного анализу места «субнациональных правительств» в политике устойчивого развития принимают определение «субнационального образования» (subnational entity), которое включает лишь два его признака. Оно: (1) располагается между локальным и национальным уровнями и (2) обладает способностью принимать авторитетные решения [Sustainable Development... 2012]. Применительно к России этим критериям по идее отвечают субъекты федерации. Но это лишь формальная констатация. Серьезный анализ реальных проблем устойчивого регионального развития требует определенного ответа на вопрос: «Насколько “субъектны” субъекты РФ»? [Региональные... 2013]. При этом подразумевается, что условием «субъектности» субъекта федерации является способность к артикуляции собственного стратегического проекта, и политическая воля к его воплощению [Гаман-Голутвина 2013: 60]. Здесь существенно важно учитывать, что указанные условия формируются, т.е. одновременно и порождаются, и ограничиваются, действием как внешних, так и внутренних для региона факторов.

С внешней стороны, они определяются, политико-правовым контекстом федеративных отношений. Региональная администрация не является независимым стратегическим актором, принимающим решения по собственному усмотрению. Во-первых, регулирование фундаментальных факторов регионального развития принадлежит исключительно федеральному центру, что само по себе вполне естественно и оправданно. Во-вторых, крайне ограничены реальные возможности субъектов федерации по политико-правовому наполнению и финансово-экономическому обеспечению выполнения соответствующих функций региональных органов власти по предметам совместного с федерацией или исключительного ведения. В связи с этим, показателен факт внесения правительством в Государственную Думу 7 августа 2017 г. проекта поправок в закон «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ», предусматривающих возможность изъятия тех или иных полномочий по различным основаниям. Ситуация противоречива. С одной стороны, сами регионы заинтересованы в передаче центру полномочий, не подкрепленных финансово, а с другой – законопроект предусматривает возможность изъятия полномочий просто в целях экономии бюджетных расходов; с одной стороны, экологи выступают за изъятие у регионов полномочий по надзору за лесами, а с другой – высказываются опасения, что могут оказаться затронуты полномочия регионов в целом по вопросам территориального развития*. В таких общих условиях, обсуждение вопросов формирования региональных стратегий устойчивого развития приобретает во многом схоластический характер.

---

* *Хоть права не расти.* Регионам готовят правила временного изъятия полномочий // Коммерсантъ. 8 августа 2017 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3378389> (дата обращения: 08.08.2017).

Но есть и внутреннее измерение вопроса о «субъектности» субъектов федерации – их гражданский базис, который определяется на языке теории демократии как «демос». Демократия, в которой члены данного гражданского сообщества («демоса») участвуют или могут участвовать в принятии решений, касающихся их всех, рассматривается как наилучший способ достижения целей устойчивого развития [Lafferty 2000]. Для исследователей, рассматривающих политические аспекты устойчивого регионального развития на европейском материале, представляется очевидными, что есть не только граждане страны, но и граждане провинции, штата, муниципалитета. Взаимные отношения региональной власти и населения региона – «демоса», это политические отношения, отношения представительства и ответственности власти перед обществом. В этом смысле властным субъектом регионального управления, в конечном счете, выступает общество со всем комплексом с его социо-структурных и социокультурных характеристик. Ограничения, накладываемые на самостоятельность региона «извне» могут компенсироваться гражданской активностью населения «изнутри».

Как соотносятся эти соображения с ситуацией в российских регионах? Не вдаваясь в детальный анализ, в предварительном порядке можно отметить, что здесь имеются прямые формально-юридические ограничения полноценного функционирования демократических процедур на региональном уровне. Например, в Кабардино-Балкарской Республик в 2001-2011 гг. было принято 9 новых редакций основного закона, в большинстве случаев по требованию федеральных надзорных органов. Из конституции были исключены сами понятия «народ Кабардино-Балкарской Республики» и «гражданин Кабардино-Балкарской Республики». Изменились и порядок формирования Парламента и порядок замещения должности Президента (Главы) республики. В результате этих изменений представительность Парламента по отношению к населению республики была опосредована федеральными политическими партиями. Не выбор населения, а выбор этих партий стал первичным в определении состава депутатского корпуса. Выборы Президента (Главы) республики были заменены процедурой «наделения полномочиями» от которой граждане были полностью отчуждены. Формально, процедура наделения полномочиями регламентируется законом, однако это именно пустая форма, поскольку она не накладывает никаких ограничений на реальный политический и персональный выбор тех, кто принимает решение [Актуальные проблемы... 2017: 47-55]. Но если региональная администрация отчуждена от общества, она не может в полном объеме «считывать» информацию о его состоянии, а, следовательно, не может эффективно управлять процессом регионального развития. Авторы новейшей работы, осуществившие институционально ориентированный анализ проблем развития на Северном Кавказе, убедительно показали, насколько важно учитывать не только формальные правила функционирования государственных институтов, но и существенное влияние глубоко укорененных местных традиционных институтов и норм. Отсутствие такого понимания и соответствующих действий во многом объясняет, почему развитие в регионах не превратилось в саморазвивающийся процесс, остается зависимым и

контролируемым от центра [Кёлер и др.: 155]. В свою очередь, если общество является «спящим», имеет низкий уровень экономической, социальной, гражданской (политической) активности, то оно не продуцирует информацию, не «репрезентирует» себя и свои проблемы институтам власти и управления. Обсуждение условий и перспектив перехода к устойчивому региональному развитию в России без учета этих обстоятельств останется малопродуктивным.

Заключение

Комплексное понимание природы устойчивого развития предполагает соответствующую интерпретацию его политического измерения, а решение вопросов его практической реализации на национальном и региональном уровне должно сопровождаться специальным анализом фундаментальных проблем, связанных с определением функций и адекватных форм политического действия в контексте устойчивого развития.

Системный подход к анализу устойчивого развития показывает, что оно является функцией общества как сознательного субъекта, обладающего способностью контролировать и регулировать свои отношения со средой. Переход к устойчивому развитию затрагивает все общество, требует глубокой перестройки принципов его жизнедеятельности, и может быть осуществлен только через политическую сферу. Долговременное поддержание устойчивости системы, в свою очередь, возможно через постоянное регулирование взаимодействия ее социальной, экономической и экологической подсистем, осуществляемое полномочным политическим актором, реализующим стратегию устойчивого развития.

Важнейшее измерение политики устойчивого развития составляет ее когнитивный аспект – получение и использование знания, необходимого для эффективного политического действия. Если на международном уровне в основу решений кладется экспертное, уже агрегированное и политически адаптированное знание, то на национальном и региональном уровне идет первичное формирование и самого знания, и политической воли к его эффективному использованию. Оно, в свою очередь, строится на принципе обратной связи, на постоянном самообучении, на пробах, ошибках и извлекаемых из них уроках, на переоценке и достигнутых результатов и эффективности используемых механизмов. При этом, устойчивое развитие охватывает столь сложную систему взаимодействующих факторов природного, экономического и социально-политического порядка, что здесь необходимо использовать знания всех членов общества.

Наиболее адекватные для этих целей механизмы сформированы в самоуправляющихся демократических обществах. Прежде всего, речь идет о функционировании открытой публичной сферы, позволяющей гражданам участвовать в процессах правления; о восприятии трудностей, с которыми сталкивается общество как проблем, требующих их общественного исследования для выработки способов разрешения. В отнесении к проблемам устойчивого развития развивается концепция «делиберативной демократии», для которой центральным моментом демократической практики является не акт

голосования, а предваряющее его обсуждение, широкая экспертиза, согласование наиболее эффективных решений для общественных проблем.

В целом, исследование проблем «качества» той реальной демократии, которая уже достигнута, и степени развития в ней делиберативного начала, необходимо для оценки состояния и перспектив приближения общества к устойчивому развитию как способу своего существования. Применительно к России и ее регионам рассмотренный круг вопросов подводит к выводу, что серьезная постановка задач перехода к устойчивому развитию должна сопровождаться столь же серьезной постановкой задач демократизации и в центре, и на местах.

ЛИТЕРАТУРА

Актуальные проблемы... 2017 – *Актуальные проблемы* социально-политического и этнокультурного развития современной Кабардино-Балкарии. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2017. – 248 с.

Антонова 2013 – *Антонова М.А.* Теоретико-методологические основы изучения устойчивого развития регионов // *Общество: политика, экономика, право.* – 2013. - № 4. – С. 113-119.

Беляев 2015 – *Беляев М.А.* Эпистемологическая характеристика делиберативной демократии // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия.* – 2015. – № 2(16). – С. 95-101.

Ванюшин 2002 – *Ванюшин В.А.* Устойчивое развитие общества. – М.: Анкил, 2002. – 143 с.

Гаман-Голутвина 2013 – *Гаман-Голутвина О.В.* Политика регионов как перманентная турбулентность // *Полис.* – 2013. – №5. – С. 60-62.

Глушенкова 2001 – *Глушенкова Е.И.* Политические аспекты модели устойчивого развития. – М.: ИМЭМО РАН, 2001. – 198 с.

Глушенкова 2002 – *Глушенкова Е.И.* Проблема формирования политической модели устойчивого развития России // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки.* – 2002. – №2. – С. 63-76.

Глушенкова 2010 – *Глушенкова Е.И.* Экополитология как направление научных исследований: возникновение и эволюция // *Политическая наука.* – 2010. – №2. – С. 8-32.

Данилов-Данильян 2003 – *Данилов-Данильян В.И.* Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ) // *Экономика и математические методы.* – 2003. – Т. 39. – №2. – С. 123-135.

Дьюи 2002 – *Дьюи Дж.* Общество и его проблемы. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 160 с.

Ефременко 2010 – *Ефременко Д.В.* Экополитология как отрасль политической науки: в поисках теоретических оснований и дисциплинарной релевантности // *Политическая наука.* – 2010. – №2. – С. 33-74.

Зайцев 2013 – *Зайцев А.В.* Делиберативная демократия как институциональный диалог власти и гражданского общества // *НВ: Проблемы политики и общества.* – 2013. – № 5. – С.29-44.

Иванов 2002 – *Иванов П.М.* Можно ли избежать конфликтов в России // *Вестник РАН.* – 2002. – Т. 72. – № 1. – С. 26-36.

Иванов 2016 – *Иванов П.М.* Устойчивое развитие региона: концепция, модель управления, стратегия: монография. – М.: ООО «ЭКЦ «Профессор», 2016. – 254 с.

Иванов 2006 – *Иванов П.М.* Устойчивое региональное развитие: концепция и модель управления // *Экономика и математические методы.* – 2006. – Т. 42. – №2. – С. 51-59.

Иванов 2001 – *Иванов П.М.* Центр и периферия // *Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь.* – М.: Республика, 2001. – С. 476-479.

Кёлер и др. 2017 – *Кёлер Я., Гуня А.Н., Тенов Т.З., Чеченов А.М.* Институционально ориентированное изучение проблем устойчивого развития горных территорий // Устойчивое развитие горных территорий. – 2017. – Том 9. – №2. – С 152-162. DOI: 10.21177/1998-4502-2017-9- 2–152–162

Материалы... 2013 – *Материалы* Международного симпозиума «Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели», посвященного 20-летию КБНЦ РАН. (Россия, г. Нальчик, 28 июня – 3 июля 2013 г.). Т. I-III. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2013. – Т. I. – 308 с., Т. II. – 296 с., Т. III. – 274 с.

Материалы... 2015 – *Материалы* международной научно-практической конференции «Глобальные вызовы современности и проблемы устойчивого развития Юга России» (Нальчик, 14-16 октября 2015 г.). – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2015. – 558 с.

Материалы... 2017 – *Материалы* всероссийской конференции с международным участием «Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели», посвященной 75-летию П.М. Иванова. (Нальчик, 16-19 мая 2017 г.). – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2017. – 354 с.

Назарчук 2011 – *Назарчук А.В.* Понятие делиберативной политики в современном политическом процессе // Полис. – 2011. – № 5. – С. 99-103.

Научная основа... 2002 – *Научная основа* стратегии устойчивого развития Российской Федерации / Под общей ред. М.Ч. Залиханова, В.М. Матросова, А.М. Шелехова. – М.: Изд-во ГД РФ, 2002. – 392 с.

Никовская, Якимец 2011a – *Никовская Л.И., Якимец В.Н.* Публичная политика в регионах России: типы, субъекты, институты и современные вызовы // Полис. – 2011. – № 1. – С. 80-96.

Никовская, Якимец 2011b – *Никовская Л.И., Якимец В.Н.* Типология публичной политики в российских регионах // Социс. – 2011. – №3. – С.56–66.

Новая парадигма... 2000 – *Новая парадигма* развития России в XXI веке. Комплексное исследование проблем устойчивого развития: идеи и результаты. Под редакцией В.А. Коптюга, В.М. Матросова, В.К. Левашова. Изд. 2-е. – М.: Academia, 2000. – 416 с.

Остром 1993 – *Остром В.* Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество. – М.: «Арена», 1993. – 320 с.

Публичная сфера... 2013 – *Публичная сфера: теория, методология, кейс стади.* – М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. – 360 с.

Региональные... 2013 – *Региональные* политические процессы: насколько “субъектны” субъекты РФ? // Полис. – 2013. – №5. – С. 59-76.

Стратегия и проблемы... 2002 – *Стратегия и проблемы* устойчивого развития России в XXI веке. Под редакцией А.Г. Гранберга, В.И. Данилова-Данильяна, М.М. Циканова, Е.С. Шопхоева. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. – 414 с.

Хабермас 2001 – *Хабермас Ю.* Вовлечение Другого: Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001. – 419 с.

Хайек 1989 – *Хайек Ф.* Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. – 1989. – № 12. – С. 6-14.

Benhabib 1996 – *Benhabib S.* Toward a Deliberative Model of Democratic Legitimacy // Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political. Edited by Seyla Benhabib. – Chichester, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996. – P. 67-94.

Burns 2015 – Burns T.R. sustainable Development: Agents, Systems and the Environment // Current Sociology Review. – 2015. – Vol. 64. – No. 6. – P. 875-906. DOI: 10.1177/0011392115600737

Dalal-Clayton, Bass 2002 – *Dalal-Clayton B., Bass S.* Sustainable development strategies. A Resource Book. – London: Earthscan Publications Ltd., 2002. – 358 p.

Gallopín 2003 – *Gallopín G.* A systems approach to sustainability and sustainable development. – Santiago: United Nations Publication, 2003. – 42 p.

Gallopín et al. 2014 – *Gallopín G., Jiménez Herrero L.M., Rocuts A.* Conceptual frameworks and visual interpretations of sustainability // *International Journal of Sustainable Development*. – 2014. – Vol. 17. – No. 3. – P. 298-326.

Governance... 2012 – *Governance, Democracy and Sustainable Development. Moving Beyond the Impasse*. Edited by James Meadowcroft, Oluf Langhelle, Audun Ruud. – Cheltenham, UK & Northampton, MA, USA: Edgar Elgar, 2012. – 360 p.

Kuhlman, Farrington 2010 – *Kuhlman T., Farrington J.* What Is Sustainability? // *Sustainability*. – 2010. – No 2 (11). – P. 3436-3448. doi:10.3390/su2113436

Lafferty 2000 – *Lafferty W.M.* Democratic Parameters for Regional Sustainable Development: The Need for a New Demos with a New Rationality. ProSus Working Paper No 1. – Oslo: Programme for Research and Documentation for a Sustainable Society, 2000. – 32 p.

Lafferty 1996 – *Lafferty W.M.* The Politics of Sustainable Development: Global Norms for National Implementation // *Environmental Politics*. – 1996. – Vol. 5. – No 2. – P. 185-208.

Leach 2013 – *Leach M.* Pathways to Sustainability: Building Political Strategies // *State of the World 2013. Is Sustainability Still Possible?* – Washington; Covelo; London: Island Press, 2013. – P. 234-243.

Lozano 2008 – *Lozano R.* Envisioning Sustainability Three-Dimensionally // *Journal of Cleaner Production*. – 2008. – Vol. 16. – Issue 17. – P. 1838-1846. doi:10.1016/j.jclepro.2008.02.008

Meadowcroft 2008 – *Meadowcroft J.* Who is in Charge Here? Governance for Sustainable Development in a Complex World // *Governance for Sustainable Development. Coping with Ambivalence, Uncertainty and Distributed Power*. Edited by J. Newig, J.-P. Vos and J. Monstadt. – London & New York: Routledge, 2008. – P. 107-122.

O'Connor 2006 – *O'Connor M.* The “Four Spheres” Framework for Sustainability // *Ecological Complexity*. – 2006. – Vol. 3. – Issue 4. – P. 285-292. doi.org/10.1016/j.ecocom.2007.02.002

Report... 1987 – *Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future*. – N.Y.: United Nations, 1987. – 247 p.

Selman 2009 – *Selman P.* Local Authorities' Initiatives in Support of Agenda 21 – Europe // *Area Studies – Europe. Regional Sustainable Development Review / Edited by Alexander Mather and John Bryden*. – Oxford, UK: EOLSS Publishers Co. Ltd., 2009. – P. 136-159.

Sustainable Development... 2012 – *Sustainable Development and Subnational Governments. Policy-Making and Multi-Level Interactions*. Edited by Hans Bruyninckx, Sander Happaerts and Karoline Van den Brande. – London: Palgrave Macmillan, 2012. – 269 p.

The Politics... 1997 – *The Politics of Sustainable Development: Theory, Policy and Practice within the European Union*. Edited by S. Baker, M. Kousis, D. Richardson and S.C. Young. – London; New York: Routledge, 1997. – 276 p.

REFERENCES

Aktual'nye problemy sotsial'no-politicheskogo i etnokul'turnogo razvitiya sovremennoi Kabardino-Balkarii. [Topical problems of socio-political and ethno-cultural development of modern Kabardin-Balkaria]. – Nal'chik: KBNTs RAN, 2017. – 248 p. (In Russian)

ANTONOVA M.A. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy izucheniya ustoichivogo razvitiya regionov* [Theoretical and methodological foundations of the study of sustainable development of regions]. IN: *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. – 2013. – No. 4. – P. 113-119. (In Russian)

BELYAEV M.A. *Epistemologicheskaya kharakteristika deliberativnoi demokratii* [Epistemological characteristics of deliberative democracy]. IN: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*. – 2015. – No. 2(16). – P. 95-101. (In Russian)

BENHABIB S. *Toward a Deliberative Model of Democratic Legitimacy*. IN: *Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political*. Edited by Seyla Benhabib. – Chichester, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996. – P. 67-94.

- BURNS T.R. Sustainable Development: Agents, Systems and the Environment. IN: Current Sociology Review. – 2015. – Vol. 64. – No. 6. – P. 875-906. DOI: 10.1177/0011392115600737
- DALAL-CLAYTON B., BASS S. Sustainable development strategies. A Resource Book. – London: Earthscan Publications Ltd., 2002. – 358 p.
- DANILOV-DANIL'YAN V.I. *Ustoichivoe razvitie (teoretiko-metodologicheskii analiz)* [Sustainable development (theoretical-methodological analysis)]. IN: Ekonomika i matematicheskie metody. – 2003. – T. 39. – No. 2. – P. 123-135. (In Russian)
- DEWEY J. *Obshchestvo i ego problemy* [The public and its problems]. – M.: Ideya-Press, 2002. – 160 p. (In Russian)
- EFREMENKO D.V. *Ekopolitologiya kak otrasl' politicheskoi nauki: v poiskakh teoreticheskikh osnovanii i distsiplinarnoi relevantnosti* [Environmental politics as the branch of political science: in search of theoretical foundations and disciplinary relevance]. IN: Politicheskaya nauka. – 2010. – No. 2. – P. 33-74. (In Russian)
- GALLOPÍN G. A systems approach to sustainability and sustainable development. – Santiago: United Nations Publication, 2003. – 42 p.
- GALLOPÍN G., JIMÉNEZ HERRERO L.M., ROCUTS A. Conceptual frameworks and visual interpretations of sustainability. IN: International Journal of Sustainable Development. – 2014. – Vol. 17. – No. 3. – P. 298-326.
- GAMAN-GOLUTVINA O.V. *Politika regionov kak permanentnaya turbulentnost'* [Regions' politics as a permanent state of turbulence]. IN: Polis. – 2013. – No. 5. – P. 60-62. (In Russian)
- GLUSHENKOVA E.I. *Ekopolitologiya kak napravlenie nauchnykh issledovaniy: vozniknovenie i evolyutsiya* [Environmental politics as a field of scholarly research: emerging and evolution]. IN: Politicheskaya nauka. – 2010. – No. 2. – P. 8-32. (In Russian)
- GLUSHENKOVA E.I. *Politicheskie aspekty modeli ustoychivogo razvitiya* [Political aspects of the model of sustainable development]. – M.: IMEMO RAN, 2001. – 198 p. (In Russian)
- GLUSHENKOVA E.I. *Problema formirovaniya politicheskoi modeli ustoychivogo razvitiya Rossii* [The problem of formation of the model of sustainable development for Russia]. IN: Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. – 2002. – No. 2. – P. 63-76. (In Russian)
- Governance, Democracy and Sustainable Development. Moving Beyond the Impasse. Edited by James Meadowcroft, Oluf Langhelle, Audun Ruud. – Cheltenham, UK & Northampton, MA, USA: Edgar Elgar, 2012. – 360 p.
- HABERMAS Yu. *Vovlechenie Drugogo: Ocherki politicheskoi teorii* [Involving the Other: essays in political theory]. – SPb.: Nauka, 2001. – 419 p. (In Russian)
- HAYEK F. *Konkurentsiya kak protsedura otkrytiya* [Competition as a discovery procedure]. IN: Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. – 1989. – No. 12. – P. 6-14. (In Russian)
- IVANOV P.M. *Mozhno li izbezhat' konfliktov v Rossii* [Is it possible to avoid conflicts in Russia]. IN: Vestnik RAN. – 2002. – T. 72. – No. 1. – P. 26-36. (In Russian)
- IVANOV P.M. *Tsentr i periferiya* [Center and periphery]. IN: Rossiiskaya tsivilizatsiya: Etnokul'turnye i dukhovnye aspekty: Entsiklopedicheskii slovar'. [Russian civilization: Ethno-cultural and spiritual aspects. Encyclopedic dictionary]. – M.: Respublika, 2001. – P. 476-479. (In Russian)
- IVANOV P.M. *Ustoichivoe razvitie regiona: kontseptsiya, model' upravleniya, strategiya: monografiya* [Region's sustainable development: conception, model of governance, strategy]. – M.: OOO «EKTs «Professor», 2016. – 254 p. (In Russian)
- IVANOV P.M. *Ustoichivoe regional'noe razvitie: kontseptsiya i model' upravleniya* [Sustainable regional development: conception and model of control]. IN: Ekonomika i matematicheskie metody. – 2006. – T. 42. – No. 2. – P. 51-59. (In Russian)
- KOEHLER J., GUNYA A.N., TENOV T.Z., CHECHENOV A.M. *Institucional'no orientirovannoe izuchenie problem ustoychivogo razvitiya gornyh territorij* [Institution centred study of problems of sustainable development of mountain territories]. IN: Ustoychivoe razvitie gornyh territorij. – 2017. – Vol. 9. – No. 2. – P. 152-162. (In Russian)

- KUHLMAN T., FARRINGTON J. What Is Sustainability? IN: Sustainability. – 2010. – No. 2 (11). – P. 3436-3448. doi:10.3390/su2113436
- LAFFERTY W.M. Democratic Parameters for Regional Sustainable Development: The Need for a New Demos with a New Rationality. ProSus Working Paper No. 1. – Oslo: Programme for Research and Documentation for a Sustainable Society, 2000. – 32 p.
- LAFFERTY W.M. The Politics of Sustainable Development: Global Norms for National Implementation. IN: Environmental Politics. – 1996. – Vol. 5. – No. 2. – P. 185-208.
- LEACH M. Pathways to Sustainability: Building Political Strategies. IN: State of the World 2013. Is Sustainability Still Possible? – Washington; Covelo; London: Island Press, 2013. – P. 234-243.
- LOZANO R. Envisioning Sustainability Three-Dimensionally. IN: Journal of Cleaner Production. – 2008. – Vol. 16. – Issue 17. – P. 1838-1846. doi:10.1016/j.jclepro.2008.02.008
- Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma «Ustoichivoe razvitie: problemy, kontseptsii, modeli», posvyashchennogo 20-letiyu KBNTs RAN. (Rossiya, g. Nal'chik, 28 iyunya – 3 iyulya 2013 g.). T. I-III. [Proceedings of international symposium “Sustainable development: problems, conceptions, models”, devoted to the 20th anniversary of KBSC RAS (Russia, Nal’chik, June 28 – July 3, 2013). Vol. I-III]. – Nal'chik: Izdatel'stvo KBNTs RAN, 2013. – Vol. I. – 308 p., Vol. II. – 296 p., Vol. III. – 274 p. (In Russian)*
- Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Global'nye vyzovy sovremennosti i problemy ustoichivogo razvitiya Yuga Rossii» (Nal'chik, 14-16 oktyabrya 2015 g.). [Proceedings of international scientific and practical conference «Global challenges of modern times and problems of Southern Russia’s sustainable development» (Nal’chik, October 14-16, 2015)]. – Nal'chik: Izd-vo KBNTs RAN, 2015. – 558 p. (In Russian)*
- Materialy vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Ustoichivoe razvitie: problemy, kontseptsii, modeli», posvyashchennoi 75-letiyu P.M. Ivanova. (Nal'chik, 16-19 maya 2017 g.). [Proceedings of the all-Russia conference with international participation «Sustainable development: problems, conceptions, models», devoted to the 75th anniversary of P.M. Ivanov (Nal’chik, may 16-19, 2017)]. – Nal'chik: Izdatel'stvo KBNTs RAN, 2017. – 354 p. (In Russian)*
- MEADOWCROFT J. Who is in Charge Here? Governance for Sustainable Development in a Complex World. IN: Governance for Sustainable Development. Coping with Ambivalence, Uncertainty and Distributed Power. Edited by J. Newig, J.-P. Vos and J. Monstadt. – London & New York: Routledge, 2008. – P. 107-122.
- Nauchnaya osnova strategii ustoichivogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii / Pod obshchei red. M.Ch. Zalikhanova, V.M. Matrosova, A.M. Shelekhova [Scientific foundations of sustainable development strategy / Under general editorship of M.Ch. Zalihanov, V.M. Matrosov, A.M. Shelekhov]. – M.: Izd-vo GD RF, 2002. – 392 p. (In Russian)*
- NAZARCHUK A.V. *Ponyatie deliberativnoi politiki v sovremennom politicheskom protsesse* [The concept of deliberative politics in modern political process]. IN: Polis. – 2011. – No. 5. – P. 99-103. (In Russian)
- NIKOVSKAYA L.I., YAKIMETS V.N. *Publichnaya politika v regionakh Rossii: tipy, sub"ekty, instituty i sovremennye vyzovy* [Public politics in Russia’s regions: types, subjects, institutions and modern challenges]. IN: Polis. – 2011. – No. 1. – P. 80-96. (In Russian)
- NIKOVSKAYA L.I., YAKIMETS V.N. *Tipologiya publichnoi politiki v rossiiskikh regionakh* [Typologies of public politics in Russia’s regions]. IN: Sotsis. – 2011. – No. 3. – P. 56–66. (In Russian)
- Novaya paradigma razvitiya Rossii v XXI veke. Kompleksnoe issledovanie problem ustoichivogo razvitiya: idei i rezul'taty. Pod redaktsiei V.A. Koptyuga, V.M. Matrosova, V.K. Levashova. Izd. 2-e. [New paradigm of Russia’s development in 21 century. V.A. Koptyug, V.M. Matrosov, V.K. Levashov Eds.]. – M.: Academia, 2000. – 416 p. (In Russian)*
- O’CONNOR M. The “Four Spheres” Framework for Sustainability. IN: Ecological Complexity. – 2006. – Vol. 3. – Issue 4. – P. 285-292. doi.org/10.1016/j.ecocom.2007.02.002

OSTROM V. *Smysl amerikanskogo federalizma. Chto takoe samoupravlyayushcheesya obshchestvo* [The meaning of American federalism. Constituting a self-governing society] – М.: «Арена», 1993. – 320 p. (In Russian)

Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keis stadi [Public realm: theory, methodology, case study]. – М.: ООО «Variant»: TsSPGI, 2013. – 360 p. (In Russian)

Regional'nye politicheskie protsessy: naskol'ko "sub"ektny" sub"ekty RF? [Regional political processes: how much "subjectness" subjects of RF are able to have?]. IN: Polis. – 2013. – No. 5. – P. 59-76. (In Russian)

Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. – N.Y.: United Nations, 1987. – 247 p.

SELMAN P. Local Authorities' Initiatives in Support of Agenda 21 – Europe. IN: Area Studies – Europe. Regional Sustainable Development Review / Edited by Alexander Mather and John Bryden. – Oxford, UK: EOLSS Publishers Co. Ltd., 2009. – P. 136-159.

Strategiya i problemy ustoichivogo razvitiya Rossii v XXI veke. Pod redaktsiei A.G. Granberga, V.I. Danilova-Danil'yana, M.M. Tsikanova, E.S. Shopkhoeva [Strategies and problems of Russia's sustainable development in 21 century. A.G. Granberg, V.I. Danilov-Danil'yan, M.M. Cikanov, E.S. Shophoev Eds.]. – М.: ЗАО «Izdatel'stvo «Ekonomika», 2002. – 414 p. (In Russian)

Sustainable Development and Subnational Governments. Policy-Making and Multi-Level Interactions. Edited by Hans Bruyninckx, Sander Happaerts and Karoline Van den Brande. – London: Palgrave Macmillan, 2012. – 269 p.

The Politics of Sustainable Development: Theory, Policy and Practice within the European Union. Edited by S. Baker, M. Kousis, D. Richardson and S.C. Young. – London; New York: Routledge, 1997. – 276 p.

VANYUSHIN V.A. *Ustoichivoe razvitie obshchestva* [Sustainable Development of Society] – М.: Ankil, 2002. – 143 p. (In Russian)

ZAITSEV A.V. *Deliberativnaya demokratiya kak institutsional'nyi dialog vlasti i grazhdanskogo obshchestva* [Deliberative democracy as institutional dialog of (state) power and society]. IN: NB: Problemy politiki i obshchestva. – 2013. – No. 5. – P. 29-44. (In Russian)

Наши авторы

Боров Аслан Хажисмелович – канд. ист. наук, доцент, заведующий Центром социально-политических исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: aslan-borov@mail.ru

Булатов Башир Булатович – д-р ист. наук, профессор, декан исторического факультета, заведующий кафедрой истории России XX-XXI вв. ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»

E-mail: dekanif@mail.ru

Геграев Хаким Камилевич – канд. ист. наук, доцент, директор Института социальной работы, сервиса и туризма ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: gegra70@mail.ru

Дегоев Владимир Владимирович – д-р ист. наук, профессор, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (ИМИ МГИМО)

E-mail: ccs@mgimo.ru

Кажарова Инна Анатольевна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: barsello@rambler.ru

Карданова Залина Музарифовна – магистрант 2 года обучения направления «Филология» Института истории, филологии и СМИ ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: rjhlfyjdf@mail.ru

Кузьминов Петр Абрамович – д-р истор. наук, доцент, профессор кафедры истории России Института истории, филологии и СМИ ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: petrakis_hist@bk.ru

Османов Ахмед Ибрагимович – д-р ист. наук, профессор, член-корр. РАН, главный научный сотрудник ФГБНУ «Институт истории, археологии и этнографии» Дагестанского научного центра РАН

E-mail: osmanov1935@yandex.ru

Сефербеков Руслан Ибрагимович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Институт истории, археологии и этнографии» Дагестанского научного центра РАН

E-mail: ruslan.seferbekov@yandex.ru

Трапш Николай Алексеевич – канд. ист. наук, доцент, директор государственного архива Ростовской области, доцент кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений Южного Федерального университета

E-mail: tirpizn@sfedu.ru

Тхагапсоев Хажисмель Гисович – д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии Института истории, филологии и СМИ ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: gapsara@rambler.ru

Узнародов Игорь Миронович – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики, политики и глобализации ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет» (РИНХ)

E-mail: iguz2010@yandex.ru

Хамдохова Жанна Мухамедовна – канд. социол. наук, старший научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: janenal@mail.ru

Хежева Лена Хабиловна – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры кабардино-черкесского языка и литературы Института истории, филологии и СМИ ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: rjhlfyjdf@mail.ru

Чегарнова Вера Николаевна – канд. ист. наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и права, начальник отдела профориентации и карьеры Северо-Кавказского института-филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Северо-Кавказский институт-филиал РАНХиГС)

E-mail: werakmv@yandex.ru

Шафранова Ольга Ивановна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского Федерального университета

E-mail: shafranova@yandex.ru

Кавказология

Caucasology

№ 1 / 2018

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-1